Российская
академия наук
Институт
славяноведения

Центрально-
европейские
исследования
Выпуск ②

Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время

Москва – 2004

inslav

Российская академия наук
Институт славяноведения

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 2

Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время

(Памяти Владимира Павловича Шушарина)

Москва 2004

inslav

Редколлегия

Т.М. Исламов, А.С. Стыкалин (ответственный редактор), М.К. Юрасов

Рецензенты:

доктор исторических наук М.А. Васильев
кандидат исторических наук П.В. Лукин

Работа издана при содействии Культурного, научного и информационного центра Венгерской республики в Москве (директор И. Киш)
и кафедры истории России Будапештского университета (руководители Д. Свак и Т. Краус)

ISBN 5-7576-0161-2

© Институт славяноведения РАН, 2004

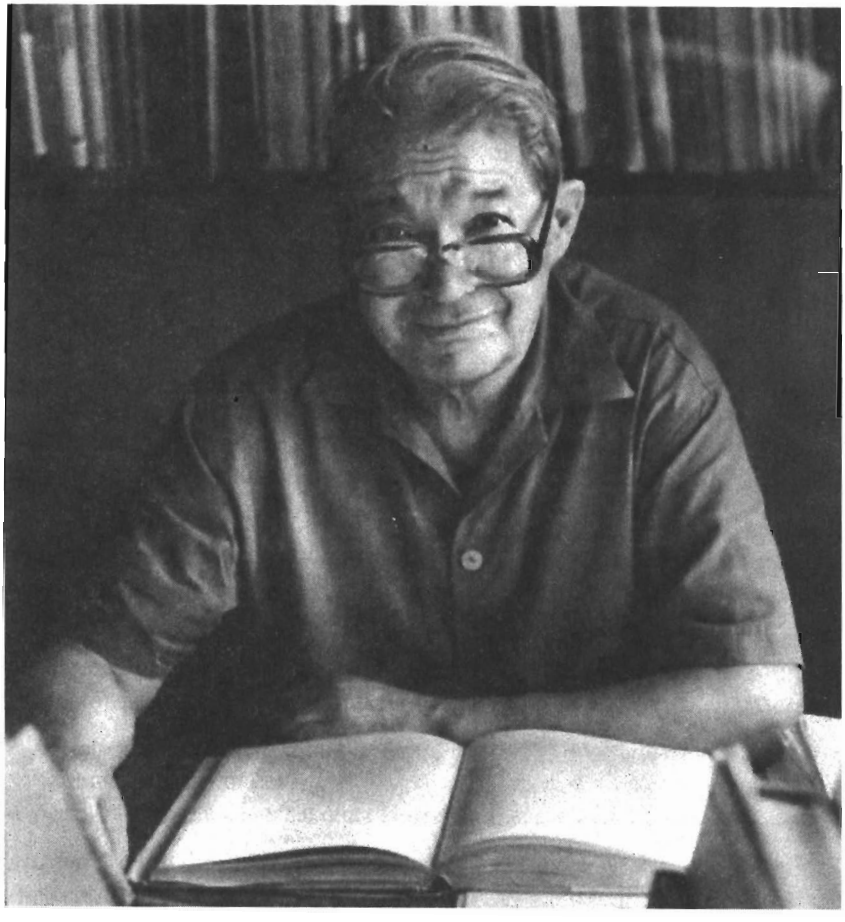
inslav

Сборник посвящен памяти историка-медиевиста, источниковеда, специалиста по истории Венгрии в Средние века и раннее Новое время В.П. Шушарина. Помещенные статьи раскрывают различные аспекты истории и культуры Центральной Европы в Средние века и Новое время.

The collection of articles is dedicated to the memory of the historian-medievalist, expert on medieval and early modern history Vladimir P. Shusharin. The articles of the volume discuss different aspects of history and culture of Central Europe in the Middle Ages and Early Modern Time.

inslav

inslav



inslav

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Павлович Шушарин (1924–1999) (*А. Стыкалин*) 13

Статьи

Б.Й. Желицки (Москва).
Венгры в Европе: идентичность и региональная принадлежность (проблема переплетения исторических и современных черт венгерской региональной идентичности) 19

Дюла Кришто (Сегед).
Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов (*Пер. Б.Й. Желицки*)..... 41

М.К. Юрасов (Москва).
Киевская Русь и королевство Венгрия: первые политические и межконфессиональные контакты 54

А.В. Ратобыльская (Москва).
«Старшие» и «младшие», «богатые» и «бедные» в законах Иштвана I 75

Марта Фонт (Печ.).
Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.) (*Пер. В.П. Шушарина под редакцией М.К. Юрасова*) 86

Жигмонд Пал Пах (Будапешт).
Тридцатина в Трансильвании и Валахии в первой половине XV века (*Пер. Ч.Б. Желицки*) 116

Т.П. Гусарова (Москва).
Венгрия под властью Габсбургов в XV–XVII веках (исторические оценки в прошлом и настоящем) 127

inslav

К.Т. Медведева (Москва).
Венгерское государственное собрание
1608 года в описании венецианского посла Марина Кавалли **139**

Б.Н. Флоря (Москва).
Миклош Дьюрки – первый русский агент в Варшаве **154**

О.В. Хаванова (Москва).
К знаниям и национальному единству поверх политических границ.
Трансильванские дворяне в учебных заведениях
монархии Габсбургов в XVIII веке **162**

Ч.Б. Желицки (Москва).
Национальная идея и государство в воззрениях Йожефа Этвёша **182**

А.Г. Айрапетов (Тамбов).
Язык исторических воспоминаний и личность мемуариста
(на материале венгерской мемуаристики начала XX века)..... **190**

А.Н. Дмитриев (Санкт-Петербург).
«Романтический антикапитализм»:
позиция Дьердя Лукача в период первой мировой войны
и революции 1918 года **196**

М.Ю. Чуканов (Калуга).
Граф Альберт Аппони об условиях мирного договора
с Венгрией (1920 год) **211**

Ласло Иллеш (Будапешт).
Взгляды Дьердя Лукача на демократизацию –
в современном восприятии (*Пер. Ю.П. Гусева*) **227**

Я.В. Шимов (Прага).
Россия как необходимость.
Повторит ли Российская Федерация
судьбу Австро-Венгерской монархии? **246**

Ю.П. Гусев (Москва).
Фольклоризм в современной венгерской поэзии..... **260**

Рецензии

Т.М. Исламов (Москва).
История югославян империи Габсбургов
в освещении русских историков конца XX столетия..... **289**

inslav

А.С. Стыкалин (Москва).
Прокурорская дипломатия в действии.
Вышинский в Румынии. 1944–1946
(Размышления над книгой)..... 314

А.С. Стыкалин.
Новый источник по истории внешней и
внутренней политики СССР в 1950-е годы.
К выходу в свет мемуаров Д.Т. Шепилова 325

•••••••

Антал Йожа (Будапешт).
Из воспоминаний о В.П.Шушарине
(*Пер. Ч.Б. Желицки*) 335

•••••

Список основных работ В.П. Шушарина
(*Составитель А.С. Стыкалин* при участии *О.В. Хавановой*) 337

•••

Сведения об авторах 342

inslav

TARTALOM

Sztilakin A.Sz. (Moszkva). Vlagyimir Pavlovics Susarin (1924–1999) **13**

Tartalomjegyzék

Zseliczky B.J. (Moszkva).
Magyarok Európában: identitás és regionális hovatartozás (a magyar regionálisidentitás történeti és mai vonásainak összefonódása)..... **19**

Kristó Gyula (Szeged).
Oroszok az Árpád-kori Magyarországon
(*fordította Zseliczky B.J.*)..... **41**

Juraszov M.K. (Moszkva).
A Kijevi Rusz és a Magyar Királyság:
politikai és felekezetközi kapcsolatok kezdetei **54**

Ratobilszkaja A.V. (Moszkva).
«Idősek» és «ifjak», «gazdagok» és «szegények» I. István törvényeiben **75**

Font Márta (Pécs). Magyar-orosz politikai kapcsolatok a 12. században
(1118–1199) (*fordította Susarin V.P., szerkesztette Juraszov M.K.*) **86**

Pach Zsigmond Pál (Budapest).
A harmincad Erdélyben és Havasalföldön
a 15. század első felében (*fordította Zseliczky Cs.B.*) **116**

Guszarova T.P. (Moszkva).
Magyarország a Habsburgok uralma alatt
a 16-17. században (a múlt és a mai történetírás értékelései)..... **127**

Medvegyeva K.T. (Moszkva).
Az 1608. évi magyar országgyűlés Marina Cavalli
velencei követ leírásában **139**

inslav

Florja B.N. (Moszkva).
Az első orosz ügynök Varsóban – M.Gyurki 154

Havanova O.V. (Moszkva).
Politikai határok felett a tudás és a nemzeti egység felé. Erdélyi nemesek a Habsburg-monarchia tanintézeteiben a 18. században 162

Zseliczky Cs.B. (Moszkva).
Nemzetiség és állam Eötvös József eszmerendszerében 182

Ajrapetov A.G. (Tambov, Oroszország).
A történelmi memoárok nyelvezete és az emlékíró személyisége (a 20. század eleji magyar emlékirodalom alapján) 190

Dmitrijev A.N. (Szentpétervár).
«Romantikus antikapitalizmus»:
Lukács György pozíciója az első világháború és az 1918-as forradalom idején 196

Csukanov M.J. (Kaluga, Oroszország).
Apponyi Albert gróf az 1920-as magyar békeszerződés feltételeiről 211

Illés László (Budapest).
Lukács György nézetei a demokratizálásról – visszatekintve a mából (*fordította Guszev J.P.*) 227

Simov J. (Prága).
Oroszország mint szükségszerűség.
Az Osztrák-Magyar Monarchia sorsára jut-e az Oroszországi Föderáció? 246

Guszev J.P. (Moszkva).
Folklórizmus a mai magyar költészetben 260

Recenziók

Iszlamov T.M. (Moszkva).
A Habsburg-birodalombeli délszlávok története a 20. század végi orosz történészek megvilágításában 289

Sztikalin A.Sz. (Moszkva).
Akcióban az ügyészdiplomácia. Visinszkij Romániában. 1944–1946. (Elmélkedés egy könyvről)..... 314

inslav

Sztikalin A.Sz. (Moszkva).
Újabb kútfő az 1950-es évek szovjet kül- és belpolitikai
történetének tanulmányozásához. D.T. Sepilov
visszaemlékezéseinek megjelenése elé **325**

●●●●●●●

Józsa Antal
V.P. Susarinra emlékezik (*fordította Zseliczky Cs.B.*) **335**

●●●●●

V.P. Susarin írásai és az azokról írt recenziók
válogatott bibliográfiája (*összeállította Sztikalin A.Sz. Havanova O.V.*
közreműködésével) **337**

●●●

Szerzőkről **342**

inslav

Владимир Павлович Шушарин (1924–1999)

Владимир Павлович Шушарин – видный историк-медиевист, один из признанных авторитетов российской исторической унгаристики – родился 1 мая 1924 г. в Курганской области в семье служащего, юриста по образованию, и учительницы. Детство и юность провел в Челябинске. В 1942 г., вскоре по окончании средней школы, был призван в действующую армию, сражался на Карельском фронте, ранен. Впоследствии в кругу близких людей за В.П. Шушариным на всю оставшуюся жизнь закрепилось дружеское прозвище «Сержант». И в науке он оставался тем же «сержантом» – скромным тружеником, никогда не гнушавшимся будничной, черновой работы – археографической, переводческой, организационной. Даже и в зрелые годы, когда его труды получили настоящее признание коллег в своей стране и в Венгрии.

Демобилизовавшись в 1947 г. из армии, В.П. Шушарин поступил на исторический факультет МГУ, где проходил обучение по кафедре истории средних веков возможно, самой сильной в то время на истфаке (достаточно вспомнить Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина, С.Д. Сказкина).

С начала 1950-х годов в СССР в силу вполне понятной политической конъюнктуры все больше внимания стало уделяться изучению истории стран «народной демократии». Вводятся новые специализации в Московском университете, а также в аспирантуре Института истории АН СССР. Причем если историческая славистика имела не только давнюю и богатую традицию в России, но и определенную институциональную базу в Советском Союзе того времени (с 1939 г. в МГУ существовала кафедра истории южных и западных славян, а в 1947 г. был образован Институт славяноведения АН СССР), совсем по-иному обстояло дело с историей Венгрии, Румынии, Албании. Начинающим историкам, избравшим эти страны в качестве предмета изучения, было гораздо труднее получить консультации мэтров по узкоспециальным, конкретным, страноведческим (а не только по общим методологическим) проблемам, приходилось больше рассчитывать на собственные силы, в некоторых случаях идя по историографической целине (контакты с коллегами в самих изучаемых странах, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже, со второй половины этого десятилетия).

В.П. Шушарин, начав специализироваться по средневековой истории земель венгерской короны (включая Трансильванию), подобно многим представителям своего поколения, после нескольких лет войны засевшим за книги

inslav

мих изучаемых странах, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже, со второй половины этого десятилетия).

В.П. Шушарин, начав специализироваться по средневековой истории земель венгерской короны (включая Трансильванию), подобно многим представителям своего поколения, после нескольких лет войны засевшим за книги с удвоенной энергией, уже в студенческие годы добился первых результатов в науке. Его дипломная работа, посвященная крестьянскому восстанию 1437–1438 гг. в Трансильвании, получила высокую оценку в профессиональной среде, удостоена Ломоносовской премии. Из этой работы впоследствии выросли кандидатская диссертация о крестьянских восстаниях в средневековой Венгрии, защищенная в 1956 г., и первая монография В.П. Шушарина «Крестьянское восстание в Трансильвании (1437–1438)», опубликованная в 1963 г. Углубляясь в изучение крестьянских восстаний, Владимир Павлович закономерно выходит на более общие проблемы аграрных отношений в феодальной Венгрии. В 1956 г. в его совершенном переводе, выполненном в годы учебы в аспирантуре, на русском языке издается фундаментальная работа И. Ачади «История венгерского крепостничества», одно из классических произведений венгерской позитивистской историографии эпохи позднего дуализма.

По окончании аспирантуры истфака МГУ В.П. Шушарин недолго работал в Фундаментальной библиотеке АН СССР (ныне ИНИОН РАН), откуда в 1957 г. пришел в Институт истории. После реорганизации в 1968 г. этого института он стал сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР, с которым и был связан до конца жизни. Среди учителей и старших коллег В.П. Шушарина, повлиявших на его становление, были М.М. Смирин, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.П. Окладников, В.Т. Пашуто, Ю.В. Бромлей. Долгие годы дружбы и сотрудничества связывали его с Г.Г. Литавриным и Т.М. Исламовым.

Оказавшись в Институте истории, В. Шушарин вначале работал в секторе, занимавшемся отечественной историей периода феодализма. Здесь он сосредоточился на изучении современной зарубежной историографии. Вслед за рядом статей в 1964 г. вышла из печати его капитальная монография «Современная буржуазная историография Древней Руси». Впрочем, тщательное изучение историографии для Владимира Павловича было лишь необходимой предпосылкой самостоятельного углубления в первоисточники. Результатом их кропотливого изучения стала работа «Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских памятниках» (в коллективном труде «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965), а также исследование о русско-венгерских связях в период раннего Средневековья в книге «Международные связи России до XVII в.» (М., 1961).

К середине 1960-х годов на первое место в сфере научных интересов В.П. Шушарина окончательно выходит унгаристика, которую он всегда по-

inslav

нимал широко – как историю венгерского этноса в его этнических границах, никогда не совпадавших с границами государственными, и как историю его сложнейших взаимоотношений с другими народами, в первую очередь теми, что населяли историческую Венгрию – земли короны святого Стефана (Иштвана). Ознакомление с основными тенденциями современной зарубежной историографии средневековой Восточной и Центральной Европы, равно как и опыт работы с широким кругом первоисточников, полученный при изучении древнерусского государства в его внешних связях, – все это стало для В.П. Шушарина хорошей профессиональной школой, которая несомненно помогла ему сформироваться как унгаристу-медиевисту широкого профиля. А надо сказать, что круг научных интересов Владимира Павловича включал без малого тысячелетие – от начала миграции мадьярских племен с Урала и Поволжья в Причерноморье, а затем и на берега Дуная в IX в. вплоть до полного включения королевства Венгрия в империю Габсбургов в результате вытеснения турок из Среднего Подунавья в конце XVII в. армиями Евгения Савойского и Яна Собеского (верхняя хронологическая грань тематики опубликованных работ В.П. Шушарина по истории Венгрии и Трансильвании – последняя четверть XVIII в.).

В 1971 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР выходит в свет этапный в жизни Шушарина-ученого первый том «Истории Венгрии», в котором ему, ответственному редактору тома, принадлежала основная часть текста, около 550 страниц. Восторженно принятый историками Венгрии, сразу признавшими в В.П. Шушарине прекрасного знатока не только венгерской историографии, но и всего обширного массива первоисточников по истории мадьярского этноса в Средние века, этот труд вместе с тем вызвал явное непонимание словацких коллег и крайнее неудовольствие идеологов режима Чаушеску в Румынии. Истоки возникшего конфликта лежали в области политики, а не науки. Как и подобало серьезному ученому, для которого существовали только факты, В.П. Шушарин не мог обойти вопрос об общности исторических судеб Венгрии, Словакии и Трансильвании. Особенно обильно была представлена в книге трансильванская тематика. Не удивительно, ведь после падения средневекового венгерского королевства в результате поражения в 1526 г. от турок в битве под Мохачем именно Трансильванское княжество на протяжении полутора столетий было не только единственным оплотом венгерской государственности, не прервавшей таким образом своей средневековой традиции, но и главным средоточием национальной культуры. Но с точки зрения идеологической конъюнктуры неудобные факты подлежали замалчиванию и искажению. Призрак великомадьярского ревизионизма, то и дело мерещившийся официальному Бухаресту, заставил придворных обществоведов Чаушеску воспринять академический труд по истории Венгрии как

inslav

посягательство на законные исторические права Румынии на свои западные земли, унаследованные в 1920 г. от Австро-Венгерской монархии. Факты истории, несовместимые с устоявшимися стереотипами социалистического содружества, пришлись не по душе и кое-кому из сотрудников соответствующих отделов ЦК КПСС – тем более, что работа В.П. Шушарина дала румынской стороне повод для демаршей, угрожавших образованием новых трещин в советско-румынских отношениях, далеко не идеально складывавшихся в «эпоху застоя». Хотя исследование В.П. Шушарина было ценно уже тем, что в нем делалась попытка раскрыть глубокие исторические корни никогда не прекращавшихся межнациональных конфликтов в Средней Европе, оно было создано явно не ко времени: говорить и тем более писать о каких-либо трениях в соцсодружестве в 1970-е годы было не принято. Поэтому не только в Бухаресте или Братиславе, но и в Москве, на Старой площади, к выходу первого тома «Истории Венгрии» отнеслись с определенным раздражением. Бескомпромиссность Владимира Павловича в отстаивании своих убеждений, не всем казавшихся бесспорными и дома, в родном коллективе, не слишком-то благоприятствовала его научной карьере. Докторскую диссертацию он защитил по совокупности трудов в 67 лет, уже после падения в Румынии национал-коммунистического режима.

Только в последние годы жизни В.П. Шушарин смог опубликовать некоторые основные свои труды, ставшие результатом многолетних штудий. Вслед за «Краткой историей Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991), написанной в соавторстве с Т.М. Исламовым и А.И. Пушкашем, вышли из печати монографии «Крестьянская война 1514 года в Венгрии» (М., 1994), «Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания» (М., 1992, 32 п.л.), «Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках» (совместно с М.П. Мургулия. М., 1998). В.П. Шушарину принадлежат и разделы в коллективных трудах «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма». Т. I–II (М., 1985–1986), «Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси» (М., 1988) и др., многочисленные статьи в научных сборниках и периодических изданиях, главы в учебных пособиях по истории средних веков, комментарии к документальным публикациям. Значительная часть научного наследия В.П. Шушарина до сих пор ждет выхода в свет: депонированный в ИНИОН РАН в 1990 г. трехтомный фолиант «Венгерский народ в XV–XVI веках» общим объемом более 1450 страниц, переведенные им на русский язык и прокомментированные средневековые венгерские источники («Деяния мадьяр» Анонима, «Венгерская хроника» Я. Туроци и др.), способные представить интерес отнюдь не только для унгаристов, но и для специалистов по средневековой истории других народов Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы.

inslav

Заслуги В.П. Шушарина по достоинству оценены венгерскими коллегами. Так, на его кончину откликнулись Институт истории ВАН, редакция главного исторического журнала «Сазадок», ряд крупных ученых. Историки-медиевисты Сегедского университета посвятили памяти В.П. Шушарина очередной выпуск своего продолжающегося научного издания «Acta Universitatis Scientiarum Szegediensis. Acta Historica» (T. CXIII. Szeged, 2001 /Szerk. Makk F.).

В.П. Шушарин стал одним из основателей Комиссии историков СССР и ВНР (впоследствии Комиссии историков России и Венгрии), первым ученым секретарем советской части этой комиссии. На рубеже 1980–1990-х годов он был среди инициаторов создания Всесоюзной унгарологической ассоциации, объединявшей специалистов из разных республик, а после распада СССР занялся созданием Российской унгарологической ассоциации, был избран первым ее председателем. По замыслу В.П. Шушарина эта организация должна была объединять специалистов разных профилей – ученых (филологов, историков, экономистов), а также переводчиков, журналистов, дипломатов, всех, кто профессионально занимался Венгрией. Намеченная программа работы ассоциации предполагала проведение конференций, круглых столов, серии лекций для всех интересующихся венгерской проблематикой. К сожалению, у Владимира Павловича уже не было сил для воплощения в жизнь своего замысла в полном объеме...

До самого последнего своего дня В.П. Шушарин жил заботами отечественной унгарологии. Когда в 1997–1998 гг. в процессе реорганизации Института славяноведения и балканистики в Институт славяноведения РАН на каком-то этапе вдруг возникла идея вывести унгаристику из стен института, Владимир Павлович реагировал на это не только с болью, но и с иронией. Мадьяры, еще в IX в. вбившие клин между западным и южным славянством, настолько сплели свою судьбу с судьбами славянской общности, что игнорировать венгерский контекст при изучении славянского мира – пагубно для самой славистики.

Немало времени и энергии В.П. Шушарин отдавал воспитанию молодежи. Осенью 1997 г., едва оправившись после тяжелейшей операции, он прочитал в РГГУ блистательный спецкурс по средневековой истории Венгрии, который с пользой для себя посещали не только студенты, но и остепененные историки молодых и средних поколений. После кончины Владимира Павловича 20 октября 1999 г. его дело продолжили ученики, которых он по-отечески пестовал, передавая им не только сугубо методологические навыки, но и свои представления о научной этике – А.В. Горизонтова (Ратобыльская), М.К. Юрасов в Москве, К.К. Шовш на Украине.

А. Стыкалин

inslav

Статьи

inslav

Б.Й. Желицки

Венгры в Европе: идентичность и региональная принадлежность (проблема переплетения исторических и современных черт венгерской региональной идентичности)

Наряду с делением Европы на стабильные географические регионы (как, например, Балканы или Скандинавия) существует регионализация по менее устойчивым признакам. Глобальные геополитические факторы, большая международная политика, как показывает история, временами активно вмешиваются в процесс формирования региональных общностей европейских народов и государств, влияя на него, а иногда и кардинально меняя веками сложившееся и, казалось бы, устойчивое соотношение между регионами, перекраивая границы между ними, приводя даже к исчезновению некоторых из них. Достаточно сослаться на политологическую литературу 1950–1980-х годов, чтобы констатировать почти полное «исчезновение» такого некогда мощного фактора в истории, как Центральная Европа. Дело в том, что в геополитическом смысле этот регион в условиях Потсдамской системы утратил свое значение, будучи разделенным на две части, относившиеся соответственно к Западной и Восточной Европе. При разделенности Европы на два противостоящих политических блока термин «Центральная Европа», вытесненный из политической литературы, продолжал встречаться разве что в трудах историков, занимавшихся развитием этого ареала в XIX – первой половине XX в.

Процесс размывания этой разделительной черты, десятилетиями именовавшейся «железным занавесом», начался еще в конце 1970-х годов, а в условиях второй половины 1980-х, по мере смягчения международной напряженности, все больше усиливался, с тем, чтобы завершиться в 1989 г. сносом берлинской стены. Именно в те годы в постсоветских странах и заговорили о «возвращении» в Европу, «общеевропейском доме» и т. д. Определенный ренессанс центральноевропейской идеи явился новым выражением региональной самоидентификации целого ряда народов, населяющих географический центр Европы. Конечно, самоидентификация народов – понятие многоплановое, имеющее различные уровни, однако прежде всего оно выражает принадлежность к определенной общности, которая складывалсь веками и напомнила о себе в изменившихся исторических условиях. Чтобы понять исторические корни центральноевропейской идеи, осознать, почему в странах

inslav

Центральной Европы на новом историческом витке обратились к уточнению и пересмотру региональной идентичности, интересно было бы рассмотреть опыт Венгрии.

Исторически сложилось так, что цивилизационные импульсы (от промышленного переворота в раннее новое время до современной компьютерной революции) исходили с Запада. При этом надо иметь в виду, что западноевропейская цивилизация со временем была перенесена и в Северную Америку, также идентифицирующую себя – при всех различиях в менталитете – с понятием «Запад». Центральная Европа была вынуждена постоянно догонять в своем развитии более передовые страны, формулируя свою идентичность с учетом такого отставания, но принимая во внимание также и общую принадлежность к «европейскому дому». Немалую роль играл и собственный исторический опыт. Идея взаимопомощи и сотрудничества, заложенная еще в средние века королями Венгрии, Польши и Чехии, а затем наполнившаяся в условиях Австро-Венгерской монархии новым содержа-нием, весьма успешно утверждалась в сознании народов Центральной Европы, формируя своеобразную историческую общность и менталитет, имеющий соответствующие характеристики. Следует, правда, учитывать, что в политическом сознании части народов Европы закрепился несколько другой, более поздний образ центральноевропейской идеи, а именно связанный с Германией, ее доминцией в регионе. Наиболее концентрированное выражение он нашел в плане «Миттель-Европы». Содержащийся в нем гнетущий идеологический стереотип, разумеется, и сегодня довлеет над подходом к проблеме, хотя центральноевропейскую идею и менталитет не следует связывать, а тем более отождествлять с этим понятием. Ведь как изначальный, так и современный, возродившийся в 1980-е годы вариант центральноевропейской идеи имеет иной смысл, несет принципиально другой заряд, иное содержание и охватывает прежде всего культурно-историческую, ментальную сферу человеческого бытия. На этой идее базируется самоидентификация народов Центральной Европы, в том числе венгров, которая формировалась веками, зародившсь задолго до возникновения современных наций. В средние века главной объединяющей народы Европы идеей была принадлежность к христианству, понятия «христианский мир» и «Европа» иногда воспринимались как тождественные. Центральноевропейская идентичность зарождалась и формировалась в рамках общеевропейской цивилизационной или христианской идентичности, в качестве ее региональной составляющей. Раскол христианства на западную (католическую) и восточную (православную) ветви, равно как и последующее появление лютеранства и кальвинизма, других вариантов протестантско-реформатской веры, образование национальных государств в Европе, а следовательно, возникновение дополнительных раз-

inslav

граничительных линий в рамках общеевропейской идентичности – все это способствовало появлению новых локальных форм идентичности, которые разнообразили структуру, но не разрушали все же эти рамки.

Какими видели себя венгры, каков был их образ в глазах соседей на протяжении веков? Ответ на этот вопрос позволяет определить место и роль венгров в Европе. Прибыв 1100 лет тому назад, на завершающей волне «великого переселения народов», из степей Южного Урала в Карпатско-Дунайский бассейн, венгры воспринимались христианской Европой как пришельцы-«азиаты». Создав в центре Европы довольно могущественное государство, венгры не стеснялись своего происхождения, а сделали его источником силы и национальной самобытности, доказав вместе с тем свою способность стремительно приобщиться к европейской цивилизации – они быстро стали европейцами, восприняв христианские ценности и культуру Запада. Выбор, совершенный королем Иштваном I, поставил Венгрию на вполне определенные рельсы развития, с которых она, несмотря на исторические бури, проносившиеся над регионом, не сошла и ныне. Вся история венгров свидетельствовала об их приверженности европейским западнохристианским ценностям и культурным традициям, что особенно отчетливо проявилось, например, в период расцвета венгерского королевства в эпоху правления короля Матяша Корвина. Иными словами, венгры и Венгрия органически вписались в Европу и утвердили свое место в восточной части Центральной Европы, следовательно, стали центральноевропейским народом.

Говоря о месте венгров среди соседних народов (в первую очередь, немцев и славян), хотелось бы обратить внимание на довольно меткое, сохраняющее известную актуальность и сегодня определение, данное русским ученым конца XIX в. К.Я. Гротом: «Никому из инородцев, ни литовцам, ни северозападным финнам, ни румынам, ни тем менее албанцам, ни разным азиатским пришельцам, начиная с гуннов и кончая монголами, даже самим туркам не выпало на долю такой постоянной, деятельной и видной роли в этих германо-славянских отношениях, как народности мадьярской, и это конечно объясняется прежде всего географическим положением, занятым мадьярами в Европе, и условиями их исторического развития, а также конечно некоторым выдающимся свойствам их национального характера». «Мадьяры, – подчеркивал он далее, – нанеся само собою разумеется значительный удар дунайским славянам, образовали зато для них, следовательно вообще для германо-славянского мира сильный оплот против латино-германского Запада, какового это славянство, представленное одними своими разрозненными силами, в то время образовать еще не могло. История угорского государства последующих веков до конца прошлого века полна

inslav

фактами, свидетельствующими именно о таком значении этого нового политического двигателя в истории Средней Европы» [1].

Российский автор считал приход и обоснование венгров в центральной части Европы «желанным бичом для славян». В его словах была сформулирована и оценена с российских позиций роль венгров в Центральной Европе в качестве своеобразного щита, бастиона или буфера между славянским и германским миром. Он считал, что если бы не венгры, германский массив просто раздавил бы еще не успевшее окрепнуть раздробленное восточное славянство. Именно в таком противодействии германскому Drang nach Osten К.Я. Грот видел призвание, роль и функцию некогда могущественного венгерского государства в этом регионе. Следует отметить, что в историческом сознании венгров эту функциональную роль они играли вплоть до конца второй мировой войны, хотя она чаще находила выражение в формулировках типа: «Венгрия – мост и связующее звено между Востоком и Западом». На деле это означало, что акцент с венгерской стороны делался на роль венгров именно в соединении, а не разделении различных частей Европы. Подобная функция Венгрии в Центральной Европе при всех вариациях охотно признается венграми и в современных трактовках. Об одной из попыток исполнения указанной роли можно говорить и применительно к рубежу 1980–1990-х годов, когда в Европе происходили коренные геополитические перемены.

Свою европейскую принадлежность, идентичность или, как выражаются сами венгры, «европейскость», т. е. приверженность совершенно определенным ценностям цивилизации и культуры, венгерский народ подтверждал на деле. Не только в представлении самих венгров, но объективно Венгрия на протяжении веков была одним из форпостов европейской цивилизации и христианской культуры, бастионом, не раз защищавшим Западную Европу от различных посягательств извне. Здесь достаточно сослаться на ее роль в период татаро-монгольского, а затем и оттоманского нашествия на Европу – ведь отчасти именно в Венгрии было остановлено дальнейшее продвижение этих полчищ, наводивших страх на весь западный христианский мир. При этом нелишне заметить, что цивилизованный Запад далеко не всегда отвечал венграм взаимностью и благодарностью за ту роль, которую волею судеб они сыграли в противостоянии нашествиям с Востока. Как известно, значительная часть Венгрии надолго оказалась под оттоманским игом, другая потеряла самостоятельность и лишь ее восточная окраина вместе с Трансильванией сумела сохранить относительную независимость. Весь этот опыт, аккумулированный венгерским национальным сознанием, безусловно, остался в исторической памяти нации и оказывает влияние на политическое мышление венгров и в наши дни.

inslav

Наряду с чувством принадлежности к западному христианскому миру в широком понимании у венгров сформировалась и специфическая региональная центральноевропейская идентичность, осознание себя частью многонациональной общности Центральной Европы. Складыванию такой идентичности способствовало положение венгров, как и некоторых их соседей, на стыке западных и восточных влияний. Венгерская земля постоянно становилась ареной противоборства этих влияний, что было источником как силы, так и многочисленных испытаний для населявшего ее народа. Важнее всего, однако, то, что соперничество Запада и Востока в борьбе за Венгрию вело к осознанию венграми себя в качестве своеобразного посредника между различными культурами.

Центральноевропейская региональная идентичность венгров значительно углубилась в сознании населения страны уже после изгнания турок, когда Венгрия оказалась под властью австрийских Габсбургов. Сосуществование целого ряда народов под крышей одного государства, несомненно, способствовало их сближению, развитию регионального сознания. В условиях XIX в., когда происходил процесс формирования современных наций, начали складываться условия для возникновения не только региональной, но и национальной идентификации народов, причем одно нисколько не исключало, а только лишь дополняло другое. Нельзя в то же время отрицать, что углубление национального сознания стимулировало отдаление народов друг от друга, их взаимное противопоставление. Итогом такого исторического развития явилось расхождение народов региона по отдельным национальным квартирам уже в условиях Версальской системы.

Процессы углубления национального сознания в XIX в. не обошли стороной и австрийских немцев, стимулировав германизаторские тенденции в политике Габсбургов. Попытки германизации, однако, вызывали яростное сопротивление со стороны венгров, как и некоторых других народов монархии. Что касается венгров, то они сначала добились признания за своим языком статуса государственного языка на землях венгерской короны, а затем первыми провозгласили свою национальную независимость. Революция и национально-освободительная борьба венгерского народа 1848–1849 гг. были, как известно, подавлены. Последующее примирение Габсбургов с венграми и преобразование Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию, хотя и смягчили на некоторое время противоречия, все же не решили национальную проблему. К началу XX в. заметно ускорился процесс атомизации этой крупнейшей многонациональной державы, на существовании которой зиждилась сама идея центральноевропейской идентичности.

В ходе первой мировой войны именно вследствие нерешенности национальной проблемы монархия начала трещать по всем швам, и в конце войны

inslav

произошел ее распад. Процесс этот имел продолжение во времени – вплоть до на-ших дней, доведя, в частности, до распада таких многонациональных стран–наследниц бывшей Австро-Венгерской монархии, как Югославия и Чехословакия.

Во второй половине XIX в. венгры, еще надеясь на сохранение многонациональной структуры венгерской половины монархии, пытались, хотя не всегда успешно и умело, проводить более либеральную национальную политику. Как утверждает на страницах нового центральноевропейского регионального многоязычного журнала «Европейский путешественник» председатель Союза венгерских писателей Бела Помогач, процессы демократического развития тогда затронули все народы исторической Венгрии. «На самом деле, – считает Помогач, – национальная культура и национальная иден-тичность невенгерских народов Карпатского бассейна не подавлялись. Наоборот, им предоставлялись все возможности для формирования и развития национальной идентичности, что подтверждается хотя бы тем фактом, что колыбель словацкой, а отчасти также румынской и сербской национальных культур была именно в старой Венгрии» [2]. О том, что это утверждение отнюдь не голословно, свидетельствуют хотя бы отклики английского ученого А. Петерсона, который на рубеже 1860–1870-х годов провел в Венгрии два года и оставил объемную книгу о стране и ее жителях. Будучи сторонником национального государства, англичанин полагал, что венгры либо должны сделать всех жителей страны венграми, либо сами станут со временем немцами или славянами. «Высказывая подобное мнение, я хорошо понимаю, что встречу немало возражений со стороны венгерцев, – писал он. – Они же все убеждены в том, что как было до сих пор, так будет и впредь, т. е. венгры, словаки и румыны по-прежнему будут жить друг подле друга, с той лишь переменой к лучшему, что теперь они будут жить между собой в мире и братской любви, пользуясь всеми благами национального равенства. Я же, напротив, полагаю, что... каждая страна должна стремиться к однородности относительно языка и национальных чувств» [3].

В конечном счете ни мрачный прогноз об исчезновении венгров, ни идиллические представления о братской любви между народами не оправдались. История показала, что национальная идентичность, как правило, оказывается сильнее, нежели чувство общности с соседними, пусть даже родственными народами. В итоге Австро-Венгерская монархия была расколота на ее национальные составляющие. В конце первой мировой войны великие европейские державы, руководствуясь своими интересами, пошли на создание в регионе системы малых национальных государств, пренебрегая при этом этническими границами, что еще больше осложнило взаимоотношения между народами центральноевропейского региона, посеяв новые зерна националь-

inslav

ных противоречий. Прежнее европейское равновесие оказалось нарушенным, региональная общность проживающих в центре Европы народов была ослаблена, усилился национализм в различных его проявлениях. На месте ушедшей в небытие Австро-Венгерской монархии образовался своего рода политический вакуум и народы малых стран региона в межвоенные годы могли особенно убедиться в своей слабости, явно выразившейся в их неспособности противостоять поползновениям Гитлера.

Таким образом, разделение народов по «национальным квартирам» безусловно ослабило сопротивляемость восточной части Центральной Европы агрессиям извне, что обернулось хорошо известной трагедией для целого ряда стран и народов. В силу всего вышесказанного вряд ли следует удивляться тому, что в условиях назревавших перемен и преобразований второй половины 1980 – начала 1990-х годов народы региона снова заговорили о центральноевропейской идее, попытались возродить свой региональный менталитет, если не на политическом, то хотя бы на культурном уровне.

Современная венгерская общественная мысль начиная с 1980-х годов все активнее обращалась к проблематике региональных и общеевропейских ценностей, определяя при этом место Венгрии в Европе. «Сегодня, в период сосуществования систем, – констатировал один из венгерских авторов в 1988 г., – по-прежнему последовательно и с неизбежностью во всех сферах жизни и мышления реализуются те же образы, такое же самоопределение, как и раньше... А это означает, что в XX веке все страны и нации (особенно если они небольшие) должны соизмерять собственную идентичность с крупными системами: как в философском, теоретическом и социальном плане, так и в вопросах их непосредственного взаимодействия друг с другом, на уровне поведенческих форм, вплоть до моды включительно» [4]. Основные и определяющие характеристики венгерской идентичности (будь то национальной, центральноевропейской или общеевропейской) сложились исторически и являются достаточно стабильными, продолжая определять национальное сознание венгров и сегодня. Иными словами: идентификационные определения, данные в прошлом, живы в сознании современного поколения венгров. Попробуем попристальнее взглянуть на параметры венгерского национального самосознания, на протяжении веков испытавшего на себе различные внешние воздействия.

Немало венгерских авторов (историков, журналистов, литераторов) обращалось к проблеме Центральной или Средней Европы, определяя принадлежность Венгрии к восточной части этого пространства, дефинируя данный регион в качестве «Восточно-Центральной Европы» или же «востока Срединной Европы». Например, И.Витани выразил принадлежность следующим образом: «Мы во всех отношениях находимся где-то посередине. Посередине

inslav

между Западом и Востоком, Севером и Югом, а географически мы являемся Центральной или же Восточно-Центральной Европой; в экономическом отношении по международной шкале мы считаемся среднеразвитым государством... желая подняться над этим уровнем... мы добиваемся лишь половины успеха; в общественном плане мы представляем собой такое специфическое образование, которое в равной степени имеет множество отличительных черт как от Западной, так и от Восточной Европы» [5]. Отметим, что за истекшие столетия венгерская национальная самоидентификация так и не сумела избавиться от подобной детерминированности. Экономические, общественные и духовные усилия венгров постоянно были направлены на преодоление существовавшего отставания от Запада. И это касается не только венгров. Характерно, что подобная теория и практика «догоняющего развития» касается как центральноевропейского, так и восточноевропейского регионов.

Серединное расположение Венгрии в Европе имеет, разумеется, свои плюсы и минусы. Можно говорить и о буфере, разделяющем Восток и Запад, и о мосте, связывающем их, т. е. о роли Венгрии как своеобразного посредника или передаточного звена между разными народами и культурами. Такое положение, с одной стороны, рождает немало проблем и противоречий, требующих постоянного разрешения, но с другой – сулит определенные выгоды, если использовать его во благо страны и народа. Эти плюсы и минусы в истории Венгрии проявлялись не раз, подтверждая перед внешним миром, как уже отмечалось, то защитные функции Венгрии в качестве форпоста западной цивилизации, то ее роль как буфера между славянским и германским этническими массивами. Но символы Венгрии, возникающие в процессе самоидентификации населяющего ее народа, вышеназванными функциями моста и буфера отнюдь не исчерпываются. Достаточно напомнить, например, об образе «страны-острова», одиноко стоящего в иноэтническом океане Европы, где рядом нет близких народов-родственников, или о восходящем к творчеству Э. Ади символе «страны-парома», причаливающего то к западному берегу, то к восточному (Венгерская Советская Республика 1919 г. и послевоенная Венгрия как член социалистического лагеря).

Все эти образы и символы Венгрии выражали на разных этапах ее истории именно центральноевропейскую принадлежность и идентичность венгров, которые так или иначе предполагают не только соседство, но и родство с Западной Европой по основным цивилизационным признакам. Как и весь центральноевропейский регион, Венгрия исторически была тесно связана прежде всего с Западом, хотя продолжала сохранять свои региональные особенности и национальный колорит. В то же время ее исторические связи с Востоком Европы также были достаточно интенсивны, особенно на начальном этапе становления и развития государственности, в эпоху раннего средне-

inslav

вековья, когда существовали тесные контакты с Византией и Древней Русью. Само географическое положение страны в Европе неизменно обусловливало необходимость и целесообразность общения и развития взаимосвязей как с западной, так и с восточной частями континента.

Для Венгрии и других стран этого региона «центральноевропейскость» – это не только своеобразный менталитет, образ жизни или принцип, базирующийся на региональной принадлежности, не только культурно-историческая данность, но и определенная, исторически сложившаяся детерминанта, с которой нельзя не считаться и которой нельзя пренебрегать без ущерба и соответствующих последствий. Исторический опыт новейшего времени, включая период после второй мировой войны, убедительно показывает, что политическая общность стран, если она не базируется на подлинной заинтересованности, на настоящих национальных интересах всех ее участников, не может быть долговечной. Достаточно яркий тому пример это – фактически навязанный восточной части Центральной Европы более чем 40-летний эксперимент по утверждению в регионе не только определенной социальной системы, но и связанной с ней идентичности. Не принятый народами региона, эксперимент в конце 1980-х годов закончился неудачей. Тогда и наступило для целого ряда стран время «возвращения в Европу». восстановления прерванных связей с ее западной частью, ибо изоляция противоречила самому естеству центральноевропейских государств, идее «центральноевропейскости». Данный процесс сопровождался ярким всплеском возрождения центральноевропейской идеи и идентичности.

Эта идея прошла довольно продолжительный путь развития от средневекового Вишеградского союза трех центральноевропейских государств вплоть до новой попытки ее возрождения в 80–90-е годы XX в. Германский вариант является лишь эпизодом – пусть и значительным – в процессе исторического развития центральноевропейской идеи, при том, что нередко между ними проводят знак тождества. В связи с этим целесообразно хотя бы кратко сказать об идейных истоках германской разновидности центральноевропейской концепции. Они лежали в стремлении немецких политиков к обеспечению гегемонии Германии в этом регионе. Подобные претензии особенно усилились после объединения Бисмарком германских земель. Однозначно определить границы «Миттель-Европы» в немецком политическом сознании (акцентировавшем, в отличие от вишеградской идеи, не столько равноправную общность стран и народов региона, сколько именно германскую гегемонию) весьма затруднительно, они расплывчаты и не всегда четко обозначены носителями данной идеологии, тем более, что сам этот план также имел свои как политические, так и культурные аспекты, связанные в каждом случае с экспансионистскими устремлениями немцев. Во всяком

inslav

случае упомянутые границы должны были охватить не только немецкие, но и более обширные инонациональные территории в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы.

Родоначальником плана «Миттель-Европа» считается генерал К.Ф. фон Кнесебек (1768–1848). В 1814 г., после победы над Наполеоном он пришел к выводу, что для установления баланса сил в Европе необходимо создать специальный Центральноевропейский союз из немецких государств, а также Австрии и Италии, который имел бы тесные союзнические отношения с Великобританией. Такой союз призван был помешать сближению России и Франции. Реализация этого замысла, с учетом существования Оттоманской империи, по мнению генерала, позволила бы изолировать Россию, на которую смотрели как на великую державу, стремящуюся к мировому господству. То есть, создание такого союза предполагало «защиту Европы от Востока» [6]. План фон Кнесебека, естественно, отвечал интересам прусской военщины, но практически не был реален, так как мало учитывал интересы народов Центральной Европы, а следовательно, не мог стать объединяющей идеей для региона, при том, что мысль об общности судеб и культур, необходимости сплочения народов региона, была и оставалась близка народам. Кроме того, этот план вызывал неприятие со стороны ряда великих держав Европы.

Несостоятельность вышеназванного плана выявилась сразу же после Венского конгресса 1815 г., когда известный австрийский политик К.Л. Меттерних, усердно работавший над созданием новой системы безопасности в Европе, попытался объединить германские государства под эгидой Вены. Его попытка встретила сопротивление со стороны великих европейских держав. После революции 1848 г. Австрия (заметно ослабевшая, потерявшая итальянские земли) уступила Пруссии в споре за право выступить в качестве собирателя немецких земель. Они были, как известно, объединены в 1871 г. О. Бисмарком, так что именно имперская Германия стала носительницей идеи по реализации плана «Миттель-Европы». В окружении канцлера большое внимание уделялось созданию единой таможенной политики Германии, Австро-Венгрии, Италии и Франции. Эта политика также преследовала цель не только экономического переустройства в центре Европы, но и переориентации торгово-экономических отношений четырех стран на взаимное сотрудничество.

Если поначалу интересы великих держав в Центральной Европе регулировались международными договорами, гарантировавшими стабильность и равновесие в регионе, то позже такая функция перешла к Австро-Венгрии, а затем все больше – к окрепшей Германии. Немецкие экономисты с конца 70-х годов XIX в. от идеи протекционистской таможенной политики эволюционировали к глобальной геополитической концепции «Миттель-Европы», в осно-

inslav

ву которой легла идея тесного экономического сотрудничества всех государств региона. Они считали, что если Германии не удастся объединить центральноевропейское пространство под своей эгидой, то в мире со временем утвердится господство трех империй – Великобритании, США и России. Австро-Венгрия, которой эта идея в случае реализации обещала прекращение конкурентной борьбы с Германией и определенную изоляцию России на Балканах в политической и экономической сферах, сочла возможным пойти на такую интеграцию с немцами.

Мирные созидательные условия,экономический и культурный подъем 70–90-х годов XIX в. способствовали укреплению регионального сознания центральноевропейцев, но последующее ослабление Австро-Венгрии, раздираемой межнациональными противоречиями, вскоре привело к усилению германского влияния во всем регионе. Начались известные потрясения, в итоге вылившиеся в две мировые войны. Уже с началом первой мировой войны в планах Германии произошли качественные сдвиги от чисто экономических устремлений к великогерманским идеям создания «Великой Центральной Европы» [7]. Впрочем, их реализация также имела экономический аспект, предполагая образование единого экономического пространства, к ядру которого предполагалось постепенно привлечь (наряду с Австро-Венгрией) Голландию и Швейцарию, четыре скандинавских государства (включая Финляндию), а также Италию, Румынию и Болгарию.

Логическим дополнением, а точнее своеобразной альтернативой «миттель-европейскому» плану, в конце 1920-х годов стала идея «пан-Европы» [8]. Она предполагала не немецкую, а французскую гегемонию на континенте. Однако Германия снова включилась в борьбу за регион, обновив центральноевропейскую идею, что по сути означало установление экономического господства над должниками – малыми государствами региона, оказавшимися без должных рынков сбыта аграрной продукции. Это и дало Германии возможность попытаться вовлечь их в свою сферу.

На рубеже 1920–1930-х годов появилось немало других, созданных или навеянных французской и английской дипломатией планов, нацеленных на установление экономического сотрудничества отдельных стран в Дунайском бассейне (план Э. Бенеша относительно чехословацко-венгерско-австрийского сотрудничества; похожий французский план, предполагавший последующее присоединение к трем вышеназванным государствам Румынии и Югославии). Все эти планы так или иначе преследовали цель отстранить Германию от дел в регионе и помешать ей использовать центральноевропейские страны в собственных интересах [9].

В 1933 г. открылись возможности для реализации плана «Миттель-Европа», при том, что вариант, предложенный Ф. Науманном, казался

inslav

Гитлеру слишком «демократичным» и ограниченным. Устремления фюрера были направлены на создание «великого экономического пространства», что, естественно, предполагало полное установление германской гегемонии над регионами Центральной и Юго-Восточной Европы. Но даже самый умеренный «миттель-европейский» вариант германской гегемонии, по определению венгерского историка-экономиста Д. Ранки, создавал для малых народов, живущих между русским и германским колоссами своеобразную двойственную ситуацию: Германия одновременно была как стимулятором, подталкивающим к экономическому развитию, так и силой, экономически эксплуатирующей и политически подавляющей этот регион [10]. Не только прогабсбургский (связанный с доминацией Австрии, а потом Австро-Венгрии), но в еще большей мере прогерманский («миттель-европейский») вариант центральноевропейской идеи оказался чуждым для большинства народов региона. Он обещал экономические выгоды и процветание, но в итоге превратился в корыстное использование германскими имперскими кругами природных и экономических ресурсов региона, что влекло за собой немало отрицательных последствий.

Распад Австро-Венгрии в конце первой мировой войны и тотальное поражение гитлеровской Германии во второй, последующее переустройство в регионе, казалось, навсегда покончили не только с германским вариантом, но и с центральноевропейской идеей как таковой. Германия, которая со времени превращения в великую державу не раз пыталась подчинить себе соседние народы и страны, по определению современного венгерского писателя-публициста Д. Конрада, «была хронически больна своим самоопределением». В результате этого «сегодня нет Центральной Европы, и общение между народами этого региона сведено до самого низкого уровня, какого не было даже сто лет тому назад», – писал он в 1988 г. еще в условиях разделения Европы на лагери, указывая на одну из причин определенной настороженности в отношении центральноевропейской идентичности. Согласно Конраду, центральноевропейская идея предполагает расцвет всех элементов, составляющих в комплексе идентичность народов, проживающих в регионе, и в качестве образца здесь может выступать Швейцария; интересен в этом отношении, впрочем, и опыт Трансильвании XVII в. [11]

После второй мировой войны настало время, когда считавшееся ранее традиционным деление Европы на Западную, Центральную и Восточную, казалось бы, окончательно ушло в прошлое. Это деление основывалось на соответствовавших отдельным регионам Европы характерных параметрах как в сфере политических систем (парламентская система – Запад; полулиберальный абсолютизм – Центральная Европа; автократия или диктатура – Восток) [12], так и в области экономики и социальной структуры. Советское и

inslav

американское (шире – западное) проникновение в центральноевропейский регион, разграничение там не только сфер влияния, но и практического господства двух сверхдержав, способствовали проведению новой разделительной линии на политической карте старого континента. Европа в геополитическом плане оказалась разделенной на две части – она, как и сам мир, стала двухполюсной.

Что касается Центральной Европы, то и этот, некогда отдельный, самостоятельный регион также был разделен на две части и «исчез». Такая ее составляющая, как ФРГ, начала интегрироваться в западные структуры, Австрия после получения независимости (1955 г.) стала нейтральным, но все же западного типа государством. Восточнее разделительной черты оказались ГДР, Венгрия, Чехословакия, Польша, а в Балканском регионе – Албания, Болгария, Румыния и Югославия. В каждой из двух частей разделенной Европы устанавливались и утверждались западные, либо, напротив, близкие к советским принципы устройства экономики и общественно-политической жизни. Это влекло за собой потускнение или даже временное исчезновение некоторых отличительных признаков, свойственных в прошлом центрально-европейскому региону. В таких условиях искоренялась и региональная идентичность населения. Был, правда, короткий исторический отрезок (1945–1948 гг.), когда казалось, что становление системы народной демократии позволит этой части Европы сохранить свои региональные особенности и отличительные черты, однако с началом «холодной войны» эти надежды улетучились и советский фактор стал определяющим для всей восточной половины Центральной Европы [13].

Растущее противостояние двух военно-политических систем привело к поляризации сил в Европе и разделенность континента стала печальной реальностью на долгие десятилетия. Венгры, как и другие народы, оказавшиеся в условиях навязанной извне модели развития, прошли суровую школу советизации, искоренявшей «центральноевропейскость», прививавшей новую, так называемую социалистическую идентичность, идеологизированные, мифологизированные стереотипы, требовавшие строгого соблюдения. Этот процесс предполагал унификацию, нивелировку национальных черт идентичности, способствовал утверждению ложно толкуемого интернационализма в рамках советского блока.

В 1950–1980-е годы большая часть Центральной Европы была крепко привязана к Восточной Европе, ее военной и экономической организации (ОВД и СЭВ). Всеми средствами пропаганды утверждалась ее принадлежность к провозглашенному самым прогрессивным и справедливым общественному строю и общности. Все это нашло выражение в таких идеологемах, как «лагерь мира, демократии и социализма», «мировая социалистическая

inslav

система», «социалистическое содружество» и т. д. При этом провозглашались соответствующие этапы, фазы общественно-политического развития, которые были пройдены странами восточной части Центральной Европы за период сорокалетнего пребывания в советском блоке – строительство основ социализма (конец 1940 – начало 1960-х годов); строительство развитого социализ-ма (1960–1970-е годы, которые в СССР уже провозглашались этапом строительства коммунизма); «реальный социализм» (1980-е годы, когда уже все четче вырисовывались контуры общего кризиса всей системы и ее идеологии).

За четыре десятилетия существования этой искусственно созданной общности и утверждения восточноевропейской идентичности центрально-европейское сознание народов региона находилось в глубоком подполье, в свое рода летаргическом состоянии и мало кто о нем вспоминал, как и об общеевропейской принадлежности этих народов. Термин «Центральная Европа» был изъят из политического лексикона. Неудовлетворенность этой ситуацией стала проявляться, притом все более активно, лишь во второй половине 1980-х годов. Уже упоминавшийся писатель-публицист Д. Конрад в одной из своих статей 1988 г. разделенность Европы на военные блоки назвал неприемлемой для центральноевропейца и объявил ненормальной ситуацию, когда восточную часть Центральной Европы называют Восточной, «будто бы она переместилась в Восточную Европу» [14].

Разумеется, эта проблема не столь однозначна. Она связана не только с переименованием региона или неточным определением его географической принадлежности, и даже не только с текущей политикой, но и с типологизацией исторического развития всей Центральной Европы, о чем среди историков давно ведется дискуссия. Как известно, часть венгерских историков эпохи социалистического эксперимента, придавая особое значение оценкам (и сравнениям), В.И. Ленина аграрного развития в эпоху капитализма, причисляла венгерское развитие к восточноевропейскому типу. Подобной типологизации придерживалась и книга И. Беренда и Д. Ранки «Экономическое развитие Центральной–Восточной Европы в XIX–XX веках» [15]. Работа была позже подвергнута критике не только за предложенное в ней деление Европы (при этом отмечалось, что Венгрия находится не в центральной части Восточной Европы, а в восточной части Центральной Европы), подчеркивалось также, что кроме особенностей аграрного развития, авторы не приводят никаких других критериев, позволяющих причислить Венгрию к восточному типу развития [16]. Критики исходили из наличия некоего промежуточного региона между Востоком и Западом Европы со своими особыми региональными чертами. Другой историк-экономист П. Гунст в середине 1970-х годов решительно отверг причисление Венгрии к восточноевропейскому типу развития. Он не оспаривал существование отдельной восточноевропейской модели, но

inslav

считал ее типичной российской моделью. Стремительное экономическое развитие Запада, по его мнению, заставило близлежащую центральноевропейскую зону Европы дать адекватный ответ на этот вызов; восточная же зона не сделала этого. В результате в промежутке «образовалась переходного характера полоса, к которой можно отнести Прибалтику, Польшу, Чехо-Моравский бассейн, Венгрию и Хорватию» [17]. Все эти страны, за исключением более развитой Чехии, сохранили отдельные черты восточно-европейского развития. Вместе с тем благодаря весьма сильному западному воздействию на них, их структуры модернизировались, и эти страны в результате образуют самостоятельную модель развития – центральноевропейскую зону. В начале 1980-х годов венгерский историк Е. Сюч еще более четко сформулировал концепцию трех регионов Европы [18]. Хотя он считал Центральную Европу «восточной периферией Запада», это не помешало ему определить данный регион как типологически самостоятельный в ряду других.

В последующих работах венгерских ученых Центральная Европа, как правило, уже выступала в качестве самостоятельного европейского региона со своими характерными чертами, выяснение которых и стало одной из задач исторической науки. Это способствовало утверждению в общественном сознании нового образа Центарльной Европы. Анализируя особенности национального развития народов этого региона, П. Гунст определил его в качестве «западной полосы Восточной Европы», воспринявшей достижения западноевропейской модели развития, что и составило его центрально-европейскую специфику [19]. В 1986 г. в ходе дискуссии по указанной проблеме известный венгерский историк П. Ханак выразил согласие с концепцией Сюча, отметив, что «государственно-политическое устройство монархии – и в ней Венгрии – занимало также промежуточное положение между западной парламентской демократией и восточной автократией: это было четким выражением центральноевропейских черт» [20]. У Е. Сюча важна также идея о том, что региональная принадлежность в политической сфере не является статичной, а представляет собой динамичный процесс. Это действительно так: политические союзы государств со временем распадаются, хотя бывают и более долговечные. Американский исследователь С. Ватсон, анализируя ситуацию 1970–1980-х годов в Европе, показал, что такая центрально-европейская страна, как Германия в результате послевоенного пребывания в зоне западного влияния и в сфере западных структур, несмотря на свое географическое расположение в центре Европы, в итоге стала западноевропейским государством. Что же касается других стран региона, находящихся восточнее разделительной линии Запад–Восток, то они не адаптировались в такой же степени в Восточную Европу и по сути образуют современную Центральную Европу. «Для меня представляется, – писал он в 1971 г., – что Западная

inslav

Европа сегодня охватывает страны, расположенные западнее линии Любек–Триест. А те территории, которые расположены между этой линией и западными границами Советского Союза, образуют Центральную Европу. Понятие Восточная Европа... применимо лишь в отношении Советского Союза, его западных, т. е. европейских территорий. Западная же часть Серединной Европы (имеются в виду ФРГ и Австрия. – *Б.Ж.*) больше не отличается существенно от Западной Европы, поэтому в качестве Центральной Европы сегодня сохраняется лишь восточная половина Центральной Европы» [21].

Итак, в 80–90-е годы XX в. и Центральная Европа как регион, и центральноевропейская идея в ее новом варианте вновь стали объектами анализа и рассуждений в целом ряде публикаций и дискуссий в Венгрии и других странах. Это означает, что идеи центральноевропейской идентичности снова актуализировались, выйдя из «холодильной камеры» находившегося на том этапе в глубоком кризисе развитого социализма. «Во время оттепели, а затем в период этого кризиса центральноевропейские нации снова открыли для себя Центральную Европу и получили возможность для выражения своей региональной идентичности и единства» [22], – писал в связи с этим венгерский философ А. Аг, отмечая, что все это находит выражение чаще всего в области культуры и быта. Кстати, он считает, что повторное «открытие» Центральной Европы, «исчезнувшей на десятилетия со сцены истории и из теории общественного развития», означает, что Венгрия в новых условиях «обречена на центральноевропейское существование и сотрудничество», что «на уровне Европы как международной системы, и в результате появления Центральной Европы», она может выполнить роль регионального моста [23]. Философ подчеркивает, что если в начале дискуссии о Центральной Европе вопрос ставился лишь так: «Центральная Европа – это миф или реальность, а возможно, ностальгия по Габсбургской монархии?», то ныне вопрос о существовании Центральной Европы уже не ставится под сомнение.

Если дальнейшее развитие не приведет к появлению в регионе крупного и прочного объединения центральноевропейских государств или становлению единой Европы без разграничительных линий, серединное расположение неизменно потребует от малых государств выполнения ими либо функций «страны-парома», причаливающего к тому или иному берегу, либо «страны-моста», прочно связывающего Восток с Западом. Условия нашего времени предоставили этим странам очередной исторический шанс для нового выбора. Судьба народов Центральной Европы, однако, сложна и противоречива и складывается далеко не всегда по воле, желанию и усмотрению самих центральноевропейцев. К тому же между ними в XX в. не было и нет единства в подходе к существенным вопросам. В то же время трудно не согласиться с венгерским публицистом Д. Конрадом в том, что «центрально-

inslav

европейскую идею нельзя считать простой мечтой, ведь особенность этого явления состоит в том, что многие центральноевропейцы нуждаются в этой идее» [24]. Еще более обстоятельно выразил состояние души жителей этого региона чешский писатель М. Кундера. Он определил этот регион в качестве «зоны малых наций, находящихся между Германией и Россией», отмечая при этом, что «малая нация – это нация, существование которой висит на волоске, которая в любой момент может исчезнуть, и которая знает это». «Французы, русские и англичане не задают себе вопроса, уцелеет ли их нация, – писал Кундера, указывая, что эти нации являются победительницами. – Средняя Европа, отчизна малых наций, создала собственное мировоззрение, основанное на глубоком недоверии к истории... Нации же Средней Европы – не победительницы. Неотделимые от истории всей Европы и не могущие без нее жить, они – жертвы и аутсайдеры, стали словно оборотной стороной этой истории. Оригинальность и мудрость их культур вытекает из полного разочарования историческим опытом» [25].

Заслуживает внимания также дефиниция Конрада центральноевропейцев. «Центральноевропеец – это тот, кто считает существующие государственные образования и их креатуру искусственными образованиями, так как они не соответствуют его собственным чувствам реальности. Состояние отдаления друг от друга центральноевропейских народов он считает искусственным состоянием. Центральноевропейца тяготит, обижает, беспокоит, волнует разделенность нашего континента, – писал он в 1988 г. – В прошлые века мы разделяли, но одновременно и сближали друг с другом Запад и Восток. Будь у нас сейчас "сознательной" Центральная Европа, она интеллектуально внушила бы европейское мирное урегулирование. Центральноевропейцем является тот, кто разделенность Европы не считает ни естественной, ни окончательной. Возможно, что европеизация Европы продвинется именно благодаря центральноевропеизации самой Центральной Европы» [26].

Такой, не терпящей изоляции и «лагерности», в идеале открытой во всех направлениях и впитывающей лучшие достижения культуры Запада и Востока, представляли и представляют себе Центральную Европу интеллектуалы этого региона. Они признают себя лишь Центральной Европой и центральноевропейцами, отстаивающими свою региональную идентичность и свой особый менталитет.

На рубеже 80–90-х годов XX в., когда настало время повторного подтверждения целым рядом народов своей европейской идентичности, в странах Центральной Европы заговорили о «возвращении в Европу». В Венгрии были слышны голоса и о том, что стране, собственно говоря, и не надо возвращаться в Европу, поскольку она оттуда никуда не уходила: «венгры и Венгрия уже более тысячи лет являются частью Европы», представляя собой при этом

inslav

«важный фактор европейской безопасности»[27]. В то время из уст мыслителей-гуманитариев, да и политиков стран региона все чаще звучали критика и протесты по поводу именования бывших социалистических стран восточной части Центральной Европы «Восточной Европой». На одной из международных конференций начала 1990-х годов в связи с этим, в частности, отмечалось: «Не следует говорить о Восточной Европе, ибо речь, собственно, идет о середине Европы, о восстановлении и повторном наполнении Европы... Нынче часто можно услышать, что Центральная Европа мертва. И говорят об этом с поразительным спокойствием именно после падения "железного занавеса" и в связи с расширением границ Евросоюза»[28].

Между тем Центральная Европа пришла в движение задолго до этого. Еще в условиях пребывания ряда стран региона в советском лагере были сделаны первые шаги по пути их самоопределения, дали о себе знать первые признаки центральноевропейского единения. Начиная со второй половины 1970-х годов, в условиях возрождения идеи Центральной Европы в ее новом варианте (без Германии, которая «ушла на Запад»), Венгрия, да и некоторые другие страны региона выразили свою готовность, как и в эпоху средневековья, функционировать в роли «страны-моста», способствуя налаживанию взаимовыгодного сотрудничества между двумя системами, между Востоком и Западом. Кадаровское руководство, например, пренебрегая «железным занавесом», взяло курс на установление добрососедских отношений со странами Запада. Венгрия первой из стран восточного блока наладила хорошие связи сначала с Австрией и Финляндией, а затем с ФРГ и США, все активнее наводила «мосты» и с другими странами, тем самым способствуя смягчению международной напряженности. Я. Кадар все чаще посещал Запад, побывал в Италии и Франции, встречался с папой римским Павлом VI, в 1982 г. побывал в ФРГ, в 1985 г. в Великобритании. В 1980-е годы Венгрию посетили вице-президент США Дж. Буш, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, экс-президент США Р. Никсон, а также лидер германских социал-демократов В. Брандт и канцлер ФРГ Г. Коль.

Выступление Венгрии в роли «моста» помогло сближению Востока с Западом, налаживанию сотрудничества между разными системами и в конечном счете способствовало взаимопониманию и конвергенции. Таким образом, в деле сближения двух систем Венгрия, несомненно, сыграла свою положительную роль. Летом 1989 г. на венгерско-австрийской границе началось удаление пограничного заграждения из колючей проволоки – ненавистного всем символа «железного занавеса», олицетворявшего разделенность Европы; осенью того же года пала и берлинская стена. Были и другие яркие моменты в процессе сближения двух частей Европы, непосредственно связанные с Венгрией. Здесь достаточно напомнить об открытии венгеро-австрий-

inslav

ской границы перед многотысячными «туристами-беженцами» из ГДР, отказывавшимися возвратиться на родину. В сентябре 1989 г. они смогли свободно выехать на Запад. Оценивая поступок венгерских социалистических лидеров, бывший вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншер впоследствии выразил им благодарность за смелое решение, которое, по его словам, привело к ликвидации «железного занавеса». «Венгры, – отмечал он, – своим смелым поступком вызвали к жизни тот самый процесс, который со временем привел к объединению Германии и всей Европы»[29].

После нормализации отношений между двумя супердержавами – США и СССР, объединения Германии и серии демократических, в основном тихих и мирных революций, мощной волной пронесшихся по странам Центральной и Юго-Восточной Европы (включая СССР), фактически отпала необходимость в каком-либо посредничестве между Востоком и Западом. В условиях реально начавшегося процесса единения Европы и новых коммуникационных возможностей функция центральноевропейских государств как «моста», связывающего Восток и Запад, практически отпала.

Страны Центральной Европы, политический корабль которых на рубеже 1980–1990-х годов восстановил режим свободного плавания, встали перед альтернативой, перед новым историческим выбором: а) совместными усилиями создать прочное самостоятельное региональное объединение; б) приобщиться к существующему сообществу стран Запада; в) реанимировать развалившийся восточный союз. Последний вариант стал нереальным, ведь государства, только что освободившиеся от союзнических уз с СССР, не желали этого, центробежные силы действовали все более ускоренно, к тому же и сам Советский Союз, а затем и Россия – их больше интересовала возможность развития непосредственных связей с США и Западной Европой, – фактически пренебрегли центральноевропейским регионом.

Характерно, что на определенном этапе, в условиях, когда еще не распались единые восточноевропейские организации, страны Центральной Европы уже начали налаживать своеобразный региональный союз в виде Вишеградской тройки с участием Польши, Венгрии и Чехословакии, позже преобразовавшейся в четверку. Возникли и другие, в основном экономического характера региональные союзы и объединения. Так, в частности, появилась Центральноевропейская инициатива, к которой наряду с Венгрией, Польшей, Чехией и Словакией примкнули Австрия, Хорватия, Италия и Словения, а позже начали проявлять интерес также Болгария, Беларусь, Румыния и Украина [30]. В новых геополитических условиях эти шаги, направленные на формирование союза центральноевропейских стран, равно как и процессы усиления в этих странах новой, региональной идентичности вызвали в Москве отрицательную реакцию, прежде всего в связи со становлением центрально-

inslav

европейской зоны свободной торговли. На наш взгляд, такая позиция была нелогичной, ведь национальным интересам России в большей мере соответствовало бы существование в центре Европы самостоятельного объединения свободных (пусть даже освободившихся от советской опеки) демократичес-ких государств, нежели их последующее вхождение в западноевропейские структуры, к чему их толкала не до конца продуманная внешнеполитическая позиция Кремля. Результатом подобной политики стали прозападная ориентация центральноевропейских государств, их стремление в западноевропейские союзы.

Основной причиной, тормозившей процесс углубления центральноевропейской интеграции, стало в конечном счете столь характерное в XX веке для малых государств этого региона отсутствие взаимопонимания и единства участников прежде всего Вишеградской четверки. Между ними началось выяснение отношений: кто из них является более «европейским» государством и на этой почве развернулось соперничество за приоритет по вхождению в западноевропейские союзы. Так, новое политическое руководство суверенной Чехословакии, после «бархатной революции» наполненное гордостью за буржуазно-демократические традиции своей страны в прошлом, и осознавая себя «наиболее европейским» государством (ввиду не только ее географической близости к Западу, но и методов проведения революции), как справедливо отмечал один из венгерских ученых, уже посчитало себя «наполовину находящейся в западноевропейском доме» [31]. На этом основании оно и медлило с вхождением в Вишеградскую группу, инициированную Венгрией и Польшей, а затем претендовало на скорейшее и внеочередное, отдельно от соседей, включение в западноевропейские структуры. Экономические и организационные трудности, проблемы взаимоотношений, возникшие в Вишеградской группе, соперничество за вхождение в западноевропейские организации (явление, которое стало всеобщим для всего постсоциалистического пространства) – все это нарушало эффективность складывания и реального укрепления центральноевропейского союза. Ситуация заставила венгров также активизировать свои действия по вступлению в западноевропейские структуры. Как не без оснований отмечал впоследствии генеральный директор Венгерского института внешней политики профессор А. Балог, «у Венгрии не было другой альтернативы, кроме как включиться в европейскую интеграцию» [32]. Премьер-министр новой демократической Венгрии Й. Анталл первым из руководителей стран бывшего социалистического ареала, освободившись от советского влияния, обратился к западным державам с выражением пожелания о присоединении своей страны к западным структурам [33]. Характерно, что в программе его правительства 1990 г. уже проявились смена ориентации Венгрии, решимость к полному восстановлению связей с Западом и включению в его структуры.

inslav

В 1990-е годы Венгрия активно восстанавливала свои контакты с Западной Европой, входила в общеевропейские организации, что не противоречило, однако, ее желанию и стремлению поддерживать тесные контакты и с Восточной Европой. В октябре 1990 г. она стала членом Совета Европы, в 1996 г. – Организации экономического сотрудничества и развития, в 1999 г. вступила в НАТО. Теперь Венгрии предстоит вхождение в Европейский Союз в качестве полноправного члена (ассоциированным его членом она стала с 1994 г.).

Как и другие страны Центральной Европы, Венгрия в конечном счете приняла политическое решение, определяющее ее ориентацию и место в Европе. С конца XX в. наступила новая эра в современной истории этих стран. Она, видимо, внесет свои коррективы в судьбу вновь блеснувшей на короткий исторический миг центральноевропейской идеи, так и не получившей, впрочем, своего логического завершения, ибо страны региона приобщаются ныне к западноевропейскому сообществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Грот К.Я.* Мадьяры и славяне в прошлом. Варшава, 1893. С. 2–6.
[2] Európai Utas. 1997. 29. sz. 22. old.
[3] *Петерсон А.* Венгрия и ея жители / Пер. с англ. СПб., 1873.
[4] *Nagy G.* Civilizációelmélet, bölcsészkedés, társadalomtörténet // Valóság. 1988. 4. sz. 37. old.
[5] *Vitányi I.* Az «Európa-paradigma». Bp., 1986. 202. old.
[6] *Németh I., Kocsis T.* Fejezetek az Európa-gondolat történetéből. Német és osztrák Mitteleurőpa-tervek (1900–1914) // Társadalmi Szemle. 1998. 5. sz. 78. old.
[7] Ibid. 84. old.
[8] *Frommelt R.* Paneurope oder Mitteleuropa. Einigungsbesterbungen in Köhlul deutsche Wirtschaft und Politik. 1925–1933. Stuttgart, 1977; *Neumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.
[9] *Ránki Gy.* Közep-Európa kérdéséhez - gazdasági szempontból // Valosag. 1985. 11. sz. 6. old.
[10] Ibid. 11. old.
[11] *Konrád Gy.* Van-e még álom Közép-Európáról? // Látóhatár. 1988. 11. sz. 87–88. old.
[12] *Ránki Gy.* Op. cit. 6–7. old.
[13] См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995.
[14] *Konrád Gy.* Op. cit. 98. old.
[15] *Berend T.I., Ránki Gy.* Közép-Kelet-Európa gazdasági fejlődése a 19–20. században. Bp., 1969.

inslav

[16] *Gyáni G.* Történészviták hazánk Európan belüli hovatartozásáról // Valóság. 1988. 4. sz. 77. old.
[17] Ibidem.
[18] *Szüs J.* Vázlat Európa három történeti régiójaról. Bp., 1983 (В русском переводе см.: Центральная Европа как исторический регион / Отв. редактор А. Миллер. М., 1996).
[19] *Gunst P.* A közép-kelet-európai nemzettévalás gazdasági-társadalmi problémai // Valóság. 1982. 11. sz. 20. old.
[20] *Gyáni G.* Op. cit. 81. old.
[21] Eastern Europa in the 1970-es. New York, 1972. P. 9.
[22] *Ágh A.* Közep-Európa «felfedezése» // Tiszataj. 1988. 11. sz. 30. old.
[23] Ibid. 23. old.
[24] *Konrád Gy.* Op. cit. 89–91. old.
[25] Полис. 1995. № 1. С. 59.
[26] *Konrád Gy.* Op. cit. 89–91. old.
[27] Ibidem.
[28] Európai Utas. 1996. 24. sz. 8. old.
[29] Népszabadság. 1999. 10. IX.
[30] См.: ИТАР-ТАСС. 1993 г. 28 марта. Серия «СЕ-18».
[31] *Illés I.* Egy középeurópai integráció lehetőségéről // Valóság. 1990. 8. sz. 18. old.
[32] *Balogh A.* Európaiak az Unió kapuja előtt // Európai Utas. 1998. 31. sz. 18. old.
[33] Népszabadság. 1996. 22. VII.

inslav

Дюла Кришто

Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов

Венгерская историческая наука в последние десятилетия предприняла несколько попыток дать представление о населении восточнославянской (русской) этнической принадлежности в IX–XIII столетиях в Карпатах. Большую помощь в этом оказали сообщения Анонима, автора «Деяний венгров» начала XIII в., написавшего о венграх, находившихся в Киеве и затем отправившихся для «обретения Родины»: «Подобным образом многие из Руси также присоединились к вождю Алмошу, пришли вместе с ним в Паннонию, и их потомки в различных местах до сегодняшнего дня живут в Венгрии» [1]. Я. Мелих в этом сообщении Анонима узрел историческое зерно, но в то же время обратил внимание на следующее: «События XI–XII вв. как на Руси, так и в Венгрии сделали возможным, чтобы в нашу страну пришли русские поселенцы» [2]. Из распространенности в Карпатском регионе населенных пунктов с названием *Орос, Ороси* и т. п. (*Orosz, Oroszi*), (т. е. Русь, Русский. – *Прим. перев.*) он сделал вывод, что переселение осуществлялось здесь «не одновременно, не единой массой и не на одну определенную территорию... Такое расселение одноязычного народа подтверждает, что его проникновение происходило в разное время», т. е. «русские села возникали в нашей стране как до татарского нашествия, так и после него» [3]. Э. Маюс исследовал топонимы, которые образовались от этникона с помощью суффикса –i и определил, что села с названиями *Чехи, Немети, Ороси* (*Csehi, Nemeti, Orozi*) и т. д. находились в королевских владениях, что они были основаны волею королевской власти. В XI–XII вв. венгерские короли расселяли пришлые этносы не единой массой, а «рассеивали пришельцев», т. е. стремились к их ассимиляции [4]. Д. Дерффи в работе, опубликованной в 1958 г., вслед за Анонимом считал возможным, что присоединение к венграм русских (восточных славян. – *Прим. перев.*) могло произойти даже у Киева, значит еще до прихода венгров в регион Карпат, но он допускает также, что это могло произойти и в конце X в., когда «согласно сообщению древнерусской летописи под 996 г. (в действительности Иштван I был коронован в 997 г. – *Прим. перев.*) между князем Руси и королем Иштваном (в Повести временных лет – Стефаном. – *Прим. перев.*) были хорошие отношения». Во всяком случае, в одном из западных источников, в «Хильдесхемских Анналах», сын Иштвана Имре упоминается в качестве dux Ruizorum, в которых Д. Дерффи видел русских. Трактуя этникон «орос» как «стражник, телохранитель», в этом значении документально подтвержденный для более

inslav

поздней эпохи, он пришел к выводу, что оросы князя Имре и основа дружины телохранителей короля Иштвана в основном состояли из оросов (русичей). По его определению, суффикс -i в топонимах *Ороси*, однако, говорит о русских поселениях XI–XII вв. [5] Подобную позицию занял Д. Дерффи (в пока единственном появившемся в печати томе составленной им исторической географии эпохи династии Арпадов). Относительно поселения Орос в комитате Абауй он отмечал: «Название свое могло получить от поселенных здесь русских»; об Ороси в комитате Берег: «Свое название предположительно получило от поселенных вблизи замка русских иобагинов, несших военную службу»; о селениях Ороси в комитате Барш: «Название получило от поселившихся здесь русских (телохранителей короля?)»; тогда как о селе Орос в комитате Бихар замечал: «Военное поселение русичей, возможно, периода племенных топонимов» [6].

Отечественная историческая наука на протяжении истекших десятилетий сделала ряд важных выводов в отношении присутствия в Венгрии русских в эпоху Арпадов. Господствующим стало мнение, согласно которому значительные группы русичей попали в Венгрию на очень раннем этапе истории. Получило общее признание суждение, что они были расселены королем в таких местах, которые впоследствии получили названия, отражающие этническую принадлежность жителей – выходцев из Руси. Э. Маюс сформулировал это следующим образом: не требует объяснений, что названия сел *Чехи*, *Хорвати*, *Немети*, *Ороси* свидетельствуют о том, что их жителями были чехи, хорваты, немцы, русские. Мала вероятность того, что названия сел, совпадающие с этниконами, происходили бы от антропонимов, поэтому Э. Маюс в 1939 г. писал: «Мы полагаем, что после полного изучения документальных материалов или детального исследования отдельных местностей относительно тех сел, происхождение названий которых еще вызывает сомнение, можно будет доказать, что они происходят не от личных имен отдельных людей – Хорвата, Чеха и Ороса, а хранят память о множестве семей чужого происхождения»[7]. Согласно современным исследованиям присутствие большого числа географических названий *Орос*, *Ороси* и т. п. в конечном счете автоматически означает, что выходцы из Руси в эпоху Арпадов были представлены в Венгрии в относительно значительном количестве.

Исследование мотиваций образования топонимов, однако, показывает, что из географических названий нельзя делать выводы подобного рода. Прежде всего не следует упускать из виду, что этническая принадлежность жителей является в ряду многочисленных всего лишь одним из мотивов присвоения местности наименования. Следовательно, в отношении географических названий нельзя выдвигать такую исследовательскую претензию, будто они стопроцентно показывают, где жили русичи в Венгрии в эпоху династии Арпадов. Нельзя сбрасывать со счетов, что происхождение топонимов является

inslav

консервативным и поэтому не может точно отражать также и перемены, имевшие место в этническом составе населения. Поэтому не следует удивляться тому, что уже в раннем Средневековье, в XI столетии, известно поселение, в котором жили печенеги, тем не менее оно носило название *Тасар*. Населенный пункт Шид (Šid) в комитате Валко в конце XIV в. считался селом русских (possessio rutenorum), но его название не отражает этнической принадлежности жителей села того времени. В топонимии не сохранились следы и тех русских (genere Rutheni), о которых в 1214 г. жители села Бан возле замка Красна утверждали, что они именно такой принадлежности. Втянутые в судебные разбирательства, они, однако, смогли доказать свою принадлежность к лично свободной категории людей, из чего можно сделать вывод, что они, возможно, были королевскими поселенцами, привилегированными русичами [8].

Проблема этнической принадлежности интересно отражается и в параллельной топонимии, явлении, когда разные этнические общности одновременно по различным мотивам называют одну и ту же местность поразному. Так, трансильванский населенный пункт *Сердахей* (современный *Mercurea Sibiului*) немцы называли *Reussmarkt*, а в конце XIII в. он встречается также под наименование *Ruhcmark*, *Ruzmark* [9]. Следовательно, этому населенному пункту как венгры, так и немцы дали название по ярмарке, но если венгерское название говорит о ярмарке по средам (это отражается и в румынском названии), то немецкое *Reussmarkt*, т. е. «русская ярмарка», по невыясненным причинам связывает его с русскими. Купцы из Руси, и это находит подтверждение, бывали в Венгрии в эпоху Арпадов. В одной из подложных грамот 1214 г. говорится, что Салонта комитата Боршод, вольные ярмарки (liberum forum) которой на рубеже XII–XIII вв. посещали купцы из Руси, в результате одного судебного разбирательства попала в собственность этих купцов, которые продали ее [10]. Трансильванский *Reussmarkt* и присутствие русских купцов в Боршоде показывают: в возникновении населенных пунктов, в названии которых присутствует *Орос-*, играло роль далеко не только создание королевских поселений. Это подтверждается и другими примерами. В одном из документов 1177 г. говорится о доме человека в комитате Темеш, принадлежавшего к русскому этносу (domus Ruteni). Предполагалось, что из этого ядра возникло средневековое село под названием *Ороси* [11]. Если это соответствует действительности, то мы имеем подтверждение того, что о селах под названием *Ороси* (*Чехи*, *Хорватии* и т. п.) нельзя говорить как о поселениях с многочисленным русским (чешским, хорватским и т. п.) населением.

Впрочем, русская этническая принадлежность владельца могла служить достаточным основанием для того, чтобы возник населенный пункт с названием *Орос*, *Ороси* и т. п. Относительно упоминавшегося села Шид в комитате Валко, которое документ 1393 г. называет селом русских, выясняется, что его

inslav

прежним владельцем был этнический русский (similiter Ruteni) Михай, сын Петра, не оставивший после себя наследников [12]. Скорее всего возможна существенная связь между упомянутым наименованием поселения в качестве русского поселка и этнической принадлежностью скончавшегося без потомства владельца (а возможно, прежних владельцев). Д. Дерффи пишет: «В 1279 г. упоминается в Семере один владелец по фамилии Вруз (Vruz), который обменял свой одноплуговый земельный участок на другую землю в том же комитате (комитате Боршод. – *Прим. перев.*). В 1333 г. Семере соседствовало с землевладением Орос, которое, видимо, получило свое название от упомянутого Вруза». Это означает никак не меньше того, что антропоним мог дать название местности. Нельзя обойти молчанием и то, что Д. Дерффи бихарскую местность, название которой звучит как *Орос* (первое сведение о ней относится к началу XIII в.), квалифицирует в качестве «русского военного поселения», которое уходит корнями «возможно, в период племенной топонимии», т. е. в X в. [13] Во всяком случае, учитывая боршодский пример, нельзя исключать того, что и в данном случае мы имеем дело с топонимом, происшедшим от антропонима.

Предыдущие исследования уже показали, что отдельные географические названия с суффиксом -i (т. е. в форме Ороси), возникшие, как считалось ранее, в XI–XII вв., на деле имеют также более позднее происхождение. Согласно Э. Маюсу, «современный населенный пункт Кишороси (Kisorozi), расположенный на острове Сентэндреи, который, возможно, и есть упоминавшийся в конце XIV в. Орос комитата Пилиш, ...предположительно, является результатом более позднего переселения. Очевидно, таким же можно представить себе возникновение Дивеньороси (Тхранова) в комитате Ноград, у зойомской границы» [14]. В общей сложности в нашем списке географических названий насчитывается 74 топонима *Орос-* (или же *Русь-*, немецкое *Реусс-*, румынское *Руш-*), в отношении большинства которых нельзя определить ни непосредственных мотивов присвоения названия, ни точной даты возникновения поселения. Большинство из них (прежде всего топонимы с окончаниями *-фалу*, *-фалва*, *-фа*, *-дорф*) вряд ли принадлежит к географическим названиям раннего пласта. Об остальной же их части, как свидетельствуют приведенные и находящиеся в нашем распоряжении примеры, можно сказать: с позиции мотивов присвоения названий они не могут быть квалифицированы как единые. Одни из них получили свое название от русских купцов, от отдельных представителей древнерусского этноса, владевших собственностью, или от имени *Орос*, и лишь в весьма скромных масштабах можно предположить, что венгерские короли сознательно переселяли значительное русское население в Венгрию.

inslav

Своеобразной вехой пребывания русских в Венгрии периода Арпадов является титул герцога Имре – *dux Ruizorum*, точнее, его толкование Д. Дерффи. Загадку dux Ruizorum Дерффи попытался решить следующим образом: «По данным "Хильдес-хеймских Анналов" того времени, при смерти Имре в 1031 г. имел титул dux Ruizorum. На вопрос, что означало таинственное звание, ответ дает титул очередного наследника престола. После смерти Имре король Иштван, теперь уже в обход всей династии, своим наследником определил сына старшей сестры, венецианца Петера Орсеоло, которого, согласно «Легенде об Иштване» (имеется в виду Житие Иштвана. – *Прим. перев.*), он и назначил вождем своего войска (exercitui suo prefecerat ducem). Под этим принято понимать королевских телохранителей. Dux Ruizorum – вождь русских – во всяком случае совпадает с dux exercitus regis, вождем королевских войск или телохранителей. Решение дает старое венгерское слово orosz, которое, согласно словарю Париз–Папаи 1767 г., означало следующее: «oroz: Janitor, Satelles; ein Thorhüter, Portner, Trabant». Такого рода толкование слова *orosz*, наряду с его современным толкованием как этникона, можно найти на протяжении всего Средневековья. Итак, согласно Д. Дерффи термин *dux Ruizorum* являлся титулом руководителя королевских телохранителей, которых называли также *русью*. А то, что основным этническим элементом королевской гвардии «являлись русские (русь), выражает и то, что название народа стало и названием профессии» [15].

Загадка *dux Ruizorum* издавна занимает венгерскую историческую науку. Хотя Д. Паулер уже почти сто лет тому назад выразил свою позицию, согласно которой термин *dux Ruizorum* «это недоразумение, которое нередко встречается у средневековых летописцев, или является какой-то опиской и не заслуживает такого большого количества часто остроумных комбинаций, которые тратят на его толкование ученые и неучи» [16], мнение этого авторитетнейшего ученого не помешало тому, чтобы предпринять новые попытки для решения этой загадки. Источником неопределенности в толковании является спорное значение части *ruiz* в титуле *dux Ruizorum*. Х. Марцали считает, что *ruiz* относится к австрийцам, ибо «русские даже в XII в. называли австрийцев ruiz» [17]. В толковании Д. Дерффи «формула "Ruiz" соответствует ... средневерхненемецкому выражению "Ruiz" (русский)» [18]. Мы склоняемся к решению, предлагаемому Д. Дерффи, т. е. под титулом *dux Ruizorum* подразумеваем «вождя (князя) русских», где термин *Ruiz* мог быть выведен из деформированного *Riuz*, как предполагает Дерффи, или же из слов *Ruz*, *Ruzz*. Во всем остальном, однако, мы не можем принять подробно процитированные доказательства Дерффи, точнее – его окончательный вывод.

Существуют два обстоятельства, которые опровергают возможность обозначенного Д. Дерффи объяснения. Во-первых, ошибочен исходный по-

inslav

сыл, согласно которому таинственный титул *dux Ruizorum* можно объяснить «титулом последующего наследника престола». «Большая легенда об Иштване» не оставляет сомнений в том, что назначение племянника Иштвана, Петера, наследником и вождем королевской гвардии произошло не одновременно. Согласно хронологии «Легенды», в 1031 г. скончался «теперь уже единственный сын» Иштвана – Имре, которого Иштван считал своим преемником на престоле и всеми силами стремился к тому, чтобы «после него тот [Имре] возглавил государство». Он скорбел по любимому сыну, а затем «всем своим существом предался поискам милосердия Божьего». Он одаривал церковь и священнослужителей, «все свои денежные доходы... тратил на паломников, вдов, сирот». А когда «лихорадка уложила его в постель и уже не было сомнений в приближающейся смерти, призвал к себе епископов и вельмож, славивших Христа в его дворце; сначала обсудил с ними, чтобы вместо него королем избрали сына его старшей сестры Петера, родившегося в Венеции, которого он уже раньше пригласил к себе и назначил вождем своих войск; затем по-отечески призвал их беречь истинную веру» [19*]. Последняя цитата на латыни двояко, отчасти словами «iam dudum», а отчасти формой «praeterium perfectum» (от глагола prefecerat), однозначно показывает; выдвижению Петера королем предшествовало его оставление во главе королевских войск. Это само по себе доказывает, что возведение в наследники престола и руководство королевскими войсками не были тесным образом связаны друг с другом. Еще более очевидным становится это, если, в отличие от хронологии «Большой легенды об Иштване», но в соответствии с хронологией, подсказанной фактами той эпохи (имеется в виду прежде всего покушение со стороны Вазула), мы приходим к выводу о том, что Иштван непосредственно после смерти сына Имре выдвинул своим наследником Петера [21**], который до этого, возможно уже с 1026 г., т. е. со времени своего пребывания в Венгрии, возглавлял королевские войска. Если это так, то Имре в 1031 г. не мог стоять во главе королевских войск, следовательно, титул *dux Ruizorum* не мог означать ранг руководителя королевских войск (по терминологии Дерффи – королевской гвардии телохранителей).

Во-вторых, совершенно невероятно, чтобы этникон *орос* уже до 1031 г. означал бы 'стражник' или 'телохранитель', т. е. превратился бы в название занятия. Данные об этом появляются значительно позже, начиная с XVI в., в

---

* Критическое место в латыни: «cum eis tractavit de substituendo pro se rege, Petro videlicet sororis sue filio, guem in Venetia genitum ad se vocatum iam dudum exercitui suo prefecerat ducem, deinde monuit cos peterne fidem orthodoxam servare» [20].

** Другая хронология у Б. Хомана и И. Сегфю [22].

inslav

частности, в словаре Калепинуса, где существительное *орос* означает 'стражник, Türhüter' [23]. В качестве аналогии можно сослаться на слово *Schweizer* («швейцарец»), которое в XVI в. получило также значение «стражник». Х. Геккеньян также считает, что этникон *орос* лишь в позднее Средневековье стал при дворе венгерского короля обозначением человека, исполнявшего функции телохранителя или стражника, стоявшего у двери [24]. Важно подчеркнуть, что возражения наши вытекают не из общих соображений и ни в коем случае не из того, что якобы на раннем этапе из этниконов не могли возникать названия, выражающие профессиональные занятия. Точным доказательством тому может служить один из зоборских документов 1111 г., в котором казначеев королевской казны «по-венгерски» называли кализами [25], хотя изначально *кализ* – этникон одного из иранских народов. Наши данные о превращении этникона *орос* в выражающие профессиональное занятие лексемы «стражник» и «телохранитель» от *dux Ruizorum* «Большой легенды» отделяют полтысячелетия.

Ввиду отсутствия доказательств, мы вынуждены считать совершенно невероятным, чтобы вторичное значение, документально подтвержденное лишь начиная с XVI в., существовало и за 500 лет до этого. Более того, мы располагаем данными, которые почти полностью исключают такую возможность. Из специальной литературы нам известен документ 1326 г., согласно которому в Надьороси Ноградского комитата «первых жителей» «король Калман пригласил из Галиции, сделав их стражниками при королевском дворе» [26]. Из исследования Дерффи нам известно, что венгерские короли в XV–XVI вв. (Матяш, Уласло II, Лайош II) освобождали жителей Надьоросфалвы и Кишоросфалвы комитата Новград от уплаты налогов с условием, – как это записано в тексте их привилегии от имени короля, – что «наши оросы ... на собственном содержании предоставляют королевскому двору двух стражников или камерариев» [27]. Пример Надьороси ярко показывает: инициатива пригласить из Галицкой Руси представителей русского этноса для исполнения при дворе обязанностей стражников принадлежала королю Калману. Можно предположить, что наряду с королем Калманом (1095–1116), имевшим русскую жену, с таким же основанием речь могла идти и о Калмане – младшем брате короля Белы IV, который в начале XIII в. являлся королем Галицким, а позже, сохранив свой королевский титул, стал князем Славонии. Будучи галицким правителем, он, очевидно, имел возможность привести с собой с русских территорий местных жителей, ведь точно известно, что в 1215 г., когда новгородский князь Мстислав временно покорил Галицкое королевство Калмана, тот со своими галицкими приверженцами нашел убежище в Венгрии [28]. Следовательно, существовала практика, когда короли (королевские князья) приглашали к себе в качестве стражников русских, но эти сведения относятся

inslav

к периоду не ранее XII в., а скорее даже к началу XIII в. Хотя для того, чтобы подобная практика стала правилом, потребовалось, чтобы русичи систематически выполняли функции телохранителей. Это подтверждается, в частности, предписаниями венгерских королей XV–XVI вв. для русских жителей Надьороси и Кишороси, а также расширением значения этникона *орос*. Для того, чтобы в венгерском языке слово *кализ* стало обозначением казначея королевской казны, а русский – стражника, телохранителя, потребовалось, чтобы кализы систематически выполняли административные функции в королевской казне, и русские столь же постоянно стояли в качестве стражи у дверей королей и королевских князей, образуя корпус телохранителей.

С нашими рассуждениями хронологически согласуется то обстоятельство, что стражников, охранявших королевские двери, – собственно говоря, мастеров королевской стражи как придворных сановников, – мы встречаем самое раннее с 1260 г., когда у короля Белы IV и его соправителя Иштвана появились предводители стражи (*janitor*)[29]. Настоящих стражников или телохранителей была всего лишь горстка, и корпус телохранителей, видимо, ни в XI в., ни позже нельзя отождествлять с королевским войском; данные XIII в. – когда во главе стражников стояли состоятельные рыцари – показывают: корпус не имел столь значительной роли, чтобы пост руководителя стражи занимал сам наследник престола. Таким образом, титул *dux Ruizorum* не может указывать на пост руководителя королевских телохранителей древнерусского этнического происхождения, поскольку у этникона *орос* в начале XI в. еще не было приобретенного впоследствии значения, касающегося рода занятий, а также потому, что институт стражи из восточнославянских этнических элементов берет свое начало на целый век или два века позже, чем титул *dux Ruizorum*.

Представляется, что этот титул герцога Имре попросту соответствует титулу «вождь (князь) русских». Означает ли это, что в Венгрии в начале XI в. единой массой жили русичи, во главе которых стоял Имре, определенный Иштваном в качестве наследника престола? Однозначно утвердительный ответ давал на этот вопрос В.П. Шушарин: «При Иштване I, в какой-то мере, видимо, сохранилась обособленность тех территорий, которые находились под управлением отдельного властителя. Об этом можно судить на основании того, что Имре, сын Иштвана, управлял отдельной территорией, где поселились восточные славяне, древние русы (русичи). "Хильдесхеймские Анналы" сохранили титул князя русов (*dux Ruizorum*)» [30]. Мы также считаем: Имре стоял во главе поселившихся единой массой представителей древнерусского этноса, которые должны были обладать серьезным политическим весом, раз во главе их Иштван поставил своего наследника. Заселенная русскими территория упоминается в одном из западных источников XII в. Он сообщает нам,

inslav

что зальцбургский епископ отправил своего посла к венгерскому королю (к Иштвану II или Беле II), «который в то время находился в марке русских» [31]. Д. Паулер полагал, что «marchia Ruthenorum», место пребывания короля, находилась на территории старого княжества Алмоша, (т. е. на территории дуката XI в.), которое располагалось вблизи русской границы, и искал эту марку в комитате Земплен, в южной части комитата Унг или в районе Эгера [32]. В.Т. Пашуто также высказался в том смысле, что речь идет о территории вблизи венгерско-русской границы в районе Карпат, заселенной смешанным населением [33*]. По нашему мнению, русская марка, строго говоря, есть пограничная область, такая же пограничная территория, как Серем, который в средние века назывался в том числе и маркой (Marchia Rutenorum) [36]. Учитывая это обстоятельство, тех русов, во главе которых стоял Имре, следует искать в какой-то пограничной области средневековой Венгрии. Было бы естественно предположить, что наряду с северо-восточными территориями (упомянутых Паулером комитатов Земплен, Унг) нужно серьезно считаться с западными пограничными территориями.

Аноним, рассказывая о вожде Золте, сыне Арпада, и о Западной Венгрии, писал: «Чтобы в последней провинции возвести замок, он эту задачу поставил перед русскими, которые вместе с его дедом, вождем Алмошем, пришли в Паннонию» [37]. На упомянутой Анонимом западновенгерской территории находился Оросвар (современный Русовце). Учитывая, что Оросвар, по всей вероятности, именно под таким названием существовал при Анониме [38], вряд ли можно сомневаться в том, что он отождествлял Оросвар именно с замком, возведенным русскими в X в. Следуя Анониму, нельзя определить, разместил ли его мастер П. Русских в раннюю эпоху в районе Оросвара потому, что именно это подсказывало ему географическое название, либо потому, что русские в эпоху Анонима жили именно там. Хотя в венгерской топонимии не так часто встречается конструкция «этникон + -вар», однако имеющиеся Козарвар (Kozárvár), Саксониабара (Saxoniauara), Сасвар (Szászvár) [39] не исключают наличия таковых. Существует реальность того, что с точки зрения мотивации присвоения названия в топониме *Оросвар* следует искать в первую очередь не антропоним, а самоназвание этноса. Топонимия района Оросвара определенно показывает, что некогда на этой территории жили славяне. По мнению Э. Моора, топонимия междуречья Лейты и Дуная полностью славян-

---

* В советской краеведческой литературе встречается предположение, что территория Закарпатской области Советского Союза (Закарпатье) в XI–XIII вв. имело самостоятельное управление (дукс Руизорум), что якобы является доказательством проживания там большого числа славян [34]. Новое обобщение истории Закарпатья см. в работе краеведов 1970-х годов [35].

inslav

ская и венгерская. Название Олона в районе Оросвара прямо указывает на его русское происхождение. О том, каким образом появились здесь русичи, Моор высказался следующим образом: в раннюю эпоху Арпадов какой-то венгерский король для охраны главной дороги, соединяющей Овар–Хайнбург–Вену, поселил здесь русских в качестве пограничников, после чего центр этой области получил название Оросвар [40]. По сути подобную точку зрения представлял также И. Книежа. По его мнению, географические названия славянского происхождения встречаются главным образом на участке от Кимле до Оросвара, вдоль Малого Дуная, и в непосредственной близости от него. Об Оросваре, судя по названию, можно предположить, что его жителями являлись те русские гости, которых поселил здесь кто-то из венгерских князей. Книежа, вслед за Н. Феттихом, упоминает, что имеются археологические находки, которые кажутся славянскими [41], однако в ходе проведенных позднее, в 1942–1943 гг., раскопок был обнаружен полностью сохранившийся скелет лошади [42], что ставит под сомнение данное предположение.

Можно, таким образом, полагать, что Имре стоял во главе тех русских, которых до 1031 г. поселили единой массой у западных границ Венгрии. Точное время заселения определить невозможно, и 1031 г. служит всего лишь условной датой (terminus ante quem). Чем можно объяснить то обстоятельство, что наследник Иштвана возглавил русских, живших в Западной Венгрии? Имре не считался маркграфом, т. е. паном (marchio, comes confinii) пограничного комитата или марки [43]. Очевидно, привилегированные русские в первые десятилетия XI в. оказались за рамками формировавшейся системы комитатов и, являясь привилегированными, живущими единой массой этносом, имели своего руководителя. Аналогию титулу *dux Ruizorum* «вождь (князь) русских» в более раннюю эпоху, в середине X в., можно найти в титуле вождя трех каварских племен, и позже – в титулах ишпанов секеев и саксов [44].

Западногерманские русичи приобрели большой политический вес не только благодаря своей роли по защите границ, но также и из-за наступивших в середине 1020-х годов перемен в венгеро-германских отношениях. В 1024 г. скончался шурин Иштвана император Генрих II, и на германском престоле его сменил Конрад II, который поставил точку в мирных и дружественных венгеро-германских отношениях, характерных для нескольких прежних десятилетий, и открыто стремился к подчинению, даже завоеванию Венгрии. Его враждебные намерения ясно проявились уже тогда, когда после смерти в 1026 г. баварского князя Генриха Люксембургского на баварский престол вместо Имре, который по материнской линии происходил из баварской княжеской семьи, Конрад II посадил собственного сына, впоследствии императора Генриха III [45]. Готовилось нападение германской империи на Венгрию. Не ис-

inslav

ключено, что эта политическая ситуация породила титул *dux Ruizorum* герцога Имре, когда особенно важной стала защита западных границ.

В этом вопросе Х. Марцали занял следующую позицию: в результате германо-венгерской войны 1030 г. немцы отказались от территории между Лейтой и Фишей, а также между устьем Фиши и Моравой, и эту населенную австрийцами территорию Иштван отдал в управление Имре, о чем и говорит титул *dux Ruizorum,* ведь – согласно Марцали – в этом титуле отражается русское название австрийцев – *ruiz* [46]. Если бы Марцали был прав, Имре должен был бы носить титул *dux Ruizorum* лишь очень короткое время, так как мирный договор, по которому германские территории перешли венграм, был заключен летом 1031 г., а Имре скончался уже 2 сентября 1031 г.

Мы также не считаем, что титул *dux Ruizorum* имел свою предысторию или продолжение. Возникшей во второй половине 1020-х годов на германо-венгерской границе опасной ситуацией объяснялось то, что защищавших границы русских временно возглавил член королевской семьи, которому предсказывали славное будущее. С кончиной Имре исчез и сам титул, специально учрежденный для него, а западновенгерские русичи постепенно влились в комитатскую структуру Венгрии, о чем свидетельствует номенклатура XII в. – «marchia Ruthenorum». Спустя несколько веков западновенгерские русичи были ассимилированы, о чем говорит появление наряду со славянской (русской) топонимией и топонимии венгерской.

В завершение нашего исследования можно констатировать, что от поселения русичей единой массой в Западной Венгрии до 1031 г. необходимо отделить те данные (прежде всего топонимы), согласно которым в разных точках страны разбросанно можно было встретить русских и их поселения. Они лишь частично являлись королевскими поселениями, появление остальных стало результатом стихийного переселения или торговой деятельности. Топоним *Орос-* сам по себе еще не означает сознательного переселения королем большой массы русского этноса или совсем раннего заселения. В то же время происхождение географического названия *Орос-* от антропонима *Орос* ставит под вопрос и то, жили ли вообще русские в данной местности, за исключением человека, по имени которого она и была названа. Результаты нашего исследования обращают внимание на необходимость проведения тщательного анализа в каждом конкретном случае.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpi Arpadianae gestarum. I–II / Ed. Szentpetery E. Budapestini, 1937–1938 (далее – SRH). I. P. 47.

[2] *Melich J.* A honfoglaláskori Magyarország. Bp., 1925–1929. 155–157. old.

inslav

[3] Ibid. 165. old. См. также: *Melich J.* Néhány Magyar népnévröl // Magyar Nyelv. 1909. 338–339. old.

[4] *Mályusz E.* A középkori Magyar nemzetiségi politika // Századok. 1939. 268–270. old.

[5] *Györffy G.* A Magyar nemzetségröl a vármegyéig, a törzstöl az országig // Századok. 1958. 58, 71, 574–577. old.

[6] *Györffy G.* Az Arpad-kori Madyarorszag torteneti foldrajza. Bp., 1963. 1. Kot. 126, 465, 546, 649. old.

[7] *Malyusz E.* Op. cit. 266, 273. old.

[8] *Kristó G.* Szempontok a korai helyheveink történeti tipologiájához // Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominatae. Acta Historica. Szeged, 1976. T. LV. 64–65. old.

[9] *Kristo G., Makk F., Szegfu L.* Adatok a «korai» helyneveink ismeretéhez I // Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominatae. Acta Historica. Szeged, 1973. T. XLIV. 13. old.; *Kniezsa I.* Keletmagyarorzági helynevei. Magyarok és románok I. A Magyat Történettudományi Intézet Évkönyve. Bp., 1943. 252. old.; Coriolan Suciui Dictionar istoric al localitatdor din Transilvania I. Bucureşti, 1967. S. 390.

[10] *Kniezsa I.* Op. cit. 252. old.; Coriolan Suciui Dictionar istoric al localitatdor din Transilvania I. 390. old.

[11] *Kristó Gy.* Op. cit. 63. old.

[12] Zsigmondkori oklevéltár I. (1387–1399). Magyar Országos Levéltár Kiadványai II. Forráskiadványok I. Bp., 1951. 3021. old.

[13] *Györffy Gy.* Az Arpad-kori Madyarorszag torteneti foldrajza. I kot. 649, 797. old.

[14] *Malyusz E.* Op. cit. 282. old.

[15] *Györffy Gy.* A Magyar nemzetségről a vármegyéig... 574, 577. old.

[16] *Pauler Gy.* A Magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt I. Bp., 1893. 530. old.

[17] *Marczali H.* Magyarország története. Bp., 1911. 74. old.

[18] *Györffy Gy.* A Magyar nemzetségről a vármegyéig... 574. old. *Hóman B.* (Szekfü Gyula). Magyar történet I. Budapest, 1935.

[19] SRH. II. P. 390–392.

[20] Ibid. P. 392.

[21] Megjegyzések az un. «pogánylázadások» kora történetéhez // Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominatae. Acta Historica. Szeged, 1965. T. XVIII. 20. old.; *Györffy Gy.* István király és müve. Bp., 1977. 396–380. old.

[22] *Hóman B., Szekfü Gy.* Magyar töténet. I. Bp., 1935. 235–237. old.; *Szegfü L.* Gellért, marosi püspök // Világosság. 1976. 94. old.

[23] A Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. II. Bp., 1970. 1093. old.

[24] *Gockenjan H.* Hilfsvölker und Grenzwächshter im mittelalterlichen Ungarn. Wiesbaden, 1972. 66. old.

inslav

[25] *Fejépataky L.* Kálmán király oklevelei. Ertekezések a történeti tudományok köréből. Bp., 1892. XV. köt. 5. sz. 42. old.
[26] *Nagy I.* Nagy-Oroszi mezőváros helynevei //Magyar Akadémiai Értesítő. 1857. 597. old.
[27] *Györffy Gy.* A Magyar nemzetségről a vármegyéig... 574–575. old.
[28] *Hodinka A.* Az orosz évkönyvek Magyar vonatkozásai. Bp., 1916. 335. old.
[29] *Wertner M.* Az Árpádkori udvari tisztviselök sorozata // Történelmi Tár. 1899. 670. old.
[30] История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 122.
[31] См. об этом: *Kristó Gy.* Tanulmányok az Árpád-korról. Bp., 1983.
[32] *Pauler Gy.* Op. cit. 239, 476. old.
[33] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 334.
[34] *Németh P.* Borsova határvármegye kialakulása. A Kisvárdai Vármuzeum Kiadványai 5. Debrecen, 1975. 14. old.
[35] *Балагури Е.А., Пеняк С.И.* Закарпаття – земля словянська. Ужгород, 1976.
[36] *Györffy G.* A szavaszentdemeteri görög monostor XII. Száadi birtokösszeirása // A Magyar Tudományos Akadémia Tarsadalmi-Történeti Tudományok Osztályának Közleményei. 1952. 338–339. old.
[37] SRH. I. P. 113, 118.
[38] См.: *Kristó Gy.* Tanulmányok az Árpád-korról. Bp., 1983.
[39] *Kristó Gy., Makk F., Szegfű L.* Op. cit. 12, 29. old.
[40] *Moor E.* Westungarn im Mittelalter im Spiegel der Ortsnamen. Szeged, 1936. 39, 259. old.
[41] *Kniezya I.* Magyarország népei a XI-ik században. Emlékkönyv Szent István kiráky halálának kilencszázadik évfordulójan II. Bp., 1938. 425. old.
[42] *Fehér G., Ery K., Kralovánszky A.* Közép-Duna-megyar honfoglalás- és kora Árpád-kori siremlékei. Leletkataszter / Szerk. Szöke B. Budapest, 1962. 64–65. old.
[43] *Závodszky L.* A Szent István, Szent Lászlo es Kálman korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai. Bp., 1904. 170. old.; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 93.
[44] *Moravcsik Gy.* Biborbanszuletett Konstantin. A birodalom kormányzáse. Bp., 1950. 174–175. old.
[45] См.: *Kristó Gy.* Tanulmányok az Árpád-korról.
[46] *Marczali H.* Op. cit. 74. old.

inslav

М.К. Юрасов

Киевская Русь и королевство Венгрия: первые политические и межконфессиональные контакты

История становления русско-венгерских связей в начальный период христианизации двух соседних государств пока еще не стала темой специального исследования ни в нашей стране, ни в Венгерской республике. Ее в общих чертах затрагивали лишь венгерские ученые Марта Фонт [1] и Дьёрдь Ружа [2]. Кроме того, В.П. Шушарин – единственный из отечественных историков – рассмотрел процесс христианизации венгров [3], подготовив почву для дальнейших исследований сравнительного характера. Тем отраднее продолжить начатое им дело и изложить первые результаты проделанной работы в сборнике, посвященном памяти В.П. Шушарина.

Источники. Информация русских летописей о политических и межконфессиональных контактах Руси и Венгрии в период распространения в обоих государствах христианской религии практически полностью отсутствует. По крайней мере ее нет в тех летописных памятниках, достоверность которых не подвергается сомнению серьезными исследователями.

Известия подобного рода сохранили лишь Никоновская летопись и материалы, представленные в труде В.Н. Татищева. Однако позднее происхождение этих памятников (соответственно, XVI и XVIII вв.) ставит перед историками проблему нахождения источников той заключенной в них информации, которая отсутствует в летописях более раннего времени. Обращает на себя внимание то, что после церковного панегирика князю-крестителю Руси, относящегося к 6523 (1015) г., в Никоновской летописи помещено вставное сказание «О угрех», в котором объясняются причины принятия венграми латинского вероисповедания.

Скудные летописные известия несколько дополняются данными агиографических сочинений – различного рода житий, памятников Борисо-Глебовского цикла, сказаний Киево-Печерского патерика. Впрочем, эти источники также единичны, не говоря уже об их достаточно позднем происхождении, так что и они не надежны для решения поставленной проблемы.

Более ценным в этом отношении является Житие св. Ефрема Новоторжского, братьями которого были Георгий – любимый отрок князя Бориса, погибший вместе с господином, и св. Моисей Угрин. Фактически по этому сказанию исследователи восстанавливают биографию всех трех братьев до

inslav

1015 г. Однако Житие Ефрема Новоторжского сохранилось в поздней и плохой редакции, которая состоит из бессвязного ряда статей и всего менее говорит о жизни Ефрема [4].

Ввиду крайней скудости собственных исторических источников, сохранивших известия о событиях раннесредневековой истории, польские хронисты XV–XVII вв. активно использовали при составлении своих компиляций сведения из доступных им древнерусских летописей. При этом они не только трактовали привлекаемые летописные свидетельства в духе прославления «великого прошлого» польского народа, но порой придумывали собственные версии, подкрепляющие нарисованную ими величественную картину.

Впоследствии сообщения Длугоша, Стрыйковского, Кромера и работавшего в Польше итальянца Гваньини использовал при составлении своей «Истории Российской» В.Н. Татищев, который первым среди русских авторов исторических сочинений попытался дать критический анализ этой информации. Однако его замечания касаются не всех заимствований и не носят объективного научного характера.

По степени достоверности свидетельства немецких средневековых письменных источников традиционно ставятся на одно из первых мест, поскольку их оставили непосредственные участники или современники описываемых событий. Хотя конкретно о взаимоотношениях Руси и Венгрии ни Бруно Кверфуртский, занимавшийся миссионерской деятельностью среди «черных мадьяр», а затем направившийся через Русь к печенегам, ни сохранившие о нем сведения немецкие хронисты и агиографы не упоминают, их известия помогают более точно воссоздать обстановку в Восточной Европе, в которой проходили первые политические и межконфессиональные контакты русов и венгров.

Свидетельства Бруно Кверфуртского позволяют представить ход процесса христианизации Венгрии и оценить степень утверждения этой мировой религии в различных частях страны в начале XI в., что очень важно с точки зрения рассматриваемой проблемы. О своей миссионерской деятельности Бруно (известный также в источниках под именем Бонифация) подробно рассказывает в письме германскому императору Генриху II [5].

Подобно древнерусским летописям, все дошедшие до нас произведения венгерских хронистов имеют достаточно позднее происхождение. Историками гипотетически восстанавливается по позднейшим сочинениям часть «Деяний венгров» XI в. В целом эти источники практически ничего не говорят о русско-венгерских контактах рассматриваемого времени.

Некоторые подробности об обстановке на восточных рубежах Венгерского королевства в первой половине правления Иштвана I (1000–1038) и факты, касающиеся процесса христианизации областей, пограничных с Русью

inslav

и степями Северного Причерноморья, сообщают агиографические сочинения, посвященные Иштвану I Святому. Известны его Большое (Пространное) и Малое жития, написанные, соответственно, между 1077–1083 гг. и между 1095–1116 гг. разными авторами[6]. Некоторые подробности хода процесса христианизации областей, граничивших с землями Юго-Восточной Руси, и о степени распространения здесь византийского православия содержатся в Житии св. Геллерта (Герхарда), составленном в XIV в., но, возможно, использовавшем материал не сохранившегося более раннего варианта жития этого святого, написанного в связи с его канонизацией в 1083 г. [7]

Киевская Русь и христианизация Венгрии. Активное проникновение христианства в земли Восточной и Юго-Восточной Европы во второй половине X в. поставило местных правителей перед альтернативой: либо бороться с новым культом, подрывавшим традиционную «веру предков», либо сделать его общегосударственным. Князья Руси и Венгрии в конечном счете сделали выбор в пользу крещения, но специфика местных условий наложила свой отпечаток на ход процесса христианизации в каждой из этих стран.

Древнерусские летописи и венгерские средневековые латиноязычные сочинения никаких прямых или косвенных свидетельств относительно участия русов в распространении христианства в Венгрии не содержат. Обозначенную в заглавии данного раздела тему можно было бы вообще не затрагивать, если бы не информация, заключенная в «Истории Российской» В.Н. Татищева. Известно, что Татищев пользовался не дошедшими до нас древнерусскими письменными источниками, а также сводными хрониками европейских авторов позднего средневековья (прежде всего польских), но, как правило, не цитировал, а пересказывал их, нередко сопровождая своими домыслами, не опирающимися на конкретные факты, содержащиеся в источниках.

Об участии Владимира Святославича в процессе христианизации Венгрии Татищев сообщает в заключительном абзаце статьи 1015 г., который во второй части первой редакции приводит следующую информацию: «Сей же Владимир, прияв сам крещение, прилежа не толе о своих, но и о сторонних, како бы просветити, посыла ко князем угорским, понуждая креститися. Они же зело хотяху и послаша во Царьград, просяще учителей. Греки же, отягчени бывше войною и не имущи книг на угорском языце, а папа присла учители сольсти Стефана, и крести во свою веру...» [8]. Это же сообщение с некоторыми несущественными различиями в глагольных формах заключено и во второй редакции труда Татищева [9].

В авторском комментарии к этому известию Татищев пишет: «Сие обстоятельство, крещение угров, или венгров, видится, по их гисториям согласует: 1) что они первое учение прияли от восточной церкви, как выше, н. 52, о послании к ним епископа Мефодия сказано; 2) по летописцам венгерским

inslav

кресчение или римское исповедание прияли они в 989 году, спустя по Владимирове кресчении год, а именно при короле Гисе, но не утвердися, даже в 1000-е лето сын его Стефан утвердил. И тако весьма вероятно, что Владимир к ним о учреждении греческого исповедания посылал» [10].

В сообщении В.Н. Татищева и в его авторском комментарии к нему просматривается стремление, во-первых, показать информированность обо всех свидетельствах, касающихся деятельности Владимира Святославича по распространению христианства на сопредельных землях, а во-вторых, доказать, что Киевская Русь с самого начала встала на один уровень с Византией в деле борьбы не только с язычеством, но и с «неправильным» латинским вероисповеданием. Однако среди дошедших до нас средневековых латиноязычных источников королевства Венгрии нет ни одного, где принятие христианства Венгрией при князе Гезе датировалось бы 989 г., поэтому непонятно, о каких «летописцах венгерских» говорит Татищев.

Характерно, что Никоновская летопись, которую также активно использовал Татищев при написании «Истории Российской», ничего не сообщает о содействии Владимира Святославича процессу христианизации Венгрии, хотя здесь, в отличие от предшествовавших ей летописей, после прославления христианских добродетелей Владимира вставлено специальное сообщение «О угрех», где записано: «Видьвши же Пиони, глаголемии Угри, яко приаша языци, сущие въ Руси, святое крещение, и абие мановениемъ Божиим подвигошася два князя Угорскаго языка, идоша въ Царьградъ, и приаша святое крещение и съ сущими подо областию их. Архиереи же Гречестии не доспевше внити въ землю ихъ, варварскаго ради нашествиа на Царьградъ, еже наказати ихъ и предати имъ божественное писание, понеже по языку ихъ не имяху книг, и абие одинъ отъ князей ихъ, Стефанъ именемъ, отъиде ко Господу, много добра дьла сотворивъ. Видевше же Латыне изнеможение Греческое, пришедше изъ Рима удобно глаголемии Угри къ своей прелести приложиша; такоже и ближняа ихъ языки, и Уны, и Пиды, и Ньмцы, и Поляне и иныа прилежащая къ Риму, приложиша къ своей прелести, якоже напреди писано есть» [11].

Цитированный отрывок происходит из византийского сочинения, составленного, вероятно, в 985–986 гг., и впервые был воспроизведен Иоанном Скилицей в его хронике [12]. Его оригинальная рукопись была впоследствии утрачена, но именно с нее, скорее всего в XIV в., был сделан перевод на древнерусский язык. При этом сочинение получило название «Повесть о латынех, когда отлучишася от грек» [13].

Именно оно и воспроизведено, хотя и в несколько сокращенной форме, в Никоновской летописи. Причем уже там есть существенное отступление от оригинального текста: летописец XVI в. явно хотел показать, что Русь приняла святое крещение ранее Венгрии и стала для последней примером. Ничего

inslav

этого в «Повести о латынех...» нет. Ее начало соответствует реальной ситуации середины X в., когда венгерские вожди Термачу и Булчу отправились в Константинополь для приобщения к христианской вере: «Сия же вся языки видевше Пеони, глаголеме Оугри, или сами нарицаются Магере, яко в едино беша с Грекы и просвещение разоума видевьше въ них паче себе – беахоу же си и еще в нечьстии, *яко прежде Болгаре и Роусы* (курсив мой. – *М.Ю.*) – абие мановением Божиим въздвигошася два князя пеонскаго языка, и тако съ всею силою своею снидожа ити и до самого Константина града...» [14].

Таким образом, в оригинальной «Повести о латынех...» нет расхождений с хронологической канвой событий. Венгерские вожди отправились в византийскую столицу отнюдь не вследствие крещения соседней Руси, которое произошло на сорок лет позже. Составитель Никоновской летописи связал воедино два совершенно разных сюжета ранней венгерской истории: крещение Термачу и Булчу и трудности с распространением христианства в Венгрии на рубеже X–XI вв. на фоне тяжелой внешнеполитической ситуации, сложившейся в то время вокруг Византии. При этом составитель отступил от исторической правды, заявив, что Русь послужила примером для венгерских князей. Еще дальше пошел В.Н. Татищев, приписавший, как упоминалось выше, Владимиру Святославичу участие в процессе христианизации соседнего народа. При этом Татищев полностью отошел от текста «Повести о латынех...», дав свою версию, развивающую концепцию Никоновской летописи, но искажающую суть оригинального источника. Характерно, что эта искаженная информация появляется уже в первой редакции «Истории Российской» [15].

Средневековые латиноязычные сочинения о христианизации венгров. Поскольку мы пока не можем выявить те первоначальные источники, из которых почерпнул свою информацию об участии Владимира Святославича в крещении мадьярского населения (если таковые были) В.Н. Татищев, остается выяснить, насколько необходимой и реальной была миссионерская деятельность русских христиан в Венгрии на рубеже X–XI вв.

Как уже было сказано, первые попытки принятия христианства вождями отдельных венгерских племен относятся к середине X в. Однако до последней трети этого столетия подобные приобщения к Христовой вере носили эпизодический и добровольный характер.

В конце X в. Венгрия косвенно втягивается в борьбу между папством и германской имперской церковью. Процесс официальной христианизации страны разворачивается при венгерском князе Гезе (ок. 970–997 гг.). Понимая всю сложность ситуации противостояния папства и Священной Римской империи, Геза проводил жесткую внутреннюю политику, целью которой было всемерное укрепление его власти, и гибкую внешнюю политику. Как сообщает «Большое житие Иштвана Святого», придя к власти, Геза «начал тщательно

inslav

вести переговоры о мире со всеми соседями, владевшими расположенными вокруг него областями» [16].

Во избежание конфликта с Оттоном I Геза обратился лично к нему с просьбой о присылке с миссией епископа, которым стал Бруно из Санкт-Галлена. При этом император подписал рекомендательное письмо пассаускому епископу Пилигриму, в котором содержалась просьба о содействии миссии Бруно. В ходе этой миссии был крещен глава венгров, принявший имя Стефана (по-венгерски Иштван) [17].

Древнерусские летописцы хорошо знали сына Гезы – первого венгерского короля Иштвана I Святого (в язычестве носившего имя Вайк). Даты правления Вайка-Иштвана (997–1038 гг.) далеко не всегда вписываются в летописную хронологию, из чего делается однозначный вывод о том, что составитель свода весьма приблизительно знал хронологию событий X – начала XI в. и потому относил к 996 г. события, которые произошли уже в первые годы следующего века. Речь в данном случае идет об информации Повести временных лет о поддержании Владимиром Святославичем мирных отношений с соседними государями, в том числе с венгерским королем Стефаном [18]. Однако *теоретически* существует и такая возможность: что в источниках, которыми пользовались составители древнейших летописных сводов, могли быть объединены в один исторический образ отец и сын – Геза-Иштван и Вайк-Иштван. Тем более, что оба являлись крестителями страны, оба беспощадно боролись с вождями-сепаратистами. К тому же основную информацию о Гезе мы черпаем из Большого и Малого житий Иштвана Святого.

Эти два агиографических памятника рисуют два различных образа первого крестителя Венгрии Гезы-Иштвана. В Большом житии, составленном между 1077 и 1083 гг., этот князь предстает более соответствующим образу христианского правителя. Он «применял силу по отношению к своим [людям], но, поскольку он верил в Христа, он был милостив и щедр по отношению к иностранцам, особенно – к христианам... Кроме того, он распорядился, чтобы другие христиане, которые хотели прийти в его королевство, пользовались бы гостеприимством и безопасностью. Он дал возможность священникам и монахам приходить к нему, с удовольствием выслушивал их, находя радость в том, что дают всходы семена истинной веры, посеянные в саду сердца ... но очень много забот вызывало у него подавление восставших, искоренение святотатства обрядов, основание епископий согласно его вере и на благо святой церкви» [19].

Совсем другой Геза предстает перед нами в составленном при короле Кальмане Книжнике (1095–1116 гг.) Малом житии св. Иштвана. Автор этого сказания прямо говорит о том, что руки Гезы «испачканы человеческой кровью». Геза «весьма прославил себя перед взором Бога тем, что обратил к почитанию истинного Бога всех предводителей (comites) своего войска. Тех же,

inslav

кого он нашел идущими чужим путем, он подчинил с помощью угроз и устрашения» [20]. О жестокости Гезы при насаждении христианской религии среди своих подданных свидетельствует и Титмар Мерзебургский, заявляющий о том, что Геза был «чрезвычайно жесток; он убил многих в своей неожиданной ярости. Став христианином, ради укрепления этой веры он свирепствовал против отказавшихся [стать христианами] подданных... Он приносил жертвы Всевышнему Богу и различным воображаемым богам. Когда же его главный священник (antistes) обвинял его в этом, он отвечал, что достаточно богат и силен, чтобы делать это» [21].

О том, насколько тяжело шел процесс христианизации Венгрии, свидетельствует Бруно Кверфуртский в написанном им в 1004 г. Житии св. Адальберта (Войтеха). Бруно, в частности, пишет о том, что, побывав в 995 г. по пути в Рим при дворе Гезы, Адальберт вынужден был без особых успехов бороться с царившими там «заблуждениями». Более того, жена Гезы Шарольта сохранила свое языческое имя и «держала все королевство в руках; она управляла мужем и [всем], что принадлежало мужу; в ее правление [было положено] начало христианства, но [это была] религия, зараженная язычеством; так что возникло слабое и внушающее опасение христианство, худшее, чем варварство» [22]. Титмар Мерзебургский сообщает о том, что Шарольта «чрезмерно пила, ездила на коне, словно воин, в гневе она сгоряча убила одного мужчину» [23].

По мнению венгерского исследователя Д. Дьёрффи, подобные характеристики фразы отражают лишь ситуацию последних двух лет правления Гезы, когда он был уже тяжело болен, что позволило его супруге получить столь большой объем власти и показать свое истинное лицо [24].

Таким образом, информация венгерских агиографических сочинений, повествующих о первом крестителе Венгрии, Гезе-Иштване, лишь *теоретически* допускает участие некоторых представителей древнерусского клира в процессе христианизации соседней страны, поскольку Геза охотно общался с любыми иностранцами, особенно с христианами. Не подлежит сомнению, что результаты «миссионерской» деятельности Гезы оказались весьма скромными, иначе ему не пришлось бы применять столь суровые меры при насаждении новой религии.

Это утверждение подкрепляется и последующей деятельностью сына Гезы Вайка-Иштвана, которому во многом пришлось заново крестить мадьяр, совмещая насаждение христианской религии с борьбой с сепаратизмом. При этом закрепление новой религии сопровождалось теперь убийством князя-сепаратиста и жестким подчинением возглавлявшейся им племенной группы центральной власти в лице короля Иштвана I.

inslav

Первой жертвой этой последовательной политики стал правнук Арпада Коппань – правитель области Шомодь, пытавшийся оспорить у Иштвана I верховную власть после смерти Гезы в 997 г. по праву сеньората и обычаю левирата, для чего он отправился в поход с целью принуждения к насильственному браку вдовы Гезы Шарольты – дочери правителя Трансильвании Дюлы Младшего. Однако Коппань потерпел сокрушительное поражение под Веспремом и погиб. Традиция конца XI в. рисует его закоренелым язычником [25].

В 1003 г. наступает черед Дюлы Младшего. Основным источником, повествующим об их борьбе, являются Большие Алтайхские анналы, сообщающие под этим годом: «Венгерский король Иштван выступил с войском против своего дяди по матери короля Дюлы; захватив его с женой и двумя сыновьями, Иштван силой принудил его королевство к [переходу] в христианство» [26].

Венгерская историческая традиция XII в., как и в случае с Коппанем, старалась подчеркнуть язычество Дюлы Младшего. Продолжатель «Деяний венгров», созданных при Кальмане Книжнике (1095–1114/6 гг.), пересказал информацию немецкого современника борьбы Иштвана с Дюлой – автора Больших Алтайхских анналов, истолковав ее по-своему и приурочив к 1002 г.: «Иштван Святой... вел славную и выгодную войну против своего дяди по матери по имени Дюла, который тогда обладал властью над всем королевством За лесом (т.е. Трансильванией. – *М.Ю.*). В год господа 1002 король Иштван Святой схватил вождя (dux) Дюлу с женой и двумя его сыновьями и отослал их в Венгрию. Это он сделал потому, что тот, хотя его часто убеждал Иштван Святой, не принял веры Христовой и не переставал наносить обиды венграм» [27].

Русь и Венгрия между Римом и Константинополем. Никоновская летопись содержит целый ряд упоминаний о папских посольствах в Киев. Первое из них относится к 6496 (988) г.: «Приходиша послы изъ Рима отъ папы, и мощи святых принесоша къ Володимеру» [28]. Известие о втором посольстве находим под 6499 (991) г.: «Того же лѣта приидоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы, съ любовью и съ честию» [29]. Эта же летопись содержит еще одно упоминание о приеме Владимиром папских послов и об отправке ответного посольства в Рим под 6508 (1000) г.: «Того же лета приидоша послы от папы Римскаго и от королей Чежьскихъ и Угорскихъ... Того же лета посла Володимеръ гостей своихъ, аки в послехъ, въ Римъ, а другихъ во Иерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ» [30].

Происхождение этой информации неизвестно [31], аналогичные сообщения в западно-европейских источниках отсутствуют. В.Н. Татищев не повторяет в «Истории Российской» известие, помещенное в Никоновской летописи под 988 г., но сообщает значительно больше информации в статье, описывающей события 991 г. В первой редакции своего труда он, среди прочего, пишет: «Тогда же приходиша послы от папы римского, и прият я Владимир,

inslav

отпусти с любовию и честию. И посла к папе свой посол. Уведав же о сем, патриарх Цариграда, писа ко Владимиру и митрополиту Михаилу, что недобро с папою ссылатися, рекши: Вера римская недобра...». Далее приводятся конкретные примеры «неправильности» некоторых католических догматов и упоминается история папессы Иоанны. Заключает статью призыв: «И вы того их зловерия не принимайте и учению их не верьте». Практически в таком же виде, но с авторскими добавлениями это известие изложено во второй редакции труда Татищева [32].

Авторский комментарий к этой статье в первой редакции труда Татищева бо-лее пространен, чем во второй: «О присылке послов от папы во всех кратко есть, а о письме патриарше в Раскольничем токмо упомянуто кратко. Сие же точно выписано из древняго летописца у Хрущова, из которого он многие статьи здесь дополнил; оной продолжен до нашествия Ярославля к Батыю, но конец не дописан, знатно, с чего списыван нечто пропало и оной, может, ныне отъискать удобно...» [33]. Конец этого комментария посвящен источникам известия о папессе Иоанне. Во второй редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева в аналогичном комментарии опущен пассаж от слов «оной продолжен» до многоточия [34].

Сообщение Никоновской летописи, относящееся к 6508 (1000) г. Татищев повторяет под следующим, 6509 (1001) г., но не полностью, а лишь последнюю его фразу, причем несколько измененным языком: «Того же лета посла Володимер послы своя, яко гости, единех в Рим, а другие в Иерусалим, Египет и Вавилон соглядати земля и обычая их» [35].

В цитированных отрывках из Никоновской летописи и труда Татищева вместе с комментариями к ним обращает на себя внимание то, что в описании фактов установления отношений между киевским князем и папой римским четко прослеживаются два различных варианта подачи сведений: с одной стороны, чисто информативный и, с другой, осуждающий «экуменизм» Владимира Святославича. Это наталкивает на мысль о двух разных источниках, из которых черпались сведения. Для оправдания тесных связей Владимира с «латинянами» служит сообщение об отправлении послов не только в Рим, но и в различные страны Ближнего Востока.

Венгерский союз племен при Гезе еще не представлял собой достаточно консолидированного политического образования. Правители отдельных групп племен (Коппань, Айтонь, Дюла Младший) относились к Гезе, а затем и к его сыну Иштвану как к «первому среди равных». Христианизация страны давала возможность верховному правителю добиться фактического единовластия, однако если с Коппанем и Дюлой можно было бороться под флагом распространения «истинной веры», то Айтонь принял крещение по восточному обряду. Таким образом, для сохранения независимости от проводившего

inslav

централизаторскую политику Иштвана Айтонь использовал и религиозный фактор, поскольку приобщение к византийской церкви должно было обеспечить правителю юго-восточной части Трансильвании поддержку соседних правителей, принадлежавших к той же конфессии.

Историками до сих пор не установлена точная дата столкновения Иштвана с Айтонем. Споры идут вокруг двух дат: 1003/4 г. [36] и 1028 г. [37] Основную информацию о степени христианизации владений Айтоня мы узнаем из Жития св. епископа Геллерта (Герхарда): «В это время в городе на Мароше (Marosvar) был весьма могущественный князь по имени Айтонь (Achtum), который был крещен в [болгарском] городе Видине (Budin) по обряду греков. Это чрезвычайно прославило его силу и власть. Однако у него было семь жен, так как не был он совершенен в христианской вере. Королю же Иштвану он ни в чем не воздавал почета, поскольку он полагался на массу воинов и благородных (nobilium), над которыми осуществлял власть. ... От греков же он получил полномочия и построил в упомянутом городе на Мароше монастырь в честь Иоанна Крестителя, поселив в нем аббата с греческими монахами, согласно их уставу и обряду...» [38].

Исследователи датируют крещение Айтоня после 1002 г. [39] С этого времени организуются греческие монастыри в его владениях, хотя, как считают венгерские исследователи М. Комьяти и Д. Кришто, первые из них были основаны еще при Гезе [40]. Еще раньше, после крещения в 952 г. в Константинополе правителя Трансильвании Дюлы Старшего, монах Иерофей был посвящен константинопольским патриархом в «епископы Туркии», хотя его местопребывание, как утверждает венгерский исследователь Л. Мезеи, находилось не в Венгрии, а в более южных славянских землях [41]. После победы над Дюлой Младшим и Айтонем Иштван I Святой пытается сломать византийскую церковную организацию на землях поверженных врагов путем создания там латинских епископств[42], однако «военно-политический союз, заключенный Иштваном Святым с Византией, способствовал распространению в Венгрии культа реликвии св. креста. Император Василий II также подарил Иштвану реликвию святого креста...»[43]

Обращает на себя также внимание распространение имен восточнохристианских святых среди родственников Иштвана I. В источниках фигурируют Михаил (младший брат Гезы – дядя Иштвана) и его сын Вазул (Васой = Василий)[44]. Основными сферами влияния восточного христианства в Венгрии были Трансильвания и южная часть страны – бассейн р. Марош, т. е. территории, непосредственно соприкасавшиеся с болгарскими, а после падения Первого Болгарского царства – с византийскими владениями.

Несмотря на несколько волн христианизации, захвативших Венгрию с юга и запада, к концу первого десятилетия XI в. здесь еще оставались «оази-

inslav

сы», где проживало население, твердо придерживавшееся «веры предков». Самым крупным из них была область расселения так называемых «черных мадьяр», локализуемая исследователями в Затисье [45] – на землях, непосредственно примыкавших к древнерусским владениям.

О том, насколько тяжело шел в этой области процесс христианизации, рассказывает Бруно Кверфуртский в письме императору Генриху II, относящемся, скорее всего, к осени 1008 г. [46], где говорится о том, что черные мадьяры уже все крещены, хотя при этом «наши – да простит их Бог – некоторых ослепили, совершив большой грех» [47]. В этом же письме Бруно признается, что он и его спутники «понапрасну провели много времени» [48] среди «черных мадьяр» По мнению венгерских исследователей, речь в данном случае идет о тех «черных мадьярах», которые жили во владениях Айтоня [49]. С точки зрения Д. Дьёрффи, «черными мадьярами» назывались племенные группы, примкнувшие к союзу «семи венгерских племен» в ходе «обретения родины» и последующих переселений кочевых племен, приходивших с востока на Средний Дунай в X в. [50]

Особое положение «черных мадьяр» подчеркивал французский хронист XI в. Адемар Шабаннский, писавший о том, что Венгрия состоит из двух частей, Белой Унгрии и Черной Унгрии. Последняя, полагал Адемар, названа так потому, что ее жители имеют цвет кожи, как у эфиопов [51]. Несомненно, на землях «черных мадьяр» проживало и многочисленное славянское население, освоившее эти территории задолго до «обретения родины» венграми.

Древнерусские летописи об установлении политических связей между Киевской Русью и Венгрией. Единственным свидетельством Повести временных лет, указывающим на выход системы взаимоотношений двух соседних государств на качественно новый уровень, является сообщение, помещенное под 6504 (996) г.: «... Володимеръ... и бе живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьским, и съ Стефаномь Угрьскымъ, и съ Андрихомь Чешьскымь. И бе миръ межю ими и любы...» [52].

Даже не обладая специальными знаниями из области летописеведения, можно сразу же сделать заключение о том, что 996 год – условная летописная дата и что само по себе это известие носит общий оценочный характер и относится ко всему правлению Владимира Святославича или ко многим его годам. По крайней мере между Иштваном I и крестителем Руси, скорее всего, были «миръ и любы». Никаких известий о конфликтах этих двух государей ни в древнерусских, ни в венгерских, ни в каких-либо других источниках нет, как нет и никаких следов боевых действий между двумя странами в обнаруженных археологами древностях.

Историков давно смущал подбор правителей соседних государств в данном сообщении. Прежде всего, в 996 г. на престоле находился лишь один

inslav

из них – князь Польши Болеслав I Храбрый (992–1025 гг.). Иштван I стал в 997 г. князем части венгерских племен, и лишь в 1000 или 1001 г. – королем (правил до 1038 г.), но как указывалось выше, его отец Геза также имел христианское имя Иштван. Учитывая это, мы можем предположить, что автор источника этой информации имел в виду обоих Иштванов – отца и сына. Что касается чешского князя «Андриха» (правильнее Удальриха или Олдржиха), то его правление падает на 1012–1037 гг. Если подойти к летописной информации с чисто формальной точки зрения, то временем, когда все трое упомянутых летописью государей находились на престоле, будут 1012–1025 гг. Применительно к княжению Владимира Святославича круг возможных дат сужается до 1012–1015 гг., но при этом формальный подход вступает в противоречие с исторической действительностью, ибо как раз 1013 годом датируется поход Болеслава I на Русь в союзе с печенегами, о котором сообщает Титмар Мерзебургский (Thietm. VI, 91) [53].

Таким образом, летописное сообщение 996 г. о мирных отношениях Владимира Святославича с соседними государями носит явно общеоценочный характер. Тем не менее исследователи до сих пор пытаются уточнить тот временной интервал, к которому *фактически* относится рассматриваемая летописная информация. Польский историк А. Грабский считал, что речь здесь идет о периоде 1004–1012 гг. [54], чешский историк Хавлик и В.Д. Королюк полагали, что редакция данной летописной статьи относится ко времени между 1018 и 1034 гг. и что в ее первоначальном варианте речь шла о чешском князе Болеславе II [55]. Более осторожно подошел к этой датировке В.Т. Пашуто, считавший, что летописная запись относится к концу жизни Владимира Святославича [56]. Данная точка зрения может считаться правильной лишь в том случае, если признать безоговорочным мнение о том, что за польско-печенежским походом 1013 г. последовало заключение династического брака между пасынком Владимира Святополком и дочерью Болеслава I Храброго, однако как раз это мнение не разделяется подавляющим большинством исследователей [57].

Значительно больше сведений о первых русско-венгерских дипломатических контактах сохранила Никоновская летопись. В отличие от Повести временных лет этот памятник XVI в. отразил какие-то не дошедшие до нас письменные источники, представляющие собой иной вариант повествования о начальном периоде русской истории. Прежде всего, рассмотренная выше информация Повести временных лет о «мире» и «любах» Владимира с соседними государями дана в Никоновской летописи не под 6504 (996), а под 6506 (998) г. Кроме того, под 6508 (1000) г. в Никоновской летописи содержатся совсем иные известия, чем в Повести временных лет. Одно из них дополняет

inslav

сообщение 6506 г.: «Того же лета приидоша послы отъ папы римскаго и от королей чежьскихъ и угорскихъ».

Первым автором, попытавшимся осмыслить эти летописные известия, был митрополит Макарий (Булгаков). Однако его анализ нельзя назвать по-настоящему научным. По сути дела, это лишь сводка летописных данных (в том числе известий В.Н. Татищева) о контактах Руси с западными государями на рубеже X–XI вв., за которой следует подборка западноевропейских средневековых свидетельств о принятии Русью христианства по восточному обряду [58].

Поэтому исследователями до сих пор не установлены источники этой информации [59]. Нет ее параллелей и в западноевропейских письменных памятниках. Начиная с Н.М. Карамзина в отечественной историографии крепнет убеждение в том, что известия автора Никоновской летописи, относящиеся к рубежу X–XI вв., являются плодом его фантазии [60]. М.Н. Тихомиров в свое время предостерегал от безусловного доверия к этой информации, допуская, что она могла быть сочинена в конце XV–XVI вв., когда московские великие князья активно сносились с папским престолом [61]. Эту точку зрения поддержала Л.Н. Годовикова, привлекшая свидетельство папского посла Антонио Поссевино о том, что однажды в конце пира Иван Грозный «произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой Римским» [62].

Однако буквально на следующий год после выхода учебника М.Н. Тихомирова по источниковедению появляется книга Б.А. Рыбакова «Древняя Русь: сказания, былины, летописи», где выдвигается гипотеза о том, что уникальные известия Никоновской летописи за 6486–6516 (978–1008) гг. взяты из недошедшего до нас древнего источника[63]. В наиболее авторитетном исследовании Никоновской летописи, появившемся в последние годы и принадлежавшем перу Б.М. Клосса, наряду с положительным отношением к гипотезе Рыбакова в целом высказываются сомнения по поводу достоверности известий названных лет о посольствах западных правителей и римских пап ко двору Владимира Святославича [64]. Таким образом, вопрос о происхождении этих известий до сих пор остается открытым.

В.Н. Татищев об отношениях Руси с западными соседями при Владимире Святославиче. Уже отмечалось, что автор «Истории Российской» достаточно вольно обращался с источниками, зачастую не цитируя их, а пересказывая своими словами или представляя читателю в своем толковании. При этом Татищев мог повторять одно и то же известие несколько раз, что было характерно для авторов древнерусских летописных сводов, у которых он взял форму изложения своего материала. С точки зрения достоверности первая редакция труда Татищева выглядит предпочтительнее, поскольку, по его собственному признанию, если в первой редакции «им были привлечены только летописные тексты, при точном следовании порядку и соблюдении языка летопи-

inslav

сей, то во второй редакции, по его же свидетельству, были использованы и нелетописные источники, а текст «Истории» переложен на современный язык» [65].

Однако и в первой редакции «Истории Российской», как установлено исследователями, есть явные «следы редакционной обработки Татищевым летописных текстов. ... Татищев... 1) подновлял язык (а иногда его архаизировал), сознательно распространяя и переделывая смысл древнего текста; 2) добавлял известия из нелетописных отечественных источников и источников иностранных; 3) вставлял свои рассуждения или версии для объяснения или связи одних фактов с другими» [66]. В качестве примера работы Татищева с иностранными источниками С.Л. Пештич приводит сообщение «Истории Российской» под 993 г.

В первой редакции этого труда Татищев следует летописному тексту: «В лето 6501 (993). Иде Владимир на хорваты. И возвратившуся ему с войны хорватские, и се печенези приидоша по оной стороне от Сулы. ...» [67]. Во второй же редакции названного сочинения информации несколько больше: «...Владимир ходил на Седмиградскую и Хорватскую земли, и, многи победы одержав и покорив, возвратился с множеством плена и богатства, и пришел в Киев со славою великою», после чего начинается описание столкновения с печенегами [68].

Поскольку новый вариант известия содержал во многом новую информацию, Татищев дал к ней авторский комментарий: «О войне Владимира на Седмиградскую и Хорватскую земли, или в Кроацию, хотя польские согласно упоминают, но есть сумнительно; ибо то пределы венгерские, и выше показано, что Владимир со Стефаном, королем венгерским, имел любовь, в Кроацию же не можно иначе идти, как чрез Моравию и Австрию. Но паче мнится, что ежели оные противны были королю венгерскому, то Владимир ходил в помочь оному, как то после не однова случилось, что руские венгром, а венгерские руским с войсками в помочь ходили, о чем, может, в венгерской истории яснее, а польские, сих времен собственных историй не имея, писали из русских. Но, может, близ Семиградской лежащий предел Кроациею назван, а паче верительно Карпать, ибо горы венгерские называются Карпатския» [69].

По мнению С.Л. Пештича, здесь просматривается явное заимствование информации из польской «Хроники» Стрыйковского [70]. При этом Пештич оспаривает мнение историка XIX в. Иосифа Сенигова, считавшего, что Стрыйковский и Татищев пользовались одним общим летописным материалом [71].

В данном свидетельстве прежде всего бросается в глаза плохое знание географии записавшим его лицом. Речь здесь, безусловно, идет не о Кроации, а о белых хорватах, которые были почти соседями жителей Семиградья (так в более позднее время стали называть Трансильванию). Именно путаница Кроации с землями белых хорватов заставила Татищева предпринять весьма не-

inslav

умелые попытки объяснения столь дальнего похода Владимира, которого, несомненно, на самом деле не было.

Что же касается похода в Трансильванию, то *теоретически* он вполне мог состояться, учитывая тот факт, что эта область тогда была полностью самостоятельной и ее правитель Дюла Младший не только не подчинялся князю Гезе, но и оставался приверженцем «веры предков». Возможно, Владимир Святославич ходил походом в Трансильванию как союзник Гезы, помогая ему и в деле крещения местного населения. Характерно, что в первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева под предыдущим 6500 (992) г. содержится следующая информация: «Ходи Владимир ко Днестру со двемя епископы, много людей, научая, крести. И построи в земли Червенстей град во свое имя Володимер, и церковь пресвятыя Богородицы созда, оставя ту епископа Стефана, и возвратися с радостию» [72]. В этом известии речь идет о миссионерской деятельности Владимира и его клириков как раз на землях, соседствовавших с северо-восточными окраинами будущего Венгерского королевства.

На возможность заключения русско-венгерского союза, одной из задач которого была борьба с венгерскими вождями-сепаратистами, *теоретически* указывает продолжение статьи Татищева, обращающей к событиям 6500 г. Она звучит в первой редакции следующим образом: «Того же году быша у Володимера послы Болеслава ляцкого, Стефана угорского и Андроника чешскаго (145) с любовию и миром, целующе и дары носяше многи» [73]. Во второй редакции «Истории Российской» Татищев явно добавляет от себя цель приезда послов: «Тогда же были у Владимира послы Болеслава польскаго, Степана венгерскаго и Удалрика (Андроника) чешского (197), с любовию и миром поздравляя его кресчением, и дары многи принесли» [74]. Таким образом, у Татищева получается, что послы соседних государств хотели лишь выразить свою радость по поводу появления еще одного христианского государства на востоке Европы.

Рассматривавшуюся выше часть сообщения Повести временных лет под 6504 (996) г. Татищев в первой редакции своего труда передает почти дословно: «... И бе живя со князьми окольними миром, со Болеславом ляцким, со Стефаном угорским, со Андрихом (с Андроником) чешским; и бе мир межи ими и любы...» [75]. Во второй редакции эта же информация интерпретируется следующим образом: «С пограничными же князи, Болеславом Польским, Стефаном Венгерским, Индриком чешским имел мир и любовь, которые его почитали, яко старейшаго и сильнейшаго во всех государех славенских» [76], что дает нам примеры перевода летописного известия на язык более позднего времени и чисто авторской оценки роли Владимира Святославича среди правителей восточной половины Европы, не подкрепленной свидетельствами западных источников.

inslav

Авторский комментарий Татищева к известию, помещенному им под 6500 (992) г., написан в духе рассуждений историков по поводу того, к какому году отнести известие Повести временных лет о «мире и любах» Владимира с соседними государями: «В Польше тогда был Болеслав Храбрый король 999, а умре в 1025. Угорский Стефан I король 1001, умер 1038; токмо чешскаго Андроника неизвестно, а был в те времена Удалрик, который, может, Андроником назван, он король 1004, умер 1037, и тако по летам сходственно» [77]. Этот комментарий показывает, что историю Чехии Татищев знал хуже всего, а лучше всего историю Венгрии.

Что касается первой редакции второй части «Истории Российской», то здесь Татищев помимо этих двух известий [78] упоминает еще под 6522 (1014) г. том, как Владимир установил династические связи с соседними европейскими государями: «... Тогда приидоша послы Болеслава ляцкого, с ними же быша послы чешские и угорские о мире и любви, просиша кийждо дщери его. Он же прирек Болеславу дати за чешского большую, а за угорского другую, ю же вельми любляше, и обеща весне съехатися в Володимери» [79].

Таким образом, В.Н. Татищев, несомненно, пытался совместить в своем труде информацию нескольких источников, в которых сообщались разные сведения о политических контактах Руси с западными соседями, относящиеся к различным годам. К сожалению, проблема выяснения источников информации В.Н. Татищева еще далека от разрешения.

Первые венгры на Руси: история братьев Угринов. Рассчитывать на нахождение большого количества свидетельств относительно пребывания венгров на русских землях в рассматриваемое время не приходится. Тем не менее трое братьев – Георгий, Моисей Угрин и Ефрем Новоторжский – одни из первых русских святых – оставили о себе пусть немногочисленные, но интересные упоминания прежде всего в источниках агиографического жанра. В настоящей статье я хотел бы затронуть не весь жизненный путь братьев, а лишь их деятельность до смерти Владимира Святославича.

Как уже указывалось выше, основные сведения о братьях-венграх дает нам Житие Ефрема Новоторжского – ушедшего из жизни последним из трех братьев и кроме того, ставшего основателем Новоторжского монастыря святых Бориса и Глеба. По свидетельству жития, это событие произошло в 1038 г., что несколько выходит за хронологические рамки нашей темы.

Позднее происхождение дошедшего до нас списка Жития св. Ефрема Новоторжского ставит перед исследователями проблему достоверности сведений об этом источнике. Уже в XIX в. обозначились две оценки этого памятника. Одну из них сформулировал В.О. Ключевский, посвятивший в своей книге «Древнерусские жития святых как исторический источник» лишь один абзац жизнеописанию св. Ефрема Новоторжского, в котором подчеркнул

inslav

позднее происхождение жития и «смутные биографические черты» братьев, передаваемые в названном памятнике. По-другому оценивал житие основателя Новоторжского монастыря митрополит Макарий (Булгаков), который старался восстановить основные вехи биографии трех братьев-венгров, хотя и признавал, что имевшееся в его распоряжении рукописное житие св. Ефрема Новоторжского «довольно обширно, но небогато содержанием» [80].

Из современных исследователей попытку представить основные вехи жизни Ефрема Новоторжского предприняла Н.Ф. Дробленкова в первом выпуске «Словаря книжников и книжности Древней Руси», посвященном периоду XI – начала XIV в. [81] Кстати, в статье словаря о Житии св. Ефрема Дробленкова признает, что этот памятник до сих пор «не имеет специальных исследований и научного издания» [82]. По дошедшим до нас скупым сведениям источников получается, что братья родились во второй половине X в. и в конце этого же столетия прибыли на Русь, где поступили на службу к любимому сыну князя Владимира Святославича Борису. При этом Георгий стал отроком княжича, а Ефрем – конюшим [83]. Чем занимался Моисей в то время, источники умалчивают.

В свое время М.П. Павлушкова пыталась показать, что братья-«угры» были вовсе не венграми, а происходили из одного из финно-угорских племен междуречья Оки и Волги. Однако, обосновывая свою точку зрения, Павлушкова допустила целый ряд фактических ошибок. Главной из них является подмена Бориса его братом Глебом, которому якобы служили братья-«угры». Поскольку Глеб княжил в Муроме – бывшем племенном центре финно-угорского племени мурома, у Павлушковой не возникало сомнений по поводу того, что Георгий, Моисей и Ефрем происходили именно из этих финно-угров [84]. Свою гипотезу она подкрепляет довольно странным рассуждением о том, что «на существование издавна сложившихся торговых отношений между Киевом и теми областями, в которых жили предки венгров, указывают также выводы Б.А. Рыбакова о связях Киева с северным и средним Поволжьем. А в начале XI в. в родственных венграм племенах Северной Руси имелись уже крупные купцы, судя по тому, что брат слуги Бориса Георгия «сына Угреск» по имени Ефрем Новоторженин учредил в 1030 г. близ Торжка Борисоглебский монастырь» [85]. Таким образом, исследовательница считает Ефрема Новоторжского богатым купцом из поволжских финно-угров.

Все остальные исследователи признают братьев-«угров» выходцами из Венгрии. Мы можем лишь строить догадки по поводу того, что заставило трех мадьяр оставить родину и поселиться на Руси. Поскольку те из братьев, которые остались в живых после драматических событий борьбы за власть между сыновьями Владимира Святославича (Моисей Угрин и Ефрем Новоторжский), посвятили себя служению Богу, можно предположить, что три угрина эмигри-

inslav

ровали в Киевскую Русь по причине насильственной «латинизации» той области Венгрии, где они проживали. Тогда Русь представляла собой наиболее спокойную страну восточного христианства, в отличие от Болгарии и Византии, боровшихся за лидерство на Балканском полуострове.

Заключение. Таким образом, подавляющее большинство известий из источников, сообщающих о первых политических и межконфессиональных контактах Киевской Руси и королевства Венгрии, нуждаются в проверке их достоверности. Вместе с тем вряд ли целесообразно полностью игнорировать информацию Никоновской летописи, «Истории Российской» В.Н. Татищева и агиографических сочинений о братьях-угринах, поскольку они не противоречат известиям дошедших до нас венгерских источников, повествующих о деятельности крестителей Венгрии – князя Гезы и его сына Иштвана Святого.

Впрочем, если следовать такой логике, что все сведения Никоновской летописи за 978–1008 гг. о папских посольствах в Киев объявляются написанными в угоду римской папской курии, с которой у Москвы были тесные связи в правление Ивана III и Василия III, то остается объявить таковыми и аналогичные свидетельства о венгерских посольствах, поскольку после миссии Ф.В. Курицына ко двору венгерского короля Матьяша Корвина в 1482 г. Московское государство находилось в союзнических отношениях с венгерским королевством. Кроме того, исходя из этой же логики, можно объяснить и чешские посольства в Киев при Владимире Святославиче, упоминаемые в Никоновской летописи, тем, что король Чехии Владислав в 1490–1516 гг. был одновременно и королем Венгрии под именем Уласло II. Однако, если посмотреть со стороны на наше увлечение логическими построениями, призванными доказать «буйство фантазии» летописца XVI в., то может возникнуть резонный вопрос: «Не слишком ли много мы пытаемся приписать этой фантазии?»

ПРИМЕЧАНИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Font M.* Megjegyzések a XI–XIII. századi orosz-madyar kapcsolatok egyháztörténeti vonatkozásairól // Tör-téneti tanulmányok Dél-Pannóniából, II. Pecs, 1990. 30–32. l.

[2] *Ruzsa Gy.* A régi orosz festészet kapcsolatai a kezdetektől a XVI. század végéig. Bp., 1998. 11., 19–20. l.

[3] *Шушарин В.П.* Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 159–186.

[4] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 335.

[5] [Epistola Brunonis Querfurtensis ad Henricum II regem] // Diplomata Hungariae Antiquissima. Bp., 1992. P. 44–48 (Doc. № 7).

inslav

[6] *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997. С. 366, 368.
[7] *Шушарин В.П.* Христианизация венгров. С. 170.
[8] *Татищев В.Н.* История Российская. М.–Л., 1964. Т. IV. С. 142.
[9] *Татищев В.Н.* Указ соч. М.–Л., 1963. Т. II. С. 70.
[10] Там же. Т. II. С. 237; Т. IV. С. 415.
[11] Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1862. Т. IX. С. 70.
[12] Az Árpád – kori magyar történet bizánci forrásai. Összegyűjtötte / Moravcsik Gy. Bp., 1984.
[13] *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян, XI–XV вв. М., 1875. С. 187–188.
[14] Там же.
[15] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 142.
[16] Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum (далее – SRA). Bp., 1938. T. I. P. 379.
[17] Catalogus Fontium Historiae Hungaricae, 1000–1301 (далее – Gombos). Ed. F.A. Gombos. Bp., 1938. T. I. P. 16.
[18] Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 56.
[19] Цит. по: *Шушарин В.П.* Христианизация венгров. С. 168–169.
[20] Там же. С. 169.
[21] Там же.
[22] SRA. T. I. P. 811. Цит. по: *Шушарин В.П.* Христианизация венгров. С. 175.
[23] Gombos. T. III. P. 2203–2204, 2297.
[24] Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig. I. köt. Bp., 1987. 726. l.
[25] Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) (далее – KMTL). Bp., 1994. 368.l.
[26] Gombos. T. I. P. 91.
[27] SRA. T. I. C. 314–315.
[28] ПСРЛ. Т. IX. С. 57.
[29] Там же. С. 64.
[30] Там же. С. 68.
[31] Повесть временных лет. С. 464.
[32] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 64; Т. IV. С. 138.
[33] Там же. Т. IV. С. 414.
[34] Там же. Т. II. С. 235.
[35] Там же. Т. IV. С. 141; Т. II. С. 69.
[36] *Шушарин В.П.* Христианизация венгров. С. 170.
[37] KMTL. 32. l.
[38] SRA. P. 489. Цит. по: *Шушарин В.П.* Христианизация венгров. С. 170–171.

inslav

[39] Magyarország történeti kronológiája. T.I. A kezdetektöl 1526-ig. Bp., 1986. S. 80. I.
[40] KMTL. 109. l.
[41] Ibidem.
[42] Ibidem.
[43] Ibidem.
[44] Magyarország története. T. I/1. 740.l.
[45] *Hóman B., Szekfű Gy.* Magyar történet. 7. kiadás. Bp., 1941.
[46] *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 314.
[47] Цит. по: *Шушарин В.П.* Христианизация венгров. С. 176.
[48] *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 314.
[49] Сводку данных см.: Там же. С. 176, 186.
[50] *Györffy Gy.* A magyarság keleti elemei. Bp., 1990. 78.l.
[51] Gombos. T. I. 16.l.
[52] Повесть временных лет. С. 56.
[53] Thietmari episcopi Merseburgensis chronicon: Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / R.Holtzmann. 3. Auflage. Berlin, 1935 (MGH SS rer. Germ. NS. T. 9). P. 89.
[54] *Grabsky A.* Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w początkach XI wieku // Slavia Orientalis. Warszawa, 1957. S. 169.
[55] *Havlik Z.* (L.) Tri kapitroly z nejstarsich cesko-polskich vztahu // Sloanske historicke studie. T. 4, 1961. S. 73; *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 103–104.
[56] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 34.
[57] См.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. / Тексты, пер., комм. М., 1993. С. 151–154; *Он же.* Западноевропейские источники. С. 322–323.
[58] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1994. Кн. 2. С. 122–123.
[59] Повесть временных лет. С. 469.
[60] Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. М., 1989. Т. I. С. 297.
[61] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. I. С. 255.
[62] *Годовикова Л.Н.* «Московское посольство» Антонио Поссевино // Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1970. № 5. С. 95.
[63] Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 182–186.
[64] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 187–188.
[65] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. I. С. 236.
[66] Там же. С. 237.
[67] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 139.

inslav

[68] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 65.
[69] Там же. С. 235.
[70] *Пештич С.Л.* Указ. соч. С. 240.
[71] *Сенигов И.* Историко-критические исследования о новгородских летописях и российской истории В.Н. Татищева. М., 1887. С. 329.
[72] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 138.
[73] Там же.
[74] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 64.
[75] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 140.
[76] Там же. Т. II. С. 67.
[77] Там же. Т. II. С. 235. Т. IV. С. 415.
[78] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т.IV. С. 138, 140.
[79] Там же. С. 142.
[80] *Макарий (Булгаков).* Указ. соч. С. 452, прим. 333.
[81] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. М., 1987. С. 148–150.
[82] Там же. С. 149.
[83] Там же. С. 148–149.
[84] *Павлушкова М.П.* Русско-венгерские отношения до начала XIII в. // История СССР. 1959 № 6. С. 152–153.
[85] Там же. С. 153.

inslav

А.В. Ратобыльская

«Старшие» и «младшие», «богатые» и «бедные» в законах Иштвана I

Законодательство первого венгерского короля Иштвана I Святого (997–1038) принадлежит к числу наиболее ценных, давно вовлеченных в научный оборот и широко используемых источников по раннесредневековой истории Венгрии [1]. Литература о двух книгах законов Святого Иштвана огромна, но, что вполне характерно для традиции изучения всех наиболее «востребованных» памятников раннего средневековья, количество дискуссионных вопросов, ответы на которые принципиально важны для адекватного использования сведений законов, остается столь же большим. Значительная часть подобного рода вопросов связана с толкованием терминологии, использованной неизвестными составителями памятника.

Невозможно рассуждать о социальных отношениях в венгерском обществе первой трети XI в., не выяснив вначале, какой смысл вкладывали авторы текстов в слова «народ» (gens), «свободные» (liberi), «сервы» (servi) и др., не разобравшись в том, какими виделись составителям законов Иштвана социальное устройство общества, взаимоотношения между различными его группами. Несомненно, у авторов имелись подобные представления, но совершенно не ясно, отражены ли они во всем тексте последовательно, поскольку источник носит во многом компилятивный характер, и довольно значительную долю в нем составляют заимствования, зачастую почти дословные, из западноевропейского канонического и светского законодательства. Кроме того, две книги законов писались в разное время: первую книгу принято датировать самым началом XI в., тогда как вторую, как правило, относят к 20-м годам этого столетия. Очевидно, что они писались разными авторами или даже разными группами авторов. Можно ли говорить в связи со всеми названными обстоятельствами о некоем последовательном единстве терминологии в законах? Вряд ли. Вместе с тем нельзя не учитывать, что в любом случае неизвестные авторы законов, безусловно, пользовались категориями западноевропейской общественной мысли своего времени, и, видимо, широко оперировали ими при работе над текстами, создававшимися при дворе Иштвана, а потому проблема толкования терминологии законов не решается вне западноевропейского контекста. Необходимо в первую очередь понять, какие идеи, представления о социальной структуре общества, штампы, находившиеся в обороте у образованных западных клириков начала XI в. (к числу которых, несо-

inslav

мненно, принадлежали составители первых венгерских законов) использованы в тексте памятника.

К числу ключевых понятий, встречающихся в венгерских законах, нельзя не отнести парные термины: clerici–laici, liberi–servi, maiores–minores и др. Каждая из этих пар обозначала противопоставляемые друг другу, но, вместе с тем, тесно взаимосвязанные группы людей, в своем единстве образующие целое общество или значительную его часть. Гармоничные отношения внутри каждой пары, прежде всего, четкое соблюдение норм общественного поведения, предписанного каждому из парных элементов, неукоснительное выполнение определенных социальных функций рассматривались как залог поддержания общественного мира и согласия, правильного развития государства. Эта статья посвящена двум таким парам – «старшим–младшим» и «богатым–бедным», которые неоднократно встречаются в тексте законов и характеризуют положение больших групп внутри слоя свободных.

В западноевропейских текстах и, видимо, в сознании людей раннего средневековья возрастные характеристики постоянно смешивались и переплетались с социальными. Общество уподоблялось семье, где решающий голос принадлежал старшим, а младшие – либо те, кто в силу невысокого происхождения должен был занимать непривилегированное положение в социальной иерархии, либо благородные по рождению, но не достигшие зрелости молодые люди – призваны были подчиняться. Несвободную прислужницу еще со времен Салической правды могли называть puella независимо от ее возраста. В той же Lex Salica упоминается puer regis, обвиняемый в краже невесты, что наводит на мысль, что речь идет прежде всего о социальном статусе провинившегося. Рассказывая о мятеже сына Оттона I Лиудольфа Швабского, Титмар Мерзебургский отмечает, что тот привлек на свою сторону много «дурных людей», в частности, iuvenes из Саксонии, Франконии и Баварии. Вряд ли можно предположить, как отмечает Х. Фихтенау, приводящий этот пример в своем исследовании, что это было движение семнадцатилетних: называя мятежников юнцами, автор явно указывал на их относительно невысокий социальный статус [2]. В том же духе, видимо, следует понимать и пассаж из современного законам Иштвана венгерского памятника, «Наставлений в нравах князю Имре», где король-отец, от лица которого написаны «Наставления», советует сыну не советоваться с iuvenibus et minus sapientibus, а призывать в королевский совет людей из числа «maioribus et melioribus, sapiencioribusque». Эти же «старшие и лучшие» ниже обозначены уже лишенным «возрастной» нагрузки словом senatores, которым противопоставляются все те же «молодые и менее знающие» [3].

Термины *maiores–minores* встречаются в законах Иштвана пять раз, причем только в статьях первой книги. В первый раз они упомянуты в статье «О посещении церкви»: «Пусть священники и ишпаны поручат всем деревен-

inslav

ским старостам, чтобы по их приказу в воскресные дни все сходились в церковь: *maiores et minores*, мужчины и женщины, за исключением тех, кто следит за огнем»[4]. Очевидно, что речь здесь идет о населении одной деревни. Автор явно стремился подчеркнуть всеобщий характер требования о посещении церкви, так что в данном случае термины *maiores* и *minores*, скорее всего, следует понимать буквально – как «стар и млад». Статья «О посещении церкви и о тех, кто шепчется или болтает во время мессы»[5] более трудна для понимания с точки зрения содержания анализируемых терминов. Во-первых, неясно, находится ли она на своем изначальном месте. Один из исследователей законов Иштвана И. Маджар, например, считал, что она должна стоять рядом со статьями, посвященными обязанностям христианина (соблюдение постов, обрядов и т. д. – статьи 8–14). Этому автору представлялось наиболее логичным поместить ее следом за цитированной выше статьей «О посещении церкви»: рядом оказались бы близкие по содержанию положения о необходимости ходить к воскресной мессе и о правилах поведения во время богослужения[6]. Тогда можно было бы с некоторой долей уверенности говорить о единстве терминологии в этих двух статьях. Статьи с 8 по 14 отличаются отсутствием четких социальных дефиниций, и предусмотренные здесь наказания за несоблюдение предписаний церкви не дифференцированы в зависимости от общественного статуса провинившегося.

С этой точки зрения, однако, статья «О посещении церкви и о тех, кто шепчется или болтает во время мессы» отличается от других норм, близких ей по сюжету. Она предусматривает различные наказания за один и тот же проступок для *maiores, minores et vulgares*: «Если кто-то, придя в церковь для того, чтобы прослушать мессу, будет там во время священной мессы перешептываться между собой и беспокоить других, ведя праздные разговоры и не слушая божественной проповеди с церковной пищей, то, если это *maiores* – пусть с постыдными попреками будут изгнаны из церкви, если же *minores et vulgares* – пусть будут наказаны за такое безрассудство плетьми на церковном дворе и острижены». Из-за присутствия «простолюдинов»-*vulgares* термины *maiores* и *minores* явно приобретают не возрастные, а социальные характеристики. Что же касается пассажа про *minores et vulgares*, то здесь возможны два варианта толкования: *minores et vulgares* могут быть синонимами, которые вместе, в совокупности противопоставлены «старшим», или же могут обозначать разные группы населения. Д. Дьерффи выделил в этой статье три различные социальные группы: «старшие», «младшие» и «простонародье». Поскольку *minores*, по мнению Дьерффи, это прежде всего воины- *milites*, то обособление *minores-milites* от простонародья-*vulgares*, должно свидетельствовать о достаточно далеко зашедших процессах расслоения незнатных сво-

inslav

бодных и выделения *milites* (будущего рыцарства) как привилегированной по сравнению с основной массой свободных группы [7].

Далее в тексте законов термины *maiores* и *minores* встречаются в статьях «Об обнажении меча» [8] и «О вторжении в дома» [9], которые, как представляется, не дают возможности согласиться с выводом Д. Дьерффи. Первая из названных статей начинается со слов: «Ut pax firma ... maneat, tam inter maiores natu, quam inter minores cuiuscunque condicionis sint...» Статья, направленная, как принято считать в венгерской литературе, на искоренение обычая кровной мести, безусловно, носит универсальный характер и адресована всем кто имеет право носить оружие, т. е. всем свободным. Автор не считает необходимым делать какие бы то ни было уточнения относительно «старших», «младшие» же для него, по всей видимости, более разнородная и сложная группа, о чем свидетельствует пассаж cuiuscunque condicionis sint.

Предположение, что категория *minores* может относиться и к *milites*, и к *vulgares*, как общее обозначение всех незнатных свободных, которое можно сделать на основании цитированного выше отрывка, подтверждается второй из упомянутых статей – «О вторжении в дома». Она начинается похожим образом со слов: «Volumus, ut firma pax et unanimitas sit inter maiores et minores ...», далее же среди возможных нарушителей «мира и единодушия» названы ишпан (явно принадлежащий к группе *maiores*), воин и «кто-либо из простонародья»: «Если же ишпан там (т. е. в чужом доме, куда он вторгся. – *А.Р.*) погибнет, то останется без композиции. Если же сам не явится, но пошлет своих воинов, заплатит 100 бычков за вторжение. Если же какой-либо воин вторгнется во двор или в дом другого воина, заплатит за вторжение 10 бычков. Если же кто-либо из простонародья вторгнется в жилище себе подобного, уплатит 5 бычков за нападение».

Таким образом, согласно этой статье, и воины, и простолюдины, скорее всего, понимаются как *minores*, но, в то же время, *milites* находятся в более привилегированном положении, так как их имущество защищено более высокими штрафами.

Д. Дьерффи, считавший, как уже указывалось, что *vulgares* не включались в понятие «младших», не мог не заметить, что сведения этой статьи противоречат его предположению. Поэтому он указывал, что упоминающая *maiores* и *minores* первая фраза статьи «О вторжении в дома» со ссылкой на Писание явилась лишь торжественным вступлением к основной части нормы, в связи с чем эти термины лишены здесь своего обычного социального смысла [10].

Больше в тексте I книги «старшие» и «младшие» не встречаются, но «простолюдин» выступает в другой паре – со словом «богатый» (*dives*): «Если кто-либо из богатых ... будет изобличен в совершении клятвопреступления, то поплатится за это лишением руки, или же выкупит руку за 50 бычков. Если

inslav

же простолюдин совершит клятвопреступление, будет наказан отсечением руки или выкупом в размере 12 бычков» [11]. В статье «О тех, кто освобождает чужих сервов» фигурирует похожая пара – богатый–бедный и неимущий (*dives-pauper et tenuis*) – и те же по размерам штрафы – 50 бычков для богатого и 12 – для бедного[12]. В этих двух статьях нет ясности ни с одной из парных категорий. Очевидно, что *vulgaris* здесь синоним «бедного», но тождественны ли «богатые» «старшим» из разобранных выше статей, и к какой из двух групп относится воин, определить непросто. Еще больше запутывает ситуацию статья «О тех, кто убивает своих жен» [13]: «Если кто-либо из ишпанов ... совершит убийство жены, помирится с родственниками женщины, заплатив 50 бычков... Если же воин или какой-нибудь богатый муж (*vir ubertatis*) провинится в том же ... заплатит родственникам 10 бычков... Если же простолюдин будет изобличен в этом преступлении, возвратит родне 5 бычков». Воины здесь находятся в одной группе с «богатыми мужьями», вместе с тем, размер штрафа, который они платят, ближе к тем 12 бычкам, которые в двух цитированных выше нормах, следует платить «бедному»-«простолюдину». Размер же композиции для ишпана, явно принадлежащего к «старшим», равен тому, что должен был заплатить «богатый» за клятвопреступление или освобождение чужого серва. Путаница с «богатыми» и «бедными», с одной стороны, является ярким проявлением отсутствия единства терминологии в венгерских законах, с другой, по всей вероятности, может указывать на несформированность социальной структуры общества, где знать уже обособилась, но окончательного размежевания между различными слоями незнатных свободных еще не произошло.

Важно отметить также, что сами категории «бедность» и «богатство» довольно относительны. Штрафы, которые, согласно положениям I книги законов Иштвана, свободный должен был уплачивать за различные преступления (включая и те случаи, когда штрафы не дифференцированы для разных социальных групп и их величина одинакова для всех), составляют от 5 до 110 бычков, т. е. рассчитаны на людей, обладающих довольно значительным имуществом. При этом I книга, в отличие, например, от Салической правды, где этим сюжетам уделено много внимания, не рассматривает случаев, когда у провинившегося может не оказаться достаточно средств на выплату штрафа. Значит ли это, что на момент записи данной части венгерского законодательства подобные случаи были редки, или же законодатели просто не стали вдаваться в детали, сказать трудно. Так или иначе, во II книге законов подобный мотив появляется: «Если кто-либо из свободных совершит кражу, приказываем поступить в соответствии с этим законом. Если в первый раз, пусть выкупит себя, если может, если же нет – будет продан в рабство» [14].

Для более полного понимания взглядов составителей законов Иштвана на структуру слоя свободных, прежде всего, на положение воинов, понимание

inslav

которого вызывает наибольшие сложности, необходимо, как уже указывалось, рассмотреть типичные представления, бытовавшие в современной законам и более ранней, но по-прежнему актуальной в начале XI в. западноевропейской традиции. Кроме того, полезным представляется обращение к позднейшим венгерским законам XI – начала XII в., составляющим наряду с памятниками времени правления Иштвана в известной мере единый комплекс источников по социальной истории Венгрии периода раннего средневековья.

Общее направление эволюции термина *miles* в западноевропейской традиции – от части «бедных» и «младших» к военной элите, рыцарству, что, несомненно, отразило реальные общественные процессы возникновения и оформления военного сословия, расположенного на социальной лестнице между знатью и крестьянством. Для авторов IX в., прежде всего для Хинкмара Реймсского, оставившего наиболее полные рассуждения об устройстве современного ему общества, *milites* – это часть непривилегированного сословия. Он явно не рассматривает их как часть *potentes* [15].

Potentes для IX в. можно понимать как прообраз будущей знати, слой, находящийся в процессе оформления, так как в это время происходит слияние старой, родовой аристократии, с новой элитой, сформировавшейся в каролингскую эпоху. В любом случае, *potens* – человек, имеющий возможность повелевать другими. В этом его основное отличие от *pauperes*. Последние отнюдь не обязательно являлись действительно бедными, неимущими людьми. Скорее, данный термин обозначает социально ущемленных или мало защищенных людей. Это хорошо видно, например, в капитулярии 823 г., где графам предписывается защищать вдов, сирот и других *paupers* [16]. Категория бедности, таким образом, носит скорее социальный, нежели экономический смысл, что хорошо отразили почти два столетия спустя и цитированные выше положения законов Иштвана. Кто мог подразумеваться под «другими *pauperes*»? Как считает французский исследователь Жан Флори, прежде всего, это та часть свободных, которые не сумели стать вассалами *potentes*, но, с другой стороны, и не попали в наиболее тяжелую зависимость, подобно сервам. Таким образом, это та часть свободного крестьянства, которая продолжает бороться за свою свободу и независимость и, вероятно, представляет собой основу будущего слоя *milites*, которые «продавали свою физическую силу» в обмен на покровительство *potentes* [17]. Переходный характер термина *milites* нашел отражение в известном пассаже из «Наставлений в нравах князю Имре», где король велит сыну «не называть никого из воинов слугами и не обращать их в слуг, потому что «они сражаются за тебя, а не прислуживают тебе» [18]. Если необходимо было лишний раз напомнить о том, что воины не являются слугами, то можно предположить, что подобный вывод не был очевиден для всех современников неизвестного автора «Наставлений».

inslav

Один из наиболее авторитетных социальных мыслителей X в., Ратхер из Вероны, писавший в первой половине этого столетия, подразделял общество на несколько категорий: *clerici, monachi*, *laboratores, milites regni* и просто *milites*. «Работающие» (*laboratores*) у Ратхера – это крестьянство и городской плебс, которые, в свою очередь, делятся на свободных и сервов. *Milites regni* – это подчиненные королю знать, вассалы и конные воины – те, кто призван защищать церковь и все общество. Просто *milites*, не подчиненные непосредственно королю, это промежуточный слой между «работающими» и низшим слоем правящих-*nobiles*, и Ратхер не уверен, по какую сторону границы между простонародьем и *nobiles* их следует поместить [19].

Позднее, в том же X в., значение слова *miles* продолжает расширяться и применяется как к обычным профессиональным воинам, состоящим на службе у знатного сеньора, так и к людям более высокого социального статуса, постепенно становясь обозначением для всех тех светских людей, которые не живут физическим трудом, сделав своим основным занятием военную службу. В этом столетии *disciplina militaris* все чаще ассоциируется со способностью добиваться военных успехов, благодаря организованности, ответственности и мужеству. Все эти качества ассоциируются с благородством происхождения и не могут быть доступны простонародью. Так, например, хронист, описывая нападение викингов на Прюмский монастырь, замечает, что окрестное простонародье (*ignobile vulgus*), пыталось оказать нападавшим сопротивление, но было перебито «как скот», так как ему была совершенно чужда *disciplina militaris* [20].

Постепенно из многоступенчатых схем, подобных созданной Ратхером из Вероны, проступает знаменитое трехчленное деление общества на «молящихся, сражающихся и работающих» (*oratores, bellatores, laboratores*), впервые предложенное Адемаром Шабаннским в 20-е годы XI в. и не оставлявшее места для переходных и пограничных общественных групп между тремя большими слоями социума.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что в течение всего X в. (а авторы I книги законов Иштвана, писавшейся, как считается, в самом начале XI в., безусловно, «выросли» на идейном материале предыдущего столетия) для большинства источников, относящихся к разным территориям – от Лотарингии до Каталонии –*milites* по-прежнему оставались наемными или зависимыми от сеньора воинами, которые часто перечислялись в одном ряду с крестьянами и рассматривались как часть *ingenui, pauperes* или *minores* [21]. Окончательное восприятие *milites* как части привилегированного сословия утвердилось во Франции в конце первой трети XI в. В Германии, откуда, по всей видимости, происходили неизвестные составители законов Иштвана и где социальная эволюция протекала медленнее, это произошло еще позднее.

inslav

Венгерские источники, относящиеся к последующей эпохе, второй половине XI – началу XII в., когда наследие св. Иштвана после периода языческой реакции, смут и междоусобиц оказалось востребованным и получило дальнейшее развитие, дают мало материала, который позволил бы проследить эволюцию или хотя бы различные варианты использования рассмотренных выше парных терминов. В законах Ласло «младшие» однажды выступают в паре со знатными и как синоним «незнатных». Речь идет об одной из статей третьей книги законов Ласло, согласно которой посланник короля, направленный в какой-либо комитат, должен обратиться как к знатным (*nobilibus*), так и к незнатным (*ignobilibus*) с требованием вернуть королю сервиентов, переданных им в правление Эндре и Белы во временное владение. Сначала посланнику следует адресовать этот призыв епископам, аббатам, ишпанам, то есть знатным, а затем – к «младшим» (незнатным) [22]. Интересно, что в число «старших–знатных» здесь включены епископы и аббаты, чего не было в законах Иштвана. Очевидно, что под «младшими–незнатными» здесь должны пониматься те, кто никак не может быть отнесен к общественной элите, но, с другой стороны, вполне экономически самостоятелен и может иметь в распоряжении зависимых людей. В первую очередь, видимо, это воины и «богатые мужи» из законов Иштвана. Вместе с тем, согласно законам Ласло, чужого серва может удерживать у себя и простолюдин (*vulgaris*) [23]. Кроме того, «простолюдин» может выступать парой «знатного»: виновного в краже простолюдина следовало продать в рабство, а благородного (*nobilis*) – заключить под стражу – 2, 9. Таким образом, в системе терминов составителей законов Ласло, так же как и в законодательстве Иштвана, «младшие», «незнатные» и «простолюдины» могли выступать как синонимы. Не названный среди «знатных» воин, скорее всего, как в более ранней западноевропейской традиции, попадал в состав «простонародья».

В первых памятниках венгерского законодательства, относящихся к эпохе правления Иштвана I Святого, достаточно широко использованы парные понятия «старшие–младшие», «богатые–бедные», отражающие представления составителей о социальной структуре современного им общества. Определить, какие конкретные социальные группы включались авторами в каждую из этих больших категорий, очень сложно. Не вызывает сложностей, пожалуй, только понятие «старших», которое распространялось на светскую, прежде всего, служилую, знать, а в более поздних законах Ласло включало еще и церковную элиту. Полностью раскрыть содержание понятия «младшие» невозможно из-за не окончательно сложившегося понимания положения воинов (*milites*), что характерно для западноевропейской социальной мысли конца X – начала XI в. Очевидно, что процесс размежевания между незнатными свободными (*vulgares*) и воинами уже начался, но для составителей венгерских законов он

inslav

окончательно не завершен. Наконец, вызывает сложности и ответ на вопрос, как сформировавшиеся на западноевропейской почве представления авторов законов соотносились с реальностями венгерского общества, которое в силу особенностей своей исторической эволюции не могло не отличаться заметной спецификой от более развитых и не имеющих кочевого прошлого западных соседей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Законы Иштвана (далее – DS), а также законы Ласло I (DL) и трактат «О наставлении в нравах князю Имре» (De Institutione...) цитируются по изданию: *Győrffy Gy.* Wirtschaft und Gesellshaft der Ungarn um die Jahrtausendwende. Bp., 1983. Appendix.

[2] *Fichtenau H.* Living in the Tenth Century. Mentalities and Social Orders. Chicago–London, 1991. P. 112.

[3] De Institutione... 7.

[4] DS. I. 9.

[5] Ibid. I. 19.

[6] *Madzsar I.* Szent István törvényei és a Lex Bauivariorum // Tortenelmi Szemle. 1921. 68. o.

[7] *Győrffy Gy.* István király es műve. Bp., 1983. 468. o.

[8] DS. I. 16.

[9] Ibid. I. 35.

[10] *Győrffy Gy.* Op. cit. 468.

[11] DS. I. 17.

[12] Ibid. I. 21.

[13] Ibid. I. 15.

[14] Ibid. II. 7.

[15] См.: *Devisse J. Pauperes et paupertas* dans le monde carolingien; ce qu'en dit Hincmar de Reims // Revue du Nord 48. 1966. P. 273–287.

[16] Admonitio ad omnes regni ordines // MGH. Capitularia Regum Francorum. I. P. 304.

[17] *Флори Ж.* Идеология меча. СПб., 1999. С. 99–100.

[18] De Institutione... 4.

[19] *Флори Ж.* Указ. соч. С. 179; *Mor C.G.* Ratherio di fronte al mondo feudale // Ratherio da Verona, convegni del centro di studi sulla spiritualita medievale, X. Todi, 1973. P. 165–168.

[20] *Fichtenau H.* Op. cit. P. 139.

[21] *Флори Ж.* Указ. соч. С. 190.

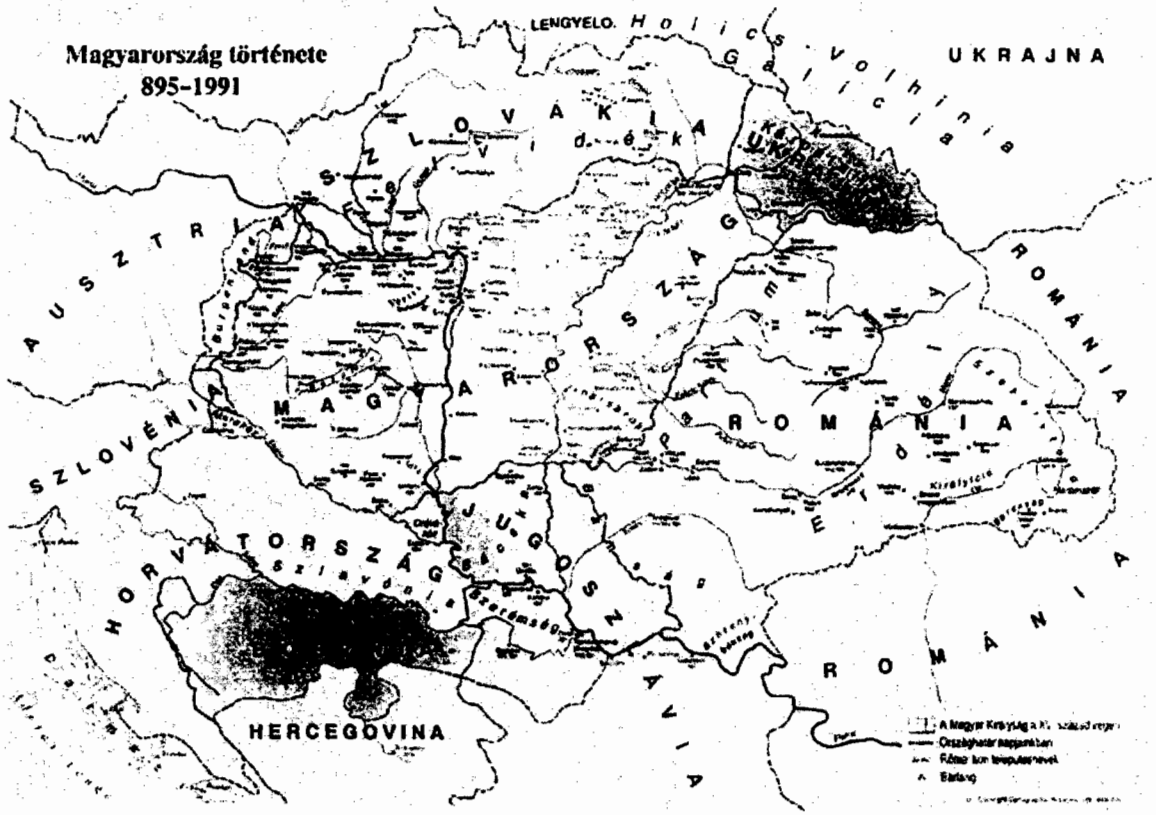
[22] DL. III. 2.

[23] Ibid. III. 21.

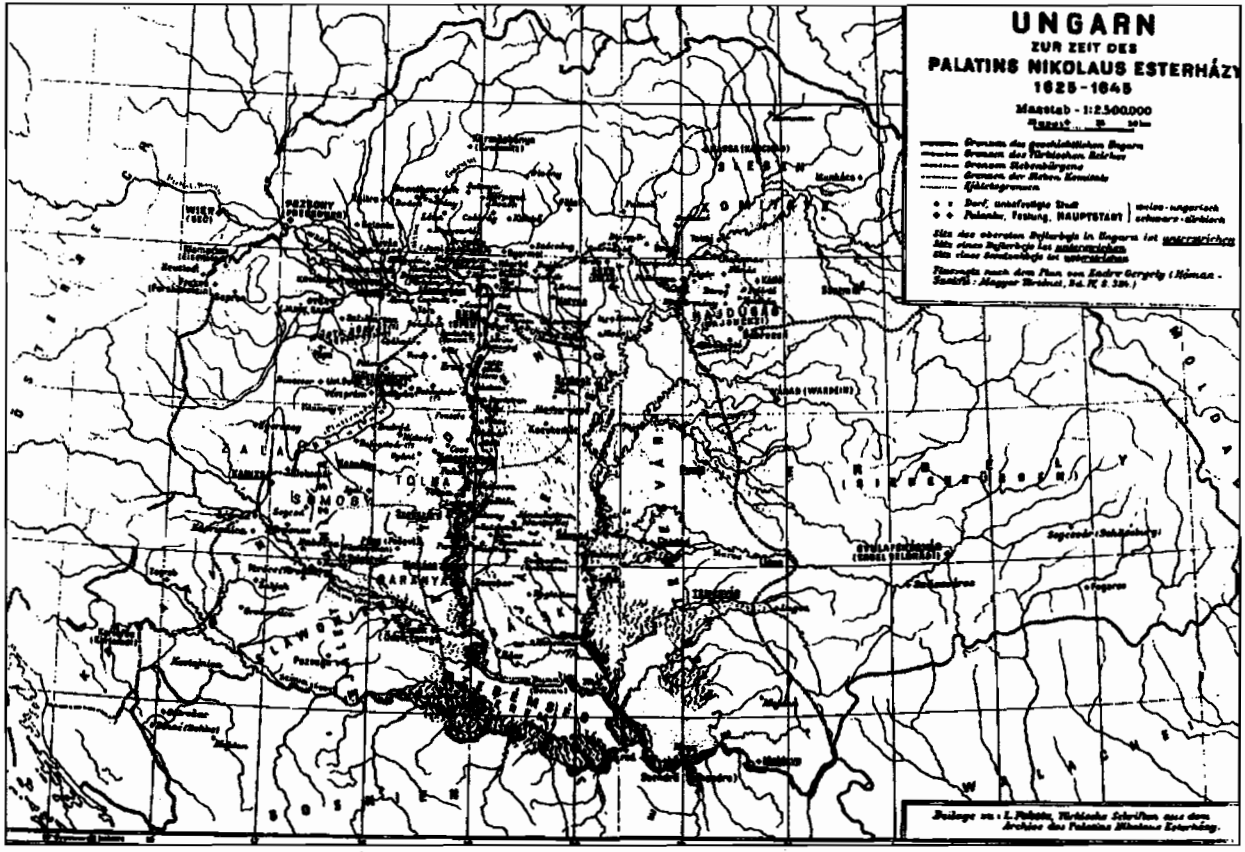
inslav

TÖRTÉNETI TOPOGRÁFIA

Magyarország története 895–1991



inslav


UNGARN
ZUR ZEIT DES
PALATINS NIKOLAUS ESTERHÁZY
1625-1645
Maßstab - 1:2.500.000
Dorf, unbefestigte Stadt
Palanke, Festung, HAUPTSTADT
WIEN
PRESSBURG
TOLNA
BARANYA
SLAVONIEN
BOSNIEN
SERBIEN
KONSTANTINOPEL

inslav

Марта Фонт

Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.)

В истории древнерусско-венгерских связей, известных главным образом по свидетельствам Киевской летописи [1], военные события времени Гезы II (1141–1161 гг.) и Белы III (1172–1196 гг.) составляют четко выделяемые кампании (1148–1152 и 1188–1189 гг.). Значительно труднее определить подоплеку отдельных акций 1118–1148 гг.

Относительно хронологически самых первых известий, касающихся событий 1118 и 1123 гг., можно сказать, что информация о них взаимосвязана [2]. Прибывший в Венгрию Ярослав Святополчич идентичен князю Безену венгерской хроники [3]. Вероятно, он дважды просил о помощи Иштвана II [4]. Ярослав Святополчич стал князем Владимира-Волынского приблизительно между 1097 и 1100 гг. [5], уже во время великого княжения своего отца Святополка (1093–1113 гг.). Результатом политики великого князя Святополка могла стать первая женитьба Ярослава на венгерке. Так, со всей определенностью мы видим его в перечне сановников грамоты короля Ласло I 1091 г.: «Gerazlaus filius regis Ruthenorum» («Ярослав, сын короля рутенов») [6]. В данном случае термин «король» (rex) можно расценить как перевод слова «князь», поскольку Святополк стал великим князем киевским лишь в 1093 г. Более подробных сведений о браке Ярослава и дочери короля Ласло I нет, но в пользу этого предположения говорит тот факт, что в 1099 г. именно Ярослава Святополк послал к королю Кальману за помощью [7]. В исследованиях же чаще рассматривается второй брак Ярослава, поскольку другим важным объектом внешней политики Святополка была Польша, и союз с ней был скреплен браком дочери Святополка Сбыславы и Болеслава III Кривоустого [8]. Используя возникшие союзнические отношения, волынский князь ищет поддержку у Болеслава в 1118 г.

Мы не можем найти объяснения причины ухода Святополка с Волыни ни в свидетельствах Ипатьевской летописи, ни в дословно следующем ей в данном случае Московском своде 1479 г. [9] Вероятно, Ярослав негативно относился к объединительной политике Владимира Мономаха, бывшего противника Святополка, ставшего в 1113 г. великим киевским князем. Утверждение «бояре его отступиша от него» означало возвышение знатных сторонников Мономаха во Владимире-Волынском. В 1113–1118 гг. дело ещё не дошло до открытого столкновения между Владимиром Мономахом и Ярославом. Это

inslav

можно объяснить внутриполитическими причинами, посколку Мономаху надо было сначала подавить киевское восстание, после чего он вступил в конфликт с Византией. Эту русско-византийскую войну завершил мир 1116 г. [10] Ко времени вступления на киевский стол Владимир Мономах управлял значительными территориями Руси, которые он частично контролировал сам, частично – через своих сыновей, а также с помощью князей, союзных с родом Мономаха. Таковыми были перемышльско-теребовльские Ростиславичи и даже Ярослав Святополчич, казавшийся вначале связанным с ними благодаря своему браку. Однако интенсивные польские связи обеспечивали ему благоприятный тыл для его независимости. Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что в 1117 г. произошла перегруппировка сил: в это время Владимир Мономах вызвал из Новгорода своего старшего сына Мстислава и посадил его на престол Переславля Русского, а Ярополка направил в придунайскую область [11].

Лишенный вотчины на Волыни Ярослав направился сначала в Венгрию, а затем (не получив там помощи) – в Польшу. Оттуда он попытался несколько раз в 1120–1122 гг. с помощью Болеслава Кривоустого вновь захватить свое княжество, но безуспешно[12]. Андрей Владимирович постоянно отбивал его нападения с половецкой помощью. Это могло побудить Ярослава к тому, чтобы в 1123 г. добиться поддержки из других мест. К полученной ранее польской помощи он присоединил венгерские и чешские отряды. Венгерский король Иштван II лично выступил в поход [13]. У нас нет данных относительно личностей чешских участников похода. Предположения А.В. Флоровского об их брачных связях мы считаем слишком гипотетичными [14]. Но возможно, что упоминаемые в древнерусских летописях чехи прибыли вместе с Иштваном II, поскольку венгерский король в 1120 и 1122 гг. принимал эмигрантов, бежавших от Вратислава I [15]. В этот раз на стороне Ярослава мы встречаем «галицких» Ростиславичей, что весьма примечательно, потому что с конца XI в. они всегда были на стороне Владимира Мономаха. В этом повороте прослеживается основной принцип галичской политики, который М.С. Грушевский выразил так: политику галичан с самого начала характеризовало противостояние и Киеву, и Волыни, и это в особенности проявлялось в тех случаях, когда Волынью владели киевские великие князья или их союзники. Ростиславичи в том случае выступали также и против Владимира Мономаха, когда опасались, что он завладеет Волынью [16]. Так что в 1123 г. прежний враг Ярослав мог стать их союзником. Грушевский верно уловил сущность галичской политики. Полагаем, что политику галичских князей по отношению к Польше и Венгрии определяли те же принципы. Таким образом, Галич (в данном случае, Перемышль – Теребовль) пытался стать независимым, лавируя между соседними государствами и князьями. Поэтому понятно, что в 1123 г. он

inslav

оказался в одном лагере с теми, с кем ранее находился исключительно в конфронтации. Мы имеем здесь в виду как столкновение с ними Кальмана в 1099 г., так и недавнюю вражду с Болеславом III в 1122 г. [17]

Поддержка Ярослава Святополчича со стороны Венгрии означала продолжение прежних традиций, поскольку связь Арпадов с родом Святополка существовала уже со времени Ласло I. Напряженные же отношения с Мономаховичами (правда, конкретной информации у нас нет) могли возникнуть из-за отсылки в Киев Кальманом Евфимии Владимировны [18]. Чтобы ответить на вопрос, почему Иштван II не предоставил помощи Ярославу уже при первом его появлении в Венгрии в 1118 г., следует учесть весь контекст внешней политики Венгрии. Ференц Макк полагает, что «первое десятилетие правления Иштвана II характеризует серия тяжелых внешнеполитических неудач» [19], и только с середины 20-х годов XII в. наметилось ослабление международной изоляции Венгрии. Внешнеполитическая активность характерна и для второй половины правления Иштвана II [20]. В 1118 г. продолжалась война с Венецией за обладание далматинскими городами, конфликтная ситуация сложилась на границах Венгрии с Австрией и Чехией. Мир с ними был заключен лишь в 1119 г. [21] По всей видимости, к 1123 г. напряженность исчезла, и благодаря этому стал возможен поход на Волынь (он мог быть первым этапом внешнеполитического «дебюта») [22]. Из его побудительных мотивов следует исключить месть за тяжелое поражение, нанесенное Кальману в 1099 г., как это трактуется в венгерской хронике [23]. Те, кто нанес поражение Кальману (галичские Ростиславичи), на этот раз оказались в одном лагере с венграми под стенами Владимира.

До военного столкновения на территории Руси дело не дошло. Ярослав умер еще до начала осады, и поход приостановился. Иштван II не проявил претензии на захват Волыни, таким образом, этот поход как бы входит в цепь конфликтов на австрийской и чешской границах. По нашему мнению, в событиях 1123 г. (судя по их последствиям) важным элементом является встреча галичских князей и венгерского короля в одном и том же лагере участников похода. Хотя это произошло случайно, можно думать, что, вероятно, с этого могло начаться венгерско-галичское сближение. Правда, упомянутые участники похода – перемышльский князь Володарь и теребовльский князь Василько – умерли в следующем, 1124 г. [24] Но могло случиться так, что в событиях участвовал и наследовавший им Владимирко Володаревич.

Ни древнерусская летопись, ни венгерская хроника не упоминают других событий времени Иштвана II, связанных с Древней Русью. Но краковский каноник Длугош сообщает под 1127 г. о раздорах между Владимирко Володаревичем и его братом Ростиславом. Владевший Звенигородом и Белзом Владимирко безуспешно пытался отнять у Ростислава Перемышль.

inslav

Оба в ходе борьбы искали тех, кто мог бы их поддержать, причем Владимирко – среди венгров: «...exterrorum subsidia uterque quaesivit, Wlodimir Pannoniorum Rosczislaus Ruthenorum, Hungaris autem serviis Wolodimirko solatia (auxilia), quae imploraverat, ferentibus...» [... «оба нашли военную помощь вне своих земель, Владимир у венгров, Ростислав на Руси, причем Владимирко получил в качестве помощи, о которой слезно умолял, венгерских воинов...»] [25]. В оценке сущности этой помощи Грушевский близок к истине, утверждая, что Иштван II находился на русско-венгерской границе под предлогом охоты и фактически не вмешивался в междоусобицу [26]. Грушевский скомбинировал со свидетельством Длугоша данные о нахождении венгерского короля «in marchia Ruthenorum» [«в мархии рутенов»] [27]. Житие архиепископа Зальцбургского Конрада, где говорится о том, что прибывший в Венгрию посол встретился с венгерским королем «в мархии рутенов», не содержит датировки, но в тексте жития встречается имя эстергомского архиепископа Фелициана (1127–1129 гг.), и это принято считать датирующим признаком. Описанный случай Ф. Гомбош датирует 1127 г., а Дюла Паулер считает ошибочным его отнесение ко времени Иштвана II [28].

Не меньшую проблему представляет локализация «мархии рутенов» (русинов). Возможен перевод: «земля русинов», «порубежье русинов». В.Т. Пашуто понимает под этой мархией территорию, населенную русскими, топоним, подобный «Русской деревне» (венг. Oroszfalva) [29]. Мы склоняемся к пониманию термина «мархия» как порубежья (confinium, fines, limites) и относим это свидетельство к местности вблизи древнерусской границы [30]. Думается, что эти события можно понять в контексте внешней политики Иштвана II: к 1127 г. прекратилась, после подписания мира, австро-венгерская конфронтация, ее заключительным аккордом стало направление в Венгрию посла. Это могло произойти до лета 1127 г. или перед началом венгерско-византийской войны 1127–1129 гг. [31] Тогда Иштван II сделал в интересах помощи Владимирку не больше того, что он стоял «готовый к прыжку» на границе Венгрии. Это наше мнение основано на известии Длугоша. Мы можем поверить ему, поскольку:

1) совпадают датировки в известиях, имеющихся также в Ипатьевской летописи,

2) относительно Ростиславичей мы располагаем также так называемыми «известиями Татищева», которые происходят из не сохранившихся до наших дней летописей [32], а также известиями, которых нет в других летописях, но есть у Длугоша,

3) труд Длугоша в изложении событий до 1129 г. сохранил неизвестный древнерусский источник, Е. Перфецкий называет этот источник «хроникой Ростиславичей», излагающей события 1079–1128 гг. [33]

inslav

На основании всего этого мы думаем, что рассматриваемое событие свидетельствует о складывании галичско-венгерского союза и, таким образом, раскрывает до сих пор неизвестную сторону политики Иштвана II [34].

* * *

В связи с русской политикой Белы II (1131–1141 гг.) следует затронуть вопрос о Борисе: с одной стороны, из-за русского происхождения этого сына короля Кальмана, а с другой – из-за той упорной борьбы, которую он вел за овладение венгерским престолом [35]. Предполагаемый ребенок Кальмана и Евфимии Владимировны Борис родился в Киевской Руси, после того как Кальман удалил от себя его мать [36]. Утверждение о его незаконном происхождении появилось в венгерской хронике тогда, когда хронист, представлявший интересы потомков Алмоша (брата Кальмана), захотел поставить под сомнение правовую базу претензий Бориса на трон [37]. Другие авторы-современники считали его сыном Кальмана, не говоря о его незаконном происхождении [38]. В исторической литературе имя Бориса фигурирует и в форме «Борич». Но так как он родился в Киеве и получил имя одного из первых древнерусских святых, то мы считаем более верной форму «Борис».

Ввиду отсутствия конкретных свидетельств можно лишь предполагать, что детство Борис провел в Киеве. Приблизительно в 1130–1131 гг. он попал в Византию, где стал искать поддержку своей претензии на венгерский трон. Выбор места поиска такой поддержки оказался верным, поскольку венгерско-византийские отношения оставались напряженными. Однако Борис не принял во внимание, что силы Византии были связаны внутренними раздорами и войной с сельджукскими эмиратами [39]. Существует также мнение о том, что первое политическое выступление Бориса произошло не в Византии, а в Венгрии. Сторонники этого мнения отождествляют Бориса с ишпаном Боршем, предъявившим претензии на трон в 1128 г. [40] Это отождествление Раймунд Кербл аргументирует тем, что участвовавший вместе с Боршем в заговоре против Иштвана II граф (comes) Иван был казнен, а графа Борша постигло лишь изгнание, причиной чего могло быть его происхождение из династии Арпадов (Арпадовичей). Но это мнение отвергает Ф. Макк, отмечая, что членам династии полагался титул dux («герцог»), и их нельзя было именовать просто графами [41]. Нет данных, которые обосновывали бы решительным образом исключительность того или иного мнения.

В Византии Борис не мог рассчитывать на другую помощь, кроме принципиального признания его претензий на трон (его титуловали «κραλες», и он женился на знатной женщине), и тогда он направился в Польшу. Здесь его шансы были более благоприятными, поскольку Болеслав III стал союзни-

inslav

ком Кальмана, так что в Польше Бориса приняли как нового представителя партии Кальмана [42]. Планы Бориса не представлялись невыполнимыми в обстановке, сложившейся в связи со смертью Иштвана II и расколом правящих кругов Венгрии. Однако пока претендент Борис и уже коронованный Бела II не столкнулись на реке Шайо (22 июля 1132 г.), их шансы были далеко не равными из-за больших потерь партии Кальмана. В этой битве на стороне Бориса сражались польские и русские отряды против венгеро-австрийских сил Белы II [43].

Битва завершилась победой Белы II. Однако соперничество Белы и Бориса вызвало движение других сил региона. Одна из сестер Белы вышла замуж за чешского короля Собеслава, которого нетрудно было настроить против Польши, поскольку на территории Силезии происходили частые чешско-польские столкновения. Галичско-польские же конфликты считались «традиционными». Думается, что наметившееся сближение между Владимирко Володаревичем и Иштваном II продолжилось и при Беле II, но известно это из свидетельства летописи под 1152 г., в котором Владимирко напоминает Гезе II о событиях 1135 г.: «Отець твой бяше слѣпъ. А язъ отцю твоему досыти послужилъ своим копиемъ и своими полкы за его обиду и с Ляхы ся есмъ за нъ билъ...» [44]. Серию конфликтов завершил в 1135 г. мерзебургский имперский съезд [45]. Думаем, однако, что вмешательство императора Лотаря было вызвано в первую очередь не претензиями Бориса: вспыхнувший рядом с границами империи вооруженный конфликт дал императору повод принудить Болеслава III в его стесненной ситуации вновь признать вассальную зависимость. Болеслав обязался уплатить задерживавшуюся в течение двенадцати лет дань и вместе с этим отказаться от поддержки Бориса [46].

Известие Ипатьевской летописи однозначно: Владимирко (в то время еще владевший не всем Галицким княжеством) был на стороне Белы II, поэтому представляется, что в войско Болеслава III и Бориса могли прибыть отряды из Владимира-Волынского [47]. Думается, что это предположение подтверждают два обстоятельства: одно из них – князь Владимира-Волынского Андрей Владимирович, сын Владимира Мономаха, был дядей Бориса по матери. Второе – политическая практика Галича, которая учитывала оппозицию Киева и Волыни.

Следует исправить несколько ошибочных утверждений, встречающихся в литературе в связи с изложением событий 1132–1135 гг. Х. Рюсс в качестве соавтора «Справочника по русской истории» пишет о том, что у Белы II была русская жена Евпраксия [48], что явно ошибочно. Кербл полагает, что Борис после битвы на реке Шайо оставался в комитате Сепеш до 1135 г. [49] Мы считаем это предположение не опирающимся на достоверные источники. Вероятно, после поражения Борис возвратился в Польшу, но, к сожалению, у нас нет сведений, подтверждающих это предположение. Требует осторожнос-

inslav

ти сообщение хроники Годислава Пашко (Башко) о предприятии Бориса. Глава 30 этой хроники озаглавлена «De expulsione Colomanidis regis Haliciensis» («Об изгнании Коломанида, короля Галича»). «Colomanidis» нельзя отождествлять с «Καλαμανος», как в Византии называли претендента на венгерский трон. К тому же он не был королем Галича, хотя его однозначно отождествляют с таким королем в примечаниях к тексту хроники. По мнению Р. Кербла, можно представить, что Борис титуловал себя «королем Венгрии»! [50] Названная польская хроника содержит грубые ошибки: в ней спутаны события около 1132 г. и участвовавшие в них лица с событиями, происходившими столетием позже и связанными с королем Галича Кальманом, сыном венгерского короля Эндре (Андраша) II [51].

Результатом наступившей после победы в битве на реке Шайо (1132 г.) и устранения политическими средствами Бориса (1135 г.) внутренней консолидации стала начавшаяся с середины 30-х годов активизация венгерской внешней политики [52]. Это проявилось в оказании помощи великому князю киевскому Ярополку (1132–1139 гг.) Белой II в 1138 г. Из датировок двух летописей мы считаем верной дату 1138 г., поскольку Ипатьевская летопись использует здесь мартовское начало года [53]. 1138 годом датирует события Суздальская летопись, опирающаяся на сведения Лаврентьевской [54]. В венгерской литературе встречаются разные датировки: 1139 г. (Д. Паулер и Ф. Макк), 1138 г. (Дюла Кришто) [55].

Это предоставление помощи кажется неожиданным, поскольку мы не знаем других связей Белы II с Древней Русью, кроме союза с галичским князем Владимирком. По оценке Йожефа Деера, «почти все действия Белы II... диктовались внутренними потребностями, стремлением обеспечить прочность трона» и направление помощи было вызвано боязнью поддержки Киевом Бориса [56]. Противоположное объяснение предлагает Д. Кришто: Бела «вступил в 1138 г. в борьбу на стороне Ярополка, который был братом отвергнутой жены Кальмана Евфимии и дядей Бориса. Судя по союзу Белы II с Древней Русью, Борис в это время не находился на Руси» [57]. Следует признать не только тот факт, что мы не знаем о местонахождении Бориса, но и то, что в это время Бела уже не должен был бояться Бориса, поскольку был уничтожен внутренний базис власти Бориса и разоружены поддерживавшие его внешние силы. Акцию Белы можно объяснить так: великий князь киевский Ярополк напал на черниговского князя Всеволода Ольговича, у которого были хорошие связи с польским королем Болеславом [58], давно поддерживавшим Бориса. Таким образом, Бела выступил против союзника своего врага.

Недостатком нашего объяснения является то, что мы не знаем, каким путем дошла просьба Ярополка о помощи. Войско, выступившее против Чернигова, было собрано чуть ли не со всей Киевской Руси, были в нем и

inslav

галичане [59]. Этот факт делает несомненным то обстоятельство, что помощь Ярополку не разрушила галичско-венгерский союз.

Проявлением галичско-венгерского союза был также факт военной помощи галичскому князю Владимирку молодым венгерским королем Гезой II (1141–1162 гг.) в 1144 г. Подробно описанный в Ипатьевской летописи поход Н.Г. Бережков датирует осенью 1144 г. [60]

Исследование предыстории столкновения великого князя Всеволода Ольговича (1139–1146 гг.) и галичского Владимирка показывает: здесь речь шла не только о требованиях великого князя к Владимирку признать его верховную власть. Наверняка Владимирко сделал это уже в 1139 г. Для Владимирка уже тогда Всеволод стал опасным врагом, поскольку у великого князя появилась возможность подчинить его себе. Ведь Всеволод приобрел Волынь у рода Мономаха в 1142 г. путем компромиссов. В результате компромисса ранее владевший Волынью Изяслав Мстиславич (внук Владимира Мономаха) получил власть над Переяславлем-Русским и стал таким образом «кандидатом» в великие князья [61]. Кроме связи Волыни и Киева, для Владимирка стали более опасными польские связи Всеволода Ольговича. На основе принципа сеньората с 1138 г. верховной властью в Кракове обладал Владислав II, сын которого в 1141 г. взял в жены дочь Всеволода – Звениславу. В рамках этого союза Владислав получил русскую помощь, направленную против братьев, после чего ответил Всеволоду в 1144 г. враждебными действиями по отношению к Галичу [62]. Ввиду такого превосходства вражеских сил Владимирко призвал на помощь венгров. Однако до столкновения дело не дошло, поэтому в Ипатьевской летописи говорится, что венгры «быша емоу нѣ на коую же ползоу» («не принесли ему никакой пользы») [63]. Отчасти битва не состоялась из-за непригодной местности. Но мы считаем более существенным фактором старания приближенных Владимирка отговорить его от столкновения. Они боялись, что Всеволод захватит оставшийся без защиты Галич. Мир был заключен благодаря умелой дипломатии Владимирка, которая расколола лагерь сторонников Всеволода, а также благодаря уплате Владимирком 1 400 гривен серебра. Начавшийся в 1144 г. конфликт галичан (в данном случае речь идет о жителях Галича) с Владимирком в следующем году дошел до того, что против галицкого князя выступил в качестве претендента на престол другой представитель рода Ростиславичей – Иван Берладник [64].

В 1144 г. венгерские отряды привел на Русь бан Белош, дядя Белы II по материнской линии. Белош попал в Венгрию при Беле II. Во время малолетства Гезы II он был главным вдохновителем политической жизни Венгрии. В литературе с полным основанием утверждается, что с его именем можно

inslav

связывать продолжение курса, начатого в правление Белы II, тем более, что об этом свидетельствуют не только галичские, но и другие события [65].

Результатом женитьбы Гезы II на сестре великого князя Изяслава Мстиславича (1146–1154 гг.) – Ефросинье могло быть разрушение связей с Галичем (походы Гезы II 1148–1152 гг.). Об этом браке свидетельствует Киевская летопись при изложении ряда событий 1149 г., отмечая, что Геза II был шурином Изяслава [66]. Во всяком случае заключение брака следует датировать более ранним временем, поскольку посылка войск в 1148 г. стала возможной в результате этого брака. У нас есть данные о том, что, когда участники второго крестового похода во главе с Людовиком VII проходили через Венгрию, французский король и Геза II стали кумовьями. Так как Людовик VII находился на венгерской земле и стал в июле 1147 г. крестным отцом ребенка Гезы, то брак Гезы и Ефросиньи, по всей вероятности, можно датировать второй половиной 1146 г. [67]

При всех изменениях в венгерской внешней политике в течение 1146 г. Бориса они мало касались. О его местонахождении в 1135–1145 гг. ничего неизвестно, но на рубеже 1145–1146 гг. он появился у чешского государя, который с 1140 г. был в прохладных отношениях с Венгрией [68]. Отсюда он попал ко двору германского короля Конрада. Союз Венгрии и Конрада III был разрушен после того, как сестра Гезы Жофия (София), помолвленная с сыном Конрада, удалилась в монастырь [69]. Конрад III и австрийский маркграф и баварский герцог Генрих Язомирготт (из династии Бабенбергов) дали Борису свободу для набора наемников, с помощью которых последний в апреле 1146 г. занял Пожонь (Братиславу) [70]. Геза II, быстро отбив это нападение, продемонстрировал единство венгерской элиты; в отместку он летом 1146 г. установил связь с врагом Конрада III герцогом Вельфом VI, которому стал платить систематически ежегодную субсидию. Генриха Язомирготта Геза победил 11 сентября 1146 г. в битве на реке Лайте [71]. Женитьба Гезы II пришлась на то время, когда в центре его политического внимания был вопрос о Борисе. Венгерский король, с одной стороны, мстил прежним сторонникам Бориса, а с другой – хотел воспрепятствовать получению Борисом новых сторонников. Поскольку Борис был племянником и Ефросиньи, и Изяслава киевского, весьма вероятно, что связь Гезы с Киевом должна была помешать возможной поддержке им дела Бориса [72]. В 1146 г. казалось, что Изяслав Мстиславич прочно занимает киевский престол. Об этом можно судить по тому факту, что он поставил митрополитом своего сторонника (27 июня 1147 г.), причем в нарушение правил – одного из русских епископов! Думаем, что политическая ситуация не предвещала серии конфронтаций с галичским Владимирком. Поэтому брак Гезы II нельзя считать ни антигаличским шагом (по крайней мере, потенциальным), ни поворотом в русской политике [73].

inslav

Интересы Изяслава и Гезы II в течение 1147 г. совпали еще в одном пункте: избранием митрополита Изяслав открыто противопоставил себя Византии. Похолодание же в отношениях между венгерским государем и Византией могло быть результатом того, что вместе с проходившими через Венгрию крестоносцами опять появился Борис, который затем вместе с войском Людовика VII удалился в Византию. В это время Бориса признали несколько представителей венгерской знати [74], но для захвата власти у него не было никаких шансов. Однако обострению появившихся венгерско-византийских и киевско-византийских противоречий решающим образом способствовала уже ситуация в Европе.

В 1148–1149 гг. большая часть европейских государств была разделена на два противостоящих друг другу лагеря. Под влиянием противоречий между основными европейскими державами возникли новые союзнические связи. Это разделение давало о себе знать в течение ряда лет. Тогда же возникла первая, охватившая почти весь континент, система союзов [75]. Ее основу создал так называемый «союз двух императоров», исходным пунктом которого стал брак византийского императора Мануила Комнина (1143–1180 гг.) и немецкой герцогини Берты Зульцбах, заключенный в 1146 г. Во время крестового похода находившийся в Византии Конрад III и Мануил заключили осенью 1148 г. в Фессалонике соглашение относительно совместного похода в Италию, против норманнов. Почти в то же время герцог Вельф VI, также возвращавшийся из крестового похода, вступил в союз с государем Сицилии Рожером II против Конрада III и Мануила. К каждому из этих двух «пактов» примкнули еще несколько государств, исходивших из собственных интересов. Членом союза двух императоров стала Венеция, вследствие ее соперничества с норманнами на Адриатике. Летом 1149 г. союз с Рожером заключил французский король Людовик VII, который обвинил Византию в безрезультатности крестового похода, а Византия заключила мир с турками-сельджуками на 12 лет. В лагере Рожера и Людовика VII находились также папа, Сербия и Венгрия [76]. Влияние системы союзов проявлялось также и во внутренних взаимоотношениях на Руси.

В процессе феодальной раздробленности середины XII в. в Древней Руси в обстановке борьбы за киевский трон возникли так называемые «княжеские коалиции». Одной из них руководили князья Владимиро-Суздальской Руси и Галича, а другой – князья Волыни и Смоленска. Князья Чернигова колебались, не примкнув ни к одной из этих групп. Две группы союзников придерживались противоположных политических линий, о чем свидетельствовало их отношение к Византии. «Волынско-смоленская» коалиция занимала явно антивизантийскую позицию, о чем говорило избрание митрополита без

inslav

санкции константинопольского патриарха. В то же время их противников связывали крепкие узы с Византией [77].

Следует сказать и о польских князьях, игравших, хотя и второстепенную, роль в системе союзов, а также – о находившихся на землях Древней Руси чешских отрядах. Политическое развитие Польши в соответствии с завещанием Болеслава III Кривоустого и под влиянием объективных факторов также характеризовалось тенденцией к феодальной раздробленности. Против Владислава II, владевшего Краковом с 1138 г., вспыхнуло в 1146 г. восстание, в котором приняла участие оппозиционная знать. Против Владислава выступил также Болеслав Мазовецкий, которого поддержали великопольский князь Мешко и гнезненский архиепископ. За помощью в борьбе с ними Владислав обратился к императору Конраду III. В том же году Конрад напал на Польшу, и у власти остались лишь платившие ему дань князья Мешко и Болеслав IV Кудрявый (1146–1173 гг.) [78]. Смена на великокняжеском престоле в Киеве в 1146 г. была благоприятна для Мешко и Болеслава IV, поскольку оба они были женаты на представительницах рода Изяславичей: Болеслав – на дочери Всеволода Мстиславича Верхуславе, а Мешко – на Евдокии, дочери Изяслава Мстиславича [79]. Вследствие этого оба польских князя в 1149 г. поспешили на помощь Изяславу, боровшемуся с Юрием Долгоруким [80]. В то же время Изяслав обратился за помощью к чешскому королю Вратиславу II. Флоровский предполагает более частое участие чехов в оказании помощи Изяславу [81]. Просьба о помощи могла быть обусловлена фактом женитьбы Всеволода Мстиславича в 1143 г. на герцогине «моравского» (?) происхождения, однако чешский государь в системе союзов занимал позицию скорее на стороне Византии и Галича [82].

Результатом созданного браком Гезы династического союза стали весьма интенсивные контакты: не менее шести раз Геза II помогал своему шурину Изяславу в его войнах с черниговским князем, с Юрием Долгоруким и галицким Владимирком (1148–1152 гг.) [83]. О его походах очень подробно сообщают древнерусские летописи [84], в первую очередь – Киевская летопись. Венгерская сводная хроника лишь кратко упоминает походы Гезы на Русь, там имеются свидетельства только о двух походах. В одном из них король участвовал лично [85]. Более подробно говорят о них византийские хронисты Никита Хониат и Иоанн Киннам, а также – хроника Мюгельна [86]. Параллельно с военными действиями на Руси на южных рубежах Венгрии также шли византийские войны [87].

inslav

Военные действия на Руси	Византийские войны
ранняя весна 1148 г.	вторая половина 1149 г.
Рождество 1149 г.	
осень 1150 г.	осень 1150 г.
	самый конец 1150 г.
февраль–март 1151 г.	
июнь 1151 г.	
первая половина 1152 г.	
	1153 г.
	конец 1154 г.
	весна 1155 г.

Согласно приведенным в таблице данным, целесообразно исследовать события на обоих театрах военных действий исключительно в их взаимном влиянии друг на друга. При этом мы ставим следующие вопросы:

– Какую роль играли венгерские военные отряды, помогавшие Изяславу?

– Дают ли опору сведения о событиях на древнерусских землях для уточнения хронологии походов?

– В каком пункте можно доказать влияние уже рассмотренной выше системы международных связей?

Весной 1148 г. Изяслав Мстиславич собрал войско против Чернигова, и к этому войску «из Оугор приведе полкы в помочь собѣ» [88]. Прибыв под Чернигов, Изяслав три дня стоял под городом, где заперлись местные князья (Изяслав Ольгович, Владимир и Изяслав Давыдовичи). Поскольку по истечении трех дней они не напали на великокняжеское войско, Изяслав Мстиславич двинулся под Любеч, куда последовали и черниговцы. Готовившемуся столкновению помешал разлив рек. Многие из венгров пошли по подтаявшему льду Днепра и погибли. В литературе это свидетельство является для датировки данного события [89]. Противоречия между великим князем Изяславом и черниговскими Ольговичами обострились, когда в Киеве убили одного из представителей рода Ольговичей – Игоря. Известна дата этого события: 19 сентября 1147 г. [90] Этим подчинение черниговцев Изяславом было подготовлено. Решительного военного столкновения не произошло, но венгерская помощь была полезна Изяславу: хотя и на короткое время, но он снова привлек к себе Ольговичей.

Под 1149 г. Киевская летопись содержит текст относительно просьбы о помощи: «ратенъ есмь съ царемъ. Яже боудоу пороженъ, а самъ приду а пакы ли а полкы свою поущю» [«У меня война с императором, если я буду

inslav

свободен, я приду сам, если нет, пошлю мои военные отряды»] [91]. Первая просьба о помощи пришла в то время, когда Геза II послал отряд на помощь сербам, восставшим против Византии [92]. Затем прибыл новый посол от Изяслава с обращением «съ Рождества Христова полѣзоша на кони» [93]. Геза II, с одной стороны, послал десятитысячное войско, а с другой – двинулся по кромке Карпат, чтобы держать галичского Владимирка под угрозой. С этим событием мы связываем распад галичско-венгерского союза [94]. Подобный обмен посланиями происходил также между Изяславом и польскими князьями (с великопольским Мешко, краковско-мазовецким Болеславом и сандомирским Генрихом), а также – с чешским Вратиславом II. Изяслав собрал большое войско, но иноземцы в согласии с Изяславом не сочли ничего лучшего, как направить послов к братьям Мономаховичам – Вячеславу и Юрию Долгорукому. Они приняли условия мира, предложенные Юрием, обещавшим, что после ухода иностранных отрядов он будет склонен вступить в переговоры с Изяславом. В соответствии с этим названные отряды возвратились домой. Венгры выступили по направлению к Киеву в самом конце 1149 г., в Рождество, судя по тексту летописи. Выступление в поход Юрия Долгорукого Бережков датирует серединой января 1150 г. [95] Известно, что 8 февраля венгров уже не было на русской земле, ибо в это время Юрий, нарушая прежнее соглашение, осаждал подвластный Изяславу Луцк [96].

Осенью 1150 г. Изяслав обратился за помощью к венгерскому королю из Владимира-Волынского [97]. Боясь нападения галичского Владимирка, Изяслав послал в Венгрию своего брата Владимира Мстиславича. Геза быстро выступил в поход и начал военные действия против галичского князя захватом Санока и разграблением окрестностей Перемышля. Князь Владимирко нашел сторонников среди венгерской знати, которые, явно под влиянием полученного от него золота, склонили Гезу к возвращению домой [98]. Здесь сыграло свою роль и дошедшее до Венгрии известие о нападении византийцев [99]. В данном случае Изяслав просил венгерского короля о помощи, находясь в самом безнадежном положении. Он был лишен Юрием Долгоруким великокняжеского престола (в августе 1150 г.), а его власти над Волынью угрожал Владимирко. Победа венгерского короля над Владимирком укрепила положение Изяслава на Волыни. На это указывает тот факт, что уже в конце 1150 г. он вынашивал план возвращения Киева [100]. Вместе с венграми ушел и Владимир Мстиславич, который готовился взять в жены дочь венгерского бана Белоша. Этот брак можно считать новым усилением венгерско-сербско-волынского антивизантийского союза. В.Т. Пашуто предполагал, что Владимир Мстиславич в то время воевал на стороне венгерского короля против Византии. На этом он строил гипотезу о том, что между Изяславом и Гезой II существовали отношения взаимопомощи [101].

inslav

Владимир прибыл в Венгрию в октябре 1150 г. вместе с Гезой II. Вскоре он удалился, но по прошествии короткого времени мы снова встречаем его в окружении венгерского короля. Занятый отражением нападения византийцев, Геза направил ранней весной 1151 г. (примерно в феврале–марте) Изяславу войско во главе с Владимиром [102]. Венгры, присоединившись к войску Изяслава, приняли участие в новом, стремительном захвате Киева. Летопись подробно описывает пир после победы, рыцарский турнир и, наконец, сообщает об уходе венгров. Точная датировка события затруднена тем, что Киевская летопись дважды описывает некоторые события, например, вступление войска Изяслава в Киев, бегство Юрия Долгорукого, последовавший за победой пир и рыцарский турнир [103]. Бережков, сопоставив данные Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, пришел к выводу, что Изяслав мог занять Киев около 20 марта 1151 г., а выступил с Волыни самое раннее в конце февраля [104]. Таким образом, Изяслав снова стал великим князем. Ему удалось привлечь на свою сторону своего дядю Вячеслава, стоявшего по праву старшинства выше Юрия Долгорукого. Вячеслав и Изяслав по соглашению между ними совместно владели Киевом, имея титул великих князей [105].

В июне 1151 г. прибыл сын Изяслава – Мстислав с новой просьбой прислать войска [106]. Выступившее во главе с ним войско, однако, не достигло цели, так как стало жертвой ночного нападения галичского Владимирка. По свидетельству нашего источника, галичский князь внезапно напал на расположившихся на отдых пьяных венгров. Удалось бежать лишь Мстиславу Изяславичу с небольшой свитой. Киевская летопись описывает несколько событий первой половины 1151 г., к числу которых относится и просьба о помощи, поступившая после апреля [107]. Примерно в это время произошли два значительных столкновения между Изяславом и Юрием Долгоруким. В первом случае Изяслав вынудил Юрия к отступлению успешно организованной обороной на подступах к Киеву, а затем в битве при Переяславле одержал победу. Первое событие Бережков датирует 19–26 мая 1151 г., второе – 17 июля 1151 г. [108] Между этими двумя датами и произошло галичское поражение венгров, вероятнее всего, в июне. Наконец, Изяслав одержал решительную победу над Юрием уже без венгров, а затем в начале сентября смог записать себе в актив еще одну победу. Это было его последнее столкновение с Юрием.

Последний раз Геза II помогал Изяславу в 1152 г., и на этот раз их целью было подчинение галичского Владимирка [109]. После обмена посланиями войско Изяслава выступило навстречу венграм, во главе которых снова был король. Два войска встретились под Перемышлем на реке Сан. Затем повторились события осени 1150 г.: бежавший Владимирко скрылся в крепости Перемышля, откуда направил послания венгерскому архиепископу и военачальникам, в которых напомнил Гезе, какую службу он сослужил в свое

inslav

время (в 1135 г.) отцу Гезы – королю Беле II. С помощью даров ему удалось расколоть королевский лагерь, так что Геза не смог использовать плоды своей победы. Изяслав и его русские союзники намеревались взять имения Владимирка, но по совету короля и венгерской знати довольствовались его присягой о верности, которую тот позднее, конечно, нарушил. Геза удалился, дав обещание выступить снова против Владимирка, если будет необходимо, однако этого уже не произошло. Как установил Бережков, описания этих событий в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях различаются между собой. Согласно его коррекции, к реке Сан первым из союзников прибыл Геза, Владимирко бежал от него и запросил мира. Потом войска Изяслава и венгерского короля соединились, Владимирко потерпел от них поражение, закрылся в крепости Перемышль и снова запросил мира. По Бережкову, двойное бегство и две попытки Владимирки получить мир в Ипатьевской летописи были объединены [110].

Более точная датировка событий затруднена тем, что мы не знаем о событиях на Руси между победой Изяслава над Юрием Долгоруким (июль 1151 г.) и его походом против Владимирка (1152 г.). Этот поход Д. Паулер датирует летом 1152 г., В.П. Шушарин – весной 1152 г. [111] Думается, что на основе сравнительной хронологии можно при изучении событий после заключения мира определить датировку похода первой половиной 1152 г. Владимирко умер в самом начале 1153 г., но перед этим он снова выступил против Изяслава; в это время происходили также столкновения между Изяславом и Юрием Долгоруким, с другой стороны, между Изяславом и черниговскими князьями [112].

Интенсивные военные действия с венгерской стороны на северо-востоке сделались возможными в 1151–1152 гг. благодаря тому, что в начале 1151 г. было заключено перемирие на византийском театре боевых действий, и военные операции возобновились здесь лишь в 1153 г. К этому времени изменилась обстановка на Руси: ушли из жизни два главных действующих лица – Владимирко в 1153 г. и Изяслав в начале 1154 г.

Хронологию походов 1148–1152 гг. мы не можем изменить и лишь в некоторых случаях уточняем ее. Относительно нескольких дат, считавшихся раньше датами походов, следует признать, что они отражают лишь одну из фаз военных действий или касаются обращений с просьбами о помощи. Наши предложения по уточнению хронологии мы свели в следующей таблице:

Время обращения за помощью	Начало похода	Конец похода
1. Осень/зима 1147 г.	?	Ранняя весна 1148 г.

inslav

2а. Сентябрь 1149 г.		
2б. Поздняя осень 1149 г.	Рождество 1149 г.	Вторая половина января 1150 г.
3. Август–сентябрь 1150 г.	?	Конец октября 1150 г.
4. Декабрь 1150 январь 1151 г.	Февраль–март 1151 г.	Начало апреля 1151 г.
5. Конец мая 1151 г.	Июнь 1151 г.	?
6. ?	Первая половина 1151 г.	

В исторической литературе можно встретиться с различными оценками военных действий Гезы II на Руси. Д. Паулер оценивает их как «политику семейных чувств» [113]. По Й. Дееру, «в этих войнах не было какой-либо высокой политической цели, на первый план выступает их династический, семейный характер» [114]. В сводных исторических работах 1960-х годов [115] их рассматривают как действия с исключительно завоевательными целями. Можно согласиться с Ф. Макком, который оспаривает приведенные мнения и полагая, что «в одном из случаев излишне подчеркивается династический характер, в другом неподтвержденная оценка этих действий как "завоевания" мешает правильной оценке политики Гезы II по отношению к Руси» [116]. Верную оценку мы можем получить в том случае, если попытаемся рассмотреть походы не изолированно от международной ситуации, а в ее контексте. Так делают советские историки В.Т. Пашуто, поддерживающий его точку зрения В.П. Шушарин и венгерские исследователи Ф. Макк и Д. Криштo [117]. Только в рамках истории Галича излагает события М.С. Грушевский [118]. О завоевании не может быть и речи, поскольку сохранилось status quo ante bellum. Венгры участвовали в походах не самостоятельно, а в качестве вспомогательного контингента русского войска: из шести случаев – однозначно в двух (на рубеже 1150/1151 гг. и в июне 1151 г.) и вероятно – еще в двух (ранней весной 1148 г. и на рубеже 1149/1150 гг.). Два похода, которые возглавлял король (в октябре 1150 г. и в первой половине 1152 г.), совершались во взаимодействии с его русским союзником. Самостоятельные и успешные акции военных отрядов венгров во главе с королем были совершены лишь в 1150 и 1152 гг. В остальных случаях присутствие венгров было призвано продемонстрировать военное превосходство Изяслава над его противниками. Венгерский союзник мог усилить

inslav

чувство безопасности у великого князя, по просьбе которого венгры всегда приходили в его распоряжение. С другой стороны, поддержка Гезой II Изяслава выражала противодействие венгерского короля линии на сближение Галича и Византии.

В то же время следует заметить, что Геза II лишь на короткое время обязывался помогать Изяславу при условии, что он должен был порвать с его прежним союзником Галичем, которому он еще в 1144 г. оказывал военную помощь. После 1152 г. Геза II не совершал новых походов, хотя давал такое обещание [119]. После смерти Изяслава (1154 г.) Геза помог деньгами своей теще, прибывшей в Венгрию [120], но посетивший его в 1156 г. с просьбой о помощи Владимир Мстиславич, по известным нам сведениям, уехал с пустыми руками [121]. Причиной сдержанности в политике Гезы II по отношению к Руси могло быть то, что Венгрия не способна была в это время к войне на два фронта, поскольку в 1153–1155 гг. продолжался очередной конфликт с Византией [122].

Отказ Гезы II от союза с Галичем и помощь Изяславу совпали с поддержкой сербов и с началом конфронтации с Византией. Однако разрыв с бывшим союзником в то время не был однозначным, поскольку после внушительных побед в 1150 и 1152 гг. Геза «позволил бежать» Владимирку. Но раскол венгерского лагеря указывает на то, что господствующая элита Венгрии была склонна лишь «поучить» своего бывшего союзника [123]. Это тем более вероятно, что несколькими годами позже, когда в политике Гезы произошел поворот, он снова возвратился к союзу с Галичем.

После завершения венгерско-византийских войн 1156 г. обнажились внутриполитические противоречия в Венгрии, которые еще больше обострились в результате длительных войн. Внутриполитические перемены были вызваны претензиями братьев Гезы II – Ласло и Иштвана – и их сторонников. Хотя Геза предоставил им права герцогов, это, однако, не предотвратило проявление с их стороны явной враждебности (эмиграцию в Византию) [124].

Тем временем распался союз двух императоров, и результатом постоянных византийско-венгерских противоречий стало сближение венгерского короля с Фридрихом Барбароссой (1152–1190 гг.), а также укрепление связей с маркграфом Генрихом Язомирготтом и чешским королем Вратиславом II, которые прежде были сторонниками германо-римского императора. В 1158 г. послы Гезы (дьёрский епископ Гервазий и придворный судья Хедер) находились на регенсбургском рейхстаге, а его военные отряды – в Милане в качестве контингента войск Генриха Язомирготта. Приблизительно в это же время из Венгрии удалился бан Белош, который мог быть недоволен таким поворотом событий [125].

Тогда же Геза II мог сблизиться с галичским князем Ярославом Владимировичем. Причиной этого была не только смена личности на галичском

inslav

столе (ранее Геза не воевал с этим князем), но и антивизантийская позиция Ярослава Осмомысла. Последнего настроило против Византии новое появление на политической сцене Ивана Ростиславича (Берладника), поскольку Ярослав напрасно просил великого князя Изяслава Давыдовича (1157–1158 гг.) выдать ему Ивана Ростиславича. Иван Берладник же из Киева направился в Византию, где и оставался до своей смерти (1162 г.) [126]. О венгерско-галичском сближении свидетельствовало то, что люди Гезы II находились среди послов, направленных в Киев [127].

После этого неудивительно, что наследовавший Гезе Иштван III мог признать галичан своими сторонниками, когда надо было защищаться от нападения Иштвана IV, прибывшего с византийской помощью. Эти галичане были среди союзников, собравших войско [128]. Свидетельств венгерских и древнерусских источников об этом нет, как и о намечавшемся браке Иштвана III с дочерью Ярослава. Византийский же источник свидетельствует об этом (для византийца «второстепенном») факте лаконично [129]. Намечавшемуся подкреплению этого союза (т. е. заключению брака) воспрепятствовали контрмеры Мануила, которому удалось привлечь Галич на свою сторону [130].

* * *

По прошествии более чем двух десятилетий вместо прежних связей возникли другие, имевшие совершенно отличный характер: к Беле III (1172–1196 гг.) прибыл Владимир, сын галичского Ярослава, и попросил помощи для возвращения трона. Об этом известно из свидетельств древнерусских летописей и польских хроник [131]. В противоположность старому взгляду мы датируем присутствие венгров в Галиче между весной 1188 и августом 1189 г. 132 Здесь мы считаем необходимым поставить вопрос о том, сколько же в конечном счете произошло походов в названном хронологическом интервале, поскольку постоянно используемое множественное число оставляет в тени конкретные события.

Галичский конфликт возник осенью 1187 г. после смерти Ярослава Владимировича (Осмомысла), последовавшей 1 октября. В соответствии с «завещанием» Ярослава, Галичем правил сын одной из наложниц Ярослава – Олег. Владимиру, сыну от брака с суздальской княжной, досталась перемышльская волость. Вскоре после смерти Ярослава галичане изгнали Олега и облекли правом на княжение Владимира. Вслед за этим наступило спокойное время, а затем, после вмешательства волынского князя Романа, Владимир вынужден был бежать в Венгрию. Сразу же после его обращения с просьбой о помощи отряд Белы III отправился в поход [133]. О личном присутствии Белы III в этом походе свидетельствуют его переговоры с галицкой знатью, которые едва ли были продолжением тех, что велись с ними в Венгрии. Эти события мы относим к первому походу. По нашему мнению, Бела мог пребывать на

inslav

территории Древней Руси не один месяц, поскольку произошло несколько неудачных нападений изгнанного Романа. Можно полагать, что эти нападения были отбиты многочисленным военным контингентом, находившимся в Галиче вместе с венгерским королем, а не небольшим отрядом, оставленным в качестве свиты герцога Андраша. Наверняка венгерский король возвратился в Венгрию после переговоров со Святославом Всеволодовичем, носившим титул великого князя киевского. В качестве фона этих переговоров мы усматриваем стремление добиться признания власти Андраша над Галичем.

В другом случае Бела III направил помощь своему сыну [134], когда власти венгров угрожал со стороны Смоленска Ростислав. Мы считаем это вторым походом. Но у нас нет возможности проверить его датировку (1189 г.) по другому источнику. В августе 1189 г. герцог Андраш вынужден был бежать от возвратившегося с польскими войсками Владимира, поскольку не получил новой помощи. Он не мог ее получить, так как примерно в это время через Венгрию проходили участники Третьего крестового похода [135]. Таким образом, можно выделить два разных похода венгров: наверняка Бела III приходил со всем войском страны. Годом позже появился один вспомогательный отряд венгров, так что следует считаться с присутствием в Галиче небольших военных сил с весны 1188 по август 1189 г.

На вопрос о том, являлось ли экспансией появление Белы III в Галиче, мы должны ответить положительно. Думаем, что это обосновывается не только таким давно известным фактом, как упоминание титула «король Галича» (rex Galiciae) в грамоте, изданной в городе Задар (венг. Зара) [136], или поведением венгерского войска как типичных завоевателей. Об экспансии можно судить и по другим, сразу не бросающимся в глаза обстоятелЪствам.

Таковыми мы считаем тот факт, что Бела III в своем стремлении стабилизировать венгерскую власть в Галиче действовал абсолютно в соответствии с прежними древнерусскими обычаями. Прежде всего он постарался привлечь на свою сторону галичскую знать: «даде весь нарядъ Галичанам» [137]. Это сходно со стремлением в более раннее время Романа Мстиславича: «Романъ же слашеть без опаса к моужемъ Галичькимъ» [138]. Таким образом, он старался заранее повлиять на увеличение численности своих сторонников, что было обычным для всех русских земель. После привлечения к себе правящих кругов Галича, Бела III направил послов к великому князю киевскому: «присла король ко Святославу» [139]. Для продолжения переговоров из Киева к венгерскому королю прибыли послы во главе с сыном великого князя – Глебом Святославичем. О содержании переговоров мы можем лишь догадываться. Великий киевский князь Святослав (хотя его власть над всей Русью была сильно ограничена) мог признать власть Белы III, точнее – герцога Андраша, над Галичем. Об этом можно судить по удалению Белы III из Галича, а с другой

inslav

стороны – по упрекам «соправителя» Рюрика Ростиславича в адрес Святослава. Между Белой III и галичанами мог быть заключен договор («ряд»), поскольку те приняли его сына в качестве князя. Гарантами соглашения могли быть те заложники, о которых шла речь позже («но чии бяхоуть сынове и братьия оу короля то ти держахоуться кр□пко по королевичи» [140]). В условиях раскола галичской знати (когда в ее среде оказались сторонники Ростислава Берладничича) начались часто упоминаемые жестокости венгров.

Однако власть венгров означала лишь один из возможных исходов борьбы за власть в Галиче. Кем были их противники? Первым среди них мы можем упомянуть Владимира Ярославича, за которым уже в 70-е годы XII в. стояла одна из групп аристократов. В 1173 и 1174 гг. это были «беглецы», которые сначала с польской помощью, а затем при поддержке других древнерусских князей достигли своей цели в борьбе против отца Владимира – Ярослава [141]. Сводный брат Владимира Олег, намеченный в качестве наследника, вероятно, в силу своего происхождения не обладал соответствующим базисом, который мог бы ему помочь удержать княжеский стол. После его изгнания (конец 1187 г.) мы не встречаемся с упоминанием о нем. Первым врагом Владимира Ярославича и призванных им венгров был Роман Мстиславич [142], являвшийся с 1170 г. князем соседней Волыни. Первое проявление планов Романа в отношении Галича – намеченный им брак его дочери и старшего сына Владимира. Направляя свою дочь в Галич, он устанавливал связи с галичской знатью [143]. Следующий конкурент венгров и их ставленников в борьбе за галичский стол – «князь» Ростислав Берладничич [144]. Его отцом был Иван Берладник, неоднократно пытавшийся приобрести себе имение в Галиче. Ростислав – князь-изгой. Его зависимое положение несомненно, поскольку он не мог самостоятельно решиться на принятие предложения галичан и должен был просить согласия у смоленского князя Давыда («испроси оу Давида» [145]). В качестве потенциальных врагов Владимира можно упомянуть еще киевского великого князя Святослава Всеволодовича (1176–1194 гг.) и его «соправителя» Рюрика Ростиславича, имевшего стол в киевском Белгороде. Оба они хотели совместно напасть на Галич, однако это осталось лишь намерением.

Власть Белы III, точнее – герцога Андраша, над Галичем сделалась возможной благодаря их большему военному потенциалу, в сравнении с потенциалом русских князей. Однако с уходом венгерского войска власть Андраша стала такой же хрупкой, как у русских князей, не имевших поддержки большинства владетелей. Возле каждого претендента на галичский стол мы видим группу знати («мужи», «бояре»). Так как нет конкретных сведений о личностях, составлявших эту группу, то нельзя проследить формирование каждой группы, а также – изменения позиций их членов. Можно

inslav

считать очевидным, что фон конфликта составляло соперничество двух групп, сформировавшихся уже в 70-е годы XII в. Думается, что сторонники изгнанного Олега из группы волынского Романа противодействовали приходу Владимира Ярославича к власти. При появлении венгров на их сторону стали прежде всего бывшие сторонники Владимира. Их противники приняли решение призвать в Галич Ростислава.

О двух галичских походах Белы III мы не располагаем непосредственными венгерскими источниками. Так что эти походы можно оценить, сопоставив их с другими внешнеполитическими шагами Белы III, о которых мы узнаем из нарративных памятников, возникших за рубежами Венгрии [146]. Внешняя политика Белы III активизировалась в 80-е годы XII в. по сравнению с периодом 1172–1180 гг., когда значительная часть сил короля занималась укреплением его внутриполитического положения. Активизация внешней политики Белы III проявилась в таких его шагах, как вступление в борьбу папы против императора, выдвижение венгерских войск за рубежи государства, в византийские владения после смерти императора Мануила. К 1189 г., времени начала Третьего крестового похода, произошли изменения в обеих указанных сферах. О Беле III написан ряд исследований, в которых детально обрисована внешняя политика короля. Мы можем лишь воспроизвести результаты этих исследований [147]. Речь идет о том, что частично улучшились отношения с германо-римским императором (о чем можно судить по приему Фридриха Барбароссы в Венгрии), с другой стороны, возник союз Белы III с Византией благодаря браку его дочери и императора Исаака III Ангела, победившего в борьбе за трон. Брак был заключен осенью 1185 г. [148]

Церковная политика Белы III в Галиче получила различные оценки. Ф. Макк повторяет оценку старой венгерской исторической литературы, говоря о религиозных противоречиях, возникших между венграми и галичанами [149]. Самым главным доводом в пользу этого утверждения является враждебность венгерской церкви по отношению к православию, а также безуспешность распространения в Венгрии культа святого Ивана Рыльского. Древнерусские летописи не сообщают ни о контактах с папством, ни о плане папы относительно возможной церковной унии. Нетерпимость же по отношению к православию была возведена на уровень официальной политики лишь папой Иннокентием III (1198–1216 гг.) [150]. Но если принять во внимание сглаживание противоречий между папой и императором ко времени Третьего крестового похода, а также ряд конфликтов между немецкими крестоносцами и Византией, то нельзя полностью исключить проявления религиозной нетерпимости со стороны венгров в ходе их галичской экспансии. Однако можно не без основания предполагать различие позиций королевского двора и высших церковников. Ясно, что при дворе преобладали взгляды лично короля;

inslav

воспитанный в Византии Бела III вряд ли был противником православия, хотя у него имелись хорошие отношения с папской курией. Во всяком случае, мы считаем преувеличением утверждение Б.Я. Рамма о том, будто двор Белы III был «передовой колонной папской политики» [151]. В особенности неверно это в отношении Белы III, который олицетворял собой терпимость католика по отношению к византийской церкви и взял на себя роль посредника в конфликте немецких крестоносцев и Византии – не в последнюю очередь потому, что венгерского короля нельзя считать слугой папских интересов. Категорич-ная формулировка явилась, по нашему мнению, ретроспекцией обстановки XIII в.

Как мы оцениваем галичскую политику Белы III? Выше уже говорилось о его отношении к папе и императору в 80-е годы XII в. [152] Связи с австрийским герцогом и чешским королем нормализовались после того, как те отказались от поддержки претензий на трон герцога Гезы – младшего брата Белы III. А это означало полное укрепление внутреннего положения Белы III. Думается, что в Киевской Руси вследствие усиления раздробленности Галицкое княжество было «самым слабым звеном цепи», которое удовлетворяло экспансионистский «аппетит» внутренне консолидированного государства. Объяснение неудачи экспансии частично следует искать в том же, в чем причина первоначальных успехов: в разделенности галичской знати. Интерес Белы III к русским делам мог быть вызван происхождением его матери Ефросиньи Мстиславны. Среди причин предъявления претензий на Галич едва ли эта является решающей, но она могла создать необходимый предлог для завоевания. Наконец, следует упомянуть о двух важных последствиях безуспешной экспансии. Одно из них – вспыхнувший вслед за ней венгерско-польский конфликт, завершившийся заключением мира лишь в 1193 г. [153] Второе – закрепление того направления экспансии, которое постоянно существовало в XIII в., в первую очередь во внешней политике Андраша II (1205–1235 гг.) [154], а в модифицированной форме – в период правления Белы IV (1235–1270 гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Киевской летописью исследователи называют среднюю часть Ипатьевской летописи, рассказывающую о событиях 1118–1199 гг. См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1962. Т. II. Стб. 285–715; перевод на венгерский язык частей со свидетельствами о Венгрии: *Hodinka A.* Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp., 1916. 94–99, 288–304.l. (далее – Hodinka A., 1916); *Font M.* Magyarok a Kievi évkönyvben. Szeged, 1996. Оценка свидетельств о Венгрии: *Font M.* A kijevi évkönyv mint magyar történeti forrás // Történelmi Szemle. 1991. № 1. 70–73.l. (далее – Font, 1991).

inslav

[2] ПСРЛ. Т. II. Стб. 285–288.

[3] Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum (далее – SRH). I– II / Ed. Szentpétery E. Budapestini, 1937–1938. P. 437–438.

[4] Font, 1991. 77.l.; Другое мнение см.: *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. I. Bp., 1899. 231, 426, 474.l. (далее – Pauler).

[5] *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси X–первой половины XIII в. М., 1977. С. 88–89 (далее – Рапов).

[6] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 53 (далее – Пашуто); *Fejer G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis (далее – CD). I–IX. Budae, 1829–1844. I. P. 469; *Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagy–Becskereken, 1892. 205.l. (далее – Wertner).

[7] Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 115 (далее – ПВЛ); ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 22.

[8] Ioannis Dlugosii Annales seu Chronicae incliti Regis Poloniae. Liber IV (1082–1139). Varsaviae, 1970; Liber V (1140–1173), Liber VI (1173–1240). Varsaviae, 1973. IV. P. 285–286 (далее – Dlugosz).

[9] ПСРЛ. Т. XXV. С. 28.

[10] Там же. Т. II. С. 286. О конфликте см.: *Мавродин В.В.* Русские на Дунае // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. 1943. С. 3–18; Пашуто В.Т. С. 186–187.

[11] ПВЛ. С. 129; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 462–464 (далее – Рыбаков).

[12] ПСРЛ. Т. II. С. 285–286; *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV века. Киев, 1887. С. 117–118; *Крип`якевич И.Ѣ.* Галицко-Волінске князівство. Київ, 1984. С. 81 (далее – Крип`якевич); *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 56–57 (далее – Котляр).

[13] SRH. T. I. P. 437–438.

[14] *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Очерк по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). V Praze, 1935. T. I. C. 60–62 (далее – Флоровский).

[15] *Makk F.* Magyarország a 12. században. Bp., 1986. 93.l. (далее – Makk, 1986); *Idem.* Magyar külpolitika (896–1196). Szeged, 1993. 143.l. (далее – Makk, 1993).

[16] *Грушевській М.* Історія України–Русі. У Львови, 1905. Т. II. (далее – Грушевській).

[17] Dlugosz. T. IV. P. 295.

[18] SRH. T. I. P. 429–431.

[19] Makk, 1986. 93.l.; Makk, 1993. 136.l.

inslav

[20] Pauler. T. I. 231–232.l.; *Deer J.* A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. Kolozsvár, 1928. 107.l. (далее – Deer); Magyarország története. I/2. Bp., 1984. 1178–1188.l. (далее – MT); *Kristó Gy.* Az Árpádkor háborúi. Bp., 1986 (далее – Kristó, 1986); Makk, 1986. 93–105.l.; *Kosztolnik Z.J.* From Coloman the Learned to Béla III. New York, 1987. P. 79–88 (далее – Kosztolnik). О походе на Русь см.: P. 84

[21] *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungariae. I–III. Bp., 1937–1938. T. I. P. 315, 687–688; T. III. P. 1764 (далее – G); Makk, 1986. 95.l.

[22] *Font M.* A XII. századi orosz – magyar kapcsolatok kérdéséhez. Kéziratos bolcsészdoctori disszertátió. Szeged, 1979 (далее – Font, 1979).

[23] SRH. T. I. P. 431.

[24] ПСРЛ. М., 1962–1963. Т. I. С. 293; Т. II. С. 288–289; Рапов. С. 70–72.

[25] Długosz. T. IV. P. 308.

[26] Грушевськiй. С. 418.

[27] G. T. III. P. 2326.

[28] Pauler. T. I. 476.l. 438. jegyzet.

[29] Пашуто. С. 334.

[30] Совершенно другое, по нашему мнению, спорное утверждение см.: *Назаренко А.В.* О «русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 302–306; *Bartal A.* Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae. Bp., 1983. 407.l.

[31] Makk, 1986. 101–102.l.; Makk, 1993. 146.l.

[32] Рапов. С. 73, прим. 26, 28, 29, 31.

[33] *Semkovicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887. S. 82–84; *Perfeckij E.* Historia polonica Jana Długosza a ruské letopisectivi. V Praze, 1932. S. 83–91.

[34] *Györffy Gy.* A szavaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeirása // Az MTA II. Osztályának Közleményei. 1952. 325–362.l.; 1953. 69–104.l.; *Font M.* Powstanie sojuszu halicko-węgierskiego w latach dwudziestych XII wieku // Studia Historyczne. Kraków, 1993. R. 36. Z. 3 (142). 281–286.l.

[35] См. о Борисе: *Розанов С.П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. // Известия Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. 1930, № 7. С. 585–599; № 9. С. 649–671; *Hodinka A.* Kolomanovics Borisz // Történelmi tár. Bp., 1889. 421–439.l. (далее – Hodinka, 1889); *Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez // Acta Historica. Szeged. 40 (1972). 32–50.l. (далее – Makk, 1972); Font, 1979. 60–62.l.; *Font M.* Fattyú volt-e Borisz? // Interpress magazin. 1984/8. 22–26.l. (далее – Font, 1984); *Idem.* Magyar – orosz politikai kapcsolatok, 1118–1240. Kéziratos kandidátusi értekezés. Pecs, 1989. 136–140, 143–144.l. (далее – Font, 1989); *Kerbl R.* Byzantinischen Prinzessinnen in

inslav

Ungarn zwishen 1050–1200 und ihr Einfluss auf das Arpadenkönigreich. Wien, 1979. S. 64–66 (далее – Kerbl).

[36] SRH. T. I. P. 429.

[37] О деятельности хрониста потомков Алмоша см.: *Domanovszky S.* Anonymus és a II. Géza korabeli Gesta // Századok. 1933. 38–54, 163–184.l.; *Vaczy P.* A Vazul – hagyomány középkori kútfőinkben // Levéltári Közlemények. Bp., 1940–1941. 304–338.l.; *Kristó Gy.*, *Makk F.* Krónikáink keletkezéstörténetéhez // Történelmi Szemle. 1972. № 1. 198–205.l.; *Kristó Gy.* A Képes Krónika szerzője és szövege // Képes Krónika. Bp., 1986. 459–516.l.

[38] G. I. P. 442; III. P. 1764, 2288; *Moravcsik Gy.* Az Árpádkori magyar történet bizánci forrásai. Bp., 1984. 208.l. (далее – Moravcsik).

[39] Makk, 1986. 107–108.l.; Makk, 1987. 62–63.l.

[40] Hodinka, 1889. 421–434.l.; Kerbl. S. 64–66; MT. T. I. 1187.l.

[41] Makk, 1987. 61.l., 6.jegyzet.

[42] G. T. II. P. 2287–2288; Об отношениях с Польшей см.: *Jasienica P.* Polska Piastów. Warszawa, 1985. S. 78–91 (далее – Jasienica); Грушевський. С. 413.

[43] О предшествующих событиях см.: SRH. T. I. P. 446–452; о битве: G. T. I. P. 442; T. III. P. 1764–1765; Monumenta Poloniae Historica. I–IV. Lwów, 1864–1878 (далее – MPH). T. III. P. 152–153; Makk, 1972. 44.l.; Makk, 1986. 110–111.l.; Makk, 1987. 63.l.; Kristó, 1986. 77.l.; *Kristó Gy.* A Karpat-medence és a magyarság régmúltja (1301-ig). Szeged, 1993. 158–162.l. (далее – Kristó, 1993).

[44] ПСРЛ. Т. II. С. 450.

[45] Historia dyplomacji polskiej (далее – HDP). Warszawa, 1982. T. I. S. 124–125; *Wyrozumski J.* Historia Polski. Do roku 1505. Warszawa, 1984: S. 143–144 (далее – Wyrozumski); Makk, 1987. 64.l.

[46] HDP. T. I. S. 128; Пашуто. С. 152, 168.

[47] Font, 1979. 63.l.; Font, 1984. 25.l.

[48] *Rüss H.* Das Reich von Kiev // Handbuch der Geschihte Russlands. Stuttgart, 1980. S. 334 (далее – Rüss).

[49] Kerbl. S. 75; MPH. T. III. P. 152–153 (Rocznik Malopolski).

[50] Kerbl. S. 87.

[51] О хронике Пашко (Башко): *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480). Wrocław–Warszawa–Kraków, 1964. S. 54, 131–133.

[52] Pauler. T. I. 244.l.; MT. T. I. 1191–1193.l.; Makk, 1986. 114–115.l.; Kristó, 1986. 77–78.l.

[53] ПСРЛ. Т. I. Ч. 2. Стб. 305; Т. II. Стб. 301; Font, 1991. 76.l.

[54] Летописец Переяславля Русского. М., 1851. С. 53 (далее – Летописец).

[55] Pauler. T. I. 244.l.; MT. T. I. 1193.l.; Makk, 1986. 115.l.; Kristó, 1986. 78.l.

inslav

[56] Deér. 119.l.
[57] MT. T. I. 1193.l.
[58] ПСРЛ. Т. II. С. 308, 313; Пашуто. С. 168; HDP. T. I. S. 138–139.
[59] Летописец. С. 53.
[60] ПСРЛ. Т. I. Ч. 2. С. 311; Т. II. С. 315–316; Т. XXV. С. 36; Летописец. С. 56; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 146 (далее – Бережков).
[61] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Т. I. С. 434–435 (далее – Соловьев); Рапов. С. 146; Рыбаков. С. 510; Котляр. С. 82–83; *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 122; *Коринний Н.Н.* Переяславская земля, X – первая половина XIII в. Киев, 1992. С. 65.
[62] ПСРЛ. Т. II. С. 308–315; Т. XXV. С. 36; Długosz. T. V. P. 26; MPH. T. III. P. 360 (Kadlubek); *Rhode G.* Geschichte Polens. Darmstadt, 1966. S. 42 (далее – Rhode); *Hellmann M.* Daten der polnischen Geschichte. München, 1982. S. 27 (далее – Hellmann); HDP. T. I. P. 139; Jasienica. S. 92–105; *Snoch B.* Synowe Krzywoustego. Warszawa, 1987. S. 60–83 (далее – Snoch).
[63] ПСРЛ. Т. II. Стб. 315–316.
[64] Там же. Стб. 316–317; *Мавродин В.В.* О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве XII–XIII вв. // Ученые записки Ленинградского ун-та, 1939. С. 3–15; Котляр. С. 81.
[65] Font, 1979, 67–69.l.; *Font M.* II. Géza orosz politikája, 1141–1152 // AUSz. 18 (1980). Szeged, 33–39.l. (далее – Font, 1980); Makk, 1986. 117.l.; Kosztolnik, S. 141–159; *Грот К.Я.* Из истории Угрии и славянства (1141–1173). Варшава, 1889. С. 74–75 (далее – Грот); Грушевськiй. С. 427; Пашуто. С. 168.
[66] ПСРЛ. Т. II. С. 384.
[67] SRH. T. I. P. 458; Wertner. S. 311–315; Pauler. T. I. 269.l.; Makk. 1986. 122–123.l.; MT. T. I. 1197.l.; Грот. С. 95–97; Пашуто. С. 168.
[68] Hodinka, 1889. 430.l.; MT. T. I. 1195–1196.l.; Makk, 1987. 64.l.
[69] Deér. 122.l.; Makk, 1986. 122–124.l.
[70] SRH. T. I. P. 453.
[71] G. T. III. P. 1768.
[72] Font, 1980. 38.l.; Грот. С. 94.
[73] Font, 1980. 36.l.
[74] SRH. T. I. P. 459.
[75] *Ostrogorsky G.* Histoire de l 'etat byzantin. Paris, 1969. P. 405–406; Deér. 123.l.; Грот. С. 181, прим. 3; *Васильевский В.Г.* Из истории Византии в XII в. (союз двух империй, 1148–1156) // Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 43–44 (далее – Васильевский).

inslav

[76] *Pauler Gy.* II. Géza orosz – görög háborúi (1148–1152) // Hadtörténelmi közlemények. Bp., 1890. 1.–29., 273–285.l. (далее – Pauler, 1890); Makk, 1986. 125–127.l.; Kristó, 1986. 81.l.; *Angold M.* The Byzantine Empire, 1025–1205. London–New-York, 1984. P. 164–169; Васильевский. С. 43–44.

[77] О лидере «галицко-суздальской» группы Юрии Долгоруком см.: ПСРЛ. Т. II. С. 521; *Makai J.* Jurij Dolgorukij tevékenysége Észak – Oroszországban // Világtörténet. 1991. № 1. 38–46.l.; о лидере другой группы Владимирке см.: Пашуто С. 422; о том и другом см.: *Frances E.* Les Relations russo – byzantines au XIIe siécle et la domination de Galicie au bas – Danube // Byzantinoslavica. 1959. № 1. P. 50–62 (далее – Frances).

[78] Rhode. S. 42; Rüss. S. 377; HDP. T. I. P. 139; Wyrozumski. S. 143–149; Jasienica. S. 92–105; Hellmann. S. 27–28; *Giertych I.* Tysiąc lat historii polskiego narodu. London, 1986. S. 80–82; Snoch. S. 60–63.

[79] Dlugosz. T. V. P. 49.

[80] ПСРЛ. Т. II. С. 384.

[81] Флоровский. С. 76.

[82] Там же. С. 62; Грот. С. 81–82, 152.

[83] Об Изяславе см.: Рапов. С. 145–146; *Толочко П.П.* Нащадки Мономаха. Київ, 1972 (далее – Толочко, 1972); о войне см.: Грот. С. 149–209; Соловьев. С. 443–456; Крип`якевич. С. 75–76; Котляр. С. 84; Makk, 1986. 128–131.l.; Kristó, 1986. 81–86.l.; Font, 1980; Font, 1989. 147–156.l.

[84] ПСРЛ. Т. I. Ч. 2; Т. II, XXV; Летописец; без упоминания венгров: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

[85] SRH. T. I. P. 460.

[86] Moravcsik. 199–209.l.; SRH. T. II. P. 198.

[87] О датировке войн с Русью см.: Бережков. С. 147–149: Hodinka, 1916. 88.l.; о византийцах см.: *Moravcsik Gy.* Bizánc és magyarság. Bp., 1953. 78–87.l.; *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontáció kronológiájához // AHSz. T. 67 (1980). 53.l. (далее – Makk, 1980); о том и другом см.: Pauler, 1890.

[88] ПСРЛ. Т. II. С. 361–362.

[89] Pauler, 1890; Makk, 1986. 129.l.; Makk, 1993. 160–161.l.; Kristó, 1986. 81.l.; Грот. С. 138–139; Бережков. С. 147; Пашуто. С. 169.

[90] ПСРЛ. Т. II. С. 353; Бережков. С. 147; Рапов. С. 107.

[91] ПСРЛ. Т. II. С. 384–385; Летописец. С. 61; сопоставление с византийскими войнами: Makk, 1980.

[92] *Макк Ф.* К достоверности одного из сообщений Киевской летописи // AHSz. Dissertationes Slavicae (далее – DS). Supplementum. Szeged, 1981. 9–13.l.; Makk, 1986, 132.l.; Makk, 1993. 160–161.l.

inslav

[93] ПСРЛ. Т. II. Стб. 385.
[94] *Фонт М.* Важнейшие политические проблемы Киевской Руси XII в. // AHSz, DS. Supplementum. С. 14–20; *Она же.* Политические отношения венгерского короля Гезы с Русью. 1141–1152 // Hungaroslavica. Bp., 1983. С. 33–40.
[95] Бережков. С. 149.
[96] Font, 1989. 149.l.
[97] ПСРЛ. Т. I. Ч. 2. С. 337; Т. II. С. 405–406; Т. XXV. С. 49; Летописец. С. 63.
[98] ПСРЛ. Т. II. С. 407.
[99] Makk, 1980; Makk, 1986. 132–133.l.
[100] Font, 1989. 150.l.
[101] ПСРЛ. Т. II. С. 407; Пашуто. С. 171.
[102] ПСРЛ. Т. II. С. 408–410, 413, 415–416, 420; Т. XXV. С. 50–54; Летописец. С. 65.
[103] О последнем см.: ПСРЛ. Т. II. С. 415–416, 419–420.
[104] Бережков. С. 151.
[105] Толочко, 1972. С. 92–93; Font, 1989. 181.l.
[106] ПСРЛ. Т. II. С. 420–421, 425, 434, 441–442; Т. XXV. С. 50–54; Летописец. С. 67.
[107] ПСРЛ. Т. II. С. 420–421, 425.
[108] Бережков. С. 154–155.
[109] ПСРЛ. Т. I. Ч. 2. С. 336–338; Т. II. С. 446–454; Т. XXV. С. 54–56; Летописец. С. 67–68; МРН. Т. II. P. 517.
[110] Бережков. С. 155–156.
[111] Pauler. T. I. 362.l.; *Шушарин В.П.* История Венгрии, М., 1971. Т. I. С. 142 (далее – Шушарин); Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 30 (автор – В.П. Шушарин).
[112] Рапов. С. 74; Толочко, 1972. С. 108–110.
[113] Pauler. T. I. 349.l.
[114] Deér. 125.l.
[115] Magyarország története. Egyetemi tankönyv I.köt. / Szerk. Elekes L., Lederer E., Székely Gy. Bp., 1961; Magyarország története. I.köt / Szerk. Pemlényi E., Molnár E., Székely Gy. Bp., 1967.
[116] *Makk F.* Magyar-bizánci kapcsolatok a XII. században. Kéziratos kandidátusi értekezés. Szeged, 1978. 82.l.; *Idem.* The Arpads and the Comneni. Bp., 1989. P. 48 (далее – Makk. The Arpads).
[117] Пашуто. С. 163–166; Шушарин. С. 142–144; Makk, 1986. 128–131.l.; Kristó, 1986. 81–86.l.; Kosztolnik. S. 141–144.
[118] Грушевськiй. С. 429–432.
[119] ПСРЛ. Т. II. С. 452.
[120] Там же. С. 482–483.
[121] Там же. С. 483–485.

inslav

[122] Makk, 1986. 131.l.; Makk, 1993. 161.l.; Kristó, 1986. 47.l.; Kristó, 1993. 164–165.l. Здесь нашел свою смерть упрямый претендент на трон Борис. См. об этом: G. T. III. P. 1770; Moravcsik. 271.l.; Kerbl. S. 99.

[123] *Фонт М.* Геза II и Изяслав Киевский // AHSz. DS. T. 14. Szeged, 1982; Font, 1980. 79–87.l.

[124] SRH. T. I. P. 460.

[125] Пашуто. С. 179; MT. T. I. 1207.l.; Font, 1989. 156.l.

[126] ПСРЛ. Т. II. Стб. 519; France. P. 55–57.

[127] ПСРЛ. Т. II. Стб. 496–497; о хронологии см.: Бережков. С. 161; о политических отношениях: Крип`якевич. С. 78; Котляр. С. 85.

[128] Грот. С. 273–291; Грушевський. С. 438–441; Пашуто. С. 179; *Makk F.* Contribution a l' histoire de relations hungaro-byzantine au XIIe siécle // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 29. Fasc. 1–4. Bp., 1984. P. 452; Kristó, 1986. 88–90.l.

[129] Moravcsik. 217.l.; *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий / Под ред. В.Т. Пашуто. М., 1997. С. 67.

[130] MT. T. I. 1227.l.; Kerbl. S. 129; Makk, 1993. 161.l.; История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 353.

[131] ПСРЛ. Т. II. Стб. 557–567; MPH. T. II. P. 412–413; Dlugosz. T. VI. P. 141–144; см. о связях текстов польских и древнерусских хроник: *Font M.* Szempontok III. Béla halicsi hadjáratainak kronológiájához // AHSz. T. 74. 1987. 45–50.l.; Font, 1991. 79–80.l.

[132] Font, 1991. 79.l, 129. jegyzet.

[133] ПСРЛ. Т. II. Стб. 660–661.

[134] Там же. Стб. 664.

[135] G. T. I. P. 48; T. II. P. 897, 943, 1052, 1158–1159, 1310; T. III. P. 1759–1760.

[136] Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae ac Sclavoniae / Red. Smiciclas T. Zagrabiae, 1904, T. II. № 217, 231.

[137] ПРСЛ. Т. II. Стб. 661.

[138] Там же. Стб. 660.

[139] Там же. Стб. 662.

[140] Там же. Стб. 664.

[141] Там же. Стб. 564, 572.

[142] Рапов. С. 175–176.

[143] ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

[144] Рапов. С. 79.

[145] ПСРЛ. Т. II. Стб. 663.

inslav

[146] См. прим. 132, а также источники в издании: III. Béla emlékezete / Szerk. Kristó Gy., Makk F. Bp., 1981 (далее – III. Béla).

[147] Kerbl. S. 131–151; III. Béla; MT. T. I. 1254–1255.l.; *Makk F.* III. Béla és Bizánc // Századok. 1982. № 1. 33–61.l.; Makk, 1986. 183–220.l.; Makk, 1993. 183.l.; Kristó, 1986. 96–99.l.; *Font M.* III. Béla sze-repe az 1180-as évek halicsi trónküzdelmeiben // Történeti Tanulmányok Dél Pannóniából. Pecs, 1988. T. I. 9–17.l.

[148] Moravcsik. 259., 294–295.l.; Angold. P. 171–172; *Петров П.* Възстановане на българската държава, 1185–1197. София, 1985. С. 173.

[149] Makk, 1986. 213.l.

[150] *Gergely I.* A pápaság története. Bp., 1982. 116–119.l.; *Szántó K.* A katolikus egyház története. Bp., 1987. I. köt. 380–382.l.

[151] *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.–Л., 1959. С. 134–135.

[152] См. также об этом: *Kosztolnyik Z. I.* The Foreign Policy of Béla III of Hungary in the light of Papal Correspondence // Ungarn – Jahrbuch. München, 1978. Bd. 9. P. 1–14; Kosztolnyik. P. 210–212.

[153] МРНТ... P. 421; Dlugosz. T. VI. 1973. P. 147 (неверная датировка); HDP. T. I. P. 144.

[154] *Font M.* II. András orosz politikája és hadjáratai // Századok. 1991. № 1. 107–144.l.

inslav

Жигмонд Пал Пах

Тридцатина в Трансильвании и Валахии в первой половине XV века

В III статье декрета 1514 г., в которой содержалась опись королевского имущества и доходов, среди прочего перечисляются следующие положения: «omnes tricesimae regnorum Hungariae et Sclavoniae niae», и далее «Omnes vigesimae... partibus in ... Transylvanensibus ezigi consuetae» [1]. На основе этого и других источников эпохи правления династии Ягеллонов, а также более позднего времени [2] в венгерской историографии общепринятым стало мнение, что в Трансильвании, в отличие от Венгрии, внешнеторговую пошлину называли не тридцатиной [*], а двадцатиной [3]. Это утверждение в свою очередь – без указания на временные рамки, на terminus a quo – следовало понимать таким образом, что импортную и экспортную пошлину в Трансильвании изначально, с самого ее введения называли иначе (и в соответствии с названием исчисляли по более высокой ставке), чем в Венгрии.

Подтверждается ли это мнение данными источников первой половины XV века?

I

Возьмем для начала грамоту, которую король Жигмонд еще в 1395 г. адресовал Иштвану Кинижи как ишпану секеев. В этом документе Жигмонд давал указание ему, а также его сборщикам тридцатины в Брашшо (совр. Брашов, Румыния)[**] (tricesimatores in Brassow constituti) не взимать пошлины tricesima и tributum у купцов из Брашшо и Себена (совр. Сибиу, Румыния), когда те ввозят товар из Валахии (de partibus Transalpinis), так как раньше это не было принято [4]. Однако освобождение трансильванцев от уплаты тридцатины в «трансильпийской» торговле оказалось недолгим. С ростом товарооборота (а вместе с ним и ожидаемых доходов от тридцатины) Жигмонд в 1428 г. хотя и приказал, чтобы торговцы-саксы, едущие в Валахию через ущелье Тёрчвар или возвращающиеся оттуда домой, не уплачивали в Тёрчваре (Torzburg, Bran) tributum за свой товар, но относительно уплаты tricesimae все

---

[*] Тридцатина (*лат.* tricesim) – одна из королевских регалий в Венгрии, восходящая к внутренней пошлине на торговлю на городском рынке – tributum fori, а также вид внешнеторговой пошлины, первоначально взимавшейся в размере 3,33% (одна тридцатая) от стоимости товара (*прим. перев.)*

[**] Здесь и далее прим. перев.

inslav

же сохранил действие «прежних правил», т. е. тридцатину они должны были платить исправно [5]. Купцов же из Валахии, приезжающих в Брашшо, а затем возвращающихся оттуда обратно, король уже не освобождал ни от одного вида пошлины. Тёрчварским кастелланам, а также сборщикам тридцатины и таможенникам (tricesimatoribus et tributaries) в 1426 г. предписывалось лишь то, чтобы с валашских купцов (signanter Valahis) не взимали «лишние и несправедливые», а только «справедливые и принятые» таможенные платежи (tricesimariam et tributariam solutionem) [6].

На деятельность таможни по сбору тридцатины в Тёрчваре – позднее перемещенной обратно в Брашшо, – проливает свет еще одна грамота, изданная трансильванским воеводой Штибором в 1412 г., в которой по ходатайству брашшовцев пошлина на вывоз в Валахию и ввоз оттуда товаров была определена по каждой позиции отдельно [7]. Главным экспортным товаром было западное сукно – итальянское, фламандское (из Ипра и Лёвена), немецкое (из Кёльна) и, наконец, силезское – свидетельство того, что определенная часть ввезенных в Венгрию западных тканей реэкспортировалась в Валахию [8]. С этих тканей в соответствии с их качеством взимался tributum в определенном размере [9], который исчислялся в дукатах – в то время ходовой разменной монете [10]. Импортируемая сельскохозяйственная продукция из Валахии (рыба, скот, кожа, воск, мед и пр.) также облагалась пошлиной фиксированного размера; но с черного перца, шафрана, имбиря, гвоздики и других восточных, левантийских товаров уже полагалось уплачивать tricesimum – тридцатину [11]. Таким образом, брашшовские правила воеводы Штибора явились как бы прообразом таможенных тарифов Яноша Зибенлиндера в Буде, появившихся почти четверть века спустя (1436 г.): западное сукно там тоже облагалось фиксированной суммой пошлины, а с восточных пряностей платили tricesima pars [12].

Брашшовская грамота о торговле с Валахией датирована 7 сентября 1412 г. Несколькими неделями ранее воевода находился в Бестерце (совр. Бистрица, Румыния), где по просьбе местных граждан занимался урегулированием деятельности таможни по сбору тридцатины в соседней Радне (Rodna) (позднее таможня была переведена в Бестерце). Ведь с другим румынским княжеством – Молдавией – торговые связи осуществлялись главным образом через перевал Радна; ослабление в последнее время торговых связей, а вместе с тем упадок своего города горожане Бестерце были склонны объяснять тем, что покойный арендатор таможенного пункта по сбору тридцатины в Радне некто Прокоп и его наследники подняли суммы пошлин и тридцатины. Воевода таким образом при определении способов уплаты таможенных сборов и тридцатины в Радне (tributorum et tricesimarumque solutio) будто бы хотел вернуть прежние порядки. В изданной им в Бестерце грамоте о привилегиях (21 июля 1412 г.) на экспорт ипрского, лёвенского, кёльнского и силезского

inslav

сукна, более того, и на импорт черного перца и имбиря предписывались фиксированные суммы платежей в различной валюте: денариях, грошах, флоринах [13]. Импорт свиней и овец, напротив, облагался тридцатиной в натуре и в первоначальном смысле слова: de triginta porcis unum porcum, de triginta ovibus unam ovem; из тридцати рыб также следовало отдать piscis unus [14]. После смерти воеводы в 1414 г. король Жигмонд подтвердил эти правила с некоторыми дополнениями и направил их Михаю Надашди (Надаши) Шаламонфиа, в то время ишпану секеев, и его кастелланам, а также таможенникам и сборщикам тридцатины в Радне (tributaries et tricesimatoribus in castri ... Rodna constitutes) с указанием впредь, до дальнейших распоряжений «собирать tributum и tricesimam» исключительно согласно лимитации покойного воеводы Штибора [15]. Оба выражения здесь и в грамотах Штибора, как видим, одинаково означают внешнеторговую пошлину: tributum являлся фиксированным таможенным платежом, а tricesima – пошлиной, взимаемой пропорционально стоимости товара, т. е. была ценовой пошлиной [16].

Эти данные свидетельствуют о том, что процесс введения tricesimae и создания таможенных мест по сбору тридцатины – что в Венгрии и Славонии можно наблюдать с XIII в. [17] – продвинулся к этому времени и в Трансильвании и пошлина на внешнеторговый оборот, если она налагалась пропорционально стоимости товара, в период правления Жигмонда и в Трансильвании также называлась тридцатиной. Отличие заключалось не в другом названии ценовой пошлины или в ее ином соотношении (со стоимостью товара – прим. *перев.*), а в исторических условиях ее введения. В Венгрии тридцатина была введена королем Андрашем II и его наследниками наряду с пошлиной на торговлю на городских рынках (tributum fori), – которая в результате королевских пожалований оказалась в руках церкви, – как дополнение к ней в местах самой оживленной торговли внутри страны, и лишь позднее, в эпоху правления Анжуйской династии тридцатина трансформировалась во внешнеторговую пошлину, и начался перенос находящихся внутри страны пунктов сбора тридцатины к (западным) границам государства [18]. В Трансильвании же тридцатина сразу возникла как внешнеторговая пошлина, в пропорциональной стоимости товара форме, и изначально взималась на (южной и восточной) границах или же вблизи них. Торговые связи Трансильвании с Валахией и Молдавией ведь только формировались в то время – первые документальные свидетельства относятся к 1358 и 1368 гг. [19], когда в Венгрии уже шел процесс трансформации tricesimae и создания системы тридцатины как внешнеторговой таможенной структуры, и это могло служить образцом для таможенной практики в Трансильвании.

inslav

2

В свою очередь, таможенная практика Трансильвании служила образцом для таможенных правил румынских воеводств. Об этом свидетельствует уже грамота Лайоша Великого 1368 г., в которой он по просьбе жителей Брашшо освобождает от уплаты tricesimae молдавских подданных Деметра, principis Tartarorum, которую они платили в Трансильвании – вероятно, по приезде в Брашшо. Делал он это с той целью, чтобы брашшовцы – на основе взаимности – также могли «уверенно и свободно перемещаться со своими товарами в стране господаря Деметра без уплаты тридцатины (sine solutione tricesimae)» [20]. Иными словами, уже и по ту сторону границы, с молдавской стороны, также взимали тридцатину [21].

На этот факт с валашской стороны проливает свет грамота воеводы Владислава, изданная также в 1368 г., в которой он по настоянию посла своего «естественного милостивого государя» (naturalis dominus gratiosus), венгерского короля Лайоша подтверждает «существующие с давних пор» привилегии брашшовцев [22] в своей стране. Согласно этому документу, саксонские купцы не должны были платить тридцатину за операции купли–продажи на территории Валахии, лишь «законный и издавна взимаемый» tributum in Longo Campo: в Кымпулунге; если же они следовали через Валахию транзитом в другие страны (ad regna extranea transeuntes), то должны были уплатить также и тридцатину. А именно: если они ехали дальше через Брэилу (в направлении черноморского устья Дуная, торговой фактории генуэзцев Килии) [23], то один раз (unum tricesimum): при возвращении снова в Кымпулунге; если же они следовали другим путем (в края, расположенные на Балканах к югу от Дуная, в «видинскую» Болгарию) [24], то два раза (duo tricesima): по пути туда – в Кымпулунге и обратно – у Дуная. Факт оплаты пошлины в каждом случае подтверждался печатью сборщика тридцатины (sigillo tricesimatoris recepto) [25]. В этом документе, как видим, различие значений tributi и tricesimae проявляется более четко, чем в вышеупомянутых грамотах Штибора. Распоряжением Владислава тридцатиной определенно облагалась деятельность трансильванских купцов за пределами Валахии, даже в этом смысле tricesima предстает как внешнеторговая пошлина, в отличие от tributi, взимаемого за сделки внутри страны.

Подобное различие производилось спустя почти полвека и в таможенном тарифе валашского воеводы Мирчи Старого, датированном 1413 г., который был тесно привязан к брашшовскому тарифу Штибора предыдущего года. Он сохранился в двух вариантах: на славянском (влахо-болгарском) и латинском языках. Согласно последнему тексту, брашшовские купцы должны были заплатить за каждый вид товара определенную сумму (как правило, выраженную в дукатах) tributi по дороге туда в таможенных пунктах Ruffa Arbor

inslav

(= Рукэр, у Кымпулунга) и Дымбовица, по пути обратно – в пунктах Брэила, Novum Forum (= Тыргушор, у Плоешти), Тырговиште, и вновь – в Дымбовице и Рукэре [26], – за исключением ввезенных в Валахию (ad Walachiam) железа, мечей, ножей, полотна и серого (грубого) сукна (pannus griseus), которые освобождались от пошлины. Саксонские купцы, таким образом, экспортировали за Карпаты не только западные ткани, но и произведенное в Трансильвании более дешевое серое сукно [27]. Если же они – читаем далее в указаниях Мирчи – со своими товарами следуют за пределы Валахии (а именно в южном направлении), при переправе через Дунай должны заплатить «со ста по три» (de centum persolvant tria), при возвращении же ничего не платят; какие же купцы едут в приморье, при возвращении пусть заплатят еще столько же [28]. Это последнее положение в варианте правил на славянском языке сформулировано, исходя из расчета в византийской валюте, следующим образом: «За черный перец, шафран, хлопок, верблюжью и козью шерсть, шкуры и прочий товар, идущий с моря», «со 100 перпер положено уплатить 3 перперы» [29]. Получается, что брашшовским купцам в государстве Мирчи приходилось платить tributum в нескольких местах (т. е. чаще – прим. *перев*), чем раньше; транзитные же купцы, независимо от того, куда держали путь, были обязаны платить tricesimam лишь однократно. Мы с уверенностью можем считать, что (формулировка) «со ста три» (3%) означали не что иное, как округленную в меньшую сторону сумму (или количество) тридцатины (3,33%), которую в некоторых случаях было трудно подсчитать. И в данном случае тридцатиной облагались в первую очередь восточные пряности и другие «морские (левантийские) товары», а также меха, с которых полагалась тридцатина даже в том случае, если они были произведены в Валахии [30].

3

То, что предписание «со ста три» было равнозначно тридцатине, подтверждают и грамоты, изданные наследниками Мирчи, с одной стороны, для саксонских купцов, а с другой, в качестве указаний своим сборщикам пошлин. Воевода Радул II (Празнаглава) в 1421 г. [31] и его преемник Дан II в 1422 г. вновь письменно зафиксировали, на славянском языке, торговые привилегии и обязательства брашшовцев в Валахии – повторив (среди прочего) положение, согласно которому «за перец, шафран, хлопок, верблюжью и козью шерсть, кожу и прочий товар, пребывающий с моря, платить» со «100 перпер 3 перперы» [32]. Этот же таможенный тариф в распоряжении воеводы Дана для таможенников Дымбовицы и Рукэра был выражен таким образом: за товары с моря – и меха – следует платить «с 30 дукатов 1 дукат», а для таможенников Праховы: «с 30 дукатов один» [33]. В изданной в 1424 г. таможенной инструкции Дана, которая помимо славянского сохранилась и в латинском

inslav

варианте, используются обе формулировки: тридцатина получила выражение в формуле «de centum denarijs tres denarios» относительно заморских товаров, в отношении же мехов использована формула de triginta unum [34].

Воевода Дан во второй период своего правления, в 1431 г. регламентировал торговлю купцов из Брашшо новым таможенным тарифом. Он подтвердил латинский вариант грамоты Мирчи 1413 г. с положением de centum persolvant tria; однако в прилагаемом тексте на славянском языке он вновь определенно выразил обязанность купцов, следующих через Валахию далее на юг, уплатить тридцатину дважды: те из них, кто «переправляется со своим товаром через Дунай либо у Доростола (Дырстор, Силистра), либо у Джурджу, либо у Никополя», по пути туда пусть платят «со ста три» у дунайской переправы и по пути обратно у Рукэра снова «со 100 три» [35]. В таможенных правилах 1437 г. Влада Дракула, сменившего на престоле его наследника Александра Алдя, говорилось только о купцах, следующих «по брашшовской дороге до Брэилы» (и оттуда на морское побережье) и о приобретенных ими заморских товарах, с использованием сходной формулировки «со 100 перпер 3 перперы» [36].

Шесть лет спустя (1443 г.) к трансильванским воеводам Миклошу Уйлаки и Яношу Хуняди обратились жители Брашшо с просьбой возобновить их привилегии в торговле по другую сторону Карпат. От Уйлаки и Хуняди они получили документ, в котором, памятуя о «древних и достославных обычаях», были как бы суммированы положения изданных в предыдущие десятилетия тарифов – с толкованием спорных пунктов в пользу брашшовцев. Пошлину, налагаемую на каждый вид западного сукна (выраженную в денариях), следовало платить только в том месте, где сукно будет продаваться, и кроме того пошлину в половинном размере – в Дымбовице. Серое сукно, полотно, железо, мечи, ножи, луки и прочие ремесленные товары на территории Валахии повсеместно запрещалось облагать пошлиной. Те же купцы, которые следовали дальше со своим товаром, de cemtum persolvant tria, но только один раз: кто ехал на юг – при переправе через Дунай; кто держал путь к морю – при возвращении на обратном пути за те (за)морские товары, что везли с собой. А с пушнины даже внутри Валахии полагалось de centum tres [37].

С валашской стороны воевода Влад Дракул не возражал против такого толкования; лишь в грамоте, изданной в следующем, 1444 г. на латинском языке для брашшовских купцов, он вновь затронул незаконное обхождение «некоторых тёрчварских таможенников и кастелланов». С одной стороны, он тоже ссылался на знаменитую грамоту Мирчи как документ, который попунктно регламентировал уплату пошлин со всех видов товаров, «ввезенных в эту страну (= Валахию) и вывезенных отсюда», с другой стороны, на то, что совсем недавно (ultimo in modo) эти правила подтвердил и трансильванский вое-

inslav

вода Янош Хуняди. Он выразил намерение твердо придерживаться и сохранять все то, «что записано в грамотах государей воевод Мирчи и Хуняди» [38].

Из сказанного вытекает, что некоторые формы тридцатины, явно под влиянием и по образцу Венгрии (Трансильвании), были введены и в Валахии (воеводы которой называли свое государство в документах на славянском языке Угровлахией) [39]. Из указанных источников следует также, что тридцатина до 1440-х годов в товарообороте Трансильвании и Валахии понималась в буквальном смысле: как с 30 – один, так и (с некоторым округлением в меньшую сторону) со 100 – три.

Таким образом, повышение таможенного тарифа и его переименование в двадцатину произошло позднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvéytár. 1000–1526 évi törvénycikkek / Szerk. Márkus D. Bp., 1899. 708–709. old.

[2] *Engel J.Ch., von.* Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. Halle, 1797. Bd. I. S. 19; *Fejérpataki L.* II. Ulászló jövedelmeinek jegyzéke. Történelmi Tár, 1880. 167–170. old.; Quellen zui Geschichte der Stadt Kronstadt in Siebenburgen. Bd. I. Rechnungen aus dem Archiv der Stadt Kronstadt. I. Kronstadt, 1886. S. 1, 208, 214 etc.

[3] *Acsády I.* Harmincad // Közgazdasági Lexikon. Szerk. Halász S. és Mandello Gy. I. Bp., 1898. 803. old.; *Kováts F.* Nyugat-Magyarország áruforgalma a XV században a pozsonyi harmincadkönyv alapján. Bp., 1902. 1. old.; *Paulinyi O.* Opar, Kereskedelem // Magyar művelődéstörténet / Szerk. Domanovszky S. II. Bp., é. n. 169. old.; *Ember Gy.* Magyarország nyugati külkereskedelme a XVI század közepén. Bp., 1988. 20. old.; *Kubinyi A.* Mátyáskori államszervezet // Hunyadi Mátyás. Emlékkönyv Mátyás király halálának 500. évfordulójára / Szerk. Rázsó Gy. és V. Molnár L. Bp., 1990. 105. old.

[4] «... ad solutionem Tributi et tricesimae ... compellere non debeatis, nec per ... vestros hominess et tricesimatores id facere permittatis»: (*Fejér G.* Codex diplomaticus Hungarie ecclesiastucus ac civilis (далее – CD). I–IX. Budae, 1829–1844. X/2. P. 305–306); *Zimmermann F., Werner C., Muller G., Gundich G. et al.*: Urkundenbuch zur Geschichte der Deutchsen in Siebenburgen (далее – UBS). I–VII. Hermannstadt–Bukarest, 1982–1991. III. S. 142–143; *Mályusz E.* Zsigmondkori Oklevétar. I. Bp., 1951. 423. old.

[5] UBS. IV. S. 366.

[6] Ibid. IV. S. 248. Ср. с грамотой короля Альберта 1438 г., в которой он вновь запретил тёрчварским кастелланам и таможенникам (tributaries seu vicetributariis) вымогать у приезжающих из Валахии купцов-влахов indebitam et in-

inslav

iustam tributi solutionem, чтобы по отношению к трансильванским купцам в Валахии тамошние сборщики пошлин не применяли подобных мер: UBS. См.: V. S. 8–9.

[7] Ibid. III. S. 544–547.

[8] Упомянутые виды западного сукна попадали в Трансильванию не только из Западной Венгрии, через Пожонь (совр. Братислава) и Буду, но и главным образом с севера, по маршруту Краков–Кашша (Кошице)–Надьварад (совр. Орадя, Румыния – *прим. перев.*). См. об этом статью: *Pach Zs.P.* A Levanteikereskedelem erdélyi útvonala I. Lajos és Zsigmond korában // Századok. 1975. 6–13. old.

[9] По брашшовскому тарифу: «... de panno Ippriensi quolibet viginti ducatos cum quatuor ducatis. Item de Gallicali viginti quatuor ducatos ... de panno Lobiensi octodecim ducatos, Item de panno Coloniensi duodecim ducatos, de panno vero Polonicali sex dukatos». – Наверное, за Gallicalis скрывается итальянское сукно (вместе с сукном из Ипра облагалось по самой высокой ставке); за Polonicalis, очевидно, – силезское сукно (самый низкий тариф), которому в таможенном тарифе на славянском языке соответствует сукно «из Чехии», и в грамоте 1424 г. На латыни также названа pannus Bohemicalis; см. прим. 29, 32, 34.

[10] Король Жигмонд наряду с «большим денарием» (100 единиц которого теоретически были равны одному золотому форинту) ввел в обращение и «малый денарий» (minor moneta): под названием филлера, дуката, позднее квартинга. Содержание серебра в этих монетах все более уменьшалось. В первые месяцы 1430 г. монарх уже распорядился таким образом, чтобы за 4 квартинга или 10 дукатов давали один большой (новый серебряный) денарий. Поскольку и этот курс был невозможно поддерживать, в июле того же года он распорядился изъять из обращения обесценившийся дукат. В скором времени и квартинг повторил судьбу дуката: в 1432 г. бароны приняли решение о том, чтобы приравнять один большой денарий к 10 квартингам. Касающиеся этого документы см.: Decreta regni Hungariae. Gesetrze und Verordnungen Ungarns. 1301–1357 / Ed. F. Dory et al. Bp., 1976. S. 251–252, 253–255; О дукате в Валахии: UBS. V. S. 90–91 (1441).

[11] «De pipere, croco, sinsibero, cariofolis et de crinibus caprarum, bombasio et de omnibus rebus mercimonialibus, quae per Sarracenos (=мусульманскими купцами) asportandur (т. е. в Причерноморье), habetur tricesimum» (UBS. III. S. 546).

[12] CD. X/8. S. 665–669; *Michnay A., Lichner P.* Ofner Stadtrecht. Pressburg, 1845. S. 275–276; *Kováts F.* Op. cit. 211–213. old.

[13] Согласно тарифу, изданному в Бестерце «de quolibet stamina panni Ypri dabantur triginta duo grossi, item de stamina panni Lewlensi viginta quatuor grossi, item de stamina Colonicali medium Florenum computi ! provinciae, item de stamina Polonicale undecim denarios». – По бестерцкому computi, за одну марку давали 66 грошей: *Engel P.* Pénztörténeti problémák a 14 században //

inslav

Szazadok. 1990. S. 85. Так как одна марка равнялась 4 форинтам, за штуку кёльнского сукна полагалась пошлина $8^{1/4}$ грошей.

[14] Полный текст грамоты, изданной в Бестерце, см.: UBS. III. S. 526–529 – на обороте: «Super tributum [!] et tricesimis in Rodna».

[15] Грамоту воеводы Штибора, изданную в Бестерце, король Жигмонд дополнил таможенной льготой для венгерских и польских купцов: освободил их от уплаты таможенных сборов и тридцатины на трансильванский импорт и экспорт железа и других товаров до тех пор, пока с польским королем Владиславом сохранятся мирные отношения. См.: UBS. III. S. 617–618. – Михай Надашди (Надаши) Шаламонфиа как ишпан секеев уже в 1412 г. находился в свите Штибора в Бестерце и Брашшо.

[16] Иногда между двумя понятиями стоит не союз *и*, а союз *или*, напр.: tributum vel tricesima (UBS. III. S. 527); tributes seu tricesimis (Ibid. S. 618).

[17] *Pach Zs.P.* A harmincadvám eredete. 33–34. old.

[18] Ibid. 48, 61, 79–80. old.

[19] См. прим. 20, 22 и 25.

[20] CD. IX/4. S. 129; UBS. II. S. 315.

[21] Однако следует отметить, что в более поздних распоряжениях молдавских воевод мы не найдем и следа о взимании там тридцатины или же освобождения брашшовских купцов от ее уплаты. Грамотами Илие I и Штефана II – которые ссылались на грамоту (несохранившуюся) их отца Александра Доброго (1400–1432) о привилегии для брашшовцев – устанавливались фиксированные тарифы: 2–4–12 грошей на груз саксонских купцов (1435, 1437). См.: UBS. IV! S. 630–632. Грамота Александра II 1449 г. устанавливала пошлину на различные сорта сукна в размере 4–8–12–18 грошей. См.: Ibid. V. S. 280. Ср.: Nistor J. Die auswärtigen Handelsbeziehungen der Moldau um XIV, XV und XVI. Jahrhundert. Gotha, 1911. S. 138–144, 180.

[22] Это явное указание на грамоту Лайоша Великого 1358 г., в которой король предоставлял брашшовским горожанам свободный переход в Валахию между реками Буззу и Прахова вплоть до впадения в Дунай рек Яломица и Сирет: CD. IX/2. S. 688–689; UBS. II. S. 152–153; Hurmuzaki Eu. de. Documente privitoare le istoria românilor. XV/1. Acte şi scrisori din arhivele oraşelor ardelene (Bistrita, Braşov, Sibiu) publicate de I.N. Iorga. Bucureşti, 1911. S. 1–2.

[23] Ср.: *Iorga N.* Studii, istorice asupra Chiliei, şi Cetăţii, Albe. Bucureşti, 1899. S. 39, 49–50.

[24] Приблизительно в это же время (1369 г.) Страцимир, царь Видинской Болгарии, также разрешил брашшовцам в своей стране «вести торговлю, как пожелают» (*Tocilescu Gr. G.* 534 documente istorice slavo-române din Ţara-Românească şi Moldova privitoare la legăturile cu Ardealul 1346–1603. Viena–Bucureşti, 1931. S. 3).

inslav

[25] CD. IX/4. S. 148–150, UBS. II. S. 306–307. – В заключительной статье грамоты Владислав приказал своим подданным, чтобы впредь «nullos mercatores de Brasso et eius districtu ad solutionem alicuius tributi aut tricesimi praeter tributa et tricesima nostra suprascripta compellere ... audeatis»; Ср. *Manolescu R.* Comerțul Țării Romînești și Moldovei cu Brașovul (Secolele XIV–XVI). București, 1965. S. 26–27.

[26] Западное сукно саксонских купцов, согласно тарифу Мирчи, облагалось пошлиной трижды: у Рукэра и на ярмарке, где это сукно продавалось, – пошлиной в полном размере, и у Дымбовицы – половиной пошлины. Полная сумма пошлины на ипрское, итальянское сукна составляла 24 дуката за штуку; на лёвенское сукно – 18, на кёльнское – 12, силезское – 6 дукатов. За начатую, «отрезанную» штуку (de panno scisso) не нужно было платить пошлину.

[27] О начале экспорта трансильванского серого сукна в XV в. см.: *Pach Zs.P.* Szürkeposztó és monopólium a fejedelmi Erdélyben // Korok, régiók, társadalmak. Tanulmányok Gyimesi Sándor 60 születésnapjára / Szerk. Kulcsár A. és Szulovszky J. Bp., 1994. S. 30.

[28] Латинский вариант таможенного тарифа Мирчи (25 августа 1413 г.): См.: *Hurmuzaki Eu. de.* Op. cit. XV/1. S. 8–9; UBS. IV. S. 425–426.

[29] Славянский вариант тарифа см.: *Bogdan J.* Documente și regeste privitoare la relațiile Țarii, Romînești cu Brașovul și Ungaria in secolul XV și XVI. București, 1902. S. 4; *Tocilescu Gr. G.* Op. cit. S. 4–6. – О византийской перпере (perperus, yperperus, hyperperus): *Bartal A.* Glossarium mediae et infimae Latinitatis Regni Hungariae. Lipsiae–Budapestini, 1901. S. 487; *Hóman B.* Magyar pénztörténet 1000–1315. Bp., 1916. 672. old.

[30] «De pellibus ferinis cuiuscuque speciei vulgariter wiltwerk, quae de Valachia exportantur, de centum tres» (UBS. IV. S. 426).

[31] *Bogdan J.* Op. cit. S. 9–10; *Tocilescu Gr.G.* Op. cit. S. 10–11; UBS. IV. S. 149–151.

[32] В то же время таможенный тариф на западное сукно устанавливался в различной валюте: на ипрское сукно 1 фирдунг (vierdung = ferto = четверть марки), на сукно из Лёвена – 1 перпера, из Кёльна – 12 дукатов, из Чехии – 6 дукатов (См.: *Bogdan J.* Op. cit. S. 12–13; *Tocilescu Gr.G.* Op.cit. S. 15–17; UBS. IV. S. 168–169).

[33] *Bogdan J.* Op. cit. S. 13–15; *Tocilescu Gr. G.* Op. cit. S. 15–17; UBS. IV. S. 170–173.

[34] *Hurmuzaki Eu. de.* Op.cit. XV/1. S. 12–13; *Bogdan J.* Op.cit. S. 15–18; *Tocilescu Gr. G.* Op.cit. S. 18–20; UBS. IV. S. 222–223, 224–227. – Пошлина на западное сукно здесь уже однозначно устанавливалась в денариях (согласно славянскому тексту, в таком же количестве бани). Pannus griseus (и некоторые другие товары) по-прежнему освобождались от пошлины.

[35] *Bogdan J.* Op. cit. S. 20–23; *Tocilescu Gr.G.* Op. cit. S. 23–25; UBS. IV. S. 427–429. Воевода Дан и это распоряжение в скором времени довел до сведения

inslav

своих таможенников См.: *Bogdan J.* Op. cit. S. 23–24; *Tocilescu Gr.G.* Op. cit. S. 27–28; UBS. IV. S. 430–431.

[36] *Bogdan J.* Op. cit. S. 49–50; *Tocilescu Gr.G.* Op. cit. S. 53–55; UBS. IV. S. 626–628. – Таможенные тарифы некоторых сортов сукна вновь указаны в различной валюте (фирдунг, перпера, дукат).

[37] «... de quolibet stamina panni Ippriensi vel Gelicali non plus praeterquam denarios viginti quatuor, de Levi decem et octo, de Colonicali denarios duodecim, de Polonicali sex ... et de eisdem pannis in nullo alio loco Wolahiae tributum sint solvere obligati nisi in foro, ubi praedictos pannosvenditioni exposuerint, item in Dombowicza medium tributum de praetactis pannis dare tenerentur» (UBS. V. S. 106–107. Сегед, 2 марта 1443 г.).

[38] UBS. V. S. 145–146; *Hurmuzaki Eu. de.* Op. cit. XV/1. S. 31. (Тырговиште, 7 августа 1444 г.) Этого же касаются указания трансильванских воевод Миклоша Уйлаки и Яноша Хуняди тёрчварским кастелланам: пусть берут пошлину у брашшовских и других купцов iuxta antiquam consuetudinem et registra exinde confecta и не превышают эту меру (См.: UBS. V. S. 164. Секешфехервар, 15 марта 1446 г.).

[39] Например, «великий воевода всей земи Угровлахии» (Мирча, 1413 г.); «великий воевода всех землех оуггровлахийскох» (Радул Празнаглава, 1421 г.); «великий воевода всей земи Уггровлахийской» (Дан, 1422 г.); «великий воевода всей земли Угровлахийской» (Дан, 1431 г.); «великий воевода всех землех Уггровлахийскох» (Влад Дракул, 1437 г.) (*Tocilescu Gr.G.* Op. cit. S. 4, 10, 13, 26, 53 etc).

inslav

Т.П. Гусарова

Венгрия под властью Габсбургов в XVI–XVII веках (Исторические оценки в прошлом и настоящем)

В первой половине XVI в. в исторических судьбах Венгерского королевства произошел коренной перелом: государство распалось на три части, в одной из которых утвердились на правах завоевателей османы, в другой – как венгерские короли – Габсбурги. Третья часть – Трансильванское княжество (оформившееся во второй половине века). Боясь быть поглощенным могущественными соседями, оно лавировало между ними.

Если продолжавшееся в течение полутора веков османское владычество оценивается в истории в целом отрицательно, как время, потерянное для развития Венгрии, то сложнее дело обстоит с оценкой правления Габсбургов, сохранявших свою власть здесь до 1918 г. Если осмысление исторического значения турецкого владычества уже давно носит по преимуществу академический характер, то этого нельзя сказать об исторической оценке места Габсбургов в истории Венгрии.

Венгрию и Австрию издавна связывают прочные узы: соседи, друзья-враги, боявшиеся друг друга, воевавшие друг с другом, опиравшиеся друг на друга в моменты опасности. История одной неотделима от другой. Ведь даже своей территориальной консолидацией и политическим возвышением Восточная марка, будущая Австрия, в определенной мере обязана самому факту появления рядом с ней в конце IX в. нового венгерского соседа, напор которого немецким королям и баварским герцогам приходилось сдерживать, укрепляя границы своих владений.

Споры о Габсбургах, начиная с установления владычества династии Габсбургов в Венгрии в 1526 г. по сегодняшний день, не утихают и в той или иной степени носят политическую окраску. Сначала их накал обусловливался борьбой народов Венгрии против османского владычества, проводившейся под эгидой Габсбургов; позже – в XVIII–XIX столетиях – складыванием национального самосознания и борьбой за национальную и политическую независимость Венгрии от Габсбургов; в XX в., особенно после установления народно-демократических режимов в Центральной и Восточной Европе – политическими доктринами социалистического и капиталистического лагерей.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является первый, на мой взгляд, ключевой, период венгерско-габсбургской истории: XVI–XVII века. Именно события, происходившие в Венгрии и Трансильвании в так называе-

inslav

мую эпоху турецких войн, и формирование венгерского общественного мнения относительно роли и места Габсбургов в этих событиях, послужили отправной точкой для складывания венгерской национальной историографии Нового и Новейшего времени.

Действительно, уже в конце XV – начале XVI в. в условиях ослабления королевской власти, представленной беспомощным перед лицом могущественных внутренних и внешних политических сил отпрыском польской династии Ягеллонов Уласло II, перед венгерским обществом серьезно встал вопрос о том, какой король нужен Венгрии: «национальный» или «чужеземец»? Уже тогда на венгерском политическом горизонте маячили Габсбурги, добивавшиеся венгерской короны дипломатическими усилиями, династическими браками и вооруженным путем. Прецедентом послужил Винернейштадтский договор 1463 г., заключенный между императором Фридрихом III Габсбургом и венгерском королем Матяшем I Корвином. Он содержал условие о том, что венгерский трон в случае отсутствия у Матяша законного наследника после его смерти перейдет к сыну Фридриха III Максимилиану Габсбургу [1]. Стремясь предотвратить это, в 1505 г. венгерское Государственное собрание вынесло решение о том, что в случае пресечения династии Ягеллонов освободившийся трон должен перейти к королю только венгерского происхождения [2]. Королевский судья Иштван Вербеци сформулировал мнение оппозиции, видевшей причину «ужасного растаскивания» и «позорного разграбления» страны в чужеземных королях, которые, «не зная скифских нравов и обычаев, вместо того, чтобы заниматься войной, пребывают в лености и часто разоряют, истязают бесчестят народ больше, чем враги» [3], «в то время как короли той же нации, что и венгры, всегда служили для приумножения нации» [4]. Будучи не в состоянии справиться с самовластием магнатов, король Уласло II обратился за помощью к императору Максимилиану I. Договор о предстоящем браке между внуками Максимилиана и детьми Уласло, а также передаче венгерского престола Максимилиану в случае пресечения мужской линии династии Ягеллонов в Венгрии стали результатом этого обращения [5].

Вопрос о правах Габсбургов на венгерский престол вновь встал после трагических событий августа 1526 г., когда в битве при Мохаче погиб, не оставив потомства юный Лайош II. Снова мнение общества разделилось между «своим» и «чужим» королями, что стало причиной внутренних усобиц в Венгрии на протяжении нескольких десятилетий.

Мысль, содержавшаяся в решениях Ракошского собрания 1505 г., о том, что король должен думать о войне (имелась в виду война с наступавшими на Венгрию турками-османами), стала одной из главных при определении позиций сторонников и противников Габсбургов. Те венгерские магнаты и высшие должностные лица королевства, которые поддерживали кандидатуру

inslav

Фердинанда I Габсбурга (шурина покойного Лайоша II), возлагали на своего избранника надежды на изгнание турок из пределов Венгрии. Они рассчитывали на стоящие за братом императора силы, международный авторитет и дипломатические связи Священной Римской империи, так как полагали, что сами венгры не смогут справиться с турками [6]. Изгнать турок из Венгрии не удалось ни в 20-е, ни в 60-е, ни в 90-е годы XVI в., правда, ценой неимоверных усилий от захвата османами были спасены остатки Венгерского королевства. Было сохранено и Трансильванское княжество, хотя и как вассал Порты. Вряд ли бы это удалось, если бы Венгрия не имела защиты и поддержки со стороны Габсбургов, которые вели с османами борьбу и за свое выживание. Однако сохранение над значительной частью Венгерского королевства власти султана, медленно, но постоянно укреплявшего владычество над венгерскими территориями, породило недоверие к Габсбургам и шатания даже в рядах их сторонников. С другой стороны, усиливались нападки так называемой «национальной партии». Последняя была недовольна не только Габсбургами, но и их приверженцами из числа венгерской аристократии и дворянства, которых она обвиняла в предательстве национальных интересов. Но противники Габсбургов в Венгрии прибегали к поддержке трансильванских князей, а те – в свою очередь – к османам, когда особенно опасались домогательств со стороны Габсбургов. Поэтому проводникам подобной линии в политике их оппоненты также инкриминировали измену интересам нации и родины. Общественная мысль Венгрии XVI–XVII вв. наполнена полемикой по этому вопросу: кто предает национальные интересы венгров: сторонники или противники Габсбургов? [7]

Ситуация осложнялась тем, что австрийские Габсбурги, проводя политику централизации своей политэтнической, так называемой «Дунайской монархии», ограничивали привилегии и вольности венгерских сословий, чем вызвали новую волну недовольства. Наступление же на сословные права и привилегии венгерского дворянства сопровождалось жесткой религиозной политикой, проводимой с конца XVI в. Габсбургами, которые стремились вернуть в лоно католицизма отложившихся от него венгров. Не случайно, что антигабсбургские движения проходили в Венгрии и Трансильвании под лозунгом «За свободу и веру» [8].

В ключе этой полемики развивалась венгерская историческая мысль не только современная событиям, но и в XIX – начале XX в. Либерально-дворянская, либерально-буржуазная историография, утихнув лишь на короткий период, последовавший за установлением в 1867 г. режима дуализма, вновь оживила свою критику Габсбургов, особенно когда режим в конце XIX в. переживал кризис, а верхушка общества пышно праздновала тысячелетие Венгрии. В то же время прогабсбургски настроенные историки использо-

inslav

вали юбилейные торжества, чтобы на исторических примерах поднять авторитет династии в глазах венгерского общества. Блестящие образцы, с одной стороны, антигабсбургской и с другой – консервативной прогабсбургской представляют собой сочинения известнейших венгерских историков Шандора Такача и Игнаца Ачади. Первый, основательнейшим образом изучая историю Венгрии в эпоху турецких войн (торговлю, экономику аграрных городов, военную историю, повседневность), указывал на Габсбургов как на виновников свертывания венгерской экспортной торговли, разорения венгерских купцов и утери ими ведущих позиций в торговле западного направления. Такач объяснял это тем, что Вена покровительствовала австрийским и итальянским торговым капиталам в ущерб венгерским [9]. На Вену историк также возлагал ответственность и за упадок венгерских вооруженных сил в XVII в. [10] Игнац Ачади, известный российскому читателю трудом по истории венгерского крепостного крестьянства, наоборот, считал, что венгерские короли из династии Габсбургов старались защитить хозяйственные и юридические интересы крестьянских масс (в том числе занятых в торговле) перед лицом необузданных запросов венгерского дворянства [11].

Оценка исторической роли правящей династии Габсбургов в Венгрии резко изменилась после окончания второй мировой войны и вхождения страны в социалистический лагерь. В историографии возобладала отрицательная оценка Габсбургов: их стали приравнивать к немцам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вся немецкая, а вместе с ней и австрийская история стали рассматриваться под знаком агрессии, стремления к территориальным захватам, установлению гегемонии Габсбургов в Европе. Поэтому и политика австрийских Габсбургов в Венгрии в XVI–XVII вв. стала расцениваться как колонизаторская. Эту точку зрения в начале 1950-х годов изложил Аладар Мод в своей концептуальной работе «Четыреста лет борьбы за самостоятельную Венгрию» [12]. В отечественной историографии данная точка зрения отражена в монографии Б.Ф. Поршнева «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» [13]. В ней все европейские государства представлены как жертвы гегемонистских и захватнических устремлений Габсбургов, а их политика – в большинстве локальных конфликтов и в Тридцатилетней войне – исключительно как оборонительная, направленная на отпор агрессору.

В работах венгерских авторов 1950–1960-х годов возобладал «венгероцентристский», а также преимущественно классовый подход к осмыслению исторической роли Габсбургов в Венгрии в XVI–XVII вв. В выборе Фердинанда венгерским королем историки видели преимущественно перспективы потери Венгрией независимости и вырисовывающийся союз между венгерскими феодалами и австрийскими угнетателями против венгерского народа.

inslav

Централизаторская политика Габсбургов оценивалась только как препятствие на пути прогрессивного продвижения Венгрии и посягательство на ее самобытность. Габсбургов обвиняли в том, что они не хотели вести войну с османами, ибо будто бы их вполне устраивало то, что турки остановились на венгерской территории. Значение всех войн, которые велись Габсбургами с Портой, преуменьшалось, и все они, как правило, представали в исторических трудах как предлог для того, чтобы отдать Венгрию на разграбление наемникам. Освобождение Венгрии из-под османского ига рассматривалось исключительно как смена одного колонизаторского режима другим, не менее страшным, чем предшествующий. Особой категоричностью в оценке Габсбургов отличались исследования по истории народных или сословных антигабсбургских освободительных движений XVII в. Борьба с османами подавалась исключительно как результат усилий венгерского народа, в первую очередь, крестьян, при безразличном, а то и предательском отношении со стороны господствующего класса, Габсбургов и всей Европы. Такой подход характерен для работ Л. Маккаи, Т. Виттмана, И. Раца и др. [14] В отдельных оценках можно увидеть схожесть позиций историков XIX и середины XX столетия.

Поворот в оценке истории Венгрии XVI–XVII веков, а стало быть и роли австрийских Габсбургов наметился в венгерской историографии в середине 1970-х годов, и сейчас уже можно говорить о существовании в ней нового направления. Оно представлено трудами Л. Бенцеди, Я. Варги, А. Варкони, Л. Гечени, Г. Палфи, К. Петер, Ф. Сакая, И. Хиллера и др. [15] Принципиально новым по сравнению с предшествующим периодом является то, что новая историческая школа рассматривает историю Венгрии в неразрывной связи с общеевропейской, особенно западноевропейской историей. Такая концепция отражена в фундаментальном многотомном коллективном труде «История Венгрии», изданном Венгерской академией наук, третий том которого (в двух частях) посвящен истории Венгрии XVI–XVII веков, а также в четырехтомной монографии «Венгры в Европе». Ответственный редактор последней академик Ф. Глатц в предисловии к изданию прямо указал на то, что перед авторским коллективом стояла цель обратить более пристальное внимание, чем это делалось до сих пор, на общие взаимосвязи и корни сегодняшнего венгерского общества; для чего авторы более основательно, чем прежде, увязывают венгерскую историю с европейской [16].

В единстве с этой концепцией изучает экономическую историю Венгрии послемохачского периода Вера Зимани [17]. В своих исследованиях она показала, что рынок, торговля, цены в Венгрии XVI–XVII вв. развивались в одном русле с европейской и претерпевали одинаковые изменения, поскольку Венгрия активно и полноценно включалась в формирующийся европейский рынок. Л. Гечени проследил это нерасторжимое единство через торговые свя-

inslav

зи Венгрии со странами Западной Европы, в первую очередь с землями Габсбургов, в эпоху турецких войн [18].

Итак, если в начале 1950-х–1960-е годы подчеркивалась обособленность исторического пути Венгрии, то современные историки акцентируют факт давнего вхождения Венгрии в «европейское сообщество». При всей плодотворности и обоснованности такого подхода к изучению венгерской истории в нем в известной степени присутствует момент политической конъюнктуры, что должно исторически объяснять нынешнее сближение Венгрии с Западом и ее отдаление от недавнего союзника.

Можно предположить, что и новая оценка Габсбургов в венгерской истории XVI–XVII вв. в определенной мере отмечена тем же знаком, хотя, конечно, нельзя не признать бóльшую взвешенность и обоснованность суждений сегодняшней историографии. Историки 1970–1990-х годов не только пересмотрели узкоклассовый тезис о том, что исключительно крестьяне были «истинными патриотами» и защитниками Венгрии перед лицом османских завоевателей. Действительно, нельзя отрицать, что крестьяне с оружием в руках участвовали в войнах, но все же в первую очередь они трудились в полях, и именно своим трудом они внесли лепту в дело победы над османами, так как кормили армию, поддерживали хозяйственную жизнь в стране. Но историки признали выдающуюся роль в антитурецких войнах и венгерского дворянства, несшего на себе военные и материальные тяготы [19]. Должное отдается и чешским, моравским, австрийским, имперским сословиям, предоставлявшим субсидии на ведение войны, платившим специальные подати. Отмечается и вклад в победу офицеров и рядовых воинов перечисленных народов. Венгерские историки подчеркнули также значение общеевропейского сплочения в конце XVII в., позволившего освободить Венгрию. Наконец, было сказано и об огромном вкладе, который внесли в полуторавековую борьбу сами Габсбурги, организовывавшие и в значительной степени финансировавшие войны против турок [20].

Венгерские историки «новой школы» иначе, чем в XIX в., оценивают появление в венгерско-трансильванском обществе сторонников как у императора, так и у султана. В сложном столкновении политических течений, дипломатических усилий, общественных мнений исследователи выделяют главное: ту цель, которую преследовали представители различных политических направлений. Такой целью для всех было освобождение Венгрии от османов и воссоздание Венгерского королевства. Однако поскольку достичь этих благородных целей венгры не могли самостоятельно, будучи со всех сторон стиснуты могущественными соседями, смертельно враждовавшими друг с другом, то они лавировали между двумя врагами, и в зависимости от расстановки международных сил прибегали к помощи то одной, то другой стороны [21]. На

inslav

протяжении XVI в. венгерская политическая элита желала воссоединения Венгрии и Трансильвании под эгидой Габсбургов как венгерских королей. Подобная позиция не была чужда также правителям и государственным деятелям Трансильванского княжества (Яношу Запольяи, Яношу Жигмонду, Дьердю Фратеру, Иштвану, Жигмонду, Андрашу Батори и др.). Свидетельством тому могут служить неоднократно заключавшиеся с Габсбургами соглашения, по которым трансильванская сторона признавала верховную власть последних и наследование ими Трансильвании [22]. В то же время трансильванские правящие круги, не уверенные в военных успехах Габсбургов, не спешили реализовать заключенные соглашения и не решались открыто порывать с Портой, так как это повлекло бы за собой завоевание княжества. Однако в начале XVII в. общественное мнение повернулось против Габсбургов, что отразилось в политических доктринах. Возобладала следующая точка зрения: самостоятельно существующая Трансильвания служит лучшим гарантом для сохранения и воссоздания единой Венгрии. Такое соображение впервые высказал в своем политическом завещании руководитель первого антигабсбургского движения в Венгрии и Трансильвании Иштван Бочкаи. Он полагал, что объединение Венгрии и Трансильвании желательно лишь в том случае, если венгерская корона вернется в руки венгров. До тех же пор полезнее иметь в Трансильвании своего венгерского князя [23]. Подобных взглядов придерживались надор-палатин Иштван Иллешхази [24] и даже вдохновитель контрреформации в Венгрии, верный правящей династии эстергомский архиепископ Петер Пазмань. Он понимал, что Вена до тех пор считается с венграми, пока существует и процветает Трансильванское княжество [25].

Итак, разделение Венгрии многие современники оценивали как положительный фактор, поскольку, с одной стороны, существование Венгерского королевства обеспечивало, благодаря Габсбургам, поддержку перед натиском османов. С другой стороны, находящаяся под властью венгерского князя Трансильвания при необходимости с турецкой помощью могла ограничить в королевской Венгрии Габсбургов в их попытках ограничить права и свободы сословий. Таким образом, в конечном счете, императоры-короли и турецкие султаны становились гарантами сохранения Венгрии и Трансильвании. Доказательством обоснованности данных расчетов был Житваторокский мир 1606 г., заключенный между императором Рудольфом II* и султаном Ахметом I [26]. Он, в свою очередь, включал в себя условия Венского мирного договора, который был подписан в том же году между Рудольфом I и Иштваном Бочкаи. При подобном подходе к вопросу Бочкаи, восставший против Габсбургов и получивший из Стамбула в знак поддержки предложение стать ко-

* На венгерском троне он был королем Рудольфом I.

inslav

ролем Венгрии вместе с короной (от которой он, впрочем, отказался), был не меньшим патриотом Венгрии, чем Петер Пазмань, отвергавший всякую возможность соглашения с турками.

В то же время в историографии остается много неразрешенных вопросов, связанных с поддержкой Габсбургов в венгерском обществе или противостоянием им. Как, например, расценивать сопротивление Габсбургам и даже обращение за помощью к туркам в тот момент, когда полным ходом шла кровопролитная война с турками? Леопольд I приложил огромные усилия для того, чтобы создать коалицию европейских государств с целью изгнания османов из Венгрии. Между тем у него в тылу, в самой Венгрии Имре Текели с ведома и при поддержке султана разворачивал военные действия против короля; супруга же Текели, знаменитая Илона Зрини, в течение двух лет сопротивлялась в своей крепости в Мукачево императорским войскам, тем самым отвлекая их от выполнения основных задач на полях сражений с армиями султана. Во всяком случае, международное европейское мнение резко осуждало поведение «коварных» венгров [27]. Европейская публицистика второй половины XVII в. пестрит подобными обвинениями. Сторонники Габсбургов предлагали Леопольду планы по усмирению венгров.

Безусловно, оценивая роль Габсбургов в Венгрии, нельзя ограничиваться только проблемой войн против турок. Имеются вопросы не менее важные, но более трудные для разрешения, например, отношения Габсбургов с венгерскими сословиями и религиозная политика Габсбургов. Современная венгерская историография находит новые подходы к их изучению. Конечно, для таких разных проблем невозможно одно решение. Но можно говорить об общей методологии «новой исторической школы» в подходе к ним. Речь идет о попытке посмотреть на эти события не с узко венгерских, а с общеевропейских позиций или хотя бы с позиций общегосударственных – вернее, того политического объединения, которое австрийские Габсбурги создали на Дунае (так называемая «Дунайская монархия»). Важной задачей объединения, поддерживавшей – пусть на время – его единство, было (как виделось современникам) сдерживание и отражение османского натиска. В рамках этого пестрого объединения Габсбурги пытались проводить централизацию, укреплять свою власть, создавать сеть центральных и местных органов управления аналогичных тем, что создавались в соседних европейских государствах. Естественно, указанный процесс сопровождался падением роли сословно-представительных учреждений, ущемлением прав и привилегий сословий. Во владениях австрийских Габсбургов эти процессы также имели место, хотя и проходили в более сложных условиях. Действительно, «Дунайскую монархию» составляли разнородные в этническом отношении регионы; на данном историческом этапе сословия продолжали играть в них большую роль, чем в

inslav

большинстве западноевропейских государств. Кроме того, почти перманентное состояние боевой готовности требовало особых усилий от общества и государства и обусловливало специфику в деятельности центральных органов. В этих условиях сопротивление венгерских сословий (а также сословий других частей дунайских владений австрийских Габсбургов) можно рассматривать не только как противостояние национальному угнетению и попранию национальных свобод (именно о нем прежде всего писали венгерские историки), но и как проявление закономерностей борьбы между изживающими себя старыми и развивающимися новыми политическими формами [28].

Что касается вопроса о религиозной политике Габсбургов, то он традиционно теснейшим образом увязывался с национальной (вернее, антинациональной) политикой Габсбургов. Более современный – «общеевропейский» – подход выражается в том, что авторы, занимающиеся этой проблематикой, обращают большее внимание на тесную связь религии и политики. Здесь также прослеживается стремление феодальных сословий, прикрываясь религиозными требованиями, добиться для себя политических и экономических выгод. Интересное объяснение рекатолизации венгерской знати предлагает Ласло Надь. В первые десятилетия XVII в. большинство магнатских семей вернулось в лоно католицизма. Л. Надь полагает, что это явление не может расцениваться только как результат принуждения со стороны властей. Историк усматривает в нем изменения в мировоззрении общества: на место ренессансному гедонизму пришел стоицизм, делавший людей в тех исторических условиях довольно безразличными к вопросам веры. Это обстоятельство, по мнению Л. Надя, использовалось в контрреформации, наибольшие успехи которой к тому же в Венгрии относятся не ко времени правления ярого католика Фердинанда II или неуравновешенного Рудольфа II, инспирировавшего религиозные и политические преследования представителей венгерской знати, а к правлению умеренных Матиаса II и Фердинанда III. Кроме того, Л. Надь считает прокатолическую позицию Габсбургов в «Дунайской монархии» в определенной мере вынужденной. Австрийские Габсбурги не без основания называли себя защитниками Европы от турок, а свои владения – передовым бастионом христианства. Но сами Габсбурги были не в состоянии одолеть османов. Им была нужна помощь Европы, объединять усилия которой на этом направлении тогда им приходилось при помощи и посредничестве Рима. Рассчитывать же на помощь папы и католических сил, в частности, Испании, австрийские Габсбурги могли, только оставаясь в лоне католицизма. Поэтому даже религиозные сомнения некоторых из них (например, Максимилиана II Габсбурга) не могли изменить их официальной политики в отношении протестантизма [29].

inslav

Таким образом, современная венгерская историография смелее и независимее вписывает венгерскую историю в рамки европейской и измеряет ее европейскими мерками. Такая позиция в целом привлекает тем, что в ней осталось меньше места для узколокальных, узконациональных подходов к венгерской истории. Это касается и пересмотра венгерской историографией вопроса о месте и роли Габсбургов в истории Венгрии XVI–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Nehring K.* Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III. und das Reich. Zum hunyadisch-habsburgischen Gegensatz im Donauraum. München, 1975.

[2] См.: *Szabó D.* Küzdelmeink a nemzeti királyságért (1505–1526). Bp., 1917.

[3] Имеются в виду обычаи венгров, восходящие к гуннам и скифам, с которыми средневековая венгерская историография (Аноним, Шимон Кезаи, Янош Туроци и др.) связывала происхождение венгров.

[4] *Kulcsár P.* Jagelló-kor. Bp., 1981. 104.l.

[5] В 1506 г. между Габсбургами и Ягеллонами был заключен «семейный» договор, предусматривавший браки между внуками Максимилиана I Габсбурга (Фердинандом и Марией) с одной стороны и детьми Уласло II (Анной и еще не родившимся сыном) – с другой. В 1507 г. этот договор был подтвержден и уточнен в связи с рождением наследника венгерского престола (См.: *Haller B.* Kaiser Friedrich und die Stephanskrone // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1976. № 26; *Hermann Zs.* Az 1515. évi Habsburg–Jagelló-szerződés // MTA Értekezések a történeti tudományok köréből. 21. sz. Bp., 1961); *Szabó D.* A magyar országgyűlések története II. Lajos korában. Bp., 1909.[6] См.: *Kosary D.* Magyar külpolitika Mohács előtt. Bp., 1978.

[7] См.: *Szűcs J.* A nemzet historikuma és a történetszemlélet nemzeti látószöge // Nemzet és történelem. Bp., 1974; *Benda K.* A magyar nemzeti hivatástudat története. Bp., 1941; *Péter K.* A magyar nyelvű politikai publicisztika kezdetei. Bp., 1973.

[8] См.: *Benda K.* Absolutismus und ständischer Wiederstand in Ungarn am Anfang des 17. Jh. München, 1977; *Idem.* Bocskai szábadságharc. Bp., 1974.

[9] *Takács S.* A magyar tőzsérség pusztulása //Budapesti Szemle. 1926. 3. sz.; *Idem.* A magyar tőzsérek és kereskedők pusztulása // Szegény magyarok. Bp., s.a.; *Idem.* Kereskedelmi utak Magyarország és az örökös tártományok között a XVII. Században //Magyar Gazdaságtörténeti Szemle, 1900.

[10] *Takács S.* Kísérletek a magyar haderő felosztására, 1671–1702 // Századok. 1904. 4. sz.

[11] *Ачади И.* История венгерского крепостного крестьянства / Пер. с венг. Ред и вступ. статья В.П. Шушарина. М., 1956.

[12] *Mód A.* 400 év küzdelem az önálló Magyarországért. Bp., 1951.

inslav

[13] *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

[14] *Makkai L.* A felsőtiszavidéki parasztfelkelés. Bp., 1954; *Idem.* A kuruc nemzeti összefogás előzményei. Bp., 1956; *Wittmann T.* Bethlen Gábor. Bp., 1952; *Idem.* Az osztrák Habsburg–hatalom válságos éveinek történetéhez (1606–1618). Szeged, 1959; *Idem.* Az erdélyi fejedelmek és a magyarországi függetlenségi és a rendi küzdelmei (1607–1664) //Magyarország története két kötetben. 1962. 2. köt.; *Nagy L.* A Bocskai szabadságharc katonai története. Bp., 1961; *Rácz I.* A hajdúk a 17. században. Debrecen, 1969; Bethlen Gábor a független Magyarországért. 1969.

[15] *Benczedi L.* Rendi szerveszkedés és kuruc mozgalom (1664–1685) //Magyarország története 1526–1686. 1985. 2. köt.; *Idem.* Thököly szabadságharc. Bp., 1976; *Gecsényi L.* Ungarische Stände im Vorfeld der Türkenabwehr Österreichs //Archiv und Vorschung. Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas / Hrsg. von E. Springer und L. Kammerhofer //Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. 1993. Bd. 20; *Hiller I.* Palatin Nikolaus Esterházy. Die ungarische Rolle in der Habsburgdiplmatie 1625 bis 1645. Wien–Köln–Weimar, 1992; *Szakály F.* Oppenheimer Sámuel működése, különös tekintettel magyarországi kihatásaira //Magyar Zsidó oklevéltár. XIV. Bp., 1971; *Idem.* Virágkor és hanyatlás. 1440–1711 (Magyarok Európában. II) Bp., 1990; *Pálffy G.* Katonai igazságszolgaltatás a királyi Magyarországon a XVI–XVII – században Győr, 1995; *Idem.* A tizenhatodik század története. Bp., 2000; *Péter K.* The Struggles for Protestant Religious Liberty at the 1646–1647 Diet in Hungary // Crown, Church and Estates. Central European Politics in the Sixteen and Seventheen Centuries / Ed. ву R.J.W. Ewans – T.V. Thomas. London, 1991; *R. Várkonyi Á.* Handelswesen und Politik in Ungarn des XVII–XVIII. Jahrhunderts. Theorien, Monopole und Schmugglerbewegungen, 1600–1711 // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. Bp., 1977; *Idem.* Wien, Buda, Constantinaple // The New Hungarian Quarterly. Bp., 1984. Vol. XXV. № 94; *Idem.* Magyar politika és az európai hatalmi egyensúly 1648–1718 // Magyar tudomány. 1990. 11. sz.; *Idem.* Országegyesítő kísérletek (1648–1664) // Magyarország története 1526–1686. 2. köt.; *Idem.* Hungary and the Europe of the Sacred League // The New Hungarian Quarterly. Bp., 1986. Vol. XXVII. № 103; *Idem.* Vitézlő rend a választúton // *R.Várkonyi Á.* Europica varietas – Hungarica varietas. Tanulmányok. Bp., 1994; *Varga J.* Az 1683–1687-es katonai sikerek poitikai következményei // Előadások és tanulmányok a török eleni visszafoglaló haborúk történetéből 1686-1688 / Szerk. Szita L. Pécs, 1989; *Idem.* Buda visszafoglalása és az újjáépítése kezdete // Budapest főváros levéltára közleményei. 1988.

[16] *Engel P.* Beilleszkedés Európába, a kezdetektől 1440-ig (Magyarok Európában. I. köt.) / Főszerk. Glatz F. Bp., 1990. 10.l.

inslav

[17] *Zimányi V.* Magyarország az európai gazdaságban, 1600–1650 (Értekezések a történeti tudományok köréből. 80). Bp., 1976; *Zimányi V. – Prickler H.* Konjunktura és depresszió a XVI–XVII. századi Magyarországon az ártörténet és a harmincadbevételek alapján/ kitekintés a XVIII. Századra //Agrártörténeti Szemle. 1974. 1–2. sz.

[18] *Gecsényi L.* Bécs és Magyarország kereskedemi kapcsolatainak történetéhez a 16–17. század fordulóján // Századok. 127. évf. 1993. 3–4. sz.

[19] *Péter K.* Esterházy Miklós (Magyar História. Életrajzok). Bp., 1985; *Idem.* A magyar romlásnak századában (Magyar História). Bp., 1979; *Varga J.* Servitorok katonai szolgálata a XVI–XVII. Századi dunántúli nagybirtokon (Értekezések a történeti tudományok köréből. 94). Bp., 1981.

[20] Buda expugnata. 1686. Europa et Hungaria 1683–1718. A török kiűzésének európai levéltári forrásai / Szerk. Bariska I., Haraszti Gy., Varga J. Bp., 1986. 2. köt.

[21] *Péter K.* Zrínyi Miklós terve II. Rákóczi György magyar királyságáról // Századok. 1972. 3. sz.; *Lukács Zs.T.* A korabeli propaganda és II. Rákóczi György megítélése // Aetas. Történettudományi folyóirat. 1995. 1–2. sz.

[22] См.: Barta G. Az Erdélyi Fejedelemség első korszaka (1526–1606) // Erdély története. 1. köt. / A kezdetektől 1606-ig / Szerk. Makkai L., Mocsy A. Bp., 1986.

[23] «До тех пор, пока венгерская корона находится у той нации, что сильнее нас, то есть, у немцев, и венгерским королевством также владеют немцы, необходимо и важно, чтобы в Трансильвании правил венгерский князь, ибо это венграм на пользу и служит защите Венгрии. Если же Господь устроит так, что понадобится передать венгерскую корону Венгрии в руки венгров в коронованном королевстве, то мы призываем трансильванцев: не только не отлагаться от него или противиться ему, но, наоборот, помогать по мере своих сил и, не колеблясь, отдать себя по древнему обычаю под эту корону» (*Bocskai I.* Testamentumi rendelése (Gondolkodó magyarok) / Szerk. Szigethy G. Bp., 1986. 15–16.l.

[24] *Homán B.–Szekfű Gy.* Magyar történet. Bp., 1900. 3. köt. 377.l.

[25] *Bitskey I.* Pázmány P. Bp., 1986. 132.l.

[26] Két magyar diplomata a tizenhetedik századból / Közli Salamon F. Pest, 1867.

[27] См.: *Köpeczy B.* Magyarország a kereszténység ellensége. Bp., 1977.

[28] *Sinkovics I.* A három országrész igazgatása // Magyarország története. 1526–1686. 1.köt. 393–423.l. *Idem.* A békeidőszak az 1570–1581-as években // Ibid. 605–629.l.; *R.Várkonyi Á.* Országegyesítő kísérletek (1644–1664) // Ibid. 2. köt. 1043–1181.l.

[29] См.: *Nagy L.* A török világ végnapjai Magyarországon. Bp., 1986.

inslav

К.Т. Медведева

Венгерское государственное собрание 1608 года в описании венецианского посла Марино Кавалли

1608 год оказался очень бурным в истории монархии австрийских Габсбургов. Это было время борьбы за власть внутри дома Габсбургов, сословных конфедераций, молниеносной войны в государстве и отречения правящего монарха.

19 апреля 1608 г. сословия Венгрии, Австрии и Моравии, недовольные политикой императора Рудольфа II, заключили между собой союз [1]. Целью этой конфедерации, по заявлению участников, являлась взаимопомощь сословий в борьбе с нарушителями условий Венского [2] и «Турецкого» [3] мира и врагами «другого правого и законного дела» [4]. Таким образом, члены конфедерации стремились сохранить религиозные и политические свободы, предоставленные Венгрии Венским миром, и добиться точно таких же привилегий для других земель габсбургской монархии. К сословному союзу присоединился младший брат Рудольфа II эрцгерцог Матиас, который и возглавил конфедератов. Эрцгерцог Матиас, стремившийся к власти, надеялся с помощью недовольных сословий добиться отречения Рудольфа II от трона в свою пользу. Он, как и император, был сторонником абсолютизма и контрреформации, однако для достижения задуманного повел гибкую политику по отношению к сословиям, обещая, добившись власти, удовлетворить все их требования. Лидеры сословного движения, конечно же, хорошо знали о политических и религиозных взглядах эрцгерцога. И хотя цели восставших сословий и Матиаса не совпадали, обе стороны, стремясь добиться каждая своего, вступили в общую игру: объединились против Рудольфа II [5]. Присутствие эрцгерцога Матиаса в конфедерации придало ей легитимный характер, а сословия предоставили эрцгерцогу необходимую поддержку, в том числе и военную. Взаимные обязательства сторон распространялись не только на период борьбы с Рудольфом II, но и на последующее время.

Успешные боевые действия союзников против Рудольфа II и поддержавших его чешских сословий увенчались подписанием ряда соглашений летом 1608 г. Согласно этим документам, Рудольф II отрекался от власти в эрцгерцогстве Австрия, королевстве Венгрия и маркграфстве Моравия в пользу Матиаса и объявлял его своим преемником на чешском престоле. Эрцгерцог Матиас в свою очередь обещал императору мир и спокойствие в государстве,

inslav

а сословиям давал гарантийные грамоты [6]. Таким образом, конфедерация одержала победу над законным монархом и теперь наступало время для выполнения своих обещаний как со стороны эрцгерцога, так и со стороны сословий. Решение наиболее важных вопросов было отложено до созыва венгерского государственного собрания, австрийских ландтагов и моравского сейма [7].

На октябрь 1608 г. эрцгерцог Матиас созвал венгерские сословия на государственное собрание в Пожони [8], где впервые выступали в новой роли: не представителя Рудольфа II [9], а претендента на корону св. Иштвана. В ходе этого государственного собрания эрцгерцогу Матиасу надо было добиться своего избрания венгерским королем и коронации, не идя на большие уступки сословиям. Последние в свою очередь стремились к тому, чтобы вынудить Матиаса удовлетворить все их требования и предоставить им максимальные свободы и привилегии в обмен на корону. Поэтому пожоньскому государственному собранию отводилась очень важная роль. По замечанию одного из современников, «от результатов этого государственного собрания зависит спокойствие или беспорядки в этой провинции»; да и не только в ней, ведь то, чего добьются на нем от короля венгры, будут себе требовать и сословия других земель [10]. Пожоньское собрание стало настоящим испытанием и для эрцгерцога Матиаса, и для сословий Венгрии, и, кроме того, проверкой прочности конфедерации и верности сословий-союзников.

Подготовка, ход, результаты пожоньского государственного собрания достаточно хорошо освещены в источниках. Однако, несмотря на это, большой интерес представляют доклады венецианского посла при императоре в Праге Марина Кавалли дожу Республики св. Марка. М. Кавалли находился при габсбургском дворе достаточно знал его нравы и происходившие в государстве события. Венецианский посол был хорошо осведомлен о создании сословной конфедерации, ее целях, о разногласиях между Рудольфом II и эрцгерцогом Матиасом. М. Кавалли имел представление о сути противоречий между сословиями и центральной властью, о тех проблемах, с которыми предстояло столкнуться обеим сторонам на пожоньском собрании, он был знаком с его основными действующими лицами. Следовательно, в своих письмах посол мог выделить главные вопросы и дать им, в принципе, объективную оценку. Его отчеты очень подробны, он отправлял их регулярно каждую неделю в течение всей работы пожоньского государственного собрания. Характер донесений М. Кавалли говорит о большом интересе, который испытывали к венгерским делам в Венеции, и о важности для республики всего происходящего в отдаленном от Италии королевстве. В докладах венецианского посла представлен взгляд на венгерские события человека со стороны, его оценки и характеристики людей и их действий. Конечно же, точка зрения Кавалли не лишена предвзятости: в первую очередь – это взгляд католика на

inslav

дела «еретиков», стремящихся к ослаблению истинной веры. Венецианский посол не всегда верно излагает и трактует события, происходившие на пожоньском собрании. Но тем не менее, сделанные М. Кавалли зарисовки хода переговоров, церемоний и торжеств, бытовых сюжетов, а также приводимые им в донесениях слухи, позволяют нам дополнить картину хорошо известного пожоньского государственного собрания.

22 октября 1608 г. эрцгерцог Матиас с небольшим опозданием [11] подъехал к городу Пожонь. Здесь эрцгерцога встречали «многие могущественные венгры» [12] с многочисленной свитой, а также около 6–7 тысяч всадников и 2–3 тысяч пехоты [13]. Встречающие заняли все поле у ворот города [14], из-за огромного числа участников торжественный въезд Матиаса продолжался с 1 часу дня до самого вечера [15]. Перед городскими воротами эрцгерцога приветствовали 10 послов города от имени магистрата Пожони. М. Кавалли обратил внимание, что с представителями города эрцгерцог поздоровался по немецкому обычаю – подал руку [16]. Следует заметить, что, согласно записям венецианца, это был единственный случай, когда эрцгерцог следовал «немецкому обычаю»; во время же пребывания в Пожони он демонстрировал приверженность венгерским традициям. Так, Матиас и его брат эрцгерцог Максимилиан носили преимущественно венгерскую национальную одежду [17].

Как уже говорилось выше, эрцгерцога Матиаса встречало множество венгров. Естественно, все они не могли разместиться внутри городских стен и поэтому расположились в поле лагерем. Из-за большого стечения людей охрана эрцгерцога (6–7 тыс. кавалерии) не смогла проехать в Пожонь и была вынуждена остаться на другом берегу реки. А самого Матиаса сопровождала только немногочисленная личная гвардия, расположившаяся в пожоньской крепости [18].

Этот факт будет упоминаться М. Кавалли почти в каждом письме и по мере осложнения переговоров ему будут даваться все более мрачные трактовки. Так, в письме от 3 ноября венецианский посол писал, что многие считают опасным то, что эрцгерцог «с такой малой охраной отдался в руки венгров» и в этой ситуации он будет вынужден идти им на уступки [19]. А спустя неделю М. Кавалли уже пишет, что эрцгерцог вынужден быть осторожным, чтобы не подвергнуть себя опасности. В этом же письме автор приводит дошедшие до него слухи: «эрцгерцог Матиас находится в таком положении, что не может покинуть Пожонь, когда захочет», хотя и замечает, что верить этому сообщению полностью нельзя [20]. Тем не менее, подобные слухи отражали опасения значительной части общества и почва для возникновения такого рода разговоров, вероятно, все же была. Вообще, поездку эрцгерцога в Пожонь многие политики считали ненужной, предполагая, что ему не удастся договориться с сословиями о самых важных делах, так как венгры не отступят от своих тре-

inslav

бований (например, свободы вероисповедания), а Матиас не сможет их удовлетворить. Таким образом, главной цели своей поездки – коронации – эрцгерцог не добьется [21]. Кроме того, М. Кавалли, как и многие его современники-итальянцы [22] не доверяли венграм, считая их непостоянной нацией изменников, ненавидящей немцев [23].

Однако эту негативную настроенность подпитывали и сами венгры. То, что охрана эрцгерцога не смогла приблизиться к городу, а ворота Пожони фактически блокировали приехавшие на государственное собрание венгры явно говорило не в их пользу. Кроме того, лидеры венгерских сословий не упустили возможность продемонстрировать свою силу, в том числе, и военную. Так, Иштван Иллешхази (М. Кавалли называет его Helias Hassi) приехал на государственное собрание в сопровождении 1 000 воинов [24]. Он и раньше использовал подобный подход в общении с Габсбургами. Например, во время обсуждения условий Венского мира в 1606 г. И. Иллешхази прибыл на переговоры в сопровождении 5-тысячной вооруженной охраны [25], которая по численности превышала свиту эрцгерцога Матиаса.

Сама работа пожоньского государственного собрания и его результаты были поставлены под сомнение не только из-за настроений противников венгерских сословий, но и в связи с разобщенностью внутри венгерского лагеря. По наблюдениям М. Кавалли, венгры внешне изображали единство, которого на самом деле не было [26]. Этот факт, на первый взгляд, обнадеживающий для эрцгерцога Матиаса, в реальности только осложнял его положение. На открывающееся собрание, где должны были произойти королевские выборы, не приехали некоторые крупнейшие магнаты королевства. Их отсутствие означало, что они могли не признать избранного собранием короля [27]. В первую очередь это касалось самых могущественных магнатов Верхней Венгрии [28], которые, по отзыву современников, «по своему богатству и числу сторонников превышали других» [29]. Отсутствие наиболее известного из них, барона Балинта Хоммонаи, пользовавшегося поддержкой хайдучества и владевшего рядом крепостей в Верхней Венгрии, особенно беспокоило сторонников эрцгерцога Матиаса. Их озабоченность усиливали распространявшиеся слухи о том, что если эрцгерцог и сословия на государственном собрании не достигнут компромисса, венгры могут выбрать королем упомянутого барона, у которого хватит сил для ведения войны [30]. Помимо Б. Хоммонаи на государственном собрании так и не появились представители других, не менее известных родов – Баттяни, Надашди, Ракоци [31]. С большим опозданием в Пожонь приехали граф Зриньи (Sdrin) и пять трансильванских послов (М. Кавалли не называет тех, кто был среди них) [32]. Их прибытие несколько разрядило обстановку на государственном собрании.

inslav

Приезд трансильванской делегации ожидали с особым нетерпением. Ее присутствие являлось необходимым, поскольку в Пожони должны были ратифицировать Венский мир 1606 г., непосредственно касавшийся и княжества. А кроме того, в августе 1608 г. в Кашше представители Трансильвании и эрцгерцога Матиаса подписали союзный договор [33]. В знак дружбы трансильванцы привезли с собой подарок для эрцгерцога – турецкого коня с позолоченной сбруей [34].

М. Кавалли высказал предположение, что государственное собрание не обошлось без косвенного вмешательства турок, которые стремились в своих интересах использовать напряженную ситуацию, сложившуюся в Пожони. Венецианский посол утверждал, что на позицию Б. Хоммонаи повлиял будайский паша Али, постоянно отговаривавший магната от поездки в Пожонь и предлагавший ему свою поддержку. По сведениям автора донесений, османы также пытались повлиять на позицию трансильванского князя Габора Батори, обещая осыпать его милостями [35]. Однако М. Кавалли не уточняет какие цели преследовали турки и что конкретно они обещали Г. Батори и Б. Хоммонаи.

23 октября, на следующий день после прибытия эрцгерцога в Пожонь, состоялась встреча представителей сословий с Матиасом. Сословия и эрцгерцог должны были разработать условия вступления эрцгерцога на венгерский престол и подготовить текст его предкоронационных и послекоронационных грамот. В своем первом письме М. Кавалли предполагал, повторяя, наверное, общее мнение двора, что переговоры не будут долгими. Учитывая тот факт, что венгерская корона находится в руках эрцгерцога Матиаса, писал венецианский посол, и его поддерживают примас венгерской церкви эстергомский архиепископ Ф. Форгач и другие прелаты, сословиям ничего не останется как короновать Матиаса [36]. Однако ожидания венского двора не оправдались, переговоры затянулись почти на два месяца, а венгерские сословия вели себя очень активно, не соглашаясь на предложенную им роль пассивных наблюдателей.

Первому заседанию государственного собрания предшествовало приглашение эрцгерцогом Матиасом венгерских сословий посетить его резиденцию в Пожони. Эрцгерцог заявил, что на заседании изложит свои предложения, а сейчас он хотел бы просто им напомнить их недавнее общее прошлое, их взаимные обещания на предшествующем государственном собрании [37]. По свидетельству М. Кавалли, эрцгерцог Матиас вновь пообещал сословиям быть не просто королем, а «добрым отцом нации» [38].

Делегаты венгерского государственного собрания начали заседать порознь [39]. И. Иллешхази увел магнатов в дом препоста, архиепископ Форгач и прелаты отправились в резиденцию примаса, а низшая палата собралась в ближайшем монастыре [40]. Суть предложений эрцгерцога Матиаса сводилась к тому, что прежде чем участники государственного собрания обратятся к ре-

inslav

шению всех насущных вопросов, им надо разрешить главный – о выборах и коронации нового короля, так как прежний король Рудольф II освободил сословия от клятвы верности. Эрцгерцог предлагал свою кандидатуру на венгерский престол, потому что, говорил он, сами венгерские сословия до сих пор склонялись в его пользу и Рудольф II рекомендовал им вместо себя именно его [41]. Но самыми главными аргументами Матиас называл свое кровное родство с венгерскими королями и принадлежность Австрийскому дому, который лучше всего может позаботиться о Венгрии и защитить от врагов, окружающих ее со всех сторон [42].

Ответ венгерских сословий не оправдал расчетов эрцгерцога Матиаса. Сословия, в отличие от эрцгерцога, предполагали разрешить все свои проблемы до выборов короля. Они справедливо считали, что в этом случае смогут добиться от претендента бóльших уступок. Поэтому в ответном слове сословия, заранее проинструктированные своими лидерами Иштваном Иллешхази и Дьердем Турзо [43], составили список претензий и условий для выборов короля. Основная часть этих требований мало отличалась от предыдущих, сформулированных еще в XVI в. [44]: хранить корону св. Иштвана в Пожони, гарантировать венгерским сословиям свободы, назначить палатина. Из новых пожеланий появились только два – соблюдать условия Венского мира; эрцгерцог Матиас должен заключить соглашение с австрийскими сословиями [45]. Эти пункты отражали реалии XVII в., причем последний был связан с требованием выполнять условия союзного договора венгерских и австрийских сословий периода конфедерации. Кроме того, представители сословий и эрцгерцог обсуждали вопрос о наместнике короля в Венгрии. Согласно древнему обычаю, пишет М. Кавалли, наместником должен был стать архиепископ Форгач, однако сословия не желали признавать его в этом качестве, потому что стремились оттеснить духовенство от политической власти [46]. По свидетельству венецианского посла, обсуждение этих претензий (в особенности касающихся роли церкви) проходило в обстановке таинственности, чтобы не подстрекать к подобным действиям «еретиков других провинций» [47].

Предложенный венгерскими сословиями вариант условий, несмотря на то, что он, по мнению автора донесений, был весьма радикальным, оказался не последним. Участники государственного собрания постоянно расширяли круг своих пожеланий. Из-за этого, замечал М. Кавалли в одном из писем в Венецию, государственное собрание и эрцгерцог Матиас еще не пришли ни к какому решению, хотя заседают уже больше трех недель [48]. К высказанным требованиям сословия добавили ряд новых: передать в руки венгерских гарнизонов крепости в Венгрии Дьер и Комаром [49], а также крепости в Славонии и Хорватии [50], так как эти территории относятся к венгерскому королевству [51]. Через некоторое время появились новые условия венгров. Согласно им, ко-

inslav

роль не должен был покидать королевство, а если все же делал это, ему следовало оставить вместо себя надора, облеченного высшей властью (suprema auttoritá). Сословия настаивали на исключении немцев из числа советников короля и требовали гарантий того, что власть прелатов на государственном собрании со временем не расширится. Кроме того, сословия хотели запретить вывоз из страны золота и серебра. Были и другие требования, завершает их перечисление венецианский посол, «которые так ограничивали власть короля, что он оказывался в руках сословий» [52]. В итоге переговоры между эрцгерцогом Матиасом и венгерскими сословиями затягивались, так как ни одна сторона не хотела уступать.

На пожоньском государственном собрании присутствовала делегация австрийских протестантских сословий. Эти депутаты, по словам М. Кавалли, приехали, чтобы непосредственно узнать о происходящем в Пожони, посмотреть, как соблюдается их сословный союз с венграми, и продемонстрировать последним свою поддержку [53]. Следуя договоренностям о взаимопомощи с австрийскими сословиями, венгры, как уже говорилось выше, внесли в свои условия пункт о заключении соглашения между эрцгерцогом Матиасом и австрийцами. Таким образом, венгерские сословия выступили в роли посредников, стараясь добиться для австрийцев религиозных и политических свобод [54]. Венгры не раз заявляли, что вопрос о королевских выборах напрямую связан с урегулированием положения дел в Австрии [55]. Переговоры о свободах для нее проводились параллельно в Пожони с эрцгерцогом Матиасом и в Вене с заменявшим его эрцгерцогом Максимилианом. Главные споры вызвала религиозная проблема. Эрцгерцоги, вслед за императором Максимилианом II, соглашались предоставить свободу вероисповедания только дворянам, повторяя основные условия Аугсбургского религиозного мира. А австрийская оппозиция требовала распространить эти свободы на города и деревни [56].

Долгое время участникам трехсторонних переговоров не удавалось достичь компромисса [57]. Данное обстоятельство, в свою очередь, задерживало работу государственного собрания и выборы короля. Для разрешения ситуации в Вену по соответствующему приглашению отправилась венгерская делегация во главе с Дьердем Турзо – «очень могущественным и влиятельным среди венгров» [58]. Марин Кавалли задается вопросом, что же на самом деле привело венгров в Вену – действительно ли они приехали поддержать австрийских лютеран. Может быть, предполагает дипломат, австрийские и венгерские сословия нашли и другие общие интересы помимо религиозных вопросов и задумали объединиться в каком-нибудь предприятии против эрцгерцога Максимилиана [59]? В подтверждение своей мысли венецианец приводит заявление австрийских сословий эрцгерцогу Максимилиану. Сословия потребовали, чтобы эрцгерцог не обращался с ними как с еретиками, отказались

inslav

ему повиноваться и вооружились. Все это, подводя итог, заявляет М. Кавалли, делает соглашение между венграми и австрийцами очень опасным [60].

Тем не менее серьезного столкновения между эрцгерцогом Максимилианом и австрийскими сословиями удалось избежать. Переговоры в Пожони сдвинулись с мертвой точки, государственное собрание и эрцгерцог Матиас достигли договоренности. Это изменило расстановку сил на венских переговорах, хотя и не в пользу австрийских протестантов.

К середине ноября ситуация в Пожони накалилась, сословия и Матиас были недовольны неуступчивостью друг друга. Кроме того, не было никаких обнадеживающих известий из Вены от Д. Турзо. Представители верхневенгерских сословий приняли решение вернуться домой, если в ближайшее время не произойдет никаких перемен. Некоторые из верхневенгерских депутатов к этому времени уже покинули Пожонь. Поползли слухи о возможности выбора венгерским королем барона Б. Хоммонаи. Эрцгерцогу Матиасу надо было срочно принимать какое-то решение, и он, под давлением обстоятельств, согласился удовлетворить основные требования венгерских сословий [61]. По мнению М. Кавалли, такого поворота событий можно было избежать, если бы эрцгерцогу Матиасу оказали своевременную помощь. Но ни император Рудольф II [62], ни магнаты, заботящиеся только о собственной безопасности [63], не поддержали эрцгерцога.

В итоге эрцгерцог Матиас уступил венгерским сословиям. Он остался непреклонным лишь в вопросе о свободах для австрийских протестантов. И вопреки всем договоренностям с австрийцами [64], венгерские сословия пошли на королевские выборы, не добившись успеха в своей посреднической миссии. Именно с этим, по свидетельству венецианского дипломата, было связано возникновение очень неприятной ситуации на государственном собрании и осложнение отношений венгерских сословий с австрийскими. Дата королевских выборов была уже назначена, но Д. Турзо и его делегация еще находились в Вене, не зная о достигнутых в Пожони договоренностях. Сословная оппозиция потребовала отложить королевские выборы до возвращения посольства Д. Турзо. В Вену послали гонцов. Однако, боясь осложнения ситуации в случае своевременного приезда Д. Турзо, курьеров умышленно задержали в пути [65]. За это время состоялись королевские выборы, о чем Д. Турзо не сообщили, и он вместе с австрийцами продолжал переговоры с эрцгерцогом Максимилианом, используя все тот же аргумент – выборы Матиаса, – который теперь уже не играл никакой роли [66]. Несколько позже, получив достоверные сведения из Пожони, Турзо вернулся в Венгрию, а австрийским сословиям, не добившись желаемого, пришлось смириться с предательством, как они считали, венгерских союзников и осталось только посылать им гневные письма [67].

inslav

16 ноября 1608 г. эрцгерцога Матиаса избрали венгерским королем, а 19 ноября состоялась его коронация, для чего из Вены специально доставили корону св. Иштвана. Выборы Матиаса состоялись при условии подписания им предкоронационных грамот. М. Кавалли перечисляет лишь некоторые из пунктов, посчитав их, видимо, самыми главными: святая венгерская корона должна храниться в Пожони, крепости Дьер и Комаром получают венгерские гарнизоны и венгерских капитанов, Венский мир остается в силе и его условия соблюдаются всеми сторонами, проходят выборы надора (им стал признанный лидер венгерских сословий И. Иллешхази) [68].

Описанию церемонии коронации и последующих торжеств в Пожони венецианский посол посвящает отдельное письмо. Его доклад дожу очень подробен и красочен. По свидетельству М. Ковалли, эрцгерцоги Матиас и Максимилиан появились на коронации в венгерских национальных одеждах. Венгерские аристократы, участвовавшие в церемонии, несли символы королевской власти – корону, скипетр, державу, меч и знамена земель, составлявших Венгерское королевство: самой Венгрии, Хорватии, Далмации, Славонии, Сербии, Галиции, Лодомерии, Болгарии, Кумании [69].

Далее в своем докладе М. Кавалли допускает ряд ошибок, путая последовательность событий во время коронации [70]. В его изложении коронация выглядит следующим образом. В церкви эрцгерцог Матиас произнес две клятвы. В первой он обещал поддерживать справедливость и мир в королевстве, верно править подданными, а во второй – соблюдать привилегии, свободы и законы страны, но не так, как это делали император Рудольф II и другие правители прошлого. По окончании мессы, которую служил архиепископ Форгач, процессия отправилась за город, где Матиас совершил один из традиционных венгерских коронационных ритуалов, символизировавших обязательство короля защищать страну от врагов. Матиас, поднявшись на специально подготовленный холм, вынул из ножен меч святого Иштвана и несколько раз взмахнул им на четыре стороны. Потом, согласно записям венецианского дипломата, архиепископ Форгач, задавший Матиасу традиционный вопрос, чувствует ли он себя способным управлять королевством, получил утвердительный ответ. Были еще вопросы, но их задавал уже сословиям избранный народом И. Иллешхази [71]. Он троекратно спрашивал у венгров, хотят ли они Матиаса своим королем и каждый раз они отвечали согласием. После этого Матиаса миропомазали и короновали. Проезд нового короля из храма в замок сопровождался, по словам М. Кавалли, поздравительными возгласами и разбрасыванием золотых и серебряных монет с его изображением и надписью «Матиас II король Венгрии». Описание торжественного дня венецианский посол заканчивает рассказом о праздничном обеде в резиденции короля. Это был публичный обед: и король, и знать пировали в одном замке. За королев-

inslav

ским столом сидели эрцгерцог Максимилиан, архиепископ Форгач, надор И. Иллешхази и папский нунций. Впервые за историю коронации венгерских королей за один стол с монархом сел надор. Первый тост новый король поднял за папу римского, второй за короля Испании, но ни разу, по свидетельству М. Кавалли, во время пира не чествовали Рудольфа II 72. Таким образом, коронация 1608 г. имела, по сравнению со всеми предыдущими, ряд особенностей, которые говорили о политических изменениях в государстве, а именно: об усилении сословий и оттеснении от власти духовенства. Изменения в церемонии коронации подтверждают это. Так, символы королевской власти несли светские феодалы, а не прелаты, вопросы сословиям задавал не примас венгерской церкви, а надор, который потом во время пира сел за один стол с королем.

Коронация Матиаса не означала немедленного разрешения проблем между сословиями и центральной властью. До сих пор оставалась неясной позиция верхневенгерских магнатов, которые не приехали ни на само государственное собрание, ни на коронацию. Кавалли сообщает, что, по его информации, недовольные представители Верхней Венгрии собрались в Кашше для решения некоторых вопросов. Они предполагали, что из-за их отсутствия королевские выборы сорвутся. Однако этого не произошло, и они оказались в проигрыше: не прибыв на собрание, магнаты не смогли решить свои насущные проблемы и остались без должностей в новой администрации [73]. Кстати, вопрос о распределении должностей привел к появлению множества недовольных, среди которых, кстати, был и один из лидеров сословий Д. Турзо [74].

Через несколько дней после своей коронации Матиас II заболел, и на плечи надора И. Иллешхази легла задача по стабилизации положения в королевстве и исполнению решений государственного собрания. Именно надор стал главным советником короля во время его болезни, так как прежние советники Матиаса II, согласно постановлениям государственного собрания, были отстранены от власти, потому что были невенграми [75]. По сведениям М. Кавалли, в Пожони в тот момент все зависело от решений И. Иллешхази, а не Матиаса II. Этому способствовали особые полномочия, предоставленные надору государственным собранием. Венецианский дипломат писал, что король очень недоволен сложившимся положением, но, главное, он так устал от венгров, их характера, требований и враждебности по отношению к немцам, что стремится удовлетворить все их пожелания [76]. Матиас II старался уехать из Пожони, избежав любых стычек с сословиями [77].

Из донесений М. Кавалли ясно, что ему пришлись не по душе решения пожоньского собрания и поведение венгерских сословий. В своих письмах к дожу он постоянно выражает надежду на то, что постановления государственного собрания, несмотря на их неверную направленность – свободу веры и ослабление власти короля, – все же приведут к хорошим результатам [78].

inslav

Однако посол посчитал нужным отметить и положительные черты венгров, правда, обнаруживал их с трудом. Он отдает должное талантам лидера венгров И. Иллешхази, его умению найти союзников и умиротворить сословия. Надор, отмечал посол, будучи пожилым и многоопытным человеком, старался договориться со всеми [79]. Похоже, что венецианец был даже восхищен хитростью этого венгра. Он приводит в пример ухищрения, с помощью которых И. Иллешхази добивался своего избрания надором. Можно было предположить, что его кандидатуру в основном поддержат протестантские сословия Венгрии, позиция католиков оставалась до последнего момента не ясной. Поэтому И. Иллешхази убедил католиков в том, что вернется в истинную веру, а прелатам, кроме того, обещал вернуть все украденное у них за последние годы. Но, получив должность надора, он не собирался ничего выполнять, заявив, что подобные действия приведут к возникновению беспокойства и нестабильности в королевстве [80].

Свои отчеты о венгерском государственном собрании 1608 г. М. Кавалли заканчивает описанием отъезда Матиаса II в Вену. При чтении этих писем венецианского посла рождается предположение, что король Матиас, устав от событий последних дней, старался как можно быстрее покинуть Пожонь, оставив вместо себя надора И. Иллешхази «с властью едва ли не большей, чем у короля» [81]. Последние письма М. Кавалли о государственном собрании оставляют тягостное впечатление, которое автор вольно или невольно усиливает описанием бушевавшего всю ночь пожара в Пожони, разрушившего почти весь город [82].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Договор 19 апреля завершил создание сословной конфедерации. 1 февраля 1608 г. был заключен договор между сословиями Нижней и Верхней Австрии, Венгрии и эрцгерцогом Матиасом (См.: *Katona St.* Historia Critica Regum Hungariae. Budae, 1794. T. IX. Ordine XXVIII. P. 802–807).

[2] Венский мир 1606 г. был заключен между императором Рудольфом II и восставшими венгерскими сословиями под руководством трансильванского князя Иштвана Бочкаи. Венский мир предоставил венгерским сословиям религиозные и политические свободы.

[3] Имеется в виду Житватороцкий мир 1606 г. с Османской империей, заключенный под давлением венгерских сословий. Житватороцкий мир завершил 15-летнюю войну Габсбургов с Портой (См.: Két magyar diplomata a tizenhetedik századból. Közli Salamon Ferencz. Pest, 1867. 257–261.l.).

inslav

[4] *Hammer-Purgstall J.* Khlesls, des Kardinals, Directors des geheimen Kabinetes, Leben. Wien, 1847. S. 97. № 216.

[5] *Válka J.* Zemsko-stavovská politická mentalita v bělohorském období // Studie muzea Kroměřížka 90. Brno, 1990. S. 63.

[6] *Catona St.* Op. cit. P. 813, 816–817, 822.

[7] Ibid. P. 813.

[8] В настоящее время. Братислава.

[9] За время правления Рудольфа II в Венгрии он всего лишь раз был на пожоньском государственном собрании, на остальных собраниях его представляли братья-эрцгерцоги. Начиная с 1595 г. чаще всего этим представителем был эрцгерцог Матиас (См.: Magyarország története. 1.köt. 1526–1686. Bp., 1985. S. 614. l.).

[10] Haus-, Hofud Staat Archiv Wien (далее – HHStA). Dispacci di Germania. F. 41. № 17.

[11] Эрцгерцог Матиас опоздал в Пожонь, потому что по дороге он получил донесения из Испании, Рима, Флоренции и Хорна – центра оппозиции австрийских сословий. Матиас был вынужден вернуться в Вену и держать там совет, по поводу доставленных известий. Вероятно, в этих докладах Матиас получил последние рекомендации по ведению переговоров с венгерскими сословиями (См.: HHStA. Dispacci ... № 17).

[12] HHStA. Dispacci di Germania. № 17.

[13] Ibid. № 18.

[14] Ibid. № 17.

[15] Ibid. № 18.

[16] Ibid. № 18.

[17] Ibid. № 28, № 33.

[18] Ibid. № 18.

[19] Ibid. № 18.

[20] Ibid. № 20.

[21] Ibid. № 18.

[22] *Polgár V.* Magyarország és a magyarok a XVII. századi olasz közveleményben. Pannonhalma, 1942.

[23] HHStA. Dispacci di Germania. № 20.

[24] Ibid. № 17.

[25] Monumenta comitialia regni Hungariae. Magyar országgyűlési emlékek / Szerk. Károlyi Á. 3.osztály. 12 köt. 1606. Bp. 1917. 642.l.

[26] HHStA. Dispacci di Germania. № 23.

inslav

[27] М. Кавалли выражал надежду, что несмотря на отсутствие магнатов Верхней Венгрии на государственном собрании и на коронации Матиаса, они все же признают его (Ibid. № 26).

[28] Речь идет о современной Словакии.

[29] HHStA. Dispacci di Germania. № 18.

[30] Ibid. № 23.

[31] Ibid. № 18, 20.

[32] Ibid. № 20.

[33] Суть договора сводилась к тому, что трансильванский князь Габор Батори обещал вооруженную помощь королевству против всех врагов кроме османов, клялся не отчуждать Трансильванию от Венгрии, отказывался от претензий на Верхнюю Венгрию, которую получил в пожизненное владение прежний князь И. Бочкаи и т. д. Magyarország története kronológiája. Főszerk. Benda K. II.köt. 1526–1848. Bp., 1989. S. 436.l.

[34] HHStA. Dispacci di Germania. № 20.

[35] Ibid. № 26.

[36] Ibid. № 17.

[37] Предыдущее пожоньское государственное собрание состоялось в январе–феврале 1608 г. На нем был заключен союз между сословиями Венгрии, Австрии и эрцгерцогом Матиасом (См.: *Katona St.* Op. cit. P. 802).

[38] HHStA. Dispacci di Germania. № 20.

[39] На государственном собрании в октябре–ноябре 1608 г. была окончательно определена двухпалатная структура венгерского государственного собрания. Поэтому начало заседаний, очевидно, происходило по старым правилам.

[40] HHStA. Dispacci di Germania. № 20.

[41] В тексте своего отречения Рудольф II заявлял, что он освобождает венгерские сословия от клятвы верности, которую они приносили ему, но с тем условием, чтобы они избрали своим королем эрцгерцога Матиаса (См.: *Catona St.* Op. cit. P. 818).

[42] HHStA. Dispacci di Germania. № 20.

[43] По свидетельству М. Кавалли, И. Иллешхази созвал сословия накануне открытия государственного собрания и перед ними выступил Дьердь Турзо, который подготовил их, сообщив им, что ожидается на открытии собрания и с чем выступит эрцгерцог Матиас (Ibid. № 20).

[44] Magyarország története. 1.köt. 1526–1686.

[45] HHStA. Dispacci di Germania. № 18.

[46] Ibid. № 18.

[47] Ibid. № 18.

inslav

[48] Ibid. № 23.

[49] В этих крепостях находились немецкие гарнизоны, потому что они строились при помощи императора (Ibid. № 20).

[50] До этого времени они находились в управлении эрцгерцога Фердинанда (Ibid. № 20).

[51] Ibid. № 20.

[52] Ibid. № 23.

[53] Ibid. № 18.

[54] Ibid. № 28.

[55] Ibid. № 30.

[56] Ibid. № 23.

[57] Ibid. № 18.

[58] Ibid. № 23.

[59] Ibid.

[60] Ibid.

[61] Ibid. № 26.

[62] Ibid. № 18.

[63] Ibid. № 23.

[64] Курьеры от австрийских сословий с просьбой не короновать Матиаса прибыли и накануне королевских выборов, но это не остановило участников государственного собрания (Ibid. № 26).

[65] Ibid. № 30.

[66] Ibid. № 26.

[67]# Письмо австрийских сословий венгерским (ноябрь 1608 г.) см.: Eotvös Lórand Tudományos Egyetem Könyvtára. Hevenesi gyüjtménye. T. 55. P. 82–86.

[68] HHStA. Dispacci di Germania. № 26.

[69] Ibid. № 28.

[70] М. Кавалли смешивает две части церемонии коронации – духовную и светскую, которые были разделены между собой во времени и пространстве. Духовная часть проходила в соборе св. Мартина и состояла из церковной клятвы, миропомазания и коронации. Светская часть проводилась в церкви францисканцев и состояла из посвящения монарха в рыцари, символического суда короля, что символизировало начало его правления, и светской коронационной клятвы, которой сословия придавали очень большое значение. А уже вслед за этим король выезжал за город и там совершался ритуал с мечом. Подробнее об этом см.: *Гусарова Т.П.* Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв. //Средние века. 1995. Вып. 58. С. 163–170.

inslav

[71] До 1608 г. вопрос сословиям о том, хотят ли они королем данного претендента, задавал не надор, а наместник короля, которым традиционно был архиепископ Эстергома (См.: *Гусарова Т.П.* Указ. соч.).
[72] HHStA. Dispacci di Germania. № 28.
[73] Ibid. № 30.
[74] М. Кавалли пишет, что Д. Турзо, имевшему одинаковый с И. Иллешхази авторитет и реально разделявшему с ним надорскую власть, предложили должность государственного судьи, чем Д. Турзо оказался не доволен (Ibid. № 30).
[75] Ibid. № 30.
[76] Ibidem.
[77] Ibid. № 33.
[78] Ibid. № 28.
[79] Ibid. № 30.
[80] Ibid. № 33.
[81] Ibidem.
[82] Ibid. № 30.

inslav

Б.Н. Флоря

Миклош Дьюрки – первый русский агент в Варшаве

Русским дипломатам и политикам первой половины XVII в. приходилось действовать в достаточно тяжелой и неблагоприятной ситуации. В отличие от политиков других стран Европы, располагавших обширным кругом разного рода информаторов, от которых можно было черпать сведения о положении дел у соседей, русские политики таким кругом информаторов в соседних странах Европы не располагали и при проведении внешнеполитических акций вынуждены были опираться на сообщения купцов, лазутчиков – крестьян пограничных сел, священников, часто пользующихся ложными слухами. Все сказанное в полной мере относится и к той информации, которая поступала из Речи Посполитой к концу 30-х годов XVII в.

Весной 1638 г., во время пребывания в Варшаве русского посольства во главе с С.Проестевым, послов 12 апреля посетил некий «венгрин» по имени Миклош, который рассказал о неудачных попытках короля Владислава IV подчинить своей власти Гданьск [1]. На встрече, состоявшейся на следующий день, 13 апреля, Миклош прямо предложил свои услуги русскому правительству, «а ведает он в Польше и в Литве все, потому что он в писарех у посольских дел» [2]. Судя по тому, что Миклош впоследствии действительно пересылал в Москву важные дипломатические документы, он; вероятно, на самом деле имел какое-то отношение к дипломатической деятельности королевской канцелярии [3].

В Москве было известно, что Миклош служит Станиславу Витовскому, хорунжему ленчицкому[4]. Ценность его как информатора в глазах русских политиков должна была возрасти, когда позднее русский агент сумел попасть в окружение маршалка коронного Адама Казановского фаворита Владислава IV. Уже в августе 1639 г., передавая собранные им «вести», Миклош отметил, что «проведал он те вести у Адама Казановского» [5]. В окружении Казановского Миклош сумел продержаться несколько лет. Рассказывая о работе сейма 1643 г., он отметил, что на сейм «пропустил ево слушать пан ево маршалок Казановской» [6]. На одном из последних писем Миклоша в Москву от 23 августа 1643 г. помечено, что оно написано в шатре Адама Казановского [7].

В 1638 г. Миклош не только подробно рассказал послам о конфликте Владислава IV с Гданьском и о том, что Речь Посполитая «не поволила» ему вести войну с эти городом, но и сообщил о неудачах королевских войск (в

inslav

частности отряда ротмистра Мелецкого) пытавшихся привести к покорности поднявших восстание запорожцев [8], а 28 апреля от него же поступили сведения, что султан просит пропустить через территорию Речи Посполитой свои войска для похода на Россию [9]. В условиях, когда после взятия донскими казаками Азова между Россией и Османской империей установилось состояние необъявленной войны, эта информация представляла для русского правительства большую ценность.

Неудивительно поэтому, что вскоре после возвращения послов в июне 1638 г. в Варшаву был направлен гонец Назарий Кирикрейский, и ему было поручено разыскать Миклоша и «дати соболей сколько пригоже, смотря по ево службе и по вестям» [10]. Через гонца Миклош обратился к царю и главе Посольского приказа («канцлеру») с весьма необычным предложением. Он сообщил, что готов «промышлять» над тем, чтобы склонить к переходу под русскую власть литовского гетмана и воеводу виленского К. Радзивилла. Желая убедить гонца (а через него царя и «канцлера») в серьезности своих намерений и способности привлечь на службу царю одного из первых вельмож государства, Миклош заявил, что он «наперед того ходил от Родивила к Адольфу королю свейскому, чтоб Родивилу быть под евою рукою» [11]. Гетман К. Радзивилл действительно в конце правления короля Сигизмунда III и во время «бескоролевья» 1632 г., как один из лидеров протестантов Речи Посполитой, вел тайные переговоры с шведским королем Густавом-Адольфом о его возведении (возможно с помощью оружия) на польский трон [12]. Причастность Миклоша к таким переговорам говорит о его связях с протестантскими кругами, что, как увидим далее, подтверждается и рядом особенностей той информации, которую он пересылал в Москву. Сделанное им предложение здесь, по-видимому, сочли сомнительным и никак на него не реагировали, но Миклош был окончательно признан полезным человеком, с которым необходимо поддерживать контакты.

Отправленному в Речь Посполитую летом 1639 г. гонцу Г. Семенову было поручено снова встретиться с Миклошем, который «ведает в Польше и в Литве все» [13]. Как отмечено в отчете Г. Семенова он встретился с Миклошем Дьюрки (так мы узнаем фамилию «венгрина!») и взял от него для передачи в Москву «вестовое письмо» [14]. Новые сведения от Миклоша привез в январе 1639 г. новый русский гонец И. Плакидин. В его отчете отмечено, что М. Дьюрки отправил в Москву и «грамотки», которые присылали ему из Кракова о событиях, происходивших в Венгрии [15].

Сообщения Миклоша касались не только отношений Речи Посполитой с другими государствами. Он подробно рассказывал И. Плакидину о так называемой «кавалерии» – особом рыцарском ордене, который пытался создать в Речи Посполитой король Владислав IV. Миклош подчеркивал связь между

inslav

этим проектом и планом укрепления королевской власти. Согласно его сведениям, каждый из членов ордена – «кавалеров» должен был постоянно держать при себе 1 000 «готовых воинских людей», которые были бы всегда способны выступить в поход по приказу короля. Приказав всем «кавалерам» одновременно выступить в поход, король мог бы сразу получить в свое распоряжение целую армию [16]. Ни о чем подобном в подготовленных статутах ордена не говорилось [17]. Однако сообщения Миклоша, связанного с окружением особо близкого к королю А. Казановского нельзя считать простым вымыслом. Не нашли ли здесь отражение расчеты, которые связывал с этим проектом узкий круг королевских советников? Вероятно, не случайно в том же рассказе говорилось о намерениях короля добиться возможности созывать дворянское ополчение («посполитое рушение») по своему усмотрению без решения сейма [18].

С побывавшим снова в Речи Посполитой Г. Семеновым Миклош опять передал в Москву «писмо»: «писаны вести и всякие дела, которые делаютца в Полше и в Литве» [19]. Особо важное значение деятельность Миклоша приобрела для Русского государства после того, как в 1641 г. османская армия предприняла поход на Азов. Перед русскими политиками встала перспектива близкой войны с Османской империей, и в этих условиях было важно своевременно получить информацию о том, какова позиция Речи Посполитой по отношению к назревавшему русско-османскому конфликту. Миклош вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды.

14 октября 1641 г. [20] он отправил в Москву копии ряда важных дипломатических документов, которые добыл, по-видимому, в королевской канцелярии. Среди них был текст османских предложений, переданных имперским послом королю Владиславу IV в апреле 1641 г., и ответ короля на эти предложения [21]. Османские власти добивались того, чтобы Речь Посполитая пропустила через свою территорию идущие к Азову османские войска и приняла все меры к тому, чтобы город покинули находившиеся там вместе с донцами запорожские казаки. Владислав IV не дал разрешения на проход войск, но одновременно сообщил, что благодаря усилиям Речи Посполитой часть запорожцев уже покинула Азов, и обещал, что она будет действовать так, чтобы и остальные казаки последовали их примеру.

Из названных материалов ясно следовало, что Османская империя твердо намерена вернуть себе Азов, а в случае, если дело при этом дойдет до войны с Россией, последняя вряд ли может рассчитывать на содействие со стороны Речи Посполитой. Все это, думается, русское правительство приняло во внимание, когда в начале 1642 г. было решено возвратить османам Азов.

В 1641 и в начале 1642 г. русские гонцы в Польшу не ездили и М. Дьюрки посылал в Москву свои сообщения с русскими купцами – сначала с А. Баевым, затем – с И. Степановым [22].

inslav

И после решения о возвращении Азова туркам в Москве сохранялась заинтересованность в получении сведений от Миклоша. В Варшаве весной 1643 г. с ним встречался русский гонец И. Свиязев, которому Миклош рассказывал о событиях последних лет Тридцатилетней войны, о сношениях короля Владислава IV с «цесарем», о работе сейма [23]. Летом того же года он передал новому русскому гонцу И. Плакидину письмо с информацией о сношениях Владислава IV с Данией и Габсбургами [24].

Характеризуя сообщения Миклоша в Москву, хотелось бы отметить одну их важную особенность: агент обстоятельно сообщал не только об отношениях между Речью Посполитой и другими государствами, и о внутреннем положении Речи Посполитой (в частности о столкновениях шляхты с королем, который «ломает права»), но и давал подробные описания процедуры работы и сеймиков, и главного органа власти в Речи Посполитой – сейма. Он поместил в одном из своих писем сообщение, что даже один дворянский депутат может воспрепятствовать принятию решений сейма [25], хотя подобная практика в начале 40-х годов XVII в. в деятельности сейма еще отсутствовала. Поэтому эти письма могли стать для русских политиков хорошим пособием, по которому они могли бы изучать деятельность парламента соседнего государства.

Представляет особый интерес вопрос о мотивах, побудивших М. Дьюрки предложить свою службу царю. Материальные соображения играли здесь не последнюю роль. Агент настаивал на том, чтобы жалованье выплачивалось постоянно, как это было ему обещано [26]. Конкретные суммы, которые он при этом называл, были не малыми. Так, осенью 1641 г., когда в его услугах в Москве особенно нуждались, он требовал прислать 1 000 ефимков и соболей [27]. Сохранились и отдельные сведения о передаче ему денег русскими гонцами [28].

Однако анализ той информации, которую М. Дьюрки отсылал в Москву, показывает, что материальные соображения были не единственным мотивом его действий.

Изучение писем Миклоша, в особенности, последних (начала 40-х годов) позволяет прийти к выводу, что агент, хотя и достиг определенного положения в Речи Посполитой, относился к ней и в особенности к ее монарху – Владиславу IV враждебно и старался убедить русских политиков, что от этого государства они не могут ожидать ничего хорошего.

Описывая работу сейма 1641 г., он представлял дело таким образом, якобы главным предметом обсуждения был вопрос о войне с Россией и «вся изба посольская позволила, абы... радить о войне на государство Московское» [29]. Короля Владислава IV Миклош Дьюрки представлял как человека, относившегося с особой враждебностью по отношению в Русскому государству и открыто эту враждебность демонстрировавшего. В соответствии с сообщением агента, Владислав IV был оскорблен тем, что царь Михаил Федорович

inslav

в грамоте назвал его своим братом. Король называл царя «поповским сыном, будет то время, что я научю вежеству, что вперед королю польскому не будешь братом» [30]. Здесь же читаем, что король «николи тайно нигде злости своей не окажет никоторому государству, а против Московского государства всегды» [31]. В другом, более раннем письме он утверждал, что король «не тихо и не тайно, але гласом и явно радит о войне на Москву» [32]. В связи с этим он настойчиво советовал, чтобы русское правительство добивалось подтверждения договора о «вечном мире» между Россией и Речью Посполитой особой конституцией сейма [33], что, очевидно, должно было затруднить осуществление агрессивных планов Владислава IV. Всем этим сообщениям М. Дьюрки, видимо, придавал особое значение, так как специально выражал сожаление, что «великие сенаторы московские» не реагируют на его предостережения относительно планов Владислава IV [34].

Все это мало соответствовало реальным историческим фактам. Правящая элита Речи Посполитой в начале 40-х годов достаточно последовательно выступала против серьезных конфликтов с соседними государствами. Что касается Владислава IV, то он, действительно, носился в эти годы с обширными политическими планами. Они эти были направлены, однако, не против России, а против Швеции, над которой польский король рассчитывал взять верх при содействии Габсбургов. В этих планах определенное место отводилось и России (польская дипломатия активно поддерживала брак датского принца Вольдемара с дочерью царя Михаила рассчитывая таким путем привлечь Россию в состав антишведской коалиции) [35]. Все это довольно ясно показывает, что М. Дьюрки не просто сообщал в Москву (за вознаграждение) собранные им сведения, но хотел, подбирая их определенным образом, влиять на русскую политику. Если в письмах начала 40-х годов М. Дьюрки ограничивался подбором определенных сообщений, то в одном из своих последних писем, отправленном в Москву летом 1643 г., он решился на прямые рекомендации русским политикам, и это позволяет пролить определенный свет на цели, которые он преследовал, и мотивы его действий. Сообщая о сближении польского и датского королей (что соответствовало истине), Миклош утверждал, что этот антишведский союз чреват для России серьезной опасностью. Выступая против Швеции, короли опираются на поддержку Габсбургов, а те стремятся «чтоб весь свет сей возмогли овладеть». «А будет шведов одолеют, – обращался М. Дьюрки к русским политикам, – то подлинно ваше государство пленити будут, и вашему государству надобно с шведами крепко стоять» [36].

Эти высказывания ясно показывают, что М. Дьюрки в конфликте, расколовшем в годы Тридцатилетней войны почти всю Европу на два лагеря, встал на сторону враждебных Габсбургам (в то время – основным союзникам Речи Посполитой) главным образом протестантских государств. Поступая на

inslav

службу царю, он, по-видимому, сознательно стремился воспользоваться этим, чтобы препятствовать возможному сближению России и Речи Посполитой и, наоборот, содействовать ее сближению с протестантскими державами. Такая ориентация М. Дьюрки естественно объяснялась его связью с протестантской Трансильванией, занимавшей в последние годы Тридцатилетней войны видное место в антигабсбургском лагере. Одно из писем М. Дьюрки, относящееся к началу 1642 г., ясно указывает на существование таких связей. В этом письме он сообщал, что трансильванский князь Д. Ракоци «на всякои год «воюет с османами, которые хотят «завладеть» его государством и «тех турков всегды на голову побивают». Здесь же читаем, что, узнав о поражении османов под Азовом, «король венгерский... для такие великие радости во всем своем королевстве в один день по всем костелам молебны петь и изо всех пушек стрелять велел» [37].

Все эти сообщения не очень соответствовали историческим фактам: Дьердь Ракоци был противником не османов, а Габсбургов, в борьбе с которыми он опирался на поддержку Османской империи. Но ясно, что Миклош хотел создать в Москве, где вели из-за Азова необъявленную войну с османами, самое благоприятное впечатление о трансильванском князе. Из того же письма узнаем, что Миклош устроил встречу ездившего в Речь Посполитую по поручению царя купца И. Степанова с находившимся в Варшаве трансильванским послом. Последний просил передать в Москву, что его государь «хочет в такой милости и вере жити» с царем, как «Волоской и Мутьянской живут» [38]. Очевидно, что М.Дьюрки сохранял связь со своими земляками и готов был способствовать установлению дружественных отношений между Россией и Трансильванией.

К середине 40-х годов деятельность Миклоша как русского агента в Варшаве прекратилась в связи с его смертью, но он успел подыскать преемника, который продолжил его дело. В отличие от Миклоша этот человек – шляхтич Ян Сидовский был православным и взялся служить царю «желая всех благ святой православной церкви». В челобитной, поданной Я. Сидовским в Посольский приказ, говорилось, что он решил служить царю «за советом убо и тайною радою ... моего искреннего друга Миклуша венгрина, которой вашему царскому величеству, крестное целование отдав, верно даже до кончины живота своего служил» [39].

Из этой челобитной выясняется, что уже во время пребывания в Варшаве летом 1644 г. русского «великого» посольства во главе с А.М. Львовым Я. Сидовский «о всем, о чем королевское величество и паны радные советовали, истинно сказывал» [40]. В следующем, 1645 г. он сумел попасть в Москву в свите польского посла Г. Стемпковского и пока велись переговоры не раз передал русской стороне различные бумаги посольства [41].

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 60. Л. 1148.

[2] Там же. Л. 1149.

[3] См. также его сообщение от весны 1643 г., что он едет «с королевскими листы в Венгры» (РГАДА. Ф. 79. 1643 г. № 2. Л. 193).

[4] Там же. Кн. 62. Л. 69об.

[5] Там же. Л. 109об.

[6] Там же. 1643 г. № 2. Л. 188.

[7] Там же. № 4. Л. 145.

[8] Там же. Кн. 60. Л. 1150об., 1152об.–1153.

[9] Там же. Л. 1162–1162об.

[10] Там же. Кн. 61. Л. 62об.

[11] Там же. Л. 144об.–145.

[12] Об этих переговорах см.: *Norrman D.* Gustav Adolfs politik mot Ryssland och Polen under tyrska kriget (1630–1632) Uppsala, 1943. P. 23–29, 60, 95–97, 61, 164–166.

[13] РГАДА. Ф. 69. Кн. 62. Л. 68об.

[14] Там же. Д. 109об.

[15] Там же. Л. 159.

[16] Там же. Л. 160–161.

[17] О проекте см.: *Kubala J.* Jerzy Ossoliński. Warszawa, 1924. S. 104 i n.; *Czapliński W.* Władysław IV i jego czasy. Warszawa, 1972. S. 226–227.

[18] РГАДА.Ф. 79. Кн. 62 Л. 160об.

[19] Там же. Л. 226об.

[20] Там же. 1641 г. № 8. Л. 104.

[21] Там же. Л. 8–11. Вместе с этими двумя текстами были посланы и копии ряда других документов: копия инструкции на поветовые сеймики, письмо хана Бехадыр-Гирея Владиславу IV и ответ короля, письма Владиславу IV гетмана С. Конецпольского и архиепископа гнезненского А. Липского.

[22] Там же. Л. 104, 118, 123, 142; 1642 г. № 2. Л. 11.

[23] Там же. 1643 г. № 2. Л. 179–193.

[24] Там же. № 4. Л. 140–145.

[25] «Есть такое право, любо все сенаторы и изба посольская што постановили: а един толко посол ис которово ни есть воеводства, колды не хочет произволить, может и сойм розорвать» (Там же. Ф. 79. 1641 г. № 8. Л. 73).

[26] «А Иван, де, Плакидин, – жаловался Миклош,– целовал крест ему, Миклушу, на том, что было ему посылать государево жалованье по вся годы» (Там же. Ф. 79. 1643 г. № 2. Л. 179).

inslav

[27] Там же. 1641 г. № 8. Л. 91. В случае, если он не получит денег, писал Миклош, ему придется «до Вингер ехать на мешкание».
[28] Так, известно, что летом 1643 г. И. Плакидин передал ему 300 ефимков (См.: Там же. 1643 г. № 4. Л. 134).
[29] Там же. 1641 г. № 8. Л. 81.
[30] Там же. 1642 г. № 2. Л. 12.
[31] Там же. Л. 28.
[32] Там же. 1641 г. № 8. Л. 84.
[33] Там же. Л. 85–87.
[34] Там же. Л. 84.
[35] *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война М., 1947. С. 204–208; *Czapliński W.* Op. cit. S. 268–270, 332–343.
[36] РГАДА. Ф. 79 1643 г. № 4. Л. 143–145.
[37] Там же. 1642 г. № 4. Л. 64–65.
[38] Там же. Л. 63, 66–67.
[39] Там же. Кн. 68. Л. 418об.–419.
[40] Там же. Л. 419–419 об.
[41] Там же. Л. 382 и сл., 388–388об., 427–429.

inslav

О.В. Хаванова

К знаниям и национальному единству поверх политических границ. Трансильванские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов в XVIII веке*

Трансильвания – будучи первым в Европе государством, в котором свобода вероисповедания была законодательно закреплена еще в 1568 г. – прежде всего известна своими давними традициями протестантского образования и широко распространенной практикой обучения в западноевропейских протестантских учебных заведениях: от духовных семинарий до университетов. Включение Трансильвании в 1699 г. в состав владений Габсбургского дома повлекло за собой частичную рекатолизацию господствующего класса и, как следствие, необходимость создания образовательной инфраструктуры для воспитания новой политической элиты княжества.

В середине XVIII в. в монархии Габсбургов началась широкомасштабная, растянувшаяся на десятилетия, реформа системы дворянского образования, которая была направлена на воспитание высокообразованного, преданного династии и в перспективе этнически более гомогенного господствующего класса, способного занять ключевые посты в государственном аппарате и армии. Региональные элиты оказались перед социально-политическим и этнокультурным выбором: сохранение привилегированного статуса ставилось в зависимость от овладения самым современным для того времени образованием, включение земель и провинций монархии в процесс модернизации сопрягался с готовностью демонстрировать лояльность Габсбургам.

Ход и последствия габсбургской реформы образования в Трансильванском княжестве представляют особый интерес по ряду причин. Во-первых, к моменту начала реформ Трансильвания находилась в составе владений Габсбургского дома не более полувека, у власти стояло в лучшем случае второе поколение прогабсбургски настроенной элиты, поэтому имперские власти были заинтересованы в том, чтобы позиции Вены в княжестве укрепились.

---

* Исследование выполнено при поддержке фонда *Domus Hungarica scientiarum et artium* Венгерской академии наук.

inslav

Во-вторых, несмотря на то, что Габсбурги отказались объединить Трансильванию с Венгрией, господствующий класс обеих стран продолжал поддерживать родственные связи, многие дворянские семьи сохраняли земельные владения и участвовали в политической жизни по обе стороны границы, чувствовали свою культурную общность и продолжали настойчиво добиваться воссоединения. С 1623 г. в Вене действовала духовная академия, названная по имени ее основателя архиепископа Петера Пазманя – главного идеолога католической Контрреформации в Венгрии – Пазманеум, где молодые католики из Венгрии и Трансильвании получали религиозно-нравственное воспитание. Однако начатая в годы правления Марии Терезии реформа образования открывала перед трансильванскими дворянами более широкое поле для взаимодействий с политической элитой Венгрии, укрепления связей с исторической родиной.

Венские власти отдавали себе отчет в том, что создание привилегированных учебных заведений, которые по уровню преподавания соответствовали бы духу времени, потребует немалых финансовых затрат. Именно поэтому на начальном этапе они, во-первых, сохранили в целости сложившуюся систему коллегиумов (collegia nobilia) под патронатом церкви и, во-вторых, начали реформу «с самого верха», открыв первое привилегированное заведение нового типа в имперской столице Вене, где было проще аккумулировать необходимые финансовые средства и интеллектуальный потенциал. В 1746 г., на заключительном этапе войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.), в Вене был торжественно открыт Терезианум *, дворянский коллегиум, названный по имени своей августейшей покровительницы императрицы Марии Терезии.

В Терезиануме молодые дворяне из разных частей монархии Габсбургов по самым современным учебным планам изучали экономику, финансы, правовые дисциплины, иностранные языки, инженерное дело, основы естественных наук и получали считавшиеся необходимыми для дворян навыки верховой езды, фехтования и танцев. Организация учебного процесса была поручена ордену иезуитов, но после роспуска последнего в 1773 г. руководство заведением и разработка учебных планов перешли к пиаристам – членам като-

* Терезианум на протяжении своей истории не раз менял имя и статус. В момент основания он именовался Терезианский коллегиум Общества Иисуса. В 1755–1758 гг. наравне с Терезианумом автономно существовала финансируемая и полностью контролируемая венскими властями Терезианская рыцарская академия, где ученики старших классов углубленно изучали юриспруденцию, экономику и делопроизводство. После роспуска ордена иезуитов в 1773 г. руководство учебным заведением было передано пиаристам, а коллегиум переименован в Терезианскую академию.

inslav

лического монашеского ордена, главной целью которого была педагогическая работа в самых разных слоях общества, а неоспоримым преимуществом – передовые методики преподавания точных и естественных наук. К чести педагогов-иезуитов следует отметить, что даже после роспуска ордена большинство его бывших членов с успехом продолжали преподавательскую деятельность в академии.

Социальный состав дворян из Трансильвании в Терезианауме, политика властей в сфере распределения стипендий, последствия включения трансильванского господствующего класса в систему элитарного образования монархии до сих пор не были предметом отдельного исследования. Тем не менее такой, казалось бы, частный вопрос о немногочисленных трансильванских дворянах в Терезианауме позволяет в новом свете увидеть проблему социальной и культурной эволюции политической элиты княжества. Во-первых, у трансильванских дворян-католиков появилось учебное заведение, в котором на самом высоком уровне преподавались дисциплины, столь необходимые для грамотного управления государством. Во-вторых, дворяне из Трансильвании – еще недавно мятежного княжества с вековыми традициями антигабсбургской борьбы – с юных лет инкорпорировались в придворную среду и, в более широком смысле, в политическую элиту монархии, заводили знакомства среди первых лиц государства. В-третьих, Терезианум, как, впрочем, и сама Вена, становилась местом встречи и интенсивного политико-культурного взаимодействия волею Габсбургов разделенного венгерского и трансильванского общества. Например, именно в Терезианауме уроженец Трансильвании граф Янош Эстерхази подружился с будущим видным политическим деятелем, основателем Национального музея графом Ференцем Сечени [1].

В XIX – начале XX в. историю венского Терезианума изучали и описывали сами преподаватели и библиотекари академии, преимущественно как в узком смысле слова историю учебного заведения, причем в «имперской» перспективе, без учета полиэтничного характера и неоднородного социального состава учащихся. Их труды приобрели особое значение во второй половине XX столетия, после того как в 1927 г. при трагических обстоятельствах сгорели фонды Чешско-австрийской канцелярии в Вене, а затем, в конце второй мировой войны вывезенный в Берлин архив самой Терезианской академии.

Долгое время считалось, что дальнейшее изучение истории Терезианума бесперспективно, однако привлечение источников, находящихся в фондах Венгерского государственного архива, прежде всего материалы Венгерской и Трансильванской придворных канцелярий, открывают новые перспективы в изучении проблемы. В настоящей статье впервые вводятся в научный оборот документы из фондов Трансильванской придворной канцелярии и трансильванского губерниума (Gubernium – орган исполнительной власти княжества), содержащие официальную переписку между княжеством и венскими властями

inslav

по вопросам отбора и утверждения пансионеров (т. е. воспитанников, чьи учеба и проживание оплачивались из средств специально созданных фондов), их успеваемости и пр., а также заявления от родителей с просьбой о приеме их детей в различные учебные заведения[2].

Год учебы в Терезиануме стоил в среднем 400–500 гульденов*. Такие расходы могли себе позволить далеко не все дворянские семьи. Перед властями остро встала проблема изыскания дополнительных ресурсов для создания системы государственных стипендий с целью открытия доступа к элитарному образованию детям небогатых дворян, доказавших свою верность Габсбургам десятилетиями военной или гражданской службы. Венская придворная казенная палата по личному распоряжению императрицы ежегодно оплачивала обучение десяти молодых дворян, чьи родители, как правило, занимали видные должности при дворе. Однако этого было явно недостаточно: с каждым годом число молодых дворян, желавших учиться, все возрастало.

В 1751 г. для Терезианума был создан специальный фонд, деньги в который поступали из принадлежащих государству богатых аббатств Верхней Австрии (Цветль и Гросс-Русбах по 3 300 гульденов, Эгенбург – 3 000 гульденов) и южной Венгрии (Батасек, комитат Толна – 8 000 фт), а также от ежегодной пятипроцентной прибыли с капитала в 80 тыс. гульденов, размещенных в Городском банке Вены (*Stadtbanco*). Для оказания финансовой помощи обедневшим, но достойным дворянским семьям выделялись десять стипендий, выплачивавшихся из ежегодных доходов Батасекского аббатства. Венгерским дворянам полагалась ежегодная официальная квота в пять стипендий. Остальные деньги шли на оплату учителей и префектов, содержание школы верховой езды и прочие административно-хозяйственные расходы.

Применить такую же схему финансирования в Трансильвании было невозможно. Католическая церковь в княжестве, которое все еще было по преимуществу протестантским, не располагала такими материальными богатствами по сравнению с остальными землями монархии Габсбургов. Трансильванское дворянство по сравнению, например, с венгерским господствующим классом, было более бедным. В годы независимости княжества лишь сам трансильванский князь мог соперничать в богатстве с венгерскими аристократами, богатейшие же трансильванские аристократы не могли сравниться с сопоставимыми с ними по знатности венгерскими графами и баронами.

За первые десять лет существования коллегиума, с 1746 по 1756 г., в Терезианume было всего четыре трансильванских аристократа: графы Иштван

* Гульден – немецкое название флорина, в Венгрии назывался форинтом (сокращенно фт.).

inslav

(1748–1750) и Зигмунд (1753–1753) Микеш, граф Антал Халлер (1750–1752) и граф Михай Корниш (1753–1755)[3]. Все они выходцы из древних и знатных трансильванских родов, связанных между собой тесными родственными узами. Эти семьи перешли на сторону Габсбургов после освобождения княжества от турок, их представители вскоре заняли ключевые должности в управлении Трансильванией. К сожалению, пока не известны документы, позволяющие судить об источнике финансирования их обучения (имена этих воспитанников не фигурируют ни в бумагах Трансильванской канцелярии, ни в архиве венской Придворной казенной палаты). Скорее всего семьи самостоятельно изыскали необходимые средства. В информационном листке Терезианского коллегиума за 1756 г. «трансильванцем» (если это не ошибка) назван еще один воспитанник – Матиас Бекерс (1752–1765), австриец, отец которого, вероятно, получил трансильванский «индигенат» (своеобразную «прописку» в княжестве), который требовался любому иноземцу, желавшему вступить в ряды господствующего класса той или иной коронной земли монархии. Учеба Бекерса по крайней мере с 1752 по 1759 г., как и других австрийских, чешских, моравских, итальянских, а порой и венгерских дворян, оплачивалась из специальной «Тайной казначейской кассы» (Geheimes Kameral-Zahlamt)[4].

Решение, найденное трансильванскими и венскими властями к началу 1756 г., состояло в том, что ежегодно из недавно созданной так называемой «Кассы жалований» (Cassa Salariorum) – своеобразного накопительного счета, куда перечислялись суммы, эквивалентные жалованию на вакантных в данное время должностях, а также по 3 фт с каждых 100 фт всех выплачиваемых в государственном аппарате княжества жалований,[5] – директору Терезианума направлялось 1200 фт (гульденов) за обучение двух аристократов. Характерно, что в резолюции – в отличие от сходного постановления, изданного в 1751 г. для Венгрии, – особо оговаривалось, что кандидаты должны быть из магнатского сословия, т. е. баронами или графами[6]. Однако в Трансильвании не было аристократии, подобной той, что сложилась в Венгрии при Габсбургах. Наследственным аристократическим титулом в XVII в. обладали только Банфи и Чаки, остальные получали их от трансильванского князя без права передачи по наследству. Установив свое господство, Габсбурги начали подтверждать баронские и графские титулы лояльно настроенной элиты специальными грамотами, так как они делали это в Венгрии. Возможно, ссылка в тексте рескрипта на принадлежность соискателей стипендий к магнатскому сословию была попыткой ограничить круг заявителей теми семьями, чья верность Габсбургскому дому имела документальное подтверждение.

Одновременно в той же самой резолюции учреждались две стипендии для простых трансильванских дворян в коллегиуме под патронатом ордена пиаристов в городе Медеш (совр. Медиаш в Румынии), для чего ежегодно перечислялось 5 % с капитала в 4 тыс. фт., уплаченных монетному двору. В

inslav

речислялось 5 % с капитала в 4 тыс. фт., уплаченных монетному двору. В XVIII в. в Коложваре (совр. Клуж-Напока в Румынии) действовала иезуитская гимназия, из которой в конце 30-х годов выделился дворянский коллегиум, но со второй половины 50-х годов XVIII в. венские власти все чаще предпочитали поручать организацию новых, современных коллегиумов и академий с углубленным преподаванием математики, экономики, финансов именно ордену пиаристов. Таким образом, одновременное создание стипендий для аристократов в венском Терезиануме и для мелких и средних дворян в Медеше несомненно свидетельствует о стремлении к качественному улучшению дворянского образования в Трансильвании, приведению его в соответствие с нормами иных земель и провинций монархии Габсбургов.

При предоставлении государственных стипендий власти традиционно не столько учитывали способности и склонности самого ребенка, сколько руководствовались своеобразно понимаемым принципом социальной справедливости. Преимуществом пользовались отпрыски древних и славных, но обедневших семейств, сироты, а также протестанты, перешедшие в католичество. В 1756 г. канцелярия отобрала, и венские власти утвердили двух кандидатов: барона Иштвана Балинтита и графа Ференца Телеки. В представлении канцелярии на Балинтита говорилось, что мальчик – сирота, и его мать, надеясь обеспечить будущее сына, отдала его в военную академию (скорее всего имеется в виду Терезианская военная академия в Винер-Нойштадте), но затем передумала и под предлогом, что Иштван слишком юн, попросила принять его в венский Терезианум.

Вторая стипендия предназначалась для круглого сироты, семилетнего графа Яноша Телеки. Однако на семейном совете родня решила, что мальчику пока рано учиться в таком престижном учебном заведении, где наиболее важные дисциплины преподавались в старших классах. Граф Пал Телеки, недавно избранный фёишпаном (главой администрации) комитата Добока, официально обещал взять на себя заботы о том, чтобы Янош прошел трехгодичное обучение в иезуитском коллегиуме в Коложваре, а тем временем стипендию получил бы сын самого Пала Телеки, пятнадцатилетний Ференц [7].

В своем письме граф жаловался, что из-за постоянных разделов семейного имущества он практически разорился и не в состоянии оплатить достойное образование своего сына. Телеки особо отмечал, что Ференц учится в классе риторики * и прекрасно владеет немецким языком [8]. Однако решающую роль скорее всего сыграли не успехи мальчика, а заслуги отца по службе и его

* Образование в венском Терезиануме делилось на классы грамматики, *humaniora* (риторикиа и поэзия), философии и юриспруденции.

inslav

обращение в католичество. Характерно, что почти все ветви рода Телеки были протестантскими, и хотя декретом от 18 октября 1755 г. Мария Терезия, имея в виду прежде всего господствующий класс Трансильвании, разрешила некатолическому дворянству поступать в престижные католические учебные заведения монархии [9], но ни один протестант из Трансильвании так и не был принят в академию.

В 1758 г., когда Ференц Телеки благополучно окончил курс обучения в Терезианауме, его отец обратился с новой просьбой, на этот раз о приеме в коллегиум своего племянника Яноша, окончившего к тому времени учебу в Коложваре. Просьба была удовлетворена, и юный Телеки провел в Терезианауме девять лет [10]. В 1763 г., после того как Иштван Балинтит покинул заведение, очередным пансионером стал граф Денеш Банфи, сын без преувеличения самого богатого и знатного католического аристократа княжества, Денеша Банфи. К тому времени там уже восьмой год обучался (не как пансионер, а как платный студент) его старший сын Дёрдь [11]. Денеш Банфи-младший проучился в Терезианауме до 1770 г., и вскоре после окончания коллегиума, в 1773 г. скоропостижно скончался от пневмонии [12].

В 1767 г. вакансия, появившаяся после выпуска из коллегиума Яноша Телеки, была впервые отдана не аристократу, а двенадцатилетнему дворянину Лёринцу Череи, сыну советника Трансильванской канцелярии дворянина Фаркаша (Вольфганга) Череи (1719–1782). Представитель древнего, но небогатого дворянского рода, он изучал философию в Коложваре, был широко известен своей образованностью, императрица считалась с его мнением в вопросах трансильванской политики. В 1756 г. Череи принимал непосредственное участие в разработке положения о стипендиях для трансильванских аристократов. В семье советника подрастали восемь мальчиков, и он не мог не понимать все преимущества получения стипендий в престижные школы монархии и упустить возможность воспользоваться монаршим благоволением для того, чтобы обеспечить сыновьям лучшее будущее. В 1767 г. наступил черед старшего сына, Лёринца, о котором отец написал в прошении: «Он считается одаренным ребенком, так что средства, выделенные из бюджета на его учебу в Вене, не пропадут даром» [13].

Поддержка кандидатуры Череи свидетельствует о том, что повсеместно в монархии Габсбургов стипендии в привилегированные учебные заведения становились формой поощрения небогатого или обедневшего служилого дворянства. Будет преувеличением говорить о сознательной и целенаправленной политике по формированию новой, лояльной Габсбургам элиты, тем не менее стремление инкорпорировать детей лояльных чиновников в верхушку общества посредством открытия им доступа к столичным учебным заведениям ярко прослеживается на примере отдельных чиновничьих семей.

inslav

Пример советника Ф. Череи, который, не имея достаточных средств, последовательно старался обеспечить своим детям государственные стипендии в лучших учебных заведениях монархии, иллюстрирует разницу в отношении к элитарному образованию аристократии и служилого дворянства. Для аристократов регулярные аудиенции у императрицы, близость ко двору, полезные знакомства и связи значили не меньше, чем овладение основами права, экономики и финансов. Успешная карьера графа Банфи или графа Бетлена была предопределена их происхождением. Служилое дворянство, напротив, видело в престижном образовании реальный шанс обеспечить своим детям хорошо оплачиваемую должность в государственном аппарате.

В 1774 г. Лёринц Череи окончил Терезианскую академию и был принят на работу в архив Трансильванской канцелярии без статуса и жалования, что было распространенной практикой по отношению к молодым, не имеющим достаточного опыта чиновникам. Через год его отец обратился к императрице с просьбой назначить Лёринца на какую-нибудь должность с фиксированным жалованием. Череи-старший не жалел эпитетов, чтобы подчеркнуть достоинства своего сына. Молодой человек, писал советник, за год научился применять на практике все те знания, которые в теории усвоил от своих венских профессоров. В годы учебы в Терезиануме юноша проявлял интерес к такой важной, но не получившей пока распространения в Трансильвании науке, как геология. Отец с гордостью рассказывал о том, как в 1773 г. снабдил Лёринца деньгами, чтобы тот принял участие в экспедиции по изучению недр Трансильвании и Венгрии. Канцелярия поддержала прошение Череи-старшего, отметив, что молодой человек за год работы зарекомендовал себя как подданный, который будет полезен Отечеству. В результате Лёринц Череи получил 200 гульденов годового жалования в Трансильванской придворной канцелярии [14].

Две стипендии для трансильванских аристократов против пяти стипендий для венгров из Батасекского фонда можно считать вполне справедливой квотой, если исходить из численности господствующего класса в Венгрии и Трансильвании, хотя это была более чем скромная доля, если сравнить с теми возможностями, которыми располагали дворяне Австро-Чешских наследственных провинций. Характерно, что даже в принципах и практике распределения стипендий для венгерских и трансильванских дворян обнаруживаются существенные и весьма характерные различия. Деньги за трансильванских аристократов вносились в кассу Терезианума непосредственно из казны княжества, и этот процесс находился в исключительном ведении Трансильванской придворной канцелярии. В ее материалах не встречается ни одного случая, когда кандидатура, предложенная трансильванскими властями, была отвергнута или им была навязана иная кандидатура, более устраивавшая венские власти.

inslav

Напротив, Венгерская придворная канцелярия была практически исключена из процесса принятия решения по кандидатурам на вакантные места, оплачиваемые из Батасекского фонда. Как только в 1751 г. была создана система стипендиальных фондов Терезианума, управление Батасекским фондом было немедленно изъято из компетенции венгерских властей и передано непосредственно руководству коллегиума. Не следует забывать, что именно из доходов аббатства Св. Михаила Архангела в Батасеке ежегодно выплачивались десять стипендий. Тем не менее утвержденная во всех резолюциях квота в пять стипендий для венгерских дворян систематически подвергалась пересмотру со стороны венских властей, места, зарезервированные для венгров, отдавались немцам, чехам, итальянцам. Неоднократные протесты Венгерской придворной канцелярии против несправедливого распределения денег фонда в Вене откровенно игнорировали [15].

У австрийских властей было сильно предубеждение против венгерского господствующего класса, упорно не желавшего платить налоги и тем самым делать свой взнос в «общее благо». Возможно, власти считали, что венгерские аристократы и так достаточно богаты, чтобы пользоваться государственной поддержкой. Эта уверенность только окрепла в годы Семилетней войны, когда дворянство, по-прежнему пользовавшееся налоговым иммунитетом, богатело на поставках продовольствия и фуража для армии. Ситуация с трансильванским дворянством была качественно иной: после включения княжества в состав владений Габсбургского дома произошла частичная смена политической элиты, на ключевых постах оказались преданные династии, сохранившие верность католицизму или вернувшиеся в католичество аристократы. Габсбурги были заинтересованы в воспроизводстве и расширении своей социальной базы в Трансильвании, поэтому не видели оснований вмешиваться в распределение всего двух стипендий, которые оплачивало само княжество.

В 60-е – начале 70-х годов XVIII в. в Терезиануме обучались не только пансионеры, но и те дворяне, кто самостоятельно оплачивал свое образование. Среди них, помимо упомянутых выше графа Тамаша Телеки и Ласло Лазара, были граф Лайош Кальноки (1759–1764 гг.), барон Янош Борнемиса (1762–1765 гг.), граф Жигмонд Корниш (1765–1774 гг.), барон Йожеф Тороцкаи (1768–1770 гг.), барон Антал Хентер (1771–1773 гг.), граф Йожеф Халлер (1771–1775 гг.), граф Йожеф Петки (1772–1776 гг.), граф Янош Эстерхази (1772–1774 гг.). Скорее всего, за перечисленных выше молодых людей платили их родители, но точного ответа об источнике финансирования их учебы пока дать невозможно.

К середине 60-х годов венский Терезианум не только стал самым престижным учебным заведением монархии Габсбургов, но и моделью, которую с большим или меньшим успехом начали имитировать региональные элиты. В

inslav

1767 г. в Венгрии был открыт первый в стране дворянский Терезианский коллегиум. Он располагался в городе Вац на базе местного коллегиума для бедных дворян. Инициатором его создания был венский архиепископ, занимавший одновременно епископскую кафедру в Ваце, кардинал граф Кристоф Мигацци. Он использовал готовые учебные планы венского Терезианума, пригласил в Вац столичных профессоров и даже попытался сымитировать венскую модель дворянской академии как своеобразного «плавильного котла»: в вацском Терезиануме предусматривались квоты для четырех панс из Хорватии и шести из Трансильвании. Помимо этого допускалось создание дополнительных учебных мест, если родители были готовы взять на себя расходы за обучение.

На первых порах трансильванская аристократия не стремилась в провинциальный коллегиум для обедневшего дворянства, несмотря на то, что там учили по самым новым методикам, зато вацский Терезианум сразу же был по достоинству оценен мелким и средним, прежде всего служилым, дворянством, которое увидело в этом дополнительную возможность дать образование своим детям за государственный счет. В материалах венгерского Наместнического Совета сохранились отчеты об успеваемости студентов вацского Терезианума за 1769–1774 гг., в том числе о пятнадцати выходцах из Трансильвании. Среди них лишь четверо носили баронский титул (три брата фон Зееберг и Пал Орбан), остальные были мелкими и средним дворянами. Со временем, когда коллегиум в Ваце завоевал престиж среди дворянских школ монархии, трансильванские аристократы стали направлять туда своих детей, надеясь, что годы, проведенные там, могут послужить неплохой стартовой площадкой для поступления в венский Терезианум.

Подавляющее большинство трансильванских студентов в Ваце владело венгерским и немецким как родными языками и изучало французский. Пятеро были, по-видимому, этническими немцами. Для Яноша (Иоганна) Драута в качестве родного языка, наряду с немецким и венгерским, был указан саксонский, т. е. вероятнее всего он происходил из семьи патрициев-саксов. Родным языком Миклоша Якобфи был, согласно ведомости, армянский [16]. Возможно, он был выходцем из семьи армянских купцов, получивших дворянство. Судя по оценкам преподавателей, таланты, прилежание и успеваемость трансильванских студентов были не хуже, чем у молодых людей из Венгрии и Хорватии: Ференц Череи (один из сыновей советника Фаркаша Череи), Я. Драут, М. Якобфи учились только на отлично.

Для трансильванской политической элиты создание шести стипендий в вацском Терезиануме, несомненно, имело особое значение. Как неоднократно подчеркивалось самими чиновниками канцелярии, трансильванские дворяне получали возможность углубленного изучения венгерского законодательства, которое во многом служило основой правовой системы Трансильванского

inslav

княжества. Помимо этого, создание общей культурной среды для молодых людей из двух частей разделенного по воле Габсбургов отечества открывало дополнительные возможности для более тесного общения венгерской и трансильванской политической элиты.

В 70-е годы XVIII в. число претендентов на одно вакантное место в венском Терезианауме еще более возросло. В 1770 г., после того как граф Денеш Банфи окончил коллегиум, на освободившуюся вакансию, судя по материалам Трансильванской канцелярии, претендовало сразу несколько кандидатов. Граф Пал Телеки, чей сын Ференц и племянник Янош уже были пансионерами Терезианума, на этот раз обратился с просьбой отдать стипендию своему младшему сыну Тамашу [17], который обучался в Терезианауме в качестве платного студента с 1769 г. В резолюции на эту просьбу говорилось, что на ближайший год стипендий нет, поэтому вплоть до появления новой вакансии графу Телеки придется платить за обучение своего сына [18]. Мальчик проучился в коллегиуме до 1772 г., так и не получив стипендии. Граф Антал Лазар подал прошение о приеме на место Банфи своего сына Ласло Лазара [19], но его просьба также не была удовлетворена. Ласло поступил в академию лишь в 1774 г. и как платный студент проучился в Вене до 1776 г.

В конце концов стипендия досталась графу Йожефу Бетлену. По линии отца – губернатора Трансильвании графа Имре Бетлена – мальчик был далеким потомком знаменитого трансильванского князя-протестанта Габора Бетлена, возглавившего антигабсбургские походы в эпоху Тридцатилетней войны. По материнской линии Йожеф доводился внуком графу Иоганну Йозефу Кевенхюллеру – влиятельнейшему царедворцу Марии Терезии и в прошлом куратору венского Терезианума. По данным, приведенным в «Альбоме» М. Геммель-Флишбаха, граф Бетлен учился в Терезианской академии с 1768 по 1776 г. [20], однако из материалов канцелярии следует – он был трансильванским стипендиатом с 1770 по 1778 г. Маловероятно, чтобы отпрыск столь влиятельного рода два года ждал, когда одна из стипендий станет вакантной. Скорее, здесь мы имеем дело с ошибкой, допущенной австрийским историком.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что две стипендии для трансильванских аристократов не удовлетворяли запросов господствующего класса, не говоря уже о потребностях государственного аппарата в высококвалифицированных чиновниках. Поскольку срок, в течение которого молодые люди обучались в Терезианауме за счет государства, не был четко определен, дети влиятельных родителей проводили в академии и пять, и восемь лет, в то время как остальные соискатели ожидали вакансии. Изменения в системе финансирования выходцев из Трансильвании произошли в 1776 г. и были связаны с реорганизацией самой Терезианской академии.

inslav

В 1746 г., почти одновременно со ставшим впоследствии знаменитым Терезианумом, в Вене было открыто еще одно привилегированное учебное заведение – Савойская академия под покровительством герцогини Марии Терезии Фелицитас Савойской, урожденной княгини Лихтенштейн[21]. Как и Терезианум, Савойская академия создавалась с целью воспитания высокопрофессионального и лояльного династии господствующего класса монархии. Оба учебных заведения находились в тесном взаимодействии, поэтому в 1776 г., когда во главе Савойской академии встал граф Иоганн Каспар Лантьери, занимавший также пост куратора Терезианума, было принято решение об объединении двух учебных заведений и преобразовании их в Терезианско-Савойскую академию.

В том же 1776 г. были созданы четыре дополнительные стипендии для трансильванских аристократов и дворян, желающих обучаться в Терезианско-Савойской академии. Казна вносила в кассу академии 2 000 гульденов в год за четырех трансильванских студентов, а родители возмещали разницу между стоимостью образования и стипендией в размере 150 гульденов за одного ученика. Школа верховой езды оплачивалась отдельно – 132 гульдена 32 крейцера в год. Впоследствии полная стоимость обучения каждого отдельного студента варьировалась в зависимости от тех затрат, которые были сделаны за время его обучения в академии[22].

В ответ на частые жалобы венских властей, что молодые дворяне из Трансильвании едва владеют немецким и вообще не готовы воспринимать сложные дисциплины, стоящие в учебном плане академии, в новом положении о стипендиях оговаривалось, что стипендии должны предоставляться только тем юношам, которые уже окончили шесть классов (считая начальную школу) в коллегиумах Коложвара, Медеша или другом учебном заведении[23]. Через некоторое время последовало уточнение, что ученики класса философии должны направляться в Терезианум, а следующего за ним класса юриспруденции – в Савойскую академию[24].

В 1776 г. в Терезианской академии продолжали учебу граф Йожеф Бетлен и дворянин Шамуэль Череи (также сын Фаркаша Череи-старшего). К ним, в соответствии с новым распоряжением, присоединились юный Фаркаш (Вольфганг) Череи-младший, получивший стипендию в класс юриспруденции Савойской академии, и два аристократа – граф Антал Халлер и барон Йожеф Домокош – принятые в Терезианскую академию в класс философии[25]. В следующем, 1777 г. была распределена последняя, четвертая стипендия, отданная дворянину Иштвану Габорфи[26].

С усложнением учебных планов и увеличением числа студентов из Трансильвании в Терезианской академии стали очевидны недостатки в их подготовке. Ректор граф Лантьери в 1777 г. приводил в пример дворянина

inslav

Фаркаша Череи, который довольно слабо знал немецкий и не обладал необходимой подготовкой, чтобы за два года, отведенных на класс юриспруденции, овладеть собственно юридическими дисциплинами (всеобщим публичным правом, правом народов, публичным церковным правом, каноническим, криминальным и феодальным правом), а также статистикой, административными дисциплинами, всеобщей историей, основами горного дела и минералогии, немецким письменным.

В результате было достигнуто компромиссное соглашение между венскими властями и канцелярией: из учебного плана трансильванских студентов исключали «Дигесты» и право Священной Римской империи, знание которых вряд ли могло им пригодиться в их дальнейшей карьере, а пребывание трансильванских дворян в классе юриспруденции увеличивалось до трех лет. Одновременно коллегиумы в Трансильвании обязывались давать более глубокую подготовку по истории венгерского государства и права [27].

В 1778 г. Савойскую академию окончил граф Й. Бетлен. Был объявлен конкурс на вакантное место, и вскоре в Терезианскую академию был принят граф Янош Микеш – круглый сирота и примерный ученик класса логики, получивший блестящие рекомендации от графа Яноша Чаки, директора Коложварского университета, которому подчинялся бывший иезуитский коллегиум[28]. Тем временем трансильванские власти пришли к выводу, что система, при которой шесть государственных стипендий в престижном венском Терезианауме не сбалансированы соответствующей образовательной инфраструктурой для служилого дворянства, нуждается в пересмотре. Тем более что государственному аппарату требовались грамотные чиновники среднего звена, которые рекрутировались как раз из мелких и средних дворян.

В 1777 г. в Венгрии после длительной подготовительной работы, переговоров с венскими властями об источниках финансирования и составления учебных планов в Буде при университете, который незадолго до этого был переведен из Трнавы открылась дворянская Терезианская академия – гордость венгерской политической элиты, стремившейся создать в королевстве учебное заведение, говоря словами официальных документов, «не хуже, чем венский Терезианум».

В том же 1777 г. Лёриц Череи – выпускник венского Терезианума, служивший в Трансильванской канцелярии, сочинил и издал в Вене речь на венгерском языке, в которой возносил хвалу Марии Терезии за то, что она, превратив древнюю столицу венгров в центр наук и искусств, тем самым способствовала возрождению былого величия Венгрии, утерянного в годы османского владычества [29]. Современники высоко оценили благородство патриотического порыва Череи и изящество его литературного слога. Знаменитый венгерский поэт и активный участник движения по возрождению венгерского

inslav

языка Элек Хорани считал речь Череи совершенным образцом «ученого патриотизма». Таким образом, обучение в элитарном Терезиануме, цель которого была внедрение в сознание воспитанников верности «общеимперской» идее, нередко вело к иным результатам: выпускники, получив лучшее для своего времени образование, становились самостоятельными, глубоко мыслящими и тонко чувствующими личностями, не только впитавшими верность Габсбургскому дому, но и более ясно осознавшими свою культурную и «национальную» идентичность.

В марте 1778 г. была достигнута устная договоренность между придворными канцеляриями Трансильвании и Венгрии, с одной стороны, и венскими властями – с другой, а летом того же года была издана официальная резолюция о том, что в будайском Терезиануме будет учреждено шесть стипендий для трансильванских дворян. Власти княжества приводили три главных аргумента в пользу создания шести новых стипендий. Во-первых, той суммы, которая ежегодно вносилась за обучение трех аристократов в Вене, было достаточно для обучения шести дворян в Буде. Во-вторых, родителям будет легче возмещать разницу между размером стипендии и стоимостью учебного года. В-третьих, как и в случае с коллегиумом в Ваце, акцент делался на то, что в будайском Терезиануме у трансильванских дворян будет возможность более глубокого изучения венгерского законодательства – основы правовой системы Трансильвании. Отныне в Вене оставалось три стипендии для аристократов, в Ваце – по-прежнему шесть для мелких и средних дворян, в Буде – шесть новых стипендий для мелких и средних дворян на деньги, изъятые из венской квоты [30].

При отборе кандидатов на стипендии преимущественным правом формально пользовались сыновья чиновников среднего звена из канцелярии и губерниума. С тем, чтобы годы учебы в Буде были проведены с максимальной пользой, выдвигалось требование: претенденты должны были, как минимум, окончить класс риторики. Группу из первых шести трансильванских студентов для академии в Буде сформировали из двух дворян, обучавшихся в венском Терезиануме: Иштвана Габорфи [31] и Шамуэля Череи, студентов коложварского колледжа Антала Вайна, Элека Череи и Игнаца Хентера, а также студента вацского Терезианума Пала Череи [32]. Год учебы шести дворян в Будайской академии обходился казне в 2 050 фт., родители доплачивали за своих детей по 75 фт. в год [33].

В начале 80-х годов трансильванский господствующий класс располагал иерархизированной системой из пятнадцати государственных стипендий в престижных учебных заведениях монархии Габсбургов, а также по крайней мере двумя коллегиумами в самом княжестве (в Коложваре и Медеше), дававшими начальную подготовку, достаточную для продолжения учебы в од-

inslav

ной из Терезианских академий. Эта система сочетала в себе элементы старого и нового. С одной стороны, стипендии все еще служили формой вознаграждения родителей и, в более широком смысле, семьи за верную службу. С другой стороны, сама логика развития системы образования диктовала необходимость уделять все больше внимания академическим успехам соискателя, ставить предоставление стипендии в зависимость от фактического уровня знаний. Именно поэтому повсюду в монархии Габсбургов, в том числе и в Трансильвании, вводятся обязательные справки об успеваемости с прежнего места учебы, хотя представление кандидатов по-прежнему остается в ведении исполнительных властей, прекрасно осведомленных о вкладе членов семьи соискателя в «общее благо».

Прекрасным примером того, какое значение придавала трансильванская верхушка возможности получить элитарное образование в Вене, служат письма графини Жофии Халлер, вдовы губернатора Яноша Халлера, дважды обращавшейся, в 1781 и 1782 г., к властям с просьбой предоставить стипендии в венский Терезианум своим внукам-сиротам (отпрыскам славнейших родов княжества), заботы о которых она взяла на склоне лет, чтобы скрасить горькое вдовство. В 1781 г., узнав, что А. Халлер и Й. Домокош окончили академию, она просила за двоих, обучавшихся в то время в коложварском колледже – Имре Корниша и Михая Микеша [34].

Просьба столь знатной дамы не могла быть оставлена без ответа, и в частном письме к графине канцелярия уведомила ее, что рассмотрению подлежат только те кандидатуры, которые представлены губерниумом. После получения необходимых рекомендаций от директора Коложварского университета и от губерниума канцелярия утвердила на освободившиеся места племянника графини Халлер Михая Микеша и графа Ласло Белди. В последний момент кандидатура Белди была заменена на графа Антала Дюлаи, который, по совпадению, был внучатым племянником вдовы губернатора.

Таким образом, в 1781–1782 учебном году в Терезианской академии в Вене обучались зачисленный в 1778 г. граф Янош Микеш, занявшие две освободившиеся вакансии графы Михай Микеш и Антал Дюлаи, а также сын тайного советника графа Яноша Немеша – Антал, которому отец в 1778 г. выхлопотал стипендию из средств венской Придворной казенной палаты [35]. В 1781 г. советник дважды обращался в канцелярию с просьбой предоставить сыну стипендию, но в распоряжении трансильванских властей в это время не было вакансий [36]. Остается невыясненным, когда А. Немеш получил стипендию канцелярии. Известно лишь, что в 1783 г., скорее всего после выпуска из академии П. Дюлаи, Немеш оказался в числе трансильванских пансионеров.

В 1782 г. графиня Халлер вновь обратилась с письмом в канцелярию, на этот раз ходатайствуя о своем внуке графе Имре Корнише. Она писала о

inslav

том, что несет большие расходы по образованию своих осиротевших родственников, каждому из которых старается обеспечить образование в Коложваре, Ваце или Трнаве, чтобы «научить их чтить Бога и государя и служить общему благу». Графиня напоминала, что вышеупомянутый Имре Корниш по отцовской и материнской линиям является потомком двух трансильванских губернаторов – Яноша Халлера и Жигмонда Корниша, и просила отдать ему вакансию в венской Терезианской академии как за его академические успехи, так и на том основании, что род Корнишей никогда не пользовался финансовой помощью государства для получения образования[37]. Канцелярия вновь напомнила графине, что официально правом предоставления кандидатур в дворянские академии монархии обладает губерниум, но это было скорее попыткой соблюсти все формальности. В том же 1782 г. Имре Корниш был принят в венский Терезианум[38].

Император Иосиф II, вступивший на престол в 1780 г., был известен своим неприятием феодальных привилегий, которые, как он полагал, не подкрепляются вкладом в «общее благо» и, следовательно, подлежат пересмотру. Государь был уверен, что дворяне должны получать образование наравне с непривилегированными сословиями в открытых учебных заведениях, где решающую роль играют таланты и прилежание учащихся, а не дворянский герб и поколения знатных предков. Реформу дворянского образования император поручил Готфриду ван Свитену, сыну Герхарда ван Свитена – знаменитого лейб-медика Марии Терезии и реформатора Венского университета.

Младший ван Свитен резко выступал против закрытых сословных учебных заведений, где дети были вынуждены находиться на полном пансионе, в отрыве от семьи и привычного круга. Взамен он предлагал, во-первых, вернуть детей в семьи и позволить посещать занятия в избранной ими школе, наиболее соответствующей их склонностям и уровню подготовки. Он также резко критиковал складывавшуюся десятилетиями систему многочисленных стипендиальных фондов, контроль и верховный патронат над которыми осуществляли разные лица и организации. Ван Свитен утверждал, что таким образом деньги используются неэффективно, а отбор пансионеров осуществляется порой в ущерб объективности[39].

В течение 1784 г. была осуществлена коренная реформа дворянского образования, в результате которой все закрытые привилегированные школы, созданные по образу венского Терезианума, ликвидировались, а их воспитанники переводились в другие учебные заведения монархии. Поначалу предполагалось, что пансионеры отправятся обратно, в те земли и провинции, откуда они были родом, однако вскоре Иосиф II повелел, чтобы у юношей и их родителей была возможность выбрать любое учебное заведение монархии, где успеваемость ребенка сочтут соответствующей уровню школы[40]. Большинство

inslav

воспитанников Терезианума из Наследственных провинций осталось в столице и перешло в венский колледж св. Барбары. Венгерские пансионеры, находившиеся в венской и будайской Терезианской академиях, отправились в Пресбургский университет (совр. Братислава в Словакии). Пансионеры из Трансильвании должны были вернуться в княжество [41].

Новая система образования, введенная при Иосифе II, была несомненным шагом вперед. Впервые в монархии Габсбургов была предпринята попытка выработать единый общегосударственный стандарт образования, поверх социальных барьеров и административных границ. Деньги изо всех частных, корпоративных и государственных фондов были слиты в национальные стипендиальные фонды: отдельно для Наследственных провинций и для королевства Венгрия. Учреждались три категории стипендий (соответственно 260, 200 и 160 фт.), и ученики делились на три класса успеваемости (причем в первом классе была дополнительная градация «с отличием»). Для дворян резервировались стипендии первой категории, недворяне же могли получить такую стипендию лишь (при наличии вакансии) за выдающиеся достижения в учебе. Зато более многочисленные вторая и третья категория предназначались для недворян. Сохранялась практика социальной поддержки сыновьям государственных служащих недворянского происхождения. Императорские декреты гарантировали отсутствие дискриминации по социальному и конфессиональному признаку, т. е. запрещалось отказывать в предоставлении стипендий талантливым недворянам или представителям некатолических конфессий [42].

Более того, в проекте Иосифа II ребенок, его таланты, склонности, успехи в учебе едва ли не впервые оказывались в центре учебного процесса, становились критерием предоставления финансовой помощи государства. Получить стипендию третьей категории мог только ученик из первого класса успеваемости, на следующий год за отличную учебу он мог быть переведен во вторую стипендиальную категорию. Те же, кто опускался до второго класса успеваемости, теряли стипендию и оставлялись на второй год, а при повторном отсутствии успехов – отчислялись [43]. Переход, образно говоря, от вознаграждения отцов к поощрению сыновей мог стать началом далеко идущих преобразований всей системы воспитания подрастающего поколения. В то же время начатая, как и многие реформы Иосифа II, без должной подготовки, проведенная без учета сложившихся социально-культурных реалий, реформа образования была обречена на провал.

Дворянство, причем не только в Трансильвании или Венгрии, но и в австро-чешских Наследственных провинциях, не было готово к тому, чтобы отказаться от закрытых привилегированных школ, которые служили своеобразной «кузницей» политических элит. Идя навстречу пожеланию последних, импера-

inslav

тор Франц II в 1797 г. восстановил венскую Терезианскую академию, просуществовавшую как исключительно дворянское учебное заведение до 1849 г.

За полвека существования школьной системы, которую по имени создавшей ее императрицы можно по праву назвать терезианской, около ста дворян из Трансильвании получили считавшееся по тем временам элитарное образование в престижных академиях монархии. Несомненно, это была капля в море по сравнению с десятками дворян-протестантов, ежегодно отправлявшихся на учебу за границу и с сотнями тех, кто ограничивался посещением соседней гимназии или колледжа.

Тот факт, что в числе тридцати с небольшим выпускников венского Терезианума были будущий губернатор княжества Дёрдь Банфи, два губернских советника, четыре фёишпана, три казначея, девять камергеров, говорит скорее об элитарности самого учебного заведения, чем о роли академии в дальнейшей карьере молодых трансильванских дворян. Однако несомненно и то, что приход на руководящие должности в княжестве нового поколения чиновников, с более широким кругозором и глубокими познаниями, был в том числе и заслугой профессоров из Терезианской академии.

Контакты венгерского и трансильванского обществ не сводились во второй половине XVIII в. к совместной учебе нескольких десятков молодых людей в двух–трех престижных школах монархии, однако без учета таких, не всегда принимаемых во внимание форм общения, понимание политико-культурного взаимодействия венгерской и трансильванской элит не будет полным. Дальнейшие исследования должны пролить свет на личные контакты бывших однокурсников во «взрослой жизни», вероятные пересечения их путей, родственные связи, ставшие возможными благодаря общей юности в стенах лучших академий монархии Габсбургов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переписку Ф. Сечени с Я. Эстерхази см.: Magyar Országos Levéltár (далее – MOL). P 623. Széchényi család levéltára. VII. köt. 7. cs. 9. sz. В письме от 20.VIII.1783 г. Эстерхази прямо ссылается на дружбу с юношеских лет.

[2] В IV томе «Истории Венгрии» Д. Эмбер признавался, что история Трансильванской придворной канцелярии изучена недостаточно полно, поэтому трудно сказать, до какой степени она представляла позицию государя, а в какой мере защищала интересы сословий (См.: Magyarország története 1686–1790. Bp., 1989. IV/1. 478. old.). Данное исследование позволяет на частном примере распределения стипендий в привилегированные учебные заведения монархии Габсбургов рассмотреть механизм работы и порядок принятия решений,

inslav

степень зависимости от венских властей и характер взаимодействия с политической элитой княжества.

[3] Здесь и далее сведения о годах обучения в Терезиануме трансильванских дворян приведены по: *Gemmell-Flischbach M. von.* Album der k. k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Wien, 1913.

[4] Hokammerarchiv. Geheimes Kameral-Zahlamt. HZAB. Bd. 237 (1752) Fol. 342; Bd. 238 (1753). Fol. 405; Bd. 239 (1754). Fol. 414–415; Bd. 240 (1755). Fol. 485–486; Bd. 241 (1756). Fol. 395; Bd. 242 (1757). Fol. 530–531; Bd. 243 (1758). Fol. 726–727; Bd. 244 (1759). Fol. 527. Данные по Тайной казначейской кассе за период с 1760 по 1774 г. отсутствуют.

[5] MOL. Gubernium Transylvanicum Levéltára. F 305. A gubernium levéltári hivatalának iratai. Mike-féle mutató. 1. köt. p. 69

[6] MOL. Erdélyi Kancellária. B 2. Acta generalia. 1/1756.

[7] Ibid. 179/1756.

[8] Ibid. Gubernium. F 46. Acta generalia. 979/1756.

[9] *Cicalek T.* Beiträge zur Geschichte des Theresianums // Jahres-Bericht über das Gymnasium der k. k. Theresianischen Akademie in Wien, für das Schuljahr 1871–1872 / Veröffentlicht von H. Mitteis. Wien, 1872. S. 58.

[10] MOL. B 2. 299/1758.

[11] Ibid. 210/1765.

[12] *Rettegi Gy.* Emlékezetre méltó dolgok, 1718–1784 / Bevezető tanulmány és jegyzetek Jakó Zs. Bukarest, 1970. 295. old.

[13] Ibid. 310/1767.

[14] Ibid. 1421/1775.

[15] См., например: MOL. Magyar Királyi Kancellária. A 34. Conceptus referadarum. 35/1757.

[16] MOL. Helytartótanácsi Levéltár. C 39. Acta Fundationalia. Lad. A. Fasc. 22.

[17] Ibid. B 2. 709/1770.

[18] Ibid. 738/1770.

[19] Ibid. 1053/1770.

[20] *Gemmell-Flischbach M. von.* Op. cit. S. 43.

[21] Подробнее о Савойской академии см.: *Schwarz J.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie in Wien vom 1746 bis 1778. Wien, 1897 (Beiträge zur Österreichischen Erziehungs' und Schulgeschichte. Hf. 1).

[22] См. квитанции за обучение отдельных студентов из Трансильвании: MOL. B 2. 2085/1781.

[23] Ibid. 841/1776.

[24] Ibid. 1043/1776.

inslav

[25] Ibid. 1686/1776.

[26] Ibid. 1658/1777. В документах канцелярии фигурирует дворянин Иштван Габорфи, в то время как в квитанциях, которые венские власти направляли в канцелярию, и позднее в «Альбоме» М. Геммель-Флишбаха в те же годы (1777–1779) фигурирует Пал Габорфи. Возможно, что речь идет об одном и том же студенте.

[27] MOL. B 2. 1707/1777.

[28] Ibid. 1167/1778.

[29] *Cserey L.* Háláló beszéd a' tudomományoknak Felséges Mária Theresia' királyi kegyes gondviselése által Budán felállított lakóhellyükbe való bé-iktatások örvendetes napjára. Bécs, 1777.

[30] MOL. B 2. 946/1779.

[31] В 1779 г. в документах Трансильванской придворной канцелярии и венгерского Наместнического совета юноша именуется Андрашем Габорфи, хотя речь идет о студенте, переводимом из венского Терезианума. Возможно, в очередной раз произошла путаница. См. также прим. 23.

[32] О приеме трансильванских дворян в будайскую Терезианскую академию см. материалы венгерского Наместнического совета: MOL. Helytartótanácsi Levéltár. C 67. 1779. Universitas Budensis. Fasc. 30. 159 cs. №. 2, 14, 80, 85, 90, 93.

[33] MOL. B 2. 1160/1780.

[34] Ibid. 860/1781.

[35] В «Альбоме» М. Геммель-Флишбаха сказано, что А. Немеш обучался в Терезиануме с 1781 по 1784 г., однако в регистрационных книгах венской Придворной казенной палаты сказано, что образование графа Немеша с 1778 по 1781 г. оплачивалось из средств казны. См.: Hoffkammerarchiv. KZAB. 262 (1778–1781).

[36] MOL. B 2. 275, 1127/1781.

[37] Ibid. 781/1782.

[38] Ibid. 1891/1782.

[39] *Schwarz J.* Die niederen und höreren Studien an der k.k. Theresianischen Akademie in Wien // Jahresbericht über das Gymnasium an der k.k. Theresianischen Akademie. Wien, 1904. S. 4–5.

[40] MOL. Magyar Királyi Kancellária. A 39. Acta generalia. 5777/1784.

[41] Ibid. 5897, 7831/1784.

[42] Merkur von Ungarn, oder Litterarzeitung für das Königreich Ungarn un dessen Kronländer. Herausgegeben von einer Gesellschaft patriotischer Liebhaber der Litteratur auf das Jahr 1786. Viertes Heft. Pest, 1786.

[43] Ibidem.

inslav

Ч.Б. Желицки

Национальная идея и государство в воззрениях Йожефа Этвёша

Йожеф Этвёш (1813–1871) как выдающийся мыслитель и общественно-политический деятель Венгрии XIX в. внес существенный вклад в разработку проблем теории и практики национально-государственного устройства страны. Его теоретические изыскания по национальному вопросу и государственному строительству совпали с эпохой национального пробуждения и роста национального самосознания народов Центральной Европы, которые уже тогда начали проявлять стремление к созданию самостоятельных национально-государственных образований. Венгерский мыслитель не мог пройти мимо таких животрепещущих проблем своего времени как соотношение национального и государственного, национального и многонационального, вопросов государственно-политического устройства и др. К этим темам он неоднократно обращался в своих работах 50–60-х годов XIX в. [1] В них Этвёш излагал свои политические и историко-философские воззрения, свое видение решения национального вопроса, предлагал конкретные шаги по преодолению межнациональных разногласий для народов Венгрии. Труды политика легли в основу для разработки закона о национальном равноправии 1868 г., инициатором и одним из авторов которого он был.

Исходные мотивы, начало формирования концепции Этвёша по национальному вопросу можно найти в его большом политико-философском труде «Влияние господствующих идей XIX века на государство», где им осуществлен глубокий идейный поиск и осмысление опыта революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Автор в качестве господствующих в XIX в. идей рассматривает идеи свободы и равенства, национальную и государственную идеи, их отношение между собой. Этвёш приходит к выводу, что «свобода – это состояние, в котором человек способен в пределах возможного для достижения им самим избранных целей воспользоваться как своими собственными данными, так и силами окружающей его природы». Вместе с тем он отмечает, что в период Великой французской революции свобода перевоплотилась в принцип народного суверенитета, стала политической свободой. Политическая свобода, по Этвёшу, есть применение принципа равенства к государству, а полное политическое равенство является предварительным условием либо полного равенства отношений собственности, либо «неограни-

inslav

ченной государственной формы», т.е. равного подчинения индивидов государству. Так идея свободы превращается в свою противоположность [2].

При анализе понятия национальности Этвёш исходит из принципа естественных различий между народами: как отдельные люди обладают различными качествами, данными им природой, так и народы имеют различные свойства [3]. Национальность (народность) – это кровнородственная общность людей, исторически первая форма общественной интеграции. Народность была таковой в силу общего происхождения, языка, религии, исторического прошлого, а также изолированности от других народов. В то же время с возникновением и развитием христианской цивилизации появились две тенденции: во-первых, отдельный человек выделился из национальной общности и сформировался современный индивид, появление автономной личности и развитие личной свободы ослабляют национальные связи; во-вторых, наблюдается процесс объединения в рамках христианской цивилизации. В качестве результата взаимодействия этих тенденций действующим лицом в истории становится не национальный коллектив, а отдельный человек. Согласно представлениям Этвёша движущей силой и современным критерием исторического прогресса является развитие личной свободы человека [4]. Этвёш считает, что национальность перестала быть реально существующим национальным коллективом, а является лишь «чувством индивида по отношению к своему языку, культурным традициям» [5]. Данный момент чрезвычайно важен для понимания взглядов Этвёша и его программы по национальному вопросу в Венгрии. Ведь если национальность относится лишь к сфере чувств, ощущений человека, то не может быть и коллективных национальных прав, так как не существует национальности как единой общности. Видя в ней исключительно чувство, присущее отдельному человеку, философ признал национальные права за индивидами, включив эти права в программу личной свободы: «Национальные права – это права, которые имеют отдельные лица для развития всех своих качеств и способностей, соответственно и для развития их национальных качеств» [6].

Наряду с индивидом, с правом личности, занимающими центральное место в концепции Этвёша, в качестве второй основополагающей составной части современной истории им названо государство, которое пришло на смену народности как общности. Он утверждает: народность соответствовала предшествующей государству стадии развития общества. Поэтому свою задачу Этвёш видит в разделении принципа государства и принципа национальности. По его мнению, идеальным было бы нейтральное в национальном отношении государство, и, исходя из этого, ученый ищет решение национальной проблемы, стремясь избежать её превращения в вопрос власти [7].

inslav

Этвёш, однако, проходит мимо известного факта, что в современной ему Европе формировались новые общности – нации, что государственные образования тогда носили выраженный национальный характер. Одновременно он метко подметил, что национальные государства, к созданию которых стремились национальные движения того времени, являются чем-то совершенно новым, ранее не существовавшим в истории политическим образованием [8].

В своем произведении Этвёш решительно осуждает национальные движения. Их главную ошибку он видит в объединении национальных чувств и программ с государственной идеей, относящейся к сфере власти. Он опасался, что национальные движения (в частности итальянское, немецкое, а также венгерское) могут нарушить баланс сил европейских держав. Следует заметить, что Этвёш придавал большое значение международному фактору, сохранению существующих границ в Европе. В качестве противовеса стремительно растущей Пруссии, а также двум соседним государствам – России и Османской империи он видел монархию Габсбургов, которая, по его мнению, только и могла спасти населяющие её народы от упадка и поглощения могущественными соседями, так как опасался того, что в случае ее распада на множество мелких национальных государств эти народы ожидает именно такая участь.

Этвёш пришел к выводу, что поскольку национальности стремятся к политизации своих движений, к выражению собственных национально-политических интересов, то во избежание развала полиэтничных государств целесообразно было бы избегать строительства государственных структур на национальных принципах. «Основа любого национального стремления – чувство собственного превосходства, а цель – господство» [9], – такова точка зрения венгерского мыслителя и политика, высказанная в первом томе «Господствующих идей...» Во втором томе этого труда (вышел в печати три года спустя, в 1854 г.) можно заметить некоторые изменения в воззрениях Эавтора, обусловленные не в последнюю очередь влиянием критики, которой подвергся первый том. Результатом пересмотра Этвёшем некоторых позиций явилось признание существования национальностей и в современном мире, а не только в далеком прошлом. Что касается будущего наций, то он по-прежнему полагал, что примерно через 100–200 лет они отомрут, а пока, в настоящем и ближайшем будущем, сохранят свою роль. Развивая мысль о том, что «стремление к свободе и к господству являются разными ступенями одного и того же человеческого качества», Этвёш относит национальные движения к формам проявления первого стремления, а не последнего. Разумеется, это не свидетельствует о его отказе от идеи «деполитизировать» национальные движения, он пытается доказать, что национальный принцип не может быть основой, на которой строится государство. Государство – это сфера власти, а принцип народного суверенитета означает господство большинства над меньшинством.

inslav

Следовательно, чем значительней влияние большинства в государственных делах, тем больше вреда наносится интересам малых национальностей, – таков ход мыслей Этвёша. Поэтому нельзя говорить о национальной свободе в рамках государства, она может осуществиться лишь на основе свободы личности по образцу свободы вероисповедания (религиозных свобод) [10].

На рубеже 50–60-х годов XIX в. происходят новые сдвиги в национально-политической концепции Этвёша. В одном из выступлений на заседании Академии наук в 1859 г. он выражает сомнение в правильности своего прежнего взгляда на национальные движения как на преходящие, обреченные в скором времени потерять свое значение. Он признает, что национальная идея является заметным фактором европейской политики, значение которого не может игнорировать ни одно государство [11].

К середине 60-х годов XIX в. Этвёш пришел к признанию нации как реальной общности людей, а не только чувств человека по отношению к своей культуре и языку. С этого времени нация стала занимать в его концепции равное по важности и значению место наряду с личностью и государством. При этом он употребляет понятия «нация» и «национальность» в различном значении. И хотя Этвёш не дает точных определений, «нацию» он связывает с понятием государственного единства, и в этом смысле границы нации и государства совпадают. Таким образом «нация» в его понимании – это совокупность всех граждан государства независимо от их национальной принадлежности. Понятие «национальность» означает этно-культурно-лингвистическое единство. Применительно к монархии Габсбургов поэтому правомерно говорить о немецко-австрийской, чешской, венгерской, сербской, румынской национальностях, но только об одной нации, а после заключения австро-венгерского соглашения – о двух нациях, выражающих политическое единство Венгрии и так называемых «наследственных провинций» Габсбургов соответственно.

При этом вызывает интерес представление Этвёша о взаимосвязи нации и государства. Свои взгляды по этому вопросу он изложил в труде «Национальный вопрос» (1865). Если основы национальной идеи следует искать в настроениях и чувствах, то основы государственности лежат в материальных интересах людей. Эти два фактора влияют друг на друга, но имеют принципиально разную природу [12], причем ни национальная идея не может уничтожить государство, ни, наоборот, государство – национальную идею. Государство является продуктом истории, и оно сохраняется благодаря единству моральных и материальных интересов населения. До последнего времени национальная идея не влияла на создание государства, утверждал Этвёш, но в принципе не исключал, что такое влияние возможно. Он считал, что создание национальных государств принесло бы вред человечеству, так как цель христианской цивилизации – интеграция; совпадение же этнических и государственных

inslav

границ хотя и укрепляет государство, но служит отчужденности наций и изоляции государств друг от друга [13].

Анализ взглядов Этвёша по теории и практике национальных отношений позволяет констатировать, что возможность свободы он видел лишь вне сферы государственной власти и поэтому соответственно полагал, что национальности могут реализовать свое свободное развитие только на ином уровне – вне рамок политических структур государства. Этвёш исходил из того, что следует разделить государство и национальную сферу, национальные отношения. Проводя параллели между национальными и религиозными движениями прошлых столетий, он считал возможным решить национальный вопрос, имея в виду принцип организации церкви, т. е. путем исключения государства из этой сферы, устранения такой ситуации, когда оно становится государством какой-либо одной единственной национальности [14]. Отрицая целесообразность предоставления коллективных национальных прав, Этвёш одновременно предлагает весьма широкие права свободного культурного развития национальностей на основе индивидуальных свобод каждой личности во всех формах общественного самоуправления.

Следует отметить, что эти главные и основополагающие составляющие элементы национально-политической концепции Этвёша в дальнейшем не подвергались им какому-либо существенному пересмотру, хотя в системе аргументации и наблюдались некоторые сдвиги. Так, в начале 50-х годов XIX в. Этвёш еще полностью отрицал принцип национального равноправия, подчиняя или противопоставляя его принципам конституционности и государственности. В следующем десятилетии принцип равноправия национальностей ставится им в центр его национально-политической концепции. Наблюдаются различия и в трактовке некоторых других вопросов. Если в 1850 г. единство государства для Этвёша превыше всего, и национальные потребности он считает возможным удовлетворить лишь в той степени, пока они не затрагивают этого единства, то к началу 60-х годов он уже подчеркивает необходимость признания национальных прав, целесообразность удовлетворения национальных требований, допуская лишь незначительные ограничения в интересах сохранения единства государства.

Самые значительные изменения во взглядах Этвёша произошли со временем в вопросе о взаимоотношениях монархии Габсбургов с Венгрией, что было связано с новыми реальностями в международной ситуации в Европе. В «Господствующих идеях...» и других работах начала 50-х годов Этвёш ещё предлагал регулирование национальной проблемы исключительно в рамках империи Габсбургов, являясь сторонником централизации и укрепления единого и сильного централизованного государства [15]. При этом он выстраивал определенную иерархию задач, стоящих перед Габсбургской монархией, и

inslav

прежде всего предлагал укрепление единого и сильного централизованного государства. Во вторую очередь считал необходимым согласовать национальные интересы отдельных частей монархии с требованием государственного единства, и, наконец, – интересы отдельных национальностей с историческими правами отдельных земель монархии. Когда же в 60-е годы возникли реальные условия (в том числе внешнеполитические) для заключения соглашения между Венгрией и Габсбургами, то Этвёш разработал программу решения национального вопроса только для одной Венгрии.

Йожеф Этвёш подходил к национально-государственным проблемам не только с чисто теоретических позиций, но выработал и конкретные предложения, имевшие практическое значение для решения национального вопроса в Венгрии. Он считал принципиально важным добиться правового урегулирования национальных отношений. Именно эти ключевые положения национально-политической концепции легли в основу разработанного им законопроекта о национальном равноправии.

Свои предложения Этвёш впервые сформулировал в 1861 г., однако ввиду роспуска Государственного собрания его проект тогда не был рассмотрен. Идеи этого общественно-политического деятеля по национальному вопросу получили дальнейшее развитие в 1865–1868 гг. В центре представленного им нового законопроекта стояли права человека, права каждой отдельной личности, он считал возможным достижение компромисса с национальностями именно на основе индивидуальных свобод и гарантии равноправия граждан Венгрии вне зависимости от национального происхождения. Этвёш отрицал самоценность нации вне прогрессивного развития всего человечества и подчинял интересы наций продвижению человечества к этой общей цели [16].

Этвёш пытался примирить историческое право и принцип национальности, территориальную целостность государства и национальные интересы его народов. Он предлагал создание такой системы, которая гарантировала бы государственное единство, а национальные меньшинства получили бы необходимую свободу для национального развития. В связи с этим он предложил ограничить полномочия центральной власти, оставляя за ней лишь самый необходимый минимум компетенций и прав общего порядка, и в то же время предоставить самые широкие права местным органам самоуправления. Характерно, что такой подход означал полный разрыв с его прежними представлениями 40-х годов, ведь тогда он полагал, что во всех сферах государственной жизни и на всех уровнях должно быть обязательным применение только венгерского языка. Конкретно же законопроект Этвёша предусматривал переход к формированию органов власти на базе народного представительства и широкое местное самоуправление, обеспечение свободного употребления гражданами родного языка как в частной, так и в общественной жизни, в сфере

inslav

образования. Предлагалось ввести язык большинства в каждом населенном пункте в делопроизводство местных и комитатских органов власти, гарантировать всем национальностям право на образование на родном языке. Законопроект делал возможным создание сети национальных школ, культурно-просветительских обществ и других объединений неполитического характера. Область обязательного применения венгерского языка ограничивалась Государственным собранием и центральными органами исполнительной власти, а также ведением протоколов в органах комитатского самоуправления. В сфере образования и в церковных делах предоставлялась полная самостоятельность, при государственных университетах должны были открыться кафедры языка и литературы для каждой национальности [17]. Либеральное содержание проекта Этвёша, ставшего основой закона о национальном равноправии 1868 г., признавали впоследствии и немадьярские народы Венгрии, когда в условиях развернувшейся политики мадьяризации в последующие десятилетия стали на него ссылаться, требуя исполнения его статей.

Этвёш со своими идеями остался практически один между двумя взглядами на решение национального вопроса в Венгрии. Ему не удалось привлечь на свою сторону представителей невенгерских народов, которые не довольствовались предложенными принципами его решения, требуя признания коллективных национальных прав. С другой стороны, либеральные идеи Этвёша были чужды и неприемлемы для все более крепнущего на венгерской политической сцене национального консерватизма, стремившегося закрепить свое политическое и экономическое господство в законе о национальностях. Исходной посылкой для венгерского большинства являлось политическое единство, территориальная целостность и неделимость государства, в рамках которого возможно удовлетворение национальных требований, что нашло выражение в тезисе единой венгерской политической нации, служившей для обоснования ведущей роли венгров в экономической, культурной и политической жизни страны. С заключением австро-венгерского соглашения 1867 г. фактически не осталось шансов для реализации концепции Этвёша, которая исходила из принципа «нейтрального» в национальном отношении государства, государства, стоящего над национальными отношениями. Дуалистическая система закрепляла господство двух наиболее сильных народов монархии – австрийских немцев и венгров, и государство соответственно охраняло прежде всего их интересы по отношению к остальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Eötvös J.* A XIX. század uralkodó eszméinek befolyása az álladalomra. Pest, 1851–1854. I–II. köt.; *Idem.* Ueber die Gleichberechtigung der Nationalitäten in

inslav

Oesterreich. Leipzig, 1850; *Idem.* Die Garantien der Macht und Einheit Oesterreichs. Leipzig, 1859; *Idem.* Nemzetiségi kérdés. Pest, 1865.

[2] *Eötvös J.* A XIX. század uralkodó eszméinek befolyása az államra (далее – UE). Budapest, 1981. I. köt. 74. old.; *Нири К.* Философская мысль в Австро-Венгрии. М., 1987. С. 55–56.

[3] UE. 149. old.

[4] Ibid. 107.old.

[5] *Weber J.* Eötvös und die ungarische Nationalitätenfrage. Südosteuropäsche Arbeiten, 64. München, 1966. S. 81.

[6] UE. 149. old.

[7] *Görög I.* Kossuth Lajos és b. Eötvös József nemzetiségi politikája a szabadságharc után // Történelmi Szemle, 1913. 549. old.; *Baka A.* Eötvös Józseftől Jászi Oszkárig. Bp., 1990. 45. old.

[8] UE. 253. old.

[9] Ibid. 109. old.

[10] Ibid. I. köt. 153., 189. old.; II.köt. 548–549., 555. old.

[11] *Eötvös J.* Arcképek és programok. Bp., 1975. 138. old.

[12] *Eötvös J.* Reform és hazafiság. Bp., 1978. III. köt. 430. old.

[13] Ibid. 325. old.

[14] *Kann R.A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburger-Monarchie. Bd. I–II. Graz–Köln, 1964. S. 108.

[15] *Weber J.* Op. cit. S. 136.

[16] Az 1865. évi deczember 10-re hirdetett országgyűlés képviselőházának naplója. Pest, 1868. XI. köt. 34. old.

[17] Az 1865. évi deczember 10-re hirdetett országgyűlés képviselőházának irományai. Pest, 1868. II. köt. 251–252. old.

inslav

А.Г. Айрапетов

Язык исторических воспоминаний и личность мемуариста (на материале венгерской мемуаристики начала XX в.)

Язык исторического источника рождается не спонтанно, но в зависимости от характера сообщаемого материала, видовых различий исторических источников, субъективно-психологических особенностей автора. Объектом нашего анализа выбраны мемуары деятелей венгерского рабочего движения конца XIX – начала XX в. [1] Полагая излишним напоминать о специфике мемуарного источника, укажем вначале на ряд моментов, связанных с общими чертами «рабочих воспоминаний» и подходами к их социокультурному анализу. В центре внимания мемуаристов находится социально-политическая жизнь в венгерской столице на рубеже двух веков. Она рассматривается через призму социально-политических ожиданий рядовых рабочих и идеологических установок социал-демократической элиты. Авторов мемуаров объединяет одинаковое социальное происхождение: воспоминания написаны бывшими рабочими, все они имели неполное среднее образование. Их отношение к слову формировалось, помимо школьной среды и семейного окружения, в процессе их самообразования и общественно-политической деятельности в качестве агитаторов, пропагандистов и организаторов рабочего движения.

Особенности политического языка, преобладающего в мемуарах, могут быть раскрыты посредством семантического анализа текста. Равным образом эти особенности проступают при выявлении той или иной степени эмоциональной окрашенности политического языка, тонкости фразировок, в источниках заимствований образов и метафор, в том, из какой корневой системы (в данном случае: мифологизированная или рациональная идеология) выросла языковая культура мемуариста. Гражданский этос деятелей рабочего движения, обрамленный представлениями о кардинальном обновлении социально-политических порядков, по-видимому, объясняет особое значение, какое они придавали слову как инструменту обличения и как выражению некоей благой вести, откровения. Патетика, которой не чужды мемуаристы, не искусственна. Она продиктована их убеждениями, искренними, хотя нередко иллюзорными, поисками самоидентификации. Их деятельность в качестве активистов и «руководящих кадров» предполагала тот обязательный набор «функционерских» понятий и выражений, которые, став штампами в их устной и письменной речи, выражали вместе с тем их миропонимание. Если сгруппировать эти лек-

inslav

сические единицы по частям речи, то наиболее часто употребляемыми существительными окажутся: *организация, деятельность, соотношение сил, кризис, борьба, движение, влияние, решение, предпосылки, условия, последствия, опыт, подъем* и др. С перечисленными существительными органично сочетаются глаголы: *развиваться, действовать, усиливаться, революционизироваться, испытывать давление, наэлектризовывать* и др., а также прилагательные: *огромный, великий, верный, преданный, реакционный.* Бросается в глаза минимальное использование причастий, деепричастий, наречий.

И все же по прочтении «рабочих мемуаров» не создается впечатление, что все они «на одно лицо». Воспоминания различаются не только сюжетами, но и манерой письма, индивидуальными лексическими особенностями. За лексическими и стилистическими нюансами угадываются психологические особенности личности мемуариста, неуловимым образом влияющие на его восприятие самоценности слова. Нельзя также не учитывать характер его общественно-политической деятельности. Одни из мемуаристов тяготели к пропагандистско-просветительной работе, другие были скорее людьми практических дел, организаторами и координаторами, третьи небезуспешно развивали свои способности трибунов и агитаторов.

Шандор Проппер – типичный представитель старшего поколения (1870-х годов) рабочих-функционеров. В возрасте двадцати лет, получив специальность обойщика, он стал активистом профсоюзного движения. Позже к нему пришел опыт партийного руководства – в 1900-е годы он член Правления Социал-демократической партии Венгрии СДПВ), – парламентской и пропагандистско-публицистической деятельности. Из мемуаров Проппера явствует, что он жил не только в гуще событий, испытав, по собственному признанию, обаяние вождей венгерской социал-демократии[2]. Он был вместе с тем погружен в жажду учения, что следует из его высказываний об особом значении самообразования для грамотного рабочего. Воспоминания Проппера не содержат сведений о том, что входило в круг его чтения, и поэтому сложно установить возможные лексические заимствования. Анализ текста мемуаров показывает, во-первых, что автор не испытывал особых затруднений в выборе нужных слов. Повторяющаяся мысль каждый раз передается разными словами-синонимами. Во-вторых, эмоционально-ценностную нагрузку несут часто употребляемые имена прилагательные. К примеру, нюансированная характеристика видных участников рабочего движения достигается посредством таких эпитетов, как «сдержанный, вспыльчивый, высокомерный, отходчивый, восторженный, динамичная натура, жадный до книг, с хорошо подвешенным языком». Нам не известны все обстоятельства написания мемуаров, но, похоже, главным для Проппера было то, чтобы его воспоминания были «живыми». И он добивается этого, избегая «серых фраз». Речь его не цветиста, она, одна-

inslav

ко, оживляется запоминающимися оборотами и выражениями: «он не обладал блестящим стилем», «оратор, умеющий увлечь», «отличная репутация», «скверная имитация», «эстетствующая натура», «провозглашенная под шум фанфар программа». Интерес Проппера к жизни в многообразных ее проявлениях касался и мира слов. С не меньшей, чем в практических делах, энергией он работал со словом.

Проникнутым оптимизмом мемуарам Шандора Проппера противостоят сдержанные по тональности воспоминания Яноша Хирошшика [3]. Кровельщик по специальности, Хирошшик (он был на десять лет моложе Ш. Проппера) в начале 1900-х годов стал активистом профсоюзного движения. В 1908–1913 гг. он выступил в рядах леворадикального течения венгерской социал-демократии. В 1920–1930-е годы был функционером Коммунистической партии Венгрии. Его воспоминания раскрывают деятельность оппозиционной группы Дьюлы Алпари. Эмоционально окрашенные, они передают накал внутрипартийной борьбы. Вместе с тем лексика и общее содержание воспоминаний несут на себе отпечаток некоей авторской зашоренности. Словарь мемуариста беден прилагательными, а те, что встречаются, близки друг другу по смыслу: *ожесточенный, яростный, сердитый, выжидательный* и т. д. Склонный к бескомпромиссности, Хирошшик часто употребляет глаголы, выполняющие обличительную функцию: *сговориться, подкупать, разлагаться, привлечь к ответственности.* Жизнь автора мемуаров была наполнена борьбой, и инструментом этой борьбы служило слово. Хирошшик, судя по тексту его воспоминаний, не испытывал потребности в образных выражениях, метафорах, фразеологических оборотах. Они используются в его речи очень редко. О непрестижности для него культуры слова косвенно свидетельствует проникнутое недоверием отношение Хирошшика к интеллигенции в рядах венгерской социал-демократической партии, которую он обвинял в оппортунизме.

Менталитет, гражданский этос, лексику и стилистику функционеров венгерского рабочего движения на рубеже двух веков нельзя осмыслить вне контекста вызовов индустриального общества, которое находилось в Венгрии в стадии становления. На динамизм индустриальной эпохи чутко реагировало младшее поколение рабочих-активистов, которым в канун первой мировой войны едва исполнилось двадцать лет. Антал Сакашич и Дьюла Мезё родились в 1893 г. Сакашич выучился на столяра и печатника, Мезё – на токаря по дереву и металлу. В 1910–1914 гг. оба получили первые уроки в «школе» функционерской работы. Их мемуары передают то чувство ожидания кардинальных перемен в обществе, которым жили молодые люди [4]. Сходство в главном не устраняло, однако, заметных различий в направленности и характере присущей обоим активистам энергии действия. Юношеский романтизм Сакашича слит с идеализмом, влияние которого он испытал, общаясь с пред-

inslav

ставителями венгерской демократической интеллигенции (посещая занятия в пропагандистском семинаре Эрвина Сабо и участвуя в заседаниях «Общества Галилея»). Несомненно, Сакашич настроен остро критически к существующим порядкам. В его речи много существительных, несущих негативистский смысл: каналья, уловка, бесстыдство, упрямство, несговорчивость. Используемые им прилагательные высвечивают высокое напряжение политической борьбы: *закаленный, смелый, суровый, воодушевленный, бунтующий, яростный.* Эмоциональное воздействие и информативная ценность мемуаров Сакашича усиливаются благодаря тому, что автор стремится создать нужный колорит эпохи, приводя фразеологические обороты и выражения, бывшие в то время в ходу. По выразительной силе авторской лексики чувствуется, что описываемое время дорого ему не только как страница его биографии. Радикализм молодого рабочего-активиста не сродни нигилизму. Для него общество, в котором он жил, не тождественно социально-политическим порядкам, которые он не принимал.

Жизненные установки Дьюла Мезё испытали влияние «опыта бедности», пережитой автором. По его воспоминаниям, он не раз в молодые годы оставался без работы. Однако его «бытие» не превратилось от этого в одно сплошное добывание куска хлеба. «Хотя материальные заботы и душили, – откровенно писал Мезё, – целью моей жизни стала борьба за идею»[5]. Приоритет идей, культ принципов были для Мезё в психологическом плане выражением надежды, которая подавляла в его сознании страх перед социально-бытовыми невзгодами. Он был погружен в ауру идейно-политической борьбы, заняв в ней место на левом оппозиционном фланге. Не случайно, поэтому, стиль его мемуаров одновременно обличительный и назидательный. Мезё – сторонник решительных действий и, описывая массовую демонстрацию будапештских рабочих 23 мая 1912 г., он охотно прибегает к военной лексике: сражение, атака, наемник, отважно, беспощадно, стремительно. Бескомпромиссный противник политического режима в Венгрии начала XX в., Мезё стремится создать отталкивающий образ правящей элиты. Он пишет о «власти, держащейся на штыках», о «заграбастанных крупных (здесь использована аллегория “мамонтовских”) состояниях», о «вооруженных до зубов жандармах». Остродраматические события 23 мая 1912 г. в венгерской столице переданы в воспоминаниях живым, эмоционально-образным языком с использованием фразеологических оборотов. Чаще, чем у других, в речи Мезё встречаются причастия и наречия. Отмеченные лексические и стилистические «преимущества» Мезё объясняются, по всей видимости, влиянием тех «литературных уроков», которые он получил в 1912–1914 гг., посещая занятия в «кружке рабочих писателей», руководимом известным венгерским журналистом Эрне Брестовски.

inslav

Мемуары, как источник личного переживания, могут выполнять и функцию идеологического воздействия. При этом, чем более «идеологичны» воспоминания, тем скуднее в них сведения личностного плана, тем меньше в них деталей и подробностей, тем «суконнее» язык воспоминаний, приближаясь к газетной передовице. Яркой тому иллюстрацией служат воспоминания Бела Санто [6]. Его общественно-политическая деятельность началась в профсоюзе торговых служащих, а затем развернулась в рядах левого оппозиционного крыла СДПВ. Сектантско-коммунистические установки определяли его идеологические ориентиры в 1920–1940-е годы. Левый радикализм, близкий к авторитарной идеологии, отметает рефлексию и сомнения и практически делает абсолютной свободу воли. Мемуары Санто с большими оговорками можно отнести к личным размышлениям и переживаниям. Вместо воспоминаний, содержащих малоизвестные, ценные факты, вниманию читателя предлагается краткий очерк истории венгерской социал-демократии, состоящий из идеологических штампов. В представлении Санто, субъективные свойства лидеров являются определяющим фактором рабочего движения. Навязчивым лейтмотивом его исторических заметок служит утверждение о коррумпированности руководящего звена венгерской социал-демократической партии. Показательно, что слова «коррумпированный» и «предательство» – ключевые в тексте мемуаров.

Близки по форме к историческому очерку и воспоминания секретаря Правления СДПВ Мано Бухингера [7]. Находясь на руководящих постах в профсоюзах и партийных структурах, он, бывший рабочий-переплетчик, хорошо знал жизнь пролетарских организаций «изнутри». Одновременно он осознавал не просто свою причастность, но непосредственный вклад в организацию крупнейших политических акций протеста в стране. Его мемуары призваны, по замыслу автора, не только сообщить важные факты и передать субъективные ощущения Бухингера, но и обосновать его концепцию истории венгерского рабочего движения и – шире – истории Венгрии начала XX в. Личные наблюдения и оценки Бухингера перемежаются пространным цитированием документальных материалов, что, как, по-видимому, полагает автор, должно придать больше доказательности его историческому анализу.

Для Бухингера история обретает зримые черты мирного цивилизованного процесса в условиях, когда достигаются разумные компромиссы. Решающая роль, таким образом, в общественных переменах отводится государственным и политическим деятелям. Языку компромиссов чужды резкие выражения и оскорбительный тон. Когда Бухингер обличает правящие круги, то это скорее напоминает деликатно сделанный упрек: «Этюд, который я нарисовал, показывает, как можно было направить громадную энергию масс в легальное русло венгерской политической жизни, если бы снующие на полити-

inslav

ческом форуме господа снизошли до того, чтобы удостоить благожелательным вниманием организованное рабочее движение... Напрасно уклонились власть имущие открыть двери парламента организованным рабочим» [8]. Вообще Бухингер тяготеет к патетике, в его лексике, приближенной к книжной, выделяются слова высокие, придающие окраску приподнятости, возвышенности тем понятиям, которые они обозначают. («Массы были охвачены благородными стремлениями, полны воодушевления и отваги».) Мемуары Бухингера написаны языком, отражающим особенности политического мышления автора, социал-реформатора, умеющего в выгодном для себя и своей партии свете интерпретировать исторические события.

Подводя некоторые общие итоги, отметим следующее. Язык «рабочих воспоминаний» отличается динамизмом, что, несомненно, связано с особой жизненной позицией мемуаристов. Их мысль слита с действием, рабочим движением, революционной практикой. В их языковой культуре сфокусированы их политическая культура, социальный опыт, интеллектуально-образовательные способности, модус восприятия слова как духовной самоценности либо как коммуникативного средства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Tanúságtevők. Visszaemlékezések a magyarországi munkásmozgalom történetéből. 1905–1918. Bp., 1976.

[2] *Propper S.* Szakszervezeti jegyzőségem idejéből // Tanúságtevők...

[3] *Hirossik J.* Ellenzéki mozgalmak az MSzDP-ben az első világháború előtt // Tanúságtevők...

[4] *Szakasits A.* Emlékeim a század eleji ifjúmunkás-mozgalomról // Tanúságtevők...; *Mező G.* 1912. Május 23 // Tanúságtevők...

[5] *Mező G.* Op. cit. S. 276.

[6] *Szántó B.* Az ellenzéki mozgalom kezdetei lépéséről // Tanúságtevők...

[7] *Buchinger M.* Mi volt szeptember tizenötödike? // Tanúságtevők...

[8] Ibid. S. 71, 73.

inslav

А.Н. Дмитриев

«Романтический антикапитализм»: позиция Дьердя Лукача в период первой мировой войны и революции 1918 г.

Первую мировую войну известный венгерский философ Д. Лукач встретил в Гейдельберге. Его резко отрицательное отношение к этой войне, которую Макс Вебер назвал «великой и удивительной», еще более усилило его изоляцию от респектабельно-академического мира немецких интеллектуалов. В письме Марианне Вебер, направленном в первые месяцы войны, Георг Зиммель отметит: «Уникальным для настоящего момента является то, что потребности дня и нужды Идеи окончательно и на все времена стали единым целым. Мы можем сказать об этом лишь экспериментально, как о предмете интуиции. Еще лучше – как о чем-то, вытекающем из практического опыта. Если Лукач этого не чувствует, этого ему нельзя показать. Вот почему он все время говорит о милитаризме. Но для нас это в гораздо большей степени вопрос освобождения от милитаризма» [1]. В разговоре с Марианной Вебер осенью 1914 г. в ответ на рассказы о солдатских подвигах на фронте, сам Лукач воскликнул: «Чем они героичней, тем хуже!» и заметил, что дело заключается не в победе Романовых или Гогенцоллернов, но в том, «кто же спасет нас от западной цивилизации»[2]. Перспективу окончательной победы Германии он тоже считал «неким кошмаром».

На рубеже 1914–1915 гг. Лукач прерывает работу над трудом по эстетике ради создания широкомасштабной работы о Достоевском – первая ее часть и составила самый, пожалуй, известный из трудов его домарксистского периода – «Теорию романа» [3]. Подзаголовок – «Историко-философский опыт форм большой эпики» указывает на оценку жанра романа с точки зрения отражения в нем отношения человека к миру, притом утраченным образцом выступает мир гомеровских героев. Искомый образ такой тотальности – гармоничной целостности – суть «мир, где душа чувствует себя дома», однако в настоящем «созданная человеком окружающая среда превратилась из отчего дома в тюрьму» [4]. Даже бегство от действительности подчинено ее законам и может свершаться только согласно «показаниям мировых историко-философских часов».

В «Теории романа» общий «переход от субъективного к объективному идеализму» [5] (как определял его позднее сам Лукач, несколько спрямляя свой «путь к Марксу») осуществлялся под знаком гегелевской философии (историзация жанровых определений, проблема тотальности, «проза» современности против «поэзии» древних). Здесь на языке эстетики осуществлялся поворот от нео-

inslav

кантианского противопоставления вневременной ценности и ее случайно-исторической реализации к новой историчной объективности [6]. Этот синтез истории и теории призван был разрешить дихотомию чисто «объективного» социологизма и сугубо уникального, основанного на «вчуствовании» эссеизма его прежних работ [7].

Вся эта замечательная работа, представившая широкую историко-философскую экспозицию проблем романного жанра, оказала значительное воздействие на литературно-эстетическую мысль нашего столетия (от Бахтина [8] до неомарксистской эстетики). Во Франкфуртской школе «Теория романа» была воспринята – при посредничестве Эрнста Блоха и Зигфрида Кракауэра, знакомых с Лукачем еще со времен частного семинара у Зиммеля в 1909 г. – прежде всего Вальтером Беньямином в «Происхождении немецкой барочной драмы» (1927), а также в ранних философских работах Теодора Адорно (категории «второй природы», «овеществления» и «отчуждения») [9].

Произведения Достоевского, упомянутые в последнем абзаце труда о формах большой эпики, вообще выведены автором за рамки романного жанра. Им должна была посвящаться вся планируемая работа, первой частью ее и была «Теория романа». В сохранившихся заметках к этой ненаписанной книге Лукач указывает на три типа мироотношения, которые «находит достигающая себя самой душа в качестве субстанции: 1) Индия: тождество с атманом – исчезновение индивидуальности; 2) Германия: единичная душа – в связи с Богом; 3) Россия: единичная душа в желанном Богу творческом сообществе других душ» [10]. Герои Достоевского воплощают «вторую этику» любви, сострадания и жертвы – в отличие от «первой», индивидуалистской этики – кантианской этики Долга.

Все эти темы: Россия как альтернатива западной цивилизации, возможность художественного постижения современности, перспективы обретения подлинности в «расколдованном» мире стали предметами обсуждения для круга друзей и знакомых Лукача, сложившегося в Будапеште вскоре после его возвращения из Гейдельберга осенью 1915 г. Оно отчасти связано с положением Лукача как военнобязанного – освобождение от фронта в Гейдельберге он получил с помощью Карла Ясперса [11] – врача по профессии. Однако с 1915 г. Лукачу пришлось в Будапеште служить сначала в госпитале, затем – в качестве цензора солдатских писем [12]. Этот кружок, получивший наименование «Воскресных собраний» (по дню заседаний на квартире Белы Балажа в Будапеште), включал помимо Балажа и Лукача также Карла Манхейма – будущего профессора Франкфуртского университета и основоположника «социологии знания», искусствоведов Арнольда Хаузера и Лайоша Фюлепа, будущих идеологов Венгерской компартии Белу Фогараши и Йожефа Реваи. Посетителями отдельных заседаний были также композитор Бела Барток и будущий химик и социолог науки Майкл Полани.

inslav

Воскресные собрания были весьма похожи на подобные собрания в доме Макса Вебера в Гейдельберге темами заседаний и общим настроением: по воспоминаниям одного из участников последних – Пауля Хонигсхайма (руководителя Парижского филиала Франкфуртского института социальных исследований в 1930-е годы), это было «течение, уводящее от буржуазного образа жизни, городской культуры, инструментальной рациональности, квантификации, научной специализации и всего того, что осознавалось как принадлежащее к ним... Этот неоромантизм, если его можно так назвать, связан со старым романтизмом множеством скрытых переходов и определенных линий воздействия; в качестве примеров можно взять Шопенгауэра, Ницше, позднего Шеллинга... и молодежное движение» [13].

«Романтический антикапитализм» [14] молодого Лукача и его единомышленников по «Воскресным собраниям», однако, заметно отличался от умонастроений общеевропейской «духовной революции», представленных в Германии комплексом «идей 1914 г.» Общее чувство протеста против либерально-позитивистской картины благополучного прогресса человечества и предвоенной атмосферы культурного декаданса, поиск «подлинности» и обращение к монументальности мифа и религии только типологически сближает участников «Воскресных собраний» с «поколением 1914 года». Лукача и его товарищей от будущих течений «консервативной революции» отличали прежде всего последовательная антивоенная позиция и стремление обрести подобие религиозного спасения в «бегстве от мира» – в замкнутом интимно-духовном сообществе интеллектуалов [17]. Полвека спустя – в предисловии к «Теории романа» – Лукач сравнивал своих тогдашних друзей с кружком рассказчиков «Декамерона», пытавшихся отыскать убежище от чумы милитаризма [18]. Впрочем и в Германии патриотический угар все-таки не был всеобщим: антивоенную позицию заняло «активистское» движение, тесно связанное с зарождающимся экспрессионизмом (Курт Хиллер, а также Генрих Манн); уже в середине 1916 г. вокруг Виланда Херцфельде и Иоганнеса Бехера возникает радикально-пацифистский кружок «Новая молодежь» (с одноименным журналом), а Вальтер Беньямин еще осенью 1914 г. прекращает связь со своим наставником Густавом Винекеном из-за поддержки последним начавшейся войны.

Каковой была политическая платформа этого сообщества этических идеалистов? Принятие гегелевского учения о государстве вело к переосмыслению марксизма в качестве уже не только узкосоциологического учения о преобладании «экономического фактора»: «Возможность познания подлинных структур объективного духа должна осуществляться историко-философски: в этом заключается значение Маркса» [19] (из заметок Лукача к книге о Достоевском). В связи с анализом государства Лукач обращается к сочинениям французского синдикалиста Жоржа Сореля, находя в них близкую его то-

inslav

гдашним взглядам «эсхатологическую» версию крушения капитализма; вспоминая свое знакомство с марксистской литературой, он отмечал: «Я также пытался читать социал-демократических теоретиков, но Каутский произвел на меня прямо-таки отталкивающее впечатление, и ни Плеханов, ни Меринг тоже не удовлетворили. Эрвин Сабо *, к которому я также обратился за советом, что еще следует почитать в этой сфере, посоветовал посмотреть французских синдикалистов. К тому же он упомянул и Сореля, правда с известной скептической оговоркой. Но на мое духовное развитие тот оказал сильнейшее воздействие. Во-первых, позитивное – укрепив мою антипатию к любой ревизионистской и оппортунистической интерпретации марксизма, во-вторых, негативное, предопределив мифологизирующее – через прямую и непосредственную классовую борьбу – понимание партии» [20].

Синдикалистские представления об обострении противоречий, впечатляющая картина краха капитализма, по Сорелю – именно в момент пика его наивысшей производительности! – в условиях мировой войны, после десятилетий благополучного развития, вполне укладывались в характеристику современности как эпохи абсолютной или «законченной греховности», которую Лукач почерпнул из лекций «Основные черты современной эпохи» Фихте.

В начале 1930-х Лукачу, ради вхождения в советскую систему идейных координат, приходилось не раз открещиваться от своих ранних «ошибочных воззрений», тесно связанных с влиянием Жоржа Сореля – через Сабо – и Розы Люксембург [22]. Позднее он также упоминал их идеи в качестве составляющих «весьма противоречивой амальгамы теорий», которая была решающей для развития его мысли периода первой мировой войны и первых послевоенных лет [23]. Особенно важной для Лукача была сходная установка Сореля и Люксембург на «общий крах капитализма», тотальное крушение старой и прогнившей цивилизации – и это последнее было самым значимым для рецепции их трудов в русле «романтического антикапитализма» молодого Лукача.

Однако восприятие Лукачем марксизма в годы мировой войны все еще сохраняло прежние черты: как теория он рассматривался в виде доктрины «экономического детерминизма», как практика рабочих партий отвергался в силу привязанности к ценностям буржуазного мира в виде своего рода капиталистической идеологии «наизнанку». Пауль Хонигсхайм вспоминал, как после одного из собраний СДПГ в Гейдельберге, где лидер баденских социал-демократов Людвиг Франк критиковал члена правительства за нарушение конституции, Лукач «по выходе не раз к этому возвращался, возмущенно потрясал головой и гневно восклицал: “социалист, который хочет защищать конституцию”!» [24].

---

* Видный венгерский теоретик социализма и пропагандист учения Маркса, испытал на себе также влияние анархо-синдикализма (*Ред.*).

inslav

Начало первой мировой войны означало безусловный конец «прекрасной эпохи» мирного прогресса не только для радикальных интеллектуалов, но и для социал-демократов, сохранивших верность интернационализму. Глубочайший кризис самых оснований социал-демократической стратегии и идеологии после августа 1914 г. заставлял теоретиков ее левого крыла пересматривать привычные ориентиры на «улучшение экономического положения рабочего класса» и вообще все прежнее просвещенчески-позитивистское видение социализма. Несмотря на то, что многие вожди синдикализма в соответствии со своей концепцией позитивной роли социального мифа оказались вовлеченными в шовинистическую истерию начала войны, сама романтическо-историцистская прививка синдикалистского мировоззрения с его антилиберальным пафосом была весьма значима для идеологов будущих западноевропейских компартий (Р. Люксембург в Германии, А. Грамши в Италии, отчасти Э. Сабо в Венгрии).

Начало войны поставило человечество перед решающим выбором, выразительно очерченном Розой Люксембург в «Брошюре Юниуса» (1915) как дилемма «социализм или варварство»: «Триумф империализма приводит к уничтожению культуры – временному в течение современной войны, и окончательному, если начавшийся период мировых войн будет без помех доведен до последних ступеней своего развития ... Это есть дилемма мировой истории – или–или – весы которой, вздрагивая, колеблются перед решением сознательного пролетариата. Будущность культуры и человечества зависят от того, бросит ли пролетарий свой меч с мужественной решимостью на одну из чаш» [25]. Лукач если и разделял тогда радикальность подобной постановки вопроса, все же не связывал спасительный выход из войны с имеющимся в наличии пролетариатом.

Он не видел в духовном коллективизме рабочих прообраза подлинной культуры будущего: «Как мыслительную возможность нельзя отклонить и то, что культурный подъем рабочего класса приведет также к индивидуализму, свободной классовой дифференциации, к образованию культурно столь же дезориентированной и утонченной духовной аристократии – и невежественных масс» [26]. Американские исследователи А. Арато и П. Брайнс отмечают этот парадокс всего мировоззрения раннего Лукача – чем ближе он был к марксизму в области своих радикальных воззрений, тем дальше отходил от него в плоскости научных и философских изысканий [27]. Был необходим новый идеологический и теоретический синтез, где марксизм станет радикально-историцистским учением в духе Фихте и Гегеля – а не доктриной «экономического детерминизма», выражающей волю и интересы определенной социальной группы буржуазного общества – промышленных рабочих. Но к такому пониманию марксизма Лукач придет лишь в конце 1918 г., вместе с решающим политическим выбором.

inslav

Таким образом, не следует преувеличивать влияние марксизма на культурный радикализм художественно-эстетических кружков периода мировой войны. Когда весной 1917 г. участники «Воскресных собраний» открыли в Будапеште «Свободную школу наук о духе», во вступительной лекции «Душа и культура» Карл Манхейм – в то время «неформальный ученик» Лукача – поставит задачу построения нормативной, этически ориентированной доктрины для будущего [28]. Манхейм называет духовные ориентиры новооткрытой школы (просуществовавшей всего два семестра – примерно до середины 1918 г.): мировоззрение Достоевского, этика Кьеркегора, стиль немецкого «Логоса», венгерского журнала «A Szellem» («Дух») и театрального «Общества Талии» (1904–1908), ориентированного на ознакомление будапештской публики с новейшими образцами современной европейской драмы. Но наиболее очевидна связь умонастроений участников школы [29] с концепцией объективной культуры Георга Зиммеля, эволюционировавшего с начала войны значительно вправо – к мировоззрению кружка Стефана Георге – в своей культурно-критической диагностике современности.

Эта группа интеллектуалов, которая, по словам одной из ее активных участниц Анны Леснаи, имела «больше общего с религиозным собранием, чем с политическим клубом» [30], оставалась изолированной в духовной атмосфере самой Венгрии, ибо была связана главным образом именно с немецким культурным кругом (после падения Венгерской советской республики большинство ее членов, в том числе и некоммунистов, оказалось в эмиграции). Так, Эрнст Блох, живший с начала войны в Швейцарии, отмечал уже в августе 1919 г. в бернской «Фрайен Цайтунг» в связи с опасностью ареста Лукача в Будапеште, что тот, «хотя и рожденный в Венгрии, является немецким духовным революционером» [31]. Венгерский исследователь Золтан Хорват помещает позицию «Воскресных собраний» скорее справа от либерально-прогрессистской платформы «Социологического общества» Оскара Яси, оценивая школу как последнюю организованную акцию второго поколения венгерских реформистов, по-видимому, завершающую те задачи, которые оно перед собой ставило[32]. Однако при этом следует учесть, что она не имела ничего общего с консервативно-аграрной венгерской реакцией. Этический максимализм и культурный ригоризм участников «Воскресных собраний» разводил их не только с либеральными западниками из «Социологического общества», но также и с венгерскими экспрессионистами и авангардистами из группы Лайоша Кашшака (журналы «Ма» – «Сегодня» и «Тетт» – «Дело»).

В свете будущей политической эволюции членов «Воскресных собраний» весьма важной представляется состоявшаяся 5 марта 1918 г. в «Социологическом обществе» дискуссия по докладу ученика Лукача Белы Фогараши (1891–1959) «О прогрессивном и консервативном идеализме». Если ранее, по

inslav

словам Фогараши, философский идеализм был союзником консервативных сил общества, а прогрессивная мысль опиралась на позитивизм и естествознание, то ныне прогрессивная политика означает мировоззренческую политику, связанную именно с этическим идеализмом[33]. Сам Лукач в своем выступлении во время дискуссии уточнил различение этики и политики по их конечным ориентирам: политика ограничивается трансформацией общественных институтов, этика обращена к внутреннему побуждению действия. Уже в «Теории романа» сферы этики и политики взаимоопределялись через соотношение цели и средств; исходным здесь был «идеал свободной человечности, которая рассматривает и приемлет все общественные структуры как необходимые формы человеческого сообщества, но в то же время видит в них всего-навсего повод для активного проявления сущностной субстанции жизни, то есть осваивает их не в застывшем государственно-правовом для-себя-бытии, а как орудия, необходимые для достижения превосходящих их целей» [34].

Лукач выступает против привычного истолкования политики в немецкой философии исключительно как внешней политики государства, ибо эта последняя есть лишь продолжение подлинно созидательной внутренней политики: «Социальные теории социализма, подчеркивающие приоритет внутренней политики, тем самым намного ближе к подлинной природе политики, чем немецкая метафизика истории»[35]. Критерием прогрессивности любого института выступает именно его ориентированность на этическое предназначение: «Любой институт, становящийся целью в себе, по своей природе консервативен: в этой связи может быть объяснена... стагнация первоначально весьма прогрессивных движений, как только институты, созданные ими в качестве инструментов, обретают такую самодостаточность. (История немецкого социализма уже до войны, однако наиболее впечатляюще в ее ходе, представляет грустный тому пример.)» [36]

После демократической революции в Венгрии осенью 1918 г. именно «остановка на достигнутом» представлялась Лукачу наиболее опасной для нее; уже в середине ноября 1918 г. в статье «Революционная пропаганда» он писал: «Но давайте не будем забывать, что с достижения республиканского строя революция только началась, она не завершена. Республика сегодня – прекрасный символ нового строя, новой Венгрии, которую мы все ждали, но лишь средство и символ, и все будет упущено, если мы позволим ей стать целью в себе... Те политические институты, создание которых было необходимо во имя социального и экономического преобразования, становятся целью в себе, исключая то, во имя чего они сперва предназначались и поворачивая против этого. Трансформация политических целей в цели в себе всегда означает конец революции и победу реакции» [37].

inslav

Революция в России была тогда, конечно же, главным ориентиром для тех, кто подобно Лукачу понимал происходящее как приход нового мира и гибель старой цивилизации, но была также одновременно и предметом острых споров и дискуссий. В предисловии к новому изданию (1967) своей самой известной работы «История и классовое сознание» (1923). Лукач отметит: «В то время наше знание фактов и принципов, за ними лежащих, было крайне недостаточным и весьма нереалистичным. Вопреки всему этому мы видели, что – наконец-то, наконец-то! – для человечества открылся путь, уводящий от войны и капитализма... Я сам – здесь я могу говорить только о себе – пережил короткую переходную фазу: мои последние колебания перед окончательным и необратимым выбором были обозначены ошибочной попыткой оправдания, вооруженной абстрактными и филистерскими аргументами» [38].

Лукач имел здесь в виду свою позицию в дискуссии «Большевизм как моральная проблема», организованной радикальным студенческим «кружком Галилея» в его журнале «Szabadgondolat» («Свободная мысль») осенью 1918 г. Здесь Лукач «разводит» марксистскую социологию (учение о классовой борьбе как основе любого общественного порядка) и философию истории Маркса (представление о социализме как конечной цели развития человечества): «Или освободительная роль социализма подразумевает волюнтаристскую и абсолютную готовность принести человечеству спасение или же обозначает идеологическое облачение для обычных классовых интересов» [39]. Лукач отмечает, что «хотя классовая борьба призвана породить новый миропорядок, но как классовая борьба она не является воплощением этого миропорядка» [40]. Венгерский мыслитель опасается здесь именно описанного выше смешения средства – классовой борьбы, и цели – социализма. В актуально-политической плоскости он выступает против попытки большевизма «избавиться от Сатаны при помощи Вельзевула», т. е. через диктатуру пролетариата достичь бесклассового общества будущего, свободного от принуждения: «Большевизм основывается на метафизическом допущении того, что зло способно породить добро, или как сказал Разумихин в «Преступлении и наказании» Достоевского, что ложь может быть нашим путем к истине [41]. Автор не способен разделить эту веру. Соответственно он считает неразрешимой моральную проблему, лежащую у истока большевистского мировоззрения. В случае демократии требуются «только лишь» сверхчеловеческие усилия в форме самопожертвования и отречения для тех, кто сознательно сделал свой выбор и искренно готов ему следовать. Однако демократический путь хотя и может требовать сверхчеловеческих сил, не сталкивает нас с неразрешимым вопросом, как делает это моральная проблема большевизма» [42].

Тем не менее две недели спустя Лукач делает решающий выбор между (социал-)демократией и большевизмом в пользу последнего; именно в таком

inslav

смысле следует понимать его позднейшее истолкование (1970) собственного кредо: «Социалистом меня сделали российская революция и последовавшие за ней события в Венгрии. С тех пор я всю свою жизнь остаюсь социалистом. И в этом вижу наиболее позитивный ее аспект» [43].

Было ли это «обращение Савла в Павла между двух воскресных собраний» (Анна Леснаи) внезапным, волюнтаристским шагом гейдельбергского (скорее, чем будапештского) «гайстера», сделавшего «ставку на коммунизм» (А. Арато и П. Брайнс) в итоге своих радикальных поисков Абсолюта в тотально обезбоженном мире? Поверхностное сравнение утонченного стиля «Души и форм» или головокружительной диалектики «Теории романа» (на трудность понимания которой указывал Лукачу даже Карл Ясперс) с пропагандистским жаргоном и бескомпромиссным прозелитизмом статей Лукача описываемого периода может отчасти подтвердить подобное объяснение. Однако оно имеет скорее психологический, чем социально-исторический характер. Нас же будут интересовать именно типические черты лукачевского «обращения» в сопоставлении с политической и мировоззренческой позицией участников Франкфуртской школы периода Веймарской республики. Остановимся вначале на биографических обстоятельствах этого обращения.

В обширной литературе о Лукаче уже не раз обращали внимание на хронологическое совпадение отвода его кандидатуры для хабилитации в Гейдельберге и вступления в образованную 24 ноября 1918 г. Коммунистическую партию Венгрии (прошение о хабилитации было подано еще весной 1918 г.). К тому времени был почти завершен его труд по философии искусства (так называемая «Гейдельбергская эстетика»), одна из глав которой («Субъект-обьектные отношения в эстетике») появилась в 1917 г. в солидном «Логосе»; в «Кантштудиен» XXII. 4. (1918) был опубликован пространный некролог, посвященный его гейдельбергскому другу – философу-неокантианцу Эмилю Ласку; несколько рецензий были напечатаны во время войны в веберовском «Архиве социальной науки и социальной политики» (в том числе на немецкое издание сочинений В. Соловьева и Б. Кроче).

Формальной причиной отказа в хабилитации в письме декана Домашевского названо «иностранное подданство» соискателя – хотя очевидную роль тут сыграли известные в Гейдельберге левые политические симпатии Лукача (и русская жена – «террористка», эсерка Елена Грабенко) [46]. В ответном письме от 16 декабря 1918 г. соискатель в обтекаемой форме сошлется на необходимость «пребывать в распоряжении венгерского правительства и участие в работе нескольких комиссий», в связи с чем отклонение его кандидатуры «не внушает ему опасений», но также делает невозможной его поездку в Гейдельберг. Во время одного из своих визитов в Гейдельберг Лукач оставил на хранении в Немецком банке чемодан с отрывками рукописей, дневников и

inslav

почти 1 600 писем (он был случайно обнаружен в 1973 г., уже после смерти философа). Несомненно здесь было и определенное «сжигание мостов», вообще характерное для биографии Лукача – он никогда не возвращался к этой части своего прошлого и даже не напоминал близким об этом «овеществленном итоге» его домарксистского творчества – по иронии истории датой депозита было 7 ноября 1917 г.[48] В автобиографическом отрывке «Gelebtes Denken» – «Пережитые мысли» (1970–1971) Лукач подведет итоги этого периода: «То, что соответствовало фактам, не могло быть включено в рамки... системы, Таким образом я проманеврировал до теоретического тупика. Никакого прямого выхода. Лучшее, что из меня могло бы получиться – "интересно"-эксцентричный приват-доцент в Гейдельберге»[49].

Сходными мыслями проникнут и опубликованный им в октябре 1918 г. в венгерской печати некролог Г. Зиммелю: «Зиммель в выдающейся степени обладал величайшим даром философа. Почему же вопреки этому он стал лишь ослепительным и "блестящим" побудителем мысли, а не доподлинно великим, действительно делающим эпоху философом. Основа этой неудачи в величайшей степени раскрывается в том же самом пункте, где коренились богатейшие и наиболее плодотворные способности Зиммеля: подчеркивая позитивный аспект, можно было бы назвать его неограниченную и нестесненную чувствительность; но также следует говорить и об отсутствующем центре, о неспособности Зиммеля принять окончательное и абсолютное решение, если выяснять здесь пределы его натуры»[50]. Едва ли правомерно сводить к неудаче с хабилитацией или «академической маргинальности» обращение венгерского мыслителя и «немецкого духовного революционера» (Э. Блох) к большевизму. Политический выбор коммунизма означал для Лукача выбор марксизма как философского фундамента собственных теоретических построений – ибо в марксизме он, по его мнению, нашел идеологическое выражение самого характера современной ему эпохи.

Помимо общемировоззренческих причин, переход Лукача в ряды коммунистов сопровождался также и действием ряда «биографических» факторов. Контактам Лукача с руководством компартии немало способствовал один из основателей «кружка Галилея», член ядра ЦК КПВ Эрне Зайдлер[51] – брат Ирмы Зайдлер, первой возлюбленной Лукача, которой он посвятил в свое время труд «Душа и формы»; ее кузенами были Эрвин Сабо и историк экономики Карл Полани, издатель журнала «Szabadgondolat», где развернулась дискуссия о большевизме как моральной проблеме. Однако одним из самых значимых было тогда для Лукача знакомство с Бела Куном как харизматическим и владеющим даром убеждения лидером. Вероятно, Бела Кун воплощал тогда для Лукача тех суровых «гностиков дела», о которых он писал еще в эссе «О нищете духа»: «Он делает то, о чем я долго говорил. Он убедил меня в том,

inslav

что я не мог принять следствия своих собственных мыслей. Теперь я займусь тем, чтоб это изменить» [52]. Разочарование в личности Куна наступило довольно быстро; по позднейшим воспоминаниям Лукача, когда его и Отто Корвина (руководителя Чрезвычайной комиссии в советском правительстве) оставили для подпольной работы в Будапеште в конце лета 1919 г., после падения Венгерской Советской республики, он сам уже подозревал Куна в предуготовлении им почетной роли «жертв» [53]. В книге мемуарного характера «Вышеградская улица»(1959) венгерский писатель-коммунист Йожеф Лендьел, член группы Корвина, вспоминал о так называемых «этиках», пришедших в коммунистическую партию вместе с Лукачем (они составляли едва ли не половину активных участников «Воскресных собраний»): «Помимо товарища Лукача, главную роль играла его жена, Елена Андреевна Грабенко, бывшая социал-революционерка. Оба, так или иначе прибывшие из Гейдельберга, они принесли из гейдельбергского университета философию немецкого мистика Фихте, датчанина Кьеркегора, но главным образом Гегеля вместе с некоторой частью социологии Макса Вебера, и все это смешивалось у них с марксистским мировоззрением». Лендьел также указывает на переосмысление мотивов «Братьев Карамазовых» Достоевского в тогдашнем кругу Лукача в духе поучений Великого Инквизитора и – морали самопожертвования: «Мы, коммунисты, подобны иудеям. Наше кровавое дело – распять Христа. Но это греховное дело является одновременно нашим призванием; Христос был первым умершим на кресте богом, дабы мир мог быть искуплен. Мы, коммунисты, также берем на себя грехи мира, с тем чтобы его спасти» [55].

Подобная парадоксальная мотивация деятельности коммунистов позволяет истолковать один эпизод из духовной биографии·Лукача, часто описываемый многими исследователями по статье Илоны Дучинской (жены Карла Полани и участницы «Группы венгерских социалистов, присоединившихся к Циммервальду» под руководством Эрвина Сабо), которая в венском выпуске коммунистического журнала «Унзер Вег» (1921) вспоминала: «Представительный теоретик, вероятно, самая светлая голова в венгерском коммунизме в решающий момент так ответил на мой вопрос, допустим ли обман членов партии их вождями: "Коммунистическая этика делает величайшим долгом принятие необходимости порочных поступков. Это, сказал он, было величайшей жертвой, от нас требуемой – убеждение, что зло переходит в благо через диалектику исторического развития... Эта коммунистическая проповедь распространяется подобно тайной доктрине из уст в уста, пока не будет полуофициально признана в качестве сущности подлинного коммунизма, как единственный признак настоящего коммуниста"» [56]. Этот разговор воспроизведен сотрудником Франкфуртского института социальных исследований в 1926–1934 гг. и бывшим функционером Коминтерна Францем Боркенау в его

inslav

написанной позднее книге «Мировой коммунизм. История Коммунистического Интернационала»(1939) как пример «морали в духе Нечаева... основывающейся на восторженном почитании Достоевского» и одновременно воплощение ленинской теории революционного авангарда. Очевидно, что Лукач в вопросе о возможности «провраться до истины» занимает тут позицию, диаметрально противоположную той, которую отстаивал еще в конце ноября 1918 г. в споре о моральной проблеме большевизма, но еще более значимо, что здесь он прямо использует логику и аргументы Великого Инквизитора из поэмы Ивана Карамазова. Лукач использует проблематику «Братьев Карамазовых» Достоевского, размышляя о санкционировании – морально недопустимой! – лжи и греха более высокой и парадоксальной «второй этикой» радикальной «добродетельности».

Эти мотивы – моральное назначение коммунизма, марксизм как самосознание общества, героическая этика самопожертвования, и, наконец, определение места интеллектуалов в эпохальной смене отжившей цивилизации новым миропорядком – все эти темы составляют предмет его работы «Тактика и этика», опубликованной в Будапеште в период Советской республики на венгерском языке. Основные идеи этой книги в трансформированном виде вошли и в его главное сочинение 1920-х годов, оказавшее решающее воздействие на теоретиков Франкфуртской школы – «История и классовое сознание» (1923).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Watier P.* The War Writings of Georg Simmel // Theory, Culture and Society. 1987. Vol. 8. № 3. P. 231.

[2] *Lukács G.* Vorwort (1962) // Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophiscer Versuch uber die Formen der grossen Epik. Münchcn, 1963. S. 5.

[3] Впервые она появилась в 1916 г. в Zeitschrift fur Asthetik und Allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. 2 отдельным изданием – в Берлине уже в 1920 г. К концу 1914 г. относится и статья «Немецкие интеллектуалы и война» (оставшаяся неоконченной).

[4] Лукач Д. Теория романа // Новое литературное обозрение. (1994). № 9. С. 36.

[5] *Lukács G.* Mein Weg zu Marx (1933) // Georg Lukacs zum 70. Geburtstag. Berlin, 1955. S. 227.

[6] Это отмечал впоследствии сам Лукач в предисловии к «Теории романа»: *Lukács G.* Vorwort (1962). S. 9–11.

[7] См. также: *Brenner K.* Theorie der Literaturgeschichte und Asthetik bei Georg Lukács. Frankfurt am Mein; Bern; New York; Paris, 1990. S. 26–27.

inslav

[8] М.М. Бахтин упоминал, что в 1920-е годы переводил «Теорию романа», однако, к его сожалению, сам Лукач отказался от публикации данной работы на русском языке. См.: Русская литература. 1993. № 3. С. 200. (Сообщение Г.М. Фридлендера).

[9] *Wiggershaus R.* Die Frankfurter Schule. Geschichte. Theoretische Entwicklug. Politische Bedeutung. München, 1991. S. 85, 105, 112.

[10] *Lukács G.* Dostojcwsky. Notizcn und Entwurfc. Bp., 1985. S. 143.

[11] *Lukács G.* Record of a Life. An Autobiographical Sketch/Ed. by I.Eorsi. London, 1983. P. 46.

[12] Приводимое А.С. Дмитриевым в его версии политической истории Франкфуртской школы предположение о том, что служба Лукача в военной цензуре была «очень важна» для России, ничем не подкреплено и никак не объясняет хлопот отца Лукача, влиятельного будапештского банкира, по освобождению сына от столь значимого для того поста (см.: *Дмитриев А.С.* Коммунистический Интернационал и Франкфуртский институт социальных исследований // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 172–173).

[13] *Löwy M.* Georg Lukács – from Romantism to Bolschewism. London, 1979. P. 38.

[14] Характеристика Лукача из предисловия к «Теории романа» (1962).

[15] См.: *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая культура и нацизм. СПб., 1997. С. 326–346.

[16] См. характеристику Виктора Шкловского, принадлежавшего в России к поколению Лукача и Беньямина: «Считалось, что времени не будет. Будет блок благонамеренно думающих людей, и человечество, правильно развиваясь в общем и целом, достигнет, наконец, умения носить воротнички, читать утреннюю газету, думать об ответственном министерстве. Предполагалось, что все развивается правильно, нормально, хотя несколько замедленно» (*Шкловский В.* Жили-были. М., 1966. С. 299).

[17] А. Кадаркай даже считает, что «стерильная возбужденность» современных интеллектуалов и квазирелигиозное «мистическое бегство от мира», о которых М. Вебер упоминает в докладе «Политика как призвание и профессия» (1918), отсылает именно к кругу участников «Воскресных собраний» в Будапеште, где Вебер побывал в мае 1916 г. – отец Лукача убеждал его там повлиять на сына в смысле продолжения усилий по хабилитации в Гейдельберге (См.: *Kadarkay A.* The Demonic Self: Max Weber and Georg Lukásc // Hungarian Studies. 1994. Vol. 9. № 1–2. P. 92–93).

[18] *Lukács G.* Vorwort (1962). S. 5.

[19] *Lukács G.* Dostojewski. Notizen und Entwurte. S. 90.

[20] *Lukács G.* Sein Leben in Bildern, Selbstzeugnissen und Dokumenten / Hrsg. E.Karady. Stuttgart, 1981. S. 72.

[21] *Фихте И.Г.* Сочинения. В 2 т. СПб., 1993. Т. II. С. 376.

inslav

[22] См., напр.: *Lukács G.* Mein Weg zu Marx (1993). S. 229.

[23] *Lukács G.* Preface to the New Edition (1967) // History and Class Consciousness. Studies in Marxist Dialectics / Transl. by R. Livingstone. Cambridge (Mass.), 1988. P. XI.

[24] *Arato A., Breines P.* The Young Lukács the Origins of Western Marxism. New York, 1979. P. 51.

[25] *Люксембург Р.* Кризис социал-демократии / С предисл. К. Цеткин. М., 1923. С. 10–11.

[26] *Lukács G.* Zum Wesen und zur Methode der Kultursoziologie // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1915. Bd. 39. S. 220. Это – рецензия на книгу Ганса Штаудингера «Индивидуум и сообщество в культурной организации общественного союза».

[27] *Arato A., Breines P.* Op. cit. P. 54.

[28] *Mannheim K.* Wissenssoziologie. Neuwied, 1965. S. 84.

[29] Среди семидесяти·ее студентов была также давняя знакомая и будущая жена Лукача – Гертруда Бортштибер, которой он посвятил «Историю и классовое сознание».

[30] *Kettler D.* Culture and Revolution: Lukacs in the Hungarian Revolution of 1918/19 // Telos. 1971. № 10. P. 59.

[31] *Bloch E.* Kampf, not Krieg. Politische Schriften 1917–1919. Frankfurt am Mein, 1985. S. 437.

[32] *Horváth Z.* Die Jahrhundertwende in Ungarn. Geschichte den Zweiten Reformgeneration (1896–1914). Bp., 1966. D. 506–507.

[33] *Хвещи М.А.* Развитие философии Венгрии во второй половине XIX и начале XX века // Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1984. С. 33.

[34] *Лукач Д.* Теория романа. С. 68.

[35] *Lukács G.* Revolution and Counterrevolution (1918–1921) / Transl. from Hungarian and Germanoriginal Publications... by Victor Zitta. Queretaro, 1991. P. 35.

[36] Ibid. P. 36. В связи с последующим отрицанием у Лукача социал-демократии как части буржуазного мира см. замечания А.М. Салмина о довоенной интеграции социал-демократии в структуры буржуазного (гражданского) общества как факторе краха II Интернационала: *Салмин А.М.* О некоторых социально-политических предпосылках кризиса социал-демократии в 1914 г. // Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1989. М., 1989. С. 236–237.

[37] Цит. go: *Congdon L.* Young Lukács. London, 1983. P. 136–137.

[38] *Lukács G.* Preface to the New Edition (1967). P. XI.

[39] *Lukács G.* Bolshevism as a Moral Problem // Social Research. 1977. Vol. 44. № 3. P. 421.

[40] Ibid. P. 420.

inslav

[41] Очевидно, Лукач отсылает здесь к разумихинскому «Соврешь – до правды дойдешь!» в разговоре того с сестрой и матерью Раскольникова (См.: *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. В 15 т. Л., 1989. Т. 5. С. 190.)

[42] *Lukács G.* Bolshevism as a Moral Problem. P. 424.

[43] Цит. по: *Земляной С.Н.* Книга Лукача в контексте старых и новых споров о ленинизме // *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990. С. 11.

[44] *Kettler D.* Culture and Revolution... P. 69.

[45] *Lukács G.* Selected Correspondence. 1902–1920. New York, 1986. P. 267 (Письмо от 20 октября 1916 г.).

[46] *Sauder G.* Von Formalitaten zur Politik: Georg Lukacs Heidelberger Habilitationsversuch // Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik. 1984. № 53/54. S. 94, 97.

[47] *Lukács G.* Selected Correspondence. 1902–1920. P. 289.

[48] *Congdon L.* Op. cit. P. 117.

[49] *Lukács G.* Gelebtes Denken // New Hungarin Quartely. 1981. Vol. XXIII. P. 76.

[50] *Lukács G.* Gcorg Simmel // Thcory. Culture. Society. 1987. Vil 8. № 3. P. 145–146. Ср. некролог Дильтею в «Aszellem» (1911) (прим. 3).

[51] См.: *Georg Lukács.* Sein Leben in Bildern, Selbstzeugnissen und Dokumenten. S. 81.

[52] *Markus Tar J.* Foreword: *Lukács G.* Bolshevism as a Moral Problem // Social Research. 1977. Vol. 44. № 3. P. 417.

[53] *Lukács G.* Record of the Life. P. 68. Елена Грабенко, с которой Лукач продолжал поддерживать дружеские отношения и после развода, весьма точно, по его словам, увидела в Куне черты бальзаковского Вотрена.

[54] Цит. по: *Nyiri K.* Einleutung // *Lukács G.* Dostojewsky. Nptizen und Entwurfe. S. 32–33. На Вышеградской улице в Будапеште размещался первый Центральный комитет партии.

[55] Ibid. P. 33. Сходные высказывания вложены Лендьелом в другом его романе – «Беспокойная жизнь Ференца Пренна или Стрелки указывают на будущее» (1959) в уста Шандора Бензи, представляющего весьма карикатурный – и легко узнаваемый – образ недавнего гейдельбергского философа и новообращенного «этического» коммуниста.

[56] *Borkenau F.* World Communism. A History of Communist International. Ann Arbor, 1962. P. 173; *Lichtheim G.* Georg Lukács. London, 1970. P. 46.

[57] *Borkenau F.* World Communism. P. 173. П. Брайнс полагает в связи с этим, что «мнение о том, будто в начале 20-х годов Лукач давал теоретическое оправдание террору и преступлениям, которые служат революции, не представляется достаточно обоснованным» (*Breines P.* Young Lukács, Old Lukács, New Lukács // Journal of Modern History. 1979. Vol. 51. № 3. P. 544).

inslav

М.Ю. Чуканов

Граф Альберт Аппони об условиях мирного договора с Венгрией (1920 год)

С 18 января 1919 по 21 января 1920 г. (с перерывами) в Париже «делался мир»: проходила созванная великими державами – победителями в первой мировой войне конференция, целью которой была выработка мирных договоров с побежденными державами (либо с их правопреемниками). Еще до завершения работы Парижской мирной конференции были подписаны Версальский мирный договор с Германией (28 июня 1919 г.), Сен-Жерменский мирный договор с Австрией (10 сентября 1919 г.) и Нёйиский мирный договор с Болгарией (27 ноября 1919 г.).

Уже при вручении условий мирных договоров или же после ознакомления с ними представители побежденных государств подвергали их критике, отстаивая свои исходные позиции, с которыми они приехали на конференцию.

Первым в этом отношении стал главный делегат от Германии, ее министр иностранных дел граф У. фон Брокдорф-Ранцау. 7 мая 1919 г. в Белом зале Трианонского дворца председатель мирной конференции, глава французского правительства Ж. Клемансо сказал, что германским представителям вручается «книга мира», что устных переговоров относительно нее не будет и свои замечания германская делегация должна представить в письменном виде. Услышав это, глава германской делегации, не поднимаясь с места, начал читать ответную речь, в которой, в частности, заявил: «Мы ощущаем, сколь велика обращенная против нас ненависть, и мы слышим страстное требование, чтобы победители заставили нас платить как побежденных и наказали нас как виновных. От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны; такое признание в моих устах было бы ложью» 1. Выступление Брокдорфа-Ранцау, хотя и произвело впечатление на участников заседания, было расценено ими как вызывающее; впрочем, по справедливому замечанию автора, приведшего его высказывания, нет оснований «полагать, что иное поведение германской делегации (даже самое униженное) могло бы существенно изменить то, что после долгих споров уже было внесено в «книгу мира» [2].

Ознакомившись в Париже с прелиминарными условиями мирного договора с Болгарией и возвратившись в Софию для внутренних консультаций, глава болгарской делегации на Парижской мирной конференции премьер-министр А. Стамболийский в соответствии с традициями балканского красноречия сказал 30 сентября 1919 г. на заседании парламентской группы БЗНС:

inslav

«...На конференции в Париже нам вручили настоящего мертвеца, который вверг весь болгарский народ в траур. Мы знали и ожидали, что нас будут судить, что нам, болгарам, будет вынесен приговор, но мы никогда не допускали, что этот приговор окажется настолько несправедливым и жестоким... Я остановлюсь только на территориальных несправедливостях этого договора. От Болгарии отрывают часть Царибродского, часть Босилеградского, часть Струмицкого краев, всю Македонию, всю Южную Фракию и всю Добруджу. Мы оказались в худшем положении, чем сорок лет назад. И это после того, как мы растратили все наши богатства на национальное объединение...» [3]. Выражение «мир–мертвец», которым, с подачи Стамболийского, болгары заклеймили Нёйиский мирный договор, прочно укоренилось в их национальном сознании.

Прежде чем кратко сказать о реакции главы австрийской и обстоятельно – о реакции главы венгерской делегации на прелиминарные условия мирных договоров с Австрией и соответственно с Венгрией, предъявленные им на Парижской мирной конференции, следует остановиться на том, как, при различных подходах к проблеме, выглядели или выглядят последствия распада Австро-Венгерской монархии.

Если игнорировать то фундаментальное преобразование, которое претерпела Австрийская империя в 1867 г., т. е. – заключение соглашения между династией Габсбургов и «венгерской нацией» (в действительности – мадьярской политической элитой), соглашения, превратившего ее из централизованного государства в реальную (органическую) унию из двух паритетных частей – одна из них, с центром в Вене (являвшейся также столицей всей монархии), в юридических документах именовалась «королевства и земли, представленные в рейхсрате», а другая, с центром в Будапеште, именовалась «земли венгерской короны», – если игнорировать это преобразование и рассматривать Австро-Венгрию как единое государство (или, что не одно и то же, но близко с точки зрения выводов, которые следуют из соответствующей посылки, считать ее «лоскутным» образованием), то, пожалуй, не вызовет возражений точка зрения германского автора В. Шетцеля, писавшего по горячим следам версальского мирного урегулирования: «На территории прежней дунайской монархии образовались три самостоятельных государства: Австрия, Чехословакия и Венгрия. Пограничные области, к которым так жадно стремились... Италия, Польша, Румыния и Югославия, – перешли в их руки. Из новых государственных образований одна только Венгрия признает свое прошлое, в то время как Австрия и Чехословакия считают себя совершенно новыми государствами, а не продолжением старого дунайского государства» [4].

Следует, однако, подчеркнуть факт, существенно важный для понимания ситуации, сложившейся накануне открытия Парижской мирной конференции: в октябре–декабре 1918 г. произошел распад как Австро-Венгерской

inslav

монархии в целом, так и обеих ее составляющих частей, каждая из которых являлась многонациональным государством. Основным правопреемником «королевств и земель, представленных в рейхсрате», стала Немецкая Австрия, а «земель венгерской короны» – Венгрия; при этом первая уменьшилась до размеров области проживания австро-немецкого, вторая – мадьярского этнического ядра. Чехословацкая Республика унаследовала, с одной стороны, Чешские земли, ранее входившие в состав австрийской части монархии, а с другой – Словакию, выделившуюся из состава Венгрии (позднее в состав Чехословакии была включена, кроме того, «автономная территория русин к югу от Карпат», также являвшаяся частью Венгерского королевства). Галиция, порвав с Австрией и объединившись с остальными польскими территориями, ранее входившими в состав Германии и России, стала частью Польского государства (сюда вошли и области, населенные украинцами, – Западная Украина). Трансильвания, в соответствии с выраженной при поддержке наступавшей румынской армии волей румынского населения этой исторической области, перестала быть частью «земель венгерской короны» и объединилась со «старым королевством» – Румынией. Югославянские земли – Словения, входившая в состав австрийских земель, Хорватия, являвшаяся автономной частью Венгерского королевства, и Босния–Герцеговина, находившаяся под совместным управлением Австрии и Венгрии, образовали Государство словенцев, хорватов и сербов, которое вскоре объединилось с Сербией в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Ранее к Сербии была присоединена Воеводина, которая перед этим, будучи разделенной на три комитата, входила в состав венгерской части монархии.

21 октября 1918 г. в Вене, в зале заседаний нижнеавстрийского ландтага, собрались депутаты австрийского рейхсрата от округов с немецким населением, чтобы в духе манифеста императора и короля Карла от 16 октября 1918 г. о преобразовании австрийской части монархии в союзное государство населяющих ее национальностей конституироваться в качестве Временного Национального собрания Немецкой Австрии. Собрание заявило об образовании Немецко-Австрийского государства и уполномочило себя «впредь до созыва Учредительного собрания представлять на мирных переговорах немецкий народ Австрии, вести переговоры с другими нациями как о передаче им управления новыми национальными государствами, так и об урегулировании взаимоотношений с ними». В принятом решении указывалось, что Немецко-Австрийское государство будет бороться «со всякой попыткой со стороны других национальностей к аннексии» областей с немецким населением, включая Судетскую область [5]. 30 октября Государственный совет, образованный Временным Национальным собранием из членов представленных в нем партий – немецко-национальной, христианско-социальной и социал-демократи-

inslav

ческой, – назначил первое немецко-австрийское правительство [6]. Соответствующий акт еще не исключал восстановления власти Габсбургов [7], и только после отказа императора от руководства политическими делами, 12 ноября, была провозглашена республика: «...Существовала надежда на то, что недвусмысленное отрешение от ее монархического прошлого может обеспечить Австрии лучшее отношение со стороны победоносных союзных держав» [8].

В этой связи правительство Немецкой Австрии отвергало выдвинутую Союзниками концепцию правопреемственности своего государства по отношению ко всей совокупности «королевств и земель, представленных в рейхсрате» (до июля 1914 г. обе составляющие части Австро-Венгрии также не рассматривались в качестве двух различных субъектов международного права), и отстаивало ту точку зрения, что монархия распалась в результате «расчленения» и 12 ноября 1918 г. революционным путем возникла Немецкая Австрия, аналогично другим государствам, образовавшимся на территории монархии. В Вене также считали, что все эти государства «должны совместно в соответствующих квотах получить не только достояние, но и принять на себя долги двуединой монархии[9] и что этот принцип должен соблюдаться при распределении возможных репараций в пользу держав-победительниц» [10]. «Наша молодая республика, – заявил немецко-австрийский государственный канцлер К. Реннер 2 июня 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Лэ на церемонии передачи австрийской делегации первой части условий мирного договора, – образовалась в том же порядке, что и все другие государства; она поэтому не больше, чем все они, является преемницей бывшей монархии» [11].

В настоящей статье нет необходимости в деталях останавливаться на ходе и результатах обмена нотами между немецко-австрийской делегацией и Союзниками с момента вручения последними первой части условий мирного договора до вручения ими полного текста проекта мирного договора (20 июля 1919 г.), – следует только отметить, что в ответ на возражения со стороны австрийской делегации Союзники согласились сделать ей некоторые уступки в двух пунктах: 1) в вопросе о ликвидации австрийских имуществ в государствах, чьи территории прежде входили в состав Австро-Венгрии; 2) в вопросе об отказе в применении для Австрии принципа взаимности, когда дело касалось экономических отношений с этими государствами [12].

Полный текст проекта мирного договора, представленный Союзниками 20 июля, признавал за Австрией Бургенланд, часть Западной Венгрии с населением примерно 250 тысяч человек. В Бургенланде «провели голосование вокруг города Эденбурга (венгерское название – Шопрон. – М. Ч.), причем большинство высказалось за присоединение к Венгрии. В данном случае державы-победительницы стремились создать очаг постоянного столкновения интересов между Австрией и Венгрией. Дело зашло столь далеко, что в споре о принадлеж-

inslav

ности Бургенланда происходили бои между австрийскими и венгерскими войсками. Не подлежит сомнению, что тем самым воспрепятствовали сближению Австрии и Венгрии и возможному возникновению миниатюрной копии старого императорско-королевского государственного образования на Дунае» [13].

В конце работы Парижской мирной конференции на нее была приглашена венгерская делегация, и ей были предъявлены условия мирного договора с Венгрией. Это был уже третий случай, когда мирная конференция занималась венгерскими делами: в первый раз в феврале–марте 1919 г., речь шла о создании нейтральной зоны между венгерскими и румынскими войсками (результатом была отставка левоцентристского правительства и президента республики М. Каройи и установление в Венгрии большевистского режима; во второй раз в марте–августе 1919 г. Союзники, комбинируя дипломатические маневры и военные действия румынских и чехословацких войск, планомерно вели дело к тому, чтобы измотать венгерскую Красную армию и добиться устранения из правительства коммунистов и объединившихся с ними в одну партию левых социал-демократов. Лишь после свержения Венгерской Советской республики и установления контрреволюционного режима, по мнению руководителей Парижской мирной конференции, пришел момент для того, чтобы продиктовать Венгрии условия мира.

Несмотря на распад Австро-Венгерской монархии и начало складывания новой системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, несмотря на две революции в самой Венгрии (31 октября 1918 г. и 21 марта 1919 г.), несмотря на то, что под контролем правительства, созданного в результате прихода к власти контрреволюционных сил, была только сравнительно небольшая часть «земель венгерской короны», – несмотря на все это венгерская делегация на Парижской мирной конференции последовательно исходила из идей территориальной целостности исторической Венгрии и юридической непрерывности существования венгерского государства. Так, в приложении I к ноте II, приложенной, в свою очередь, к ноте А, направленной венгерской мирной делегацией 14 января 1920 г. Союзным и Ассоциированным державам, говорилось: «Мы хотим, в первую очередь, установить тот факт, что Венгрия не является новым государством, родившимся в результате расчленения австро-венгерской монархии, и поэтому не может быть сравниваема с этой точки зрения ни с немецкой Австрией, ни с Чехословацким, ни с Югославским государствами. Что касается публичного права, то Венгрия сегодняшнего дня является тем же самым государством, каким она была в своем многовековом прошлом. Она сохраняла свое положение независимого государства, когда вступила в унию с Австрией, и на протяжении всего существования этой унии... Венгрия не может рассматриваться как новое государство, созданное на развалинах монархии, но должна рассматриваться как государ-

inslav

ство, разрешающее независимо и неограниченно вопросы, которые она не могла в прошлом решать без участия Австрии» [14].

Главой венгерской делегации на Парижской мирной конференции был ветеран венгерской политической жизни граф Альберт Аппони (1846–1933). С 1872 г. он был депутатом Государственного собрания от различных партий; с 1891 г. являлся лидером Национальной партии, с 1904 г. до конца первой мировой войны – одним из лидеров Партии независимости и 48-го года. В 1906–1910 гг. Аппони были министром по делам культа и народного просвещения в коалиционном правительстве. В качестве такового он подготовил школьный закон, направленный, как признавала венгерская марксистская историография, на «усиленное притеснение национальностей» [15]. «Школьный закон Аппони, – отмечается в изданной в 1991 г. в СССР «Краткой истории Венгрии», – распространял государственный контроль на все школы, в том числе церковные и общинные. Он предусматривал перевод на венгерский язык обучения всех школ, в которых "родным языком" не менее 20% учащихся являлся венгерский. Результатом было резкое сокращение числа национальных школ. В 1907–1911 гг., например, закрылось 459 из 2 760 румынских школ» [16].

Заслуживает внимания позиция, занятая Аппони 24 июля 1914 г., в день предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии. В исследовании австрийского унгариста Х. Хазельштайнера о позиции депутатов венгерского Государственного собрания в июле 1914 г., основанном на журналах палаты депутатов за соответствующий период, говорится, что в своем выступлении Аппони «с удовлетворением отметил, что теперь в Европе, пожалуй, больше не будут характеризовать Австро-Венгрию как *больного человека*, и выразил надежду, что конфликт будет локализован» [17]. Хазельштайнер приводит слова Аппони, в которых он резюмировал то, что может ожидать Венгрия от неизбежной, по-видимому, конфронтации с Сербией: «Итогом этого великого исторического дела не может быть ничего, кроме как укрепление престижа монархии, стабилизация конституции Венгрии, ее законодательной самостоятельности и единства» [18].

Небезынтересно отметить также, что в конце 1915 г. Аппони выступил в поддержку выдвинутого депутатом германского рейхстага публицистом Ф. Науманном плана «Срединной Европы», первым шагом к созданию которой должно было стать экономическое, политическое и военное объединение Германии и Австро-Венгрии. Выступая 9 декабря 1915 г. в палате депутатов Государственного собрания, Аппони говорил и о том, что «усиление Срединноевропейского союза предполагает "присоединение к нему – не завоеванием, а посредством общности интересов, – Балканского полуострова", что в свою очередь открывает перспективу распространения его влияния на Азию» [19].

inslav

Наряду с незаурядными ораторскими способностями Аппони был известен также свободным владением пятью языками. Это и предопределило утверждение его главой венгерской делегации на Парижской мирной конференции [20].

Делегация прибыла в Париж 7 января 1920 г. Через неделю, 15 января, ей был официально вручен проект мирного договора с Венгрией, а на следующий день Аппони выступил перед Верховным советом Союзных и Ассоциированных держав, изложив венгерскую предварительную позицию. По оценке британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, присутствовавшего при этом выступлении Аппони, оно «было истинным подвигом. Сначала он произнес свою речь на изысканном французском языке, затем повторил ее на полном характерных идиом английском языке и, наконец, в третий раз он произнес ее на столь же совершенном итальянском языке» [21]. В настоящей статье в качестве основы для анализа данной Аппони оценки условий, содержавшихся в проекте мирного договора, равно как и других моментов речи главы венгерской делегации, принят ее английский текст, опубликованный на с. 539–549 книги Ф. Деака «Венгрия на Парижской мирной конференции», изданной в Нью-Йорке в 1942 г. [22]

Что же сказал Аппони высшим представителям Союзников?

Поблагодарив за предоставленную возможность изложения венгерской точки зрения, он отметил, что хотя и отдает себе отчет «в огромной тяжести ответственности», выпадающей на его долю «в тот момент, когда со стороны Венгрии должно быть произнесено первое слово» относительно предъявленных условий мира, все же он не колеблется «открыто заявить, что условия мира, в том виде, как вы соблаговолили представить их нам, таковы, что они не могут быть приняты без существенных изменений». Далее, напомнив о предварительных нотах, врученных венгерской делегацией Союзникам еще до получения ею условий мира (см., в частности, выше), Аппони сказал, что не сомневается в том, «что те ноты, которые уже вручены, и те, которые должны быть представлены в будущем, будут подвергнуты… серьезному и добросовестному рассмотрению, требуемому серьезностью ситуации». При этом, продолжал глава венгерской делегации, «мы не намерены… исходить исключительно из тех интересов, чья защита является нашей задачей. Мы ищем общую основу, на которой можем достичь взаимопонимания» (С. 539). В завершение вводной части своей речи Аппони предложил считать такой общей основой «великий принцип международной справедливости и свободы народов, столь часто провозглашаемый Союзными Державами», и «большую общую заинтересованность в мире, стабильности и восстановлении Европы» (С. 539–540). «Именно с точки зрения этих принципов и этих интересов, – заявил глава венгерской делегации, – мы рассмотрим представленные нам условия мира» (С. 540). Тем самым уже в начале выступления давалось по-

inslav

нять, что предложенные условия мирного договора с Венгрией не соответствуют ни провозглашенным Союзниками принципам, ни «интересам мира, стабильности и восстановления» на разоренном войной Европейском континенте.

От имени возглавляемой им венгерской делегации Аппони выразил удивление «крайней суровостью условий мира». Отметив, что хотя условия мирных договоров, «заключенных с другими воевавшими странами, с Германией, Австрией и Болгарией, были, конечно, тоже тяжелыми», оратор подчеркнул: ни один из этих договоров не содержал в себе «таких значительных территориальных изменений, неизбежно затрагивающих национальную жизнь», как проект мирного договора, который должна принять венгерская сторона. Историческая Венгрия, продолжал Аппони, утрачивает, согласно условиям мира, «две трети своей территории и почти две трети своего населения», а то, что от нее остается, «то есть центр страны, отделенный от своей периферии ...будет лишен всех ресурсов и средств экономического развития в тот самый момент, когда от нее (страны. – *М. Ч.*) требуется увеличивать свое производство». «Оказавшись в столь трудном и столь необычном положении, – задал риторический вопрос глава венгерской делегации, – мы спрашиваем, какой из принципов и интересов, названных выше, потребовал эту особую суровость по отношению к Венгрии» (С. 540).

Он сделал допущение, что проект мирного договора «может мыслиться как приговор, вынесенный в отношении Венгрии», и сказал, обращаясь к Верховному совету Союзных и Ассоциированных держав: «Вы, господа, те, кого победа превратила в трибунал, вы объявили виновными своих бывших противников, Центральные державы, и декретировали, что бремя компенсации за войну будет распределено между ними, ответственными за нее. Так быть по сему; но в этом случае, я думаю, при распределении бремени пропорцию должна определять мера вины... Господа! Не вступая в детальное обсуждение этого вопроса... – я должен заявить, что такой приговор не может быть вынесен стране, которая в момент, когда разразилась война, не в полной мере обладала своей независимостью, а была самое большее способной оказывать – и то только в некоторой степени – влияние на дела Австро-Венгерской монархии, – влияние, использованное, как доказано недавно обнаруженными документами, для того, чтобы выразить неодобрение шагам, которые должны были несомненно привести к войне»[23] (С. 540).

С точки зрения дипломатической тактики, проигрышными моментами в выступлении Аппони были, во-первых, отсутствие у него позитивной национальной программы для венгров в условиях более чем годового присутствия на подлежавших окончательному отделению от Венгрии территориях чехословацких, румынских и югославских войск, и, во-вторых, явно нереалисти-

inslav

ческая в сложившейся ситуации максималистская целеустановка на сохранение территориальной целостности исторической Венгрии.

По поводу первого из этих моментов Ллойд Джордж, не чуждый сочувствия к венгерской аргументации, заметил в своем сочинении «Правда о мирных договорах»: «Очень жаль, что Аппоньи (так в тексте русского издания. – *М. Ч.*) в своей речи не ограничился теми пограничными районами, которые (несмотря на бесспорное венгерское большинство) комиссия экспертов решила по экономическим и географическим соображениям передать другим государствам. Если бы он от имени своих соотечественников посвятил всю свою критику вопросу об этих районах, он располагал бы очень убедительным материалом и в некоторых случаях мог бы представить неопровержимые доводы в пользу пересмотра предполагаемых решений» [24].

Правда, Аппони упомянул, что 35% из 11 млн человек, «которые должны быть оторваны от Венгрии, – венгры, что составляет три с половиной миллиона, даже если мы будем исходить из подсчета, наименее сообразующегося с нашими интересами… Они не только не будут облагодетельствованы новым применением расового принципа, но и, напротив, пострадают от него» (С 541). Если, продолжал оратор, решение было принято во имя свободы наций, то исходной точкой при этом, «по-видимому, явилось предположение, что разнородные расы Венгрии предпочли бы принадлежать к государству, поддерживаемому родственной расой, а не к Венгрии, где гегемония венгров предъявляет чрезмерные претензии …Я прошу заметить, что то же самое предположение, в противоположном смысле, может быть применено к 45% венгров и немцев (практически во всей своей речи Аппони рассматривал немцев, составлявших 10% населения, отделяемого от венгерского государства, в блоке с венграми, что в общей сложности давало 45%. – *М. Ч.*), которые ныне должны быть прикреплены к новому государству и относительно которых надо предположить, что они предпочли бы остаться подданными венгерского государства… Но почему же… нашей исходной точкой должно быть всего лишь предположение, тогда как существует средство… для установления истины… использования которого мы громко требуем, как дающего надежду на ясное видение этого вопроса. И это средство – плебисцит» (С. 543).

Сославшись на принцип, сформулированный президентом США В. Вильсоном, а «именно, что никакая группа людей, никакое население не может быть перемещено из одного государства в другое, не будучи сперва запрошенным на сей счет, – как если бы оно было стадом скота, не имеющим своей собственной воли» [25], Аппони воззвал к Верховному совету Союзников: «…Во имя этого великого принципа, аксиомы здравого смысла и публичной морали, мы просим, мы требуем плебисцита в тех частях Венгрии, которые ныне собираются отторгнуть от нас. Я заявляю, что мы исполнены воли под-

inslav

чиниться решению плебисцита, каким бы оно ни было» (С. 543). Но дальше общей постановки вопроса о плебисците он не пошел, не наметил хотя бы приблизительно круг участников голосования. Возможно, тайной мечтой Аппони, сторонника венгерского правопорядка, сложившегося при Габсбургах, было проведение плебисцита на подлежавших отделению от Венгрии территориях в соответствии с венгерским законом XXXIII 1874 г., содержавшим ряд имущественных и иных цензов [26]. Тогда венгерско-немецкое меньшинство на отделяемых территориях превратилось бы в большинство участников голосования, и их вотумом историческая Венгрия была бы восстановлена, несмотря на условия мира, предъявленные Союзниками, и вопреки им. Но открыто сказать об этом Аппони не мог, так как это было бы абсолютно неприемлемо ни для великих держав, представленных в Верховном совете, ни для других Союзных и Ассоциированных держав.

В то же время, говоря о необходимости плебисцита, Аппони отметил, что без его проведения ни венгерское правительство, ни венгерский парламент «не могут быть, морально или юридически, уполномочены определять судьбу тех, кто даже не представлен внутри соответствующего органа... Мы действительно не могли бы считать себя полномочными – ни морально, ни юридически, – распоряжаться относительно части населения, которая не будет представлена в Национальном собрании» (С. 543). Тем самым венгерская сторона уже в самом начале резервировала за собой возможность требовать в будущем ревизии положений мирного договора, в первую очередь территориальных, поскольку венгерский парламент не был бы уполномочен на его ратификацию венграми, оставшимися по ту сторону новых границ венгерского государства. Последним же, опять-таки уже с самого начала, отводилась роль ирреденты в государствах, граничащих с Венгрией.

Что касается целеустановки на сохранение территориальной целостности исторической Венгрии, то ее внешними проявлениями в речи Аппони перед Верховным советом союзников 16 января 1920 г. были, с одной стороны, ведомая с позиций венгерского национализма критика положения, которое должен был узаконить мирный договор с Венгрией, а с другой – превознесение идеализируемого с тех же позиций состояния, существовавшего в исторической Венгрии, равно как и ее заслуг в противодействии угрозам с Востока, причем в последнем случае была разыграна антикоммунистическая карта, и «все еще горящий огонь большевизма» (С. 547) был поставлен на один уровень с турецким завоеванием (см. с. 545).

Относительно положения, которое должно было сложиться в результате вступления в силу мирного договора, Аппони высказал мрачное пророчество, согласно которому, если старая Венгрия «обладала всеми признаками органического единства, за исключением одного – расового единства», то «государ-

inslav

ства, которые предстоит построить на развалинах Венгрии в соответствии со статьями договора, также не будут иметь расового единства... и, я могу добавить, они не будут обладать каким-либо другим... Эти новые государственные образования... были бы подорваны ирредентизмом наций, ощущающих на себе не только владычество иностранной державы, но также господство нации с более низкой цивилизацией, чем их собственная» (С. 546).

Стремясь доказать свой тезис о «перенесении национальной гегемонии на расы, в настоящий момент большей частью находящиеся на более низком уровне культуры» (С. 541), Аппони привел показатели процента грамотных среди сербов и румын (словаков он не упомянул вообще, так как, согласно венгерской официальной точке зрения, их как нации не существовало) в сравнении с венграми и немцами в Венгрии. Далее он сказал: «При обращении к высшим слоям общества и учете тех, кто учился в гимназиях и сдал экзамены, соответствующие (званию) "бакалавра" во Франции, мы найдем, что процентный показатель венгров среди тех, кто закончил такое обучение или сдал экзамены, равен 84%, хотя венгры составляют только 54,5% всего населения; доля румын среди тех, кто завершил такое обучение, – 4%, тогда как они составляют 16% всего населения; сербов – 1%, тогда как их численность по отношению ко всему населению составляет 25% (по-видимому, при подсчете процентной доли сербов в составе населения Венгрии венгерские статистики включили в соответствующую рубрику и хорватов. – *М. Ч.*)» (С. 541–542).

Глава венгерской делегации на Парижской мирной конференции попытался свести объяснение сложившейся ситуации к тому, что, мол, «эти соседние народы, вследствие их несчастливой судьбы, стали членами семьи цивилизованных наций позднее, чем мы» (С. 542), хотя, несомненно, к тому, чтобы судьба этих народов и далее оставалась «несчастливой», приложили руку и венгерские государственные деятели, в первую очередь ставший в 1895 г. премьер-министром барон Д. Банфи, за годы правления кабинета которого «количество школ с преподаванием на национальных языках уменьшилось ровно на 20%» [27], а также сам Аппони, руководивший политикой в области образования в коалиционном кабинете, образованном Партией независимости и Конституционной партией (см. выше). Выступая перед Верховным советом Союзников, бывший венгерский министр по делам культа и народного просвещения парировал возможные упреки на этот счет заявлением, «что если бы националистическая политика известного времени в Венгрии была даже хуже, чем утверждают наши злейшие враги, она была несомненно более благоприятна, чем ситуация, созданная нашими соседями и их войсками на оккупированных территориях» (С. 544).

По поводу состояния, существовавшего в исторической Венгрии, Аппони прежде всего сослался на слова знаменитого французского географа

inslav

Э. Реклю, «назвавшего эту страну обладающей географическим единством, не имеющим равного в Европе. Ее система рек и долин, сходящихся от окраин к центру страны, образует единство, управляемое только единой властью. Экономическая взаимозависимость ее составных частей также совершенна: центр, образующий могучий экономический концерн, и окраины, производящие сырье, необходимое для экономического прогресса» (С. 545–546). В пределах территории исторической Венгрии, продолжал глава венгерской делегации, «не могут быть проложены никакие естественные границы, и ни одна часть не может быть отторгнута без того, чтобы другие части пострадали от этого... Новые государства, которые должны быть образованы, пересекались бы естественными географическими границами; они препятствовали бы самой обычной внутренней миграции, приближающей рабочего к более благоприятным рабочим местам; прервали бы нить традиции, связывающей в одном общем умонастроении тех, кто веками жил вместе...» (С. 546). И эта территория, «которая принадлежала Венгрии и которая юридически по-прежнему принадлежит ей, на протяжении веков играла исключительно важную роль в сохранении мира и безопасности в Европе, особенно в Центральной Европе» (С. 545).

Заверив Верховный совет Союзников, что венгерские представители на Парижской мирной конференции возлагают надежды на силу тех принципов, с которыми они связывают свои аргументы и осуществления которых они, «по-видимому, неспособны достичь в настоящее время», а также на мирные методы Лиги наций (С. 546–547), Аппони вместе с тем заявил, «что с такими неестественными узаконениями, как те, которые содержатся в условиях мира, установление мирной политической ситуации в этой... части Европы... вряд ли является возможным. Только стабильность этой территории способна предохранить Европу от опасностей, постоянно угрожающих с Востока» (С. 547).

Таким образом, хотя Аппони и признавал существование иных, наряду с венгерскими, интересов, только венгерские интересы следовало, по его мнению, удовлетворить, и он весьма энергично пытался внедрить соответствующую этому пониманию точку зрения в сознание представителей Союзников, присутствовавших на заседании Верховного совета.

Изложив свою аргументацию, он сказал: «Против всех этих тонких теорий вы можете выдвинуть, в качестве фактора, опрокидывающего аргументы, победу и право победителя... Мы сознаем наш долг, причитающийся победе, и мы готовы искупить наше поражение. Но может ли это быть единственным принципом восстановления? Может ли исключительно насилие быть основанием для здания?.. Мы не находим эти принципы в тех декларациях ... в которых вы определили цели войны» (С. 547).

Здесь уместно привести слова Ю. В. Ключникова, первого советского комментатора всех «версальских» мирных договоров, в том числе мирного

inslav

договора с Венгрией: «Глава венгерской делегации не последовал примеру своих коллег, австрийского и болгарского, пользовавшихся своей единственной встречей с победителями, чтобы наговорить им льстивых комплиментов... Максимум любезности, который он проявил в отношении их, заключался в том, что он высказал "доверие к искренности провозглашаемых ими принципов"» [28]. Наряду с этим, Аппони выразил свое уважение к «той другой Франции, всегда являвшейся авангардом в благородном начинании и глашатаем великих идей, и той другой Англии, матери всех политических свобод, и той другой Италии, колыбели Возрождения, искусств и интеллектуального развития» (С. 548). Соединенные Штаты Америки он не упомянул.

В завершение своей речи, заметив, что он «говорил только по вопросу о территории, тому вопросу, который заключает в себе все остальное» (С. 548), глава венгерской делегации добавил, что хотел бы привлечь внимание Верховного совета Союзников также к некоторым другим пунктам. Он призвал: 1) не увязывать возвращение венгерских военнопленных в Венгрию с ратификацией договора; 2) не требовать немедленного погашения Венгрией кредитов, предоставленных ей гражданами держав-победителей, так как это повлекло бы за собой банкротство Венгрии, и 3) отказаться от содержащихся в проекте положений о снабжении Венгрией Австрии железной рудой и строительным лесом, так как Венгрия сама зависит от их импорта (С. 548–549).

Для согласования с правительством позиции возглавляемой им делегации по отношению к эвентуальному ответу Союзников на его речь Аппони 18 января 1920 г. возвратился в Будапешт. Он прибыл в страну, погруженную в траур, который, опубликовав 17 января условия мирного договора, объявил находившийся в то время у власти кабинет К. Хусара. Траурные мероприятия продолжались три дня [29].

В мае 1988 г. автору этих строк довелось быть участником заседания Комиссии историков СССР и ВНР в форме «круглого стола», посвященного Версальской системе. Выступая на нем, тогдашний заместитель начальника Управления общественных наук Президиума ВАН П. Притц заявил в своем докладе: «Сегодня венгерская марксистская историография считает, что Трианон потряс все современное венгерское общество, оказал такое шокирующее воздействие на страну, что понять это чувствами и разумом человека наших дней невозможно. Из сказанного следует, что не было такой политической силы, которая смирилась бы с тем, что произошло, во всех направлениях развернулась большая работа, чтобы в последний момент как-то устранить последствия, избежать рокового удара» [30]. Что касается позиции отечественной историографии, то в «Краткой истории Венгрии», вышедшей в свет, как уже отмечалось, в 1991 г., повторена высказывавшаяся ранее точка зрения, что трехдневный траур по исторической Венгрии «был призван не только

inslav

пробудить националистические чувства и подогреть шовинистические настроения, но и отвлечь внимание общественности от безудержного террора внутри страны» [31].

В постсоветский период российская историография к этой проблематике не обращалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Драбкин Я. С.* Становление Веймарской республики. М., 1978. С. 232.

[2] Там же.

[3] См.: Македония. Сборник документов и материалов. София, 1980. С. 732–733.

[4] *Шетцель В.* Политические итоги мирных договоров (1919–1925). М.–Л., 1926. С. 75. Хотя в дальнейшем Шетцель и обнаруживает знание существования в недалеком для него прошлом двух «половин империи», он опять-таки не учитывает того, что в составе Чехословацкого государства оказались территории, входившие в состав как австрийской, так и венгерской «половин», и допускает неверное утверждение, когда пишет, что Чехословакия «представляет собой лишь значительно большую (чем Австрийская Республика. – *М. Ч.*) часть австрийской половины империи» (Там же). В предисловии к цитированному русскому изданию книги Шетцеля Ф. Ротштейн писал об ограниченности автора в том смысле, что он «очень подробно и с большим чувством рисует расчленение германского народа и распределение его обломков между другими государствами, где они образуют угнетенные национальные меньшинства». Его возмущение, – продолжал Ротштейн, – вызывает наше сочувствие; но почему у него его так мало для других нацменьшинств?.. Ясно, что г. Шетцель, как, вероятно, и многие другие его сограждане, продолжают… смотреть на себя как на “народ господ” и при случае… они покажут это на деле» (Там же. С. VI).

Явным упрощением проблемы, хотя и другого рода, является также отождествление «земель венгерской короны» с Австро-Венгрией в целом. См.: *Macartney C. A.* Hungary and Her Successors. The Treaty of Trianon and its Consequences 1919–1937. London–New York–Toronto, 1937. P. 1. Упрощение содержится и в том, что тот же автор пишет об Австрии: «Старая Австрия была не унитарным государством, а только федерацией королевств, герцогств и провинций, наследственных владений наднациональной династии, состав которых редко был одним и тем же на протяжении двух следующих друг за другом поколений. Сен-Жерменский договор просто разделил эту федерацию на ее составляющие элементы» (Ibidem).

[5] *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 года. М.–Л., 1925. С. 75.

[6] Там же. С. 92.

inslav

[7] *Турок В. М.* Очерки истории Австрии 1918–1929. М., 1955. С. 100.
[8] *Вальдхайм К.* Австрийский путь. М., 1976. С. 35.
[9] Несколько иную позицию заняло в Декларации независимости Чехословакии от 18 октября 1918 г. руководство чехословацкого движения за независимость: «Наша нация возьмет на себя свою долю из австро-венгерского предвоенного долга; – долги, относящиеся к этой войне, мы оставляем тем, кто в нее ввязался» (*Kozák J. B.* T. G. Masaryk a vznik Washingtonske deklarace v řijnu 1918. Praha, 1968. S. 70).
[10] *Вальдхайм К.* Указ. соч. С. 42.
[11] Цит. по: *Ключников Ю. В.* Сен-Жерменский мир // Сен-Жерменский мирный договор. М., 1925. С. VI.
[12] Там же. С. VIII–IX.
[13] *Вальдхайм К.* Указ.соч. С. 39.
[14] Цит. по: *Хайд Ч. Ч.* Международное право. Его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М., 1951. Т. 2. С. 76.
[15] Új Magyar lexicon. I. k. (A–C). Bp., 1959. 136. old.
[16] Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 258, 260 (с. 259 – иллюстрации). Подробнее см.: *Dolmányos I.* Kritik der Lex Apponyi. Die Schulgesetze vom Jahre 1907 // Die nationale Frage in der Österreichisch–Ungarische Monarchie 1900–1918. Bp., 1966. S. 233–304.
[17] *Haselsteiner H.* Ungarn und das Attentat vin Sarajevo. Die Stellungnahme der Abgeordneten des ungarischen Reichstages im Juli 1914 // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976. С. 614 (курсив принадлежит Хазельштайнеру).
[18] Ibidem.
[19] *Galántai J.* Die Krieszielpolitik der Tisza–Regierung 1913–1917 // Nouvelles études historiques publiées à l'occasion du XII-e Congres Internatioal des Sciences Historiques par la Commission Nationale des Historiens. Bp., 1965. T. II. P. 213.
[20] *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М., 1981. С. 213.
[21] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 169.
[22] См.: Address of the President of the Hungarian Peace Delegation, Count Apponyi, to the Supreme Council, January 16, 1920 // *Deak F.* Hungary at the Paris Peace Conference. The Diplomatic History of the Treaty of Trianon. N. Y., 1942. P. 539–549. В дальнейшем ссылки на страницы данной публикации документа делаются непосредственно в тексте статьи.
[23] Об истории вопроса см.: *Чуканов М. Ю.* Иштван Тиса о своем «звездном часе» // Вопросы истории, 1998. № 11–12. С. 105–112.
[24] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 172.
[25] Ссылка неточна. Второй из пяти принципов, выдвинутых Вильсоном в речи на совместном заседании обеих палат Конгресса США 11 февраля 1918 г.,

inslav

гласил, «что народы и провинции не должны переходить от одной верховной власти к другой (from souvereignty to souvereignty), как если бы они были движимы имуществом или залогами в игре, даже в большой игре – ныне навсегда дискредитированной – в баланс сил» (Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and other Papers (1917–1924). N. Y., 1970. Vol. 1. P. 182–183).

[26] Первую часть этого закона – «Избирательное право» – см. в кн.: Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. I. Конституционные монархии. СПб., 1905. С. 187–194.

[27] См.: Краткая история Венгрии. С. 227.

[28] *Ключников Ю. В.* Трианонский мир // Трианонский мирный договор. М., 1926. С. XV. Точная цитата в переводе с английского: «Мы верим в искренность принципов, провозглашенных вами» (С. 548).

[29] *Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 213.

[30] *Притц П.* Внешнеполитические взгляды «защитников расы» в первые годы контрреволюции. Машинописный текст на русском языке. С. 5–6 (Архив автора).

[31] Краткая история Венгрии. С. 359.

inslav

Ласло Иллеш

Взгляды Дьердя Лукача на демократизацию в современном восприятии

В центре моих размышлений – работа Дьердя Лукача «Настоящее и будущее демократизации» [1]. Выводы, содержащиеся в ней, как мне представляется, дают ответ на вопрос: насколько актуальной была эта работа для ее автора в свое время и насколько актуальным является обращение к ней сейчас. Чтобы лучше понять мысли, владевшие Лукачем в 1968 г., стоит бросить взгляд на обстоятельства, предшествующие моменту, когда он сформировал свое представление о «новой демократии». Мы увидим, что путь, который привел его к этим теоретическим умозаключениям, отнюдь не был прямым: В нем, следуя друг за другом, наблюдаются сложные этапы, нередко хватает и непоследовательности.

Проблематика «демократизации» в этом произведении тесно связана с борьбой против таких явлений, как наследие сталинизма, деформация социализма, сектантский бюрократизм. Предпосылки этого тяжкого наследия, оказавшегося во многих отношениях роковым, автор ранее считал формой проявления *стихийности.* Стихийность тредьюнионистского рабочего движения еще Ленин в своей работе «Что делать?» (1902) связывал с бюрократизмом и решительно отвергал. У Лукача указанная тема, в несколько более сложной форме, появляется в работе «Народный трибун или бюрократ?» (1940). Здесь мы читаем: «... Ленин... видит диалектическое единство жизни. Он отвергает стихийность как идеал, как ограничение, но признает как проявление жизни, как часть всеобщего движения, как его правильно осмысленный момент. Он извлекает уроки из русского стачечного движения и говорит об относительности стихийности и сознательности, о постоянном переходе первого во второе. «Это показывает, – цитирует здесь Лукач Ленина, – что «стихийный элемент» по сути дела есть не что иное, как зародыш осознания цели» [2]. Констатация относительного характера двух этих понятий (в сущности – элементарная форма диалектики) играет важную роль и в более ранних, и особенно в последующих произведениях Лукача. Из тех сторон стихийности, которые можно считать позитивными, и вырастет позже его тяга к демократии, в то время как временная приверженность негативным сторонам дает объяснение его левацким взглядам, его мессианизму, а потом, прежде всего в 1930-е годы, его амбивалентному отношению к сталинизму.

После исторического поворота, происшедшего в 1945 г., оценка Лукача сталинистской бюрократии существенно меняется: теперь он выводит ее уже

inslav

не из стихийности, а из своеобразного сталинистского толкования взаимоотношений между понятиями «стратегия» и «тактика». Таким образом, Лукач вновь обретает для себя позитивный смысл стихийности, что служит ему в последующем принципиальной опорой для разработки теории «новой демократии», в конечном счете открывая возможность демократического реформирования социализма, на которое он надеялся.

Чтобы сказанное стало более наглядным, имеет смысл заглянуть в не такое уж далекое прошлое. Когда сержант госбезопасности Пугачев 13 июля 1941 г. допрашивал Лукача на Лубянке, он спросил: чем подследственный объясняет, что его взгляды менялись так часто? Например, в будапештском журнале «Свободная мысль» Лукач выступает сторонником синдикалистов и отрицает пролетарскую революцию. А спустя полтора–два месяца становится членом коммунистической партии и делает доклад о необходимости насилия в пролетарской революции, тем самым опровергая собственную позицию. Лукач объяснил это так: в то время он еще не накопил достаточного политического опыта; к тому же падение Австро-Венгерской монархии произошло без насилия, а в 1919 г. правящие круги Венгрии добровольно уступили власть пролетариату. Из всего этого Лукач сделал вывод, что к социализму можно прийти путем эволюции[3]. Затем, когда сержант поинтересовался, какова позиция подследственного по вопросу о ведущей роли коммунистической партии в пролетарской революции, Лукач ответил: в то время он еще не понимал «руководящей роли коммунистической партии в пролетарской революции», поскольку в марте 1919 г. произошло объединение коммунистической и социалистической партий в одну партию под названием «Социалистическая партия Венгрии», т. е. коммунистическая партия de facto вообще не существовала, из чего он заключил, что основная роль в революции должна принадлежать советам рабочих и крестьянских депутатов[4]. (Позже, в ходе допроса, Лукач этот свой взгляд признал ошибочным.)

Период после 1919 г. в духовных исканиях Лукача характеризуется колебаниями между такими крайностями, как вера в революционную стихийность и партийная телеология. В связи с последней достаточно сослаться на основополагающий труд Лукача «История и классовое сознание» (1923). И еще, пожалуй, на статью «Хвостизм и диалектика» (1925), рукопись которой была обнаружена в московском архиве Коминтерна и опубликована лишь в 1996 г.[5] Эта большая, объемом с целую книгу, работа, представляла собой гневную отповедь на те – организованные по поручению Коминтерна – резкие нападки, которым Ласло Рудаш и Абрам Деборин подвергли Лукача после выхода его книги «История и классовое сознание». Лукач полагал, что «Хвостизмом» он нанес смертельный удар *бюрократической стихийности* внутри коммунистического движения. В этом он заблуждался: ответ его был крайне

inslav

несвоевременным. Ведь V Конгресс Коминтерна (1924) идею мировой революции обошел молчанием и, руководимый Зиновьевым, сосредоточил внимание скорее на выстраивании бюрократической системы учреждений Советской России. Но нельзя забывать о том, что в труде о «подчиненном сознании» Лукач целую главу посвятил Розе Люксембург. Правда, осуждение ею насильственных методов большевистской революции он не мог поддержать: ведь здесь он оказался бы оппонентом самого Ленина; тем не менее его исключительно тонкая аргументация дала возможность познакомить читателя со взглядами немецкой революционерки, которая была известна как теоретик стихийности. Однако спустя двадцать лет, когда его допрашивали на Лубянке и ему пришлось объяснять, почему он не признавал руководящую роль коммунистической партии, он, оправдываясь, снова сослался на взгляды Розы Люксембург как на фактор, который мешал ему выработать правильную позицию [6].

Завершение периода «партийной телеологии» – конец 1928 г. – ознаменовано было появлением «Тезисов Блюма». Истинные причины этого радикального поворота Михаэль Лёви усматривает – весьма проницательно – в том, что «Лукач признал правомочность сталинского тезиса о построении социализма в одной, отдельно взятой стране... «В философском же плане поворот был ознаменован его интерпретацией Гегеля, интерпретацией, отвергающей утопии, интерпретацией реалистической и примирительной», – так излагает суть этого поворота Йожеф Байер, самый авторитетный венгерский исследователь данной темы [7]. Противостоя линии Белы Куна, который следовал курсу VI Конгресса Коминтерна (1928), Лукач доказывал, что нужно стремиться не к созданию пролетарской диктатуры, которая была бы повторением уже существовавшей в 1919 г., а – неслыханная для тех времен смелость – к борьбе за демократическую рабоче-крестьянскую диктатуру. Таким образом, он, можно сказать, пытался демократическим путем расширить поле классовой борьбы в сторону демократии.

Заклейменный как «правый уклонист», вынужденный то и дело выступать с самокритикой, в политике отодвинутый на второй план, Лукач на следующем этапе, в 1930-е годы, погрузился в философские, эстетические и литературоведческие проблемы, стремясь донести до широких кругов советской интеллигенции, задавленной догматизмом, мир прогрессивных идей немецкой классики и буржуазного реализма XIX в. Это направление его деятельности некоторые склонны сегодня считать консервативным; однако невозможно не видеть в нем подрывное намерение, направленное против все более утрачивающего гибкость сталинского режима. Ждановская культурная политика почувствовала это четко. Не случайно возникли такие трудности при издании масштабного труда «Молодой Гегель», законченного в 1937 г.: ведь Лукач доказал в нем, что *отчуждение* присуще *всякой* общественной формации (чи-

inslav

тай – в том числе и советскому обществу). А дискуссия вокруг тезиса о «победе реализма» в 1939–1940 гг. привела к закрытию журнала «Литературный критик». Журнал в те времена был главной трибуной, где мог выступать Лукач: как раз тогда он разработал свою теорию, в соответствии с которой для создания большого искусства не так уж необходимо «самое прогрессивное мировоззрение», но без художественного таланта не обойтись.

«Партизанская борьба» Лукача достигла своего апогея в статье «Народный трибун или бюрократ?» (1940). Анализирующая литературные вопросы в свете работ Ленина, она направлена против окончательно теряющей гибкость политики. Уже здесь появляется, пока лишь как сигнал о наличии проблемы, как бы предвосхищая последующее раскрытие, взаимосвязанная пара понятий «тактика» и «стратегия»: «Этой объективной непосредственности предмета закономерно соответствует ограничение субъективной стихийности поведения», – рассуждает Лукач; а затем продолжает: «Все, что выходит за пределы этой корреляции, что основывается на познании объективных взаимосвязей и законов развития *всего* общества, *в принципе* отвергается как *непролетарский,* как *чуждый элемент.* Примитивность стихийной реакции на непосредственные причины противопоставляется теоретическому познанию всеобщности как более высокая форма субъективности, как более адекватное отношение к действительности» [8].

В августе 1945 г. Лукач вернулся на родину и продолжал развивать ту линию, которую начал разрабатывать в Советском Союзе. Однако то, что там он имел возможность высказывать лишь на «рабском языке» (выражение Б. Брехта), теперь он излагает свободно, наивно веря, что после военной победы над фашизмом, после завершения войны европейская культура должна вступить в стадию демократического обновления гражданственного характера. В таком духе выдержаны были его выступления на различных дискуссионных форумах: например, многим запомнившийся доклад на тему «Аристократическое и демократическое мировоззрение» [9], прочитанный 9 декабря 1946 г. в Женеве, на международной встрече. Лукач говорил о необходимости обновления демократической, гуманистической духовности, стоящей на почве рационализма, и одновременно резко критиковал иррационалистические философские системы и формальную демократию, по-прежнему таящую в себе опасности, вырвавшиеся на поверхность в недавнем прошлом. В своей идейной борьбе он пользовался тем философским арсеналом, который разработал в статье «Борьба либерализма и демократии в зеркале немецкого антифашистского исторического романа» (1938).

Хотя представления Лукача о «новой демократии» в это время были еще довольно смутными, можно одно сказать с уверенностью: социально-экономической основой ее («новой демократии») он никак не мог считать тот

inslav

социализм, который был осуществлен в Советском Союзе; такой основой он представлял некое состояние перехода по направлению к социализму. Другой сущностный компонент его концепции – то, что ему виделось (представляясь реальным) как развитие *непосредственной демократии*; связанные с этим идеи напрямую предвосхищают будущую работу «Настоящее и будущее демократизации». Напомнив, что «Великую Французскую революцию, причем как раз в героический ее период, полностью пронизывал дух непосредственной демократии», Лукач затем рассуждает так: «Развитие идет в том направлении – параллельно с сознательным институциональным и общественным подъемом политического самосознания масс, – чтобы государственная, общественная и культурная жизнь в подавляющей своей части оказывалась под непосредственной инициативой, непосредственным управлением, непосредственным контролем заинтересованных в этом масс... [ради того,] чтобы победивший народ... удержал и упрочил свою власть, чтобы власть эта сразу же приобрела социалистические формы... Сегодня это – центральный вопрос, от которого зависит судьба демократии в Европе» [10].

В формировании вышеизложенных взглядов на Лукача наверняка оказывала влияние память о стихийном революционном подъеме, имевшем место в Венгрии в 1918–1919 гг. Однако похоже, что после таких событий, как знаменитая речь, произнесенная Черчиллем в Фултоне 5 марта 1946 г., решение Коминтерна по вопросу о Югославии (июнь 1948 г.), процесс Райка в Венгрии (1949 г.), как превращение народно-демократических государственных режимов Центральной и Восточной Европы в пролетарскую диктатуру, прежние представления Лукача стали выглядеть как иллюзии. А после венгерских и польских событий 1956 г. он попал под перекрестный огонь сталинистских и постсталинистских сил и, будучи объявлен главным представителем ревизионизма [11], утратил даже статус партнера в споре. Желая того или не желая, Лукач вынужден был убедиться в неизменной справедливости тезиса, который «Манифест» описывает в схеме «есть два класса». Как говорится в его статье «О проблемах культурного сосуществования», написанной в 1964 г., «две основополагающие экономические формации в основе своей носят универсальный характер» [12].

Учитывая сказанное выше, мы, вероятно, сможем более объективно оценить реальное содержание предложений Лукача относительно демократизации. Предложения эти были сформулированы в 1968 г., который стал годом студенческих волнений в Западной Европе, годом Пражской весны; события эти побудили его поверить в наступление «ренессанса марксизма». Однако партийная верхушка – опасаясь, в числе всего прочего, и неодобрения с советской стороны – ответила на непрошеные предложения тем, что постаралась их замолчать. Оригинальный текст написанной по-немецки статьи поя-

inslav

вился лишь в 1985 г. (да и тогда ее запрещено было распространять); венгерский же перевод – после публикации нескольких фрагментов в журналах – увидел свет в 1988 г., т. е. ровно через двадцать лет после написания, слишком поздно для того, чтобы прозвучать в широком диалоге адекватно своему весу. Сущностная черта, исходный пункт работы «Настоящее и будущее демократизации», как мы уже отмечали, – это расчет со сталинизмом; одновременно она стала подведением итогов значительного этапа жизни и творческого пути автора. «Расчет» этот не был лишен предыстории. Об этом свидетельствует и выступление Лукача 15 июня 1956 г. в кружке Петефи, и «Постскриптум» 1957 г., и статья «Частное письмо о сталинизме» (1962) [13]. «Письмо...» Лукач написал по просьбе Альберта Кароччи, издателя журнала «Нуови аргументи», оно являлось ответом на анкету, посвященную XXII съезду КПСС, состоявшемуся в октябре 1961 г. «Письмо», разросшееся до размеров научного исследования, глубоко анализирует природу «культа личности», подводя читателя к выводу, что название это отвлекает внимание от сути, от того, что речь здесь идет о проблематике *системы в целом.* Уже здесь бросается в глаза та важная мысль Лукача, что происхождение этого явления следует искать во внутренней и в *международной* ситуации русской пролетарской революции 1917 г. После смерти Ленина, пишет Лукач, закончился период гражданских войн и интервенции, «но без малейшей гарантии относительно того, что он не начнется снова» [14]. Профессор Вернер Хофманн, экономист и социолог, в 1961–1969 гг. состоявший в переписке с Лукачем, именно этот момент считает причиной принявшей грандиозные масштабы мании преследования, порожденной ситуацией враждебного окружения и постоянной угрозы. В своей работе «Что такое сталинизм?» [15] (1965) Хофманн перечисляет такие факты, как приход к власти фашизма в Италии (1922 г.), легальная победа нацизма в Германии (1933 г.), агрессия Японии против Манчжурии (1931 г.), затем против Китая (1947 г.): все это вынуждало Советскую Россию, боровшуюся за право на существование, принимать превентивные меры. Меры эти были следующими: ускоренное развитие тяжелой промышленности, необходимое для этого накопление капитала – за счет крестьянства, со всеми ужасными последствиями, которые отсюда вытекали; все это предполагало постоянную готовность к репрессивному подавлению возникающего в такой обстановке недовольства; подозрительность, недоверие, жестокость, становясь самодовлеющими, создавали благоприятную атмосферу для показательных процессов, нагнетали в обществе нездоровую атмосферу неуверенности и страха. По мнению Хофманна, в условиях капиталистического окружения, угрожающего самому существованию советской власти, социалистический строй и не мог консолидироваться так, как это представляли себе классики марксизма. Революция победила не в самых развитых регионах, а в отсталой аграрной стране,

inslav

где и без того были сильны деспотические традиции; вот почему в центре политической жизни и партийных дискуссий оказался тезис о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране». «В данном вопросе в дискуссиях 20-х годов Сталин был, в отличие от Троцкого, абсолютно прав», – пишет Хофманн 11 апреля 1964 г. Лукачу [16].

Глядя из сегодняшнего дня, конфронтацию Лукача со сталинизмом следует считать амбивалентной; по-другому и не могло быть, поскольку Лукач последовательно стоял на принципиальной позиции исторической оправданности пролетарской революции, он никогда не был «вероотступником», ренегатом, считая необходимыми и неизбежными кардинальные меры, принимаемые в интересах защиты советской власти, и потому действительно стал в какой-то мере «заложником» системы, из плена которой попытался освободиться лишь со значительным опозданием, увидев ее антидемократизм, подрывающий основы самого социализма. Это подтверждают его рассуждения в статье «Социализм как фаза радикальных, критических реформ» (опубликована в 1969 г.). Лукач пишет здесь, что в борьбе, которую Сталин вел против линии Зиновьева–Куна, а также против Троцкого и Бухарина он, Лукач, в принципе поддерживал Сталина и признавал правильность курса на «построение социализма в одной, отдельно взятой стране». А громкие политические процессы он в те времена, по его словам, рассматривал «как революционное подавление действительно существующей оппозиции строящемуся социализму... хотя в историческом плане было очевидно, что применяемые средства можно критиковать». Критика «однако должна была быть молчаливой, ибо важнее всего была борьба против Гитлера» [17]. Даже спустя три десятилетия он считает необходимым подчеркнуть: обоснованные и оправданные реабилитации вовсе не означают, будто «в реабилитации нуждаются и политические ошибки, ложные перспективы, присущие затронутым лицам» [18]. Здесь он имеет в виду прежде всего Троцкого.

Таким образом, Лукач одобрял подавление оппозиции, ибо прекрасно видел те исключительные трудности, с которыми пришлось столкнуться руководству Советской России, когда оно приступило к «построению социализма в одной, отдельно взятой стране». Экономика страны, пережившей мировую войну, гражданскую войну, буржуазную военную интервенцию, лежала в руинах. Но речь шла не только о том, что нужно было достичь прежнего экономического уровня: предстояло пойти дальше и заложить основы нового общественного строя. И когда были сделаны (в ходе первой пятилетки, в 1929–1932 гг.) первые шаги в этом направлении, когда произошло – за счет крестьянства – признанное неизбежным накопление «первоначального» капитала, – советское руководство оказалось лицом к лицу с надвигающейся, все более реальной фашистской опасностью. Эти явления, возникшие как след-

inslav

ствие «неклассической» революции, вероятно, и побудили Лукача прийти к мысли, что причиной волюнтаристской репрессивной внутренней политики была психическая реакция на смертельную опасность, на ощущение загнанности в угол, так что удушение демократизма советской власти, бюрократизация общественной жизни, т. е., в сущности, «советский Термидор» – поддаются если и не оправданию, то, во всяком случае, объяснению. В то же время он словно бы не понял, что та искусственно нагнетаемая истерическая атмосфера, в которой совершались жестокие репрессии, была следствием сталинской «теории» об обострении классовой борьбы. Так что Лукача нельзя обвинять – как это делали многие – в активном сталинизме; хотя при этом не вызывает сомнений, что его подспудное критическое отношение временами уходило слишком глубоко в подсознание, а по-настоящему развернулось лишь после 1956 г.

Лукач не упустил возможности высказать свое одобрение и по отношению к достижениям сталинской экономической политики. Он и здесь признает позитивную функцию насилия, подчеркивая, что к насилию «...часто прибегают для того, чтобы с его помощью разрушить примитивные производственные отношения (коллективизация), тогда как его главная цель – непосредственно создать количественные и качественные предпосылки, дающие объективные экономические возможности для подлинного построения социализма с высоким уровнем производительности» [19]. Уже сегодня, на подступах к этому этапу, пишет он, «Советский Союз ... великая экономическая держава, вторая крупнейшая индустриальная страна мира. И такого уровня он достиг благодаря тому, что не сделал ни малейшей уступки в главном вопросе экономического курса, ведущего к социализму, – в вопросе об общественной собственности на средства производства» [20]. В другом месте он лаконично замечает, что свержение капитализма в 1917 г. ни в коем случае не было ошибкой, поскольку эксплуатация народных масс в России приняла невыносимые масштабы, и только большевики стремились закончить войну и раздать землю обнищавшему крестьянству [21].

Таким образом, исходный момент никогда не стоял для Лукача под вопросом. Он непоколебимо верил, что захват пролетариатом власти в 1917 г. органически вытекал из российской истории и был правомерным шагом. Если смотреть на последствия с точки зрения этой аксиомы, становится понятным, почему Лукач – в отличие от противников социализма, какой бы масти они ни были, – искал корень бед не в имманентном существовании советского строя, но во внутреннем надстроечном уровне, возникшем в результате угрозы со стороны международной буржуазии, и часто склонен был объяснять эти беды характером Сталина, тем, что проблемы тактического плана перерастали в стратегическую теорию. Однако возведение принципа «Roma locuta, causa

inslav

finita» в государственный принцип привело к подавлению творческой, новаторской инициативы народных масс. О возможных в 1930-е годы альтернативах Лукач рассуждал так: «Реальная историческая альтернатива приняла следующую конкретную форму: как согласовать с формами развития ту центральную проблему, которая неизбежна с точки зрения социализма, ибо создает для него объективные основания, – следует ли совершенствовать общественные предпосылки социалистической демократии на каждом уровне экономического развития ... или в интересах экономического прогресса социалистическую демократию нужно отодвинуть на второй план, а то и полностью от нее отказаться?» [22]. Сталин, считая, что СССР находится в империалистической блокаде, избрал второй путь: он стремился прежде всего наращивать экономическую и военную мощь Союза – и ради этого встал на путь подавления любых мнений, расходящихся с его концепцией, на путь массовых репрессий, даже убийств, чем – в конечном счете – предопределил наступивший позже моральный (и реальный) крах социализма советского образца.

Как бы там ни было, приверженность Лукача идее демократизации ни в коем случае не означала отступления от *демократического социализма* к буржуазной демократии. Многократно упоминаемое «tertium datur» у него подразумевало не такого рода отступление, а демократизацию *внутри* социализма. (Этим, среди прочего, объясняется, почему его так яростно ненавидят новообращенцы.) Подобно Брехту, который тоже с недоверием относился к политической формации, опирающейся на многопартийную систему, Лукач чувствовал в буржуазной демократии опасность зарождения фашизма. Он еще слишком хорошо помнил крах веймарской демократии, ее «легальный подрыв», о котором Хоркхаймер и Адорно метко сказали: «Тот, кому грозит быть проглоченным, ищет спасение в том, чтобы быть проглоченным» [23]. О буржуазном парламентаризме у Лукача было следующее мнение: он есть «... средство, пригодное для того, чтобы проводить в жизнь эгоистические интересы определенных групп капиталистов, создавая при этом видимость ничем не ограниченной свободы» [24]. Многопартийную систему буржуазной демократии он также отвергал: «Буржуазная демократия как альтернатива открывает для социалистического государства, переживающего критические времена, греческую перспективу» [25]. Лукач имеет здесь в виду хунту, пришедшую тогда к власти в Афинах, но при этом не упускает возможности процитировать мнение Маркса о демократии греческого полиса, экономическим базисом которого являлось рабство, в связи с чем «демократическая борьба там всегда разворачивается внутри привилегированного меньшинства, в то время как огромные массы, собственно производители, в принципе лишены возможности участвовать как в хозяйственной, так и в любой другой активной форме общественной жизни» [26].В своей работе о демократизации Лукач решительно не при-

inslav

емлет и идею касательно введения внутрипартийного плюрализма: «Марксизм на любой вопрос знает лишь один–единственный правильный ответ, соответствующий объективной реальности». Ответ этот, конечно, «рождается не по решению какого-либо органа: он требует изучения, анализа» [27]. Еще более решительно выступает он против «намерений отдельных идеологов» осуществить реформы «с помощью многопартийной системы» [28].

Понимая, какая существует взаимосвязь между его взглядами на природу сталинизма, с одной стороны, и на буржуазную демократию, с другой, мы можем полнее разобраться в том, что он думал, во времена разрядки, о возможном сосуществовании двух мировых систем. Он отвергал толкование конвергенции, в соответствии с которым две различные системы (т. е. капитализм, опирающийся на частную собственность, и государственный капитализм, в обиходе называемый социализмом), опирающиеся на один и тот же экономический базис, то есть являющиеся двумя типами индустриального общества, со временем отождествятся друг с другом: для Лукача решающее значение имел характер собственности на средства производства. Свои взгляды на сосуществование Лукач отразил в двух объемных документах. 28 июня 1956 г. он выступал с докладом в Политической академии ВПТ; вторая работа написана восемь лет спустя, т. е. здесь мы можем опираться на его мнение, высказанное уже после октябрьских событий 1956 г. в Венгрии и перед событиями 1968 г. [29] Лукач исходил из того, что две системы, если они руководствуются взаимным доверием и желанием понять друг друга, способны вести друг с другом диалог. «Мирное сосуществование двух систем следует понимать буквально, – считает Лукач, – в том смысле, что оба мира живут по собственным законам развития. Обе стороны признают это право за другой стороной. И на этой основе может потом возникнуть диалог, спор, разговор, все более высокая степень постоянных контактов, начиная с политики и экономики и кончая культурой» [30].

Конечно, с социалистической стороны диалог можно было вести только с «безопасной позиции, защищенной властью». Практически осуществить мирное сосуществование позволяет, по мнению Лукача, радикально изменившееся *международное положение*. В работе о демократизации Лукач доказывает, что у социализма уже нет причин опасаться нарушения преемственности, разрыва с привычным прошлым. «Ленину еще приходилось использовать редкие “короткие передышки” на пределе сил, в условиях, когда советы подвергались постоянной смертельной опасности. Великие политические свершения социализма в недавнем прошлом (победа над Гитлером, атомное противостояние) объективно создали гораздо более прочную основу для “передышек”, которые можно обратить на внутреннюю перестройку... тот общественный тыл, который [империалисты] могут бессовестно и в пол-

inslav

ной мере использовать в своих интересах, сегодня совсем иной, чем был в 1914 году и сразу после войны... опасность вооруженной интервенции империализма в то время была куда более серьезной, чем нынче», – рассуждает Лукач [31]. Как свидетельствует одно из его писем к Вернеру Хофманну (1969 г.), он именно по этой причине не соглашается с беспокойством немецкого социолога, который считал, что манипулируемая буржуазная демократия движется к неофашизму; хотя Хофманн довольно глубоко анализирует ситуацию: «Всюду, где режиму не угрожает непосредственная опасность, господствующие элиты не принуждаются к прекращению действия конституции; они удовлетворяются тем, что перекраивают ее в соответствии со своими потребностями, перешагивают через ее дословное понимание» [32]. Вызванного внутренними силами краха той основы, которая давала возможность для выстраивания теории мирного сосуществования, а вместе с тем краха своих наивных иллюзий Лукач уже не застал.

Глядя из сегодняшнего дня, было бы, пожалуй, несправедливо считать эти рассуждения Лукача всего лишь беспочвенными мечтаниями. В дни октябрьского народного восстания, которое началось как демократическая социалистическая революция, Лукач, ученый и теоретик, наверняка не предвидел, куда приведет ход событий. Но как идеолог, приобретший опыт в политической борьбе, он обязан был это знать. Ирония истории заключается в том, что на это ему вынуждены были указать именно его оппоненты из среды постсталинистов. Вот что мы читаем в журнале «Айнхайт»: «Теория сосуществования антагонистических идеологий – не что иное, как предательство классовой позиции партийности, предательство борьбы за цели рабочего класса. Предпринятая Лукачем попытка заставить нас подменить правильную политику мирного существования различных государств ложным тезисом о сосуществовании антагонистических идеологий приведет в нынешний критический период сосуществования лишь к смятению умов» [33].

Дело лишь в том, что Лукач был глубоко убежден: ренессанс марксизма в обстановке мирного соревнования двух мировых систем может закончиться только победой социалистических идей. «Автор этих строк, – писал он, – вовсе не скрывает своего убеждения, что вновь обретающий себя, вновь подлинный марксизм выйдет победителем из соревнования мировоззрений, идущего в рамках культурного сосуществования» [34]. В свете сказанного следует понимать и его требования, касающиеся нарушения преемственности и необходимости решительного расчета с наследием сталинизма. Вытекающий из этого его убеждения оптимизм объясняет и те его слова, которые прозвучали в одном его, данном незадолго до смерти интервью, где он, среди прочего, делится своими воспоминаниями о событиях 1956 г.: «Пятьдесят шестой год я воспринял как великое стихийное движение. Этому стихийному движе-

inslav

нию нужно было дать какую-то идеологию, и я взялся в некоторых своих докладах выполнять эту задачу» [35]. Он полагал, что, благодаря популярности Имре Надя, удастся «стихийное (очень разнородное) движение все-таки удержать в социалистических рамках». «Поэтому я принял, – пишет он, – и членство в партии, и даже пост министра, – все ради того, чтобы помочь осуществлению этой цели» [36].

Здесь снова выходит на первый план его идеал: вера в стихийность прогрессивных общественных движений красной нитью проходит по страницам работы «Настоящее и будущее демократизации». Надежда на возможность реформирования социализма прослеживается и в его написанных в эти годы работах о творчестве Солженицына. Еще в 1964 г. он опубликовал свою нашумевшую статью «Один день Ивана Денисовича»; затем, в 1969 г., уже после чехословацких событий, после спада западноевропейских студенческих волнений, аналитическую работу под названием «Романы Солженицына». В течение этого пятилетия, отягощенного внушающими тревогу изменениями, идейные позиции Лукача остались незыблемыми: он, как и прежде, питал надежду на возможную демократизацию социализма, ища ее подтверждение в литературе. В произведениях Солженицына он приветствовал проявления народного, плебейского мироощущения, тот поэтический потенциал, формирующий структуру романа, который характеризовал русское критическое реалистическое искусство от Толстого до Горького и Макаренко, и тот идеал гражданственности, который воплощен у Томаса Манна. Солженицына он характеризовал как явление мировой литературы, относящееся все к тому же великому литературному направлению; Солженицын в своих произведениях (а они диктовались ему его судьбой), подтверждает, считал Лукач, ту мысль, что «сегодня центральной проблемой социалистического реализма является критический пересмотр сталинской эпохи» [37]. Но эту писательскую работу в сфере идей, как по-прежнему представлял Лукач, можно выполнять, лишь опираясь на традиционные мировоззренческие основы. «Ясно, – утверждает он, – что подлинное мужество и стойкость заключаются в том, чтобы, отвергнув сталинские извращения, укрепить и углубить подлинно марксистские, подлинно социалистические убеждения, повернуть их к новым проблемам» [38]. Наивная вера в возрождение марксизма побуждала Лукача видеть в Солженицыне такого писателя, который объективно служит своими произведениями укреплению социалистического строя. «Ни в одном из его романов нет ни одной такой фигуры, – пишет он, – чье мышление и эмоциональный мир хотя бы отдаленно были направлены на реставрацию, на свержение социалистического строя или на восстановление капитализма» [39]. Статьи Лукача пропитаны давнишней его антипатией к распространенному в западных литературах авангардизму, к модернистским литературным техническим приемам. Однако

inslav

метод, которым написаны романы Солженицына, явно не соответствует поэтике великой литературы критического реализма, поэтому Лукач – следуя своим идеологическим установкам – даже готов позитивно «переосмыслить» солженицынскую технику монтажа. Писатель, пишет он, «для того, чтобы правдиво изобразить ... исключительно важный с исторической точки зрения переходный этап пути, ведущего человечество к социализму – вместе с глубокими противоречиями и бросающимися в глаза негативными чертами этого этапа, – выбирает соответствующий характеру действия эпический метод с его рыхлой связью деталей [40]. Таким образом, в этих литературно-критических рассуждениях Лукача просматривается та же иллюзия, та же историческая телеология, которая своими утопическими перспективами закрыла перед ним конкретную реальность настоящего.

Феномен стихийности взбурлил в вихревые дни Венгерской советской республики; затем он почти на полтора десятилетия был вытеснен идеей декларированного классового сознания, но после этого снова стал искать для себя подходящее русло, чтобы достичь полноты в требовании демократизации. Однако когда Лукач пришел к мысли, что «первый шаг к социалистической демократизации, по-моему, заключается в том, чтобы сегодня – имея в виду общественную динамику – мобилизовать в значительной степени «немое», «подпольное» общественное мнение, переведя его на уровень регулярной публичной практики» [41], он даже не подозревал, какого многоликого джинна выпускает из кувшина. Ибо эти «немые», «подпольные» слои в подавляющей своей части были заинтересованы не в демократизации социализма и не в продолжении диалога, а скорее в «смене», уничтожении системы.

Конечно, Лукач не к этим слоям адресовал свои предложения. Он требовал от марксистов сознательной работы, считая, что «речь здесь идет о такой активности, движущей и руководящей силой которой неизбежно может быть только коммунистическая партия» [42]. Сделав выводы из искажений, объединяемых понятием «сталинизм», Лукач в статье о демократизации предложил разделить партийную и государственную структуры, обеспечить независимость судей, избавить профсоюзное движение роли «приводного ремня», открыть простор для свободных дискуссий, восстановить ленинское понимание партийности («партийность – высшая степень объективности»), освободиться от упрощений и вульгаризации в сфере науки и искусства, оживить роль «посреднических моментов», развивать «гражданское самоуправление», выстроить равноправные отношения с «союзниками», в конечном счете – избавиться от отчуждения, боязни, подозрительности и недоверия. И вообще требовал «демократического обновления всей жизни ... общей демократизации в коммунистическом смысле» [43].

inslav

Чувствовал ли он, что его предложения не встретят отклика?

В эти трудные годы, в круговороте событий, что он мог предпринять как теоретик? Да, он вновь обратился к Марксу и Ленину, ища у них поддержку и опору. Его внимание привлек 3-й тезис Маркса о Фейербахе, тезис, где речь идет о воспитании воспитателей: «Органом такого самовоспитания человека – глядя с точки зрения всемирной истории: самовоспитания до уровня подлинно человеческого бытия, в марксовом смысле слова – является социалистическая демократия»[44]. И Лукач ссылался тут на Ленина, который мечтал, чтобы люди «начали постепенно выстраивать... свою жизнь и свои отношения с другими людьми в духе подлинно человеческого бытия» [45]. В условиях социализма, реально существующего, но находящегося в глубоком кризисе, все это осталось пустыми мечтами, которые – если не иметь в виду случавшиеся неоднократно в прошлом стихийные взрывы великих страстей – в буднях истории никогда не были осуществлены. Не существовало такого социализма, который бы не закрыла мрачная тень бюрократизма (впрочем, то же относится и ко всем разновидностям буржуазной демократии).

Складывается впечатление, что большинство членов общества даже при социализме, несмотря на воздействие идеалов и классового сознания, вовсе не тянутся к идейному совершенствованию и повышению производительности труда, но действуют прежде всего под влиянием таких стимулов, как материальная заинтересованность. Давний оппонент Лукача, Лайош Кашшак, понял это еще пятьдесят лет назад: «Революции ... позволили мыслящему человеку постичь ту истину, что, опираясь исключительно на органы насилия, исключительно экономической революцией проблемы сегодняшней жизни решить невозможно. Капиталистический общественный строй... обладает и огромной моральной силой, и именно потому голодного бунта угнетенных недостаточно, чтобы ему противостоять. Ибо их голод, увы, в любой момент ... поддается утолению – дай лишь ломоть хлеба побольше. Революция начинается, желая спасти мир, но, споткнувшись о кусок хлеба, умирает, как простой бунт»[46]. В Советском Союзе материальные стимулы в течение нескольких десятилетий не действовали совсем, в странах народной демократии проявлялись лишь в урезанном виде. В то же время народным массам не грозил – тут на страже стояли социалистические принципы – призрак безработицы. Настоятельная потребность повышения общественного производства в этих условиях – mutatis mutandis – опять же приводила в движение вездесущую бюрократию. На меры принуждения те, кого они касались, отвечали снижением эффективности. Лукач этот простой механизм видел лишь частично. Запутанные объяснения, которые он давал на прямой вопрос, проникнуты сознанием грустного бессилия. Подобное мы наблюдаем и в той работе, о которой здесь идет речь: «Более основательный и глубокий анализ существующих

inslav

сейчас социалистических обществ показал бы, что, хотя объективно в них перестала существовать, стала невозможной всякого рода эксплуатация человека человеком, однако общественно-экономическое развитие здесь сложилось таким образом, что хозяйственная, практическая жизнь не может – еще не может – вызвать к жизни такие ситуации и тенденции, которые изменили бы трудящихся, причем через их собственное индивидуальное бытие, через общество как совокупность средств для экономического воспроизводства тотальности, – изменили бы таким образом, чтобы их собственная субъективная сущность развивалась в направлении, которое со временем сделает их готовыми стать свободными людьми коммунистической формации [47]. Без этого, однако, добавляет он, «никогда не может возникнуть коммунистическое общество, какого бы высокого уровня ни достигло материальное производство» [48].

Тревоги Лукача в этом плане оправдались. Принимая все сказанное во внимание, мы должны сказать, что и Лукач, запутавшийся в прочной сети банально простой дихотомии «частная собственность – общественная собственность» и ее следствий, оказывающих воздействие на всю историю и общественное бытие, относится к тем мечтателям, которые до самого последнего времени тщетно бились, апеллируя к сознанию и уповая на методы морального воздействия, над неразрешимой задачей искупления страдающего человечества. Самая масштабная доселе попытка «искупления», предпринятая в XX в., провалилась; провалилась, скорее всего, окончательно и бесповоротно. Но материал «эксперимента» остается в наследство XXI в. События «исторического поворота» помогли широким массам народа осознать, где их место в этом катаклизме, и, если они вообще отдают себе отчет, что существует такая штука, как «классовое сознание», то хотя бы использовать ее для осмысления своего положения. Процесс этот в значительной мере осложнен – вследствие прилежных усилий средств массовой информации, стремящихся затуманить сознание масс. Сюда же следует отнести и то обстоятельство, что перед «поворотом» не нашлось крупного теоретика, который сумел бы рассмотреть вопрос, как мобилизовать творческие силы масс в условиях, когда средства производства находятся в общественной собственности. Это был punctum saliens краха «великого эксперимента».

Поражение реального социализма в Центральной и Восточной Европе связано было с тяжелыми внутренними экономическими и политическими проблемами, накопившимися в системе; но тому, что крах этот произошел так быстро, в значительной мере способствовало оппортунистическое предательство лидеров и идеологов системы. Разрушить существующий режим, объявить его не поддающимся исправлению было куда проще, чем заниматься реализацией предложений Лукача. Сотни миллионов трудящихся, лишенных средств производства, после исторического поворота попали из огня да в по-

inslav

лымя; вечная проблема универсального противоречия между трудом и капиталом осталась прежней и по-прежнему нерешенной. Наивный тезис Фукуямы об окончательной победе либерализма оказался, в силу исторических причин, справедливым разве что для Западной и Северной Европы, для Северной Америки. Опасения Лукача, что в Восточной Европе после смены режима может сложиться «греческий вариант», не оправдались; но нельзя забывать, что обостряющиеся социальные противоречия в новых условиях меняют свой характер и могут вырываться на поверхность в форме этнических конфликтов (как это произошло на Балканах и происходит на других континентах). Рвущаяся вперед «победоносная» либеральная демократия, прежде всего в форме англосаксонской глобализации (раньше это называли империализмом), по самой сути своей вырабатывает отчуждение, неуверенность широких масс в завтрашнем дне, преступность (которая представляет собой весьма эффективную форму эксплуатации), коррупцию, которая пропитывает насквозь экономику и общество, наркоманию как простейшую форму бегства от отчаяния, пренебрежение к эффективным решениям проблем больших групп населения широких маргинальных сфер, людей, находящихся в заведомо более трудных условиях (безработные, старики, инвалиды, женщины, вступающая в жизнь молодежь). Более изощренными методами, но по-прежнему идет эксплуатация бывшего «третьего мира» и «развивающихся» постсоциалистических стран. Лукач боялся греческой хунты, в его фантазии еще не мог появиться расползающийся по земному шару призрак «постмодерна». Международная буржуазия раздавила своего естественного партнера по диалогу, – рабочий класс и вместо него получила в качестве противника глобальный терроризм.

Сегодняшняя носительница того, что Лукач с едкой иронией называл «аристократическим мировоззрением», золотая или «солнечная» (Г. Бенн) элита, стремится во всемирных масштабах создать социальную модель по схеме «одна пятая к четырем пятым». В своем женевском докладе Лукач – вспоминая прошлое – отчетливо видел социологический смысл, «заказной» характер философских теорий о человеческом неравноправии как «естественном состоянии». Если вспомнить рассуждения Маркса о рабовладельческой демократии полисов (демократии, которая на протяжении всей истории оставалась для человечества вечным образцом), то мы, вольно или невольно, согласимся с тем, что история повторяется «на более высоком уровне спирали».

По всей видимости, сейчас, спустя четверть столетия после того, как Лукач сформулировал свои рекомендации (с тех пор утратившие предметность) относительно демократизации социализма, настало время, когда «передовые умы» социалистических и социал-демократических партий должны задуматься над вопросом: что должно следовать из этого исторического перелома? Скромным итогом прежних мыслительных усилий в этом направлении

inslav

стала теория «нового центра». Это – то понятие, с помощью которого высший аппарат партий и сам Социалистический Интернационал (может быть, за исключением стран Средиземноморского бассейна) стремятся войти в «великую нарративу» глобализации, занять место в нижних слоях *обслуживающей элиты*, той инфраструктуры, которая окружает *золотую элиту,* и распространить свое влияние на эти сферы, уже отнюдь не считая своим главным призванием защиту интересов низшего, преобладающего большинства. Эту миссию пытается – во всяком случае, теоретически – сохранить сейчас лишь узкий слой рабочих и интеллигенции, слой, который – если воспользоваться выражением Лукача – плывет против течения. Видимо, такой формулой можно определить своеобразие охватившей весь глобус «демократии греческого полиса» в XXI в.

Свою книгу о демократизации Лукач начинает цитатой из «Манифеста»: «Угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [49]. Этот марксов тезис – по всей очевидности – утратил свою справедливость. Самодовольные и беспощадные глобализационные элиты и их идеологи, опираясь на гигантские военные арсеналы, сегодня исключают оба эти варианта. Им не нужны ни предложения по демократизации, ни теории конвергенции или сосуществования. Такие теории могли рождаться лишь в головах прекраснодушных, наивных философов-марксистов в ушедшую эпоху, в мире, который канул в Лету.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Lukács G.* A demokratizálódás jelene és jövője. Bp., 1988 (далее – A demokratizálódás…).

[2] *Lukács Gy.* Néptribun vagy bürokrata? // *Lukács Gy.* A realizmus problémái. Bp., 1948. 194.o.

[3] Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии / Редакторы-составители В. Середа и А. Стыкалин. М., 1999. С. 40–41.

[4] Беседы… С. 41.

[5] *Lukács G.* Chvostismus und Dialektik (1925) / Hrsg. von L. Illés. Bp., 1996. По-венгерски: *Lukács Gy.* Hvosztizmus és dialektika // Magyar Filozófiai Szemle. 1996. 4–5–6. sz. 459–537.o.

[6] Там же. С. 52.

[7] *Löwy M.* Georg Lukács – From Romanticism to Bolshevism. London, 1979. Цит. по: *Bayer J.* Lukács és a sztálinizmus // *Bayer J.* Fordul a világ. Válogatott esszék, publicisztikai írások – 1989–1993. [Вых. дан.] 92.o.

[8] *Lukács Gy.* A realizmus problémái. 192.o.

inslav

[9] *Lukács Gy.* Arisztokratikus és demokratikus világnézet // «Forum». 1946. November. 197–216.o. Подробнее о дискуссии в Женеве см.: *Zoltai D.* Lukács and the Rencontres Internationales of Geneva // The New Hungarian Quarterly. 1985. Vol. XXVI. № 98. Summer. P. 68–75. Частично и по-венгерски: *Zoltai D.* Genf, 1946. – «Európai kulturális fórum» a háború után // Kritika. 1986. 12. sz. 29–30.o. Материалы дискуссии публикует Юлия Ленкеи: Kritika. 1986. 12. sz. 31–41.o.

[10] *Lukács Gy.* Irodalom és demokrácia. Bp., 1948. 75–76, 77.o.

[11] См.: A lukács-vita 1949–1951 / Szerk.: Ambrus J. Bp., 1985; Georg Lukács und der Revisionismus. Berlin, 1960.

[12] *Lukács G.* Probleme der kulturellen Koexistenz // Forum (Wien). 1964, H. 124 und 125. То же самое: *G. Lukács.* Marxismus und Stalinismus. Reinbek bei Hamburg, 1970. S. 214.

[13] «Частное письмо о сталинизме» впервые увидело свет на итальянском языке в периодическом издании «Нуови аргументи» (№ 57–58 от 8 февраля 1968 г.); затем по-немецки (Privatbrief über den Stalinismus) в Вене (Forum. 1963. № 115, 116, 117).

[14] *Lukács G.* Brief an Alberto Carocci // Ist der Socialismus zu retten? Briefwechsel zwischen Georg Lukács und Werner Hofmann. Bp., 1991. S. 83. (далее – Lukács–Hofmann).

[15] *Hofmann W.* Was ist Stalinismus? // Festschrift zum 80. Geburstag von Georg Lukács. Neuwied, 1965. Более свежая публикация: Lukács–Hofmann. S. 108.

[16] Lukács–Hofmann. S. 46.

[17] *Lukács Gy.* A szocializmus mint radikális, kritikai reformok kora (Ноябрь 1969 г.) // Curriculum vitae. Bp., 1982. 175–176.o.

[18] Lukács–Hofmann. S. 83.

[19] A demokratizálódás... 148.o.

[20] Ibid. 138.o.

[21] Ibid. 64–65.o.

[22] Ibid. 126.o.

[23] A felvilágosodás dialektikája. Bp., 1990. 162.o.

[24] A demokratizálódás... 39–40.o.

[25] Ibid. 59.o.

[26] Ibid. 30.o.

[27] bid. 191.o.

[28] Ibid. 194.o.

[29] *Lukács Gy.* A haladás és a reakció harca a mai kultúrában. Bp., 1956; Probleme der kulturellen Koexistenz. См. также прим. 12.

[30] *Lukács Gy.* A haladás és a reakció harca... 10.o.

inslav

[31] A demokratizálódás... 203.o.
[32] Lukács–Hofmann. S. 95–96.
[33] *Steiniger P.A.* Über die Politik der friedlichen Koexistenz – an einigen Äusserungen jugoslawischer Genossen und zu Gedanken von Georg // Einheit. 1957. № 6. S. 736.
[34] См.: *Lukács G.* Marxismus und Stalinismus. C. 234.
[35] *Lukács Gy.* Megélt gondolkodás – Életrajz magnószalagon / Szerk. Eörsi I. Bp., 1989. 30.o.
[36] Ibid.
[37] *Лукач Д.* Социалистический реализм сегодня // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 73.
[38] Там же. С. 92.
[39] *Lukács Gy.* Szolzsenyicin – tanylmányok. Bp., 1990. 86.o.
[40] Ibid. 98.o.
[41] A demokratizálódás... 172.o.
[42] Ibid. 192.o.
[43] Lukács–Hofmann. S. 95–96.
[44] A demokratizálódás... 69–70. См. также: *Маркс К.* Тезисы о Рейербахе // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 1–4.
[45] A demokratizálódás... 195.o.
[46] *Kassák L.* Képarchitektura // Ma (Wien). 1922. № 4. 52–54.o.
[47] A demokratizálódás... 178.o.
[48] Ibid. 195.o.
[49] Ibid. 23.o.; Манифест Коммунистической партии // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 424.

inslav

Я.В. Шимов

Россия как необходимость.
Повторит ли Российская Федерация судьбу Австро-Венгерской монархии?

1

Утверждение, что 11 сентября 2001 г., когда в результате терактов в США погибли тысячи людей, человечество вступило в исторический, а не календарный XXI в., за короткое время уже стало то ли расхожим штампом, то ли аксиомой. Ясно, что после этого события в расстановке сил на мировой арене изменится очень многое. Некоторые тенденции, наметившиеся в мировой политике в конце XX столетия, проявятся еще более резко, другие процессы, наоборот, замедлятся или вовсе прекратятся. Какие перспективы сулит наступающая новая эпоха России?

Одна из современных глобальных социально-политических тенденций – относительное снижение роли национальных государств и рост значения международных объединений (таких как ЕС и НАТО). Несмотря на это отношения участников всемирной политической игры строятся по тем же принципам, что и отношения великих империй прошлого. В их основе лежит вековечный *интерес*, стремление добиться максимума политических и экономических выгод с минимумом потерь и уступок. Этому интересу из года в год, из века в век приносятся в жертву все и всяческие идеалы. Пример – «крестовый поход» НАТО против Югославии, который велся под лозунгом борьбы против геноцида, за права притесняемых косовских албанцев. Результаты осуществленной операции с моральной точки зрения более чем сомнительны, зато достигнута конкретная политическая цель – доминирование НАТО на Балканах сейчас и в обозримом будущем.

Геополитика чем-то напоминает театр, каким он был в позапрошлом столетии: в ней есть определенный набор постоянных ролей-амплуа. Здесь можно найти «благородных отцов» и «первых любовников», «простаков» и «девиц на выданье» – и так же как в театре, это лишь маски, за которыми скрывается Его Величество Интерес. Ролевой характер геополитики ясно виден на примере поочередного доминирования держав в европейских и мировых делах на протяжении последних пяти столетий: Испании (XVI в.), Франции (конец XVII в. и 1796–1815 гг.), России (1815–1855 гг.), Британской империи (вторая половина XIX – начало XX в.), США и СССР (1945–1991 гг.), США (после 1991 г.)... Добавим к этому неудачные попытки добиться мирового или, по меньшей мере, регионального господства, предпринятые Герма-

inslav

нией в обеих мировых войнах, Японией и Италией – во второй мировой. Отметим также, что процесс борьбы за доминирование не закончен, и сегодня можно услышать разные предположения относительно геополитического будущего, например, Китая, Индии и Европейского союза. Show must go on…

Среди геополитических амплуа есть одно, которое представляет особый интерес для России – поскольку нынешнее состояние страны подталкивает ее именно к данной роли. Это так называемая *«держава-необходимость» – крупная (в буквальном, территориальном смысле) страна, которая располагает значительными людскими ресурсами и военным потенциалом, однако в силу своей относительной экономической слабости и неясных внутриполитических перспектив входит в число ведущих держав главным образом благодаря уникальному геостратегическому положению.* Такое положение позволяет ей сохранять равноудаленность от основных полюсов внешнеполитического притяжения, а в случае необходимости – играть роль посредника и даже решающего фактора в конфликтах между другими державами. (Под «державами» имеются в виду основные действующие лица геополитического спектакля; как уже было сказано, в XXI в. державой может быть не только национальное государство, но и объединение таких государств, стоящее на более прочном политическом и экономическом фундаменте, чем союзы и коалиции прошлого.)

В существовании «державы-необходимости», как правило, заинтересованы все (или большинство) остальных держав. Это связано с тем, что резкое понижение ее статуса может привести к чрезмерному усилению другой державы и/или нарушению баланса сил в мировом или региональном масштабе. Классический пример – спасение Турции западными странами на Берлинском конгрессе 1878 г. после ее поражения в войне с Россией. Как известно, условия Сан-Стефанского мира, подписанного победителями и побежденными, в случае их реализации привели бы к фактическому вытеснению Турции с Балкан и резкому усилению позиций России на юго-востоке Европы. Это противоречило интересам Великобритании, Франции и Австро-Венгрии, которые настояли на пересмотре условий мира. Благодаря их дипломатическим усилиям, Османская империя просуществовала в качестве «больного человека Европы» до 1918 г.

«Держава-необходимость» по определению находится в непростой ситуации, но это не значит, что в геополитической игре у нее совсем нет козырей. Главный – ее *срединное* положение как в политическом (между различными группировками и коалициями других держав), так зачастую и в географическом смысле. В подобной ситуации находится, например, современная Япония – азиатский форпост Запада, к которому она принадлежит в геополитическом смысле, и противовес набирающему силу Китаю.

inslav

При этом «держава-необходимость» не может делать ставку исключительно на одну из геополитических группировок, поскольку тем самым она нарушает баланс сил между ними – залог ее собственного существования. Однозначный выбор в пользу Тройственного союза, сделанный Турцией во время первой мировой войны, оказался губительным для нее. В годы второй мировой по аналогичному пути пошла фашистская Италия, до этого довольно успешно балансировавшая между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией – с другой. Пример противоположного рода – та же Турция во время второй мировой, когда политика выжидания и нейтралитета, взятая на вооружение тогдашним турецким правительством, позволила избежать втягивания страны в мировой конфликт с нежелательными для нее последствиями.

2

Сегодняшняя Россия приближается к статусу «державы-необходимости». С одной стороны, она остается единственной страной, теоретически способной уничтожить доминирующую мировую державу, США – пусть и ценой самоубийства. С другой, огромный ядерный арсенал – почти единственное геополитическое преимущество нынешней России. Десять лет после «холодной войны» стали для нее временем внешнеполитических поражений и отступлений. Но переосмысление российской элитой роли своей страны в мире слишком затянулось. В Москве среди тех, кто принимает важнейшие политические решения или оказывает влияние на их принятие, по-прежнему хватает людей, которые вынашивают утопические проекты, имеющие мало общего с реалиями нового века.

Слово «проект» вообще ключевое для последнего десятилетия, особенно в России. Стало модным утверждать, что жизнь можно конструировать, реальность превращать в виртуальность и наоборот, что политики – лишь глина в руках демиургов-политтехнологов, создающих их в соответствии с *проектами*, выдуманными ими в тиши кабинетов и правительственных дач (или наоборот, за бильярдом и стаканом коньяка). Реальность обычно мстит любителям проектного мышления, ведь разрабатывать проекты и делать политику – принципиально разные занятия. В первом случае действительность подгоняется под идею, во втором – идеи рождаются из непредвзятого анализа действительности. «Держава-необходимость» – концепция, исходящая из конкретной ситуации, в которую державы попадают при определенном стечении исторических обстоятельств. Важнейшее отличие подобных концепций от политтехнологических проектов – *историчность*. Проект всегда уникален

inslav

и единичен, но политическая концепция имеет свои исторические корни, подобия, аналогии.

Чтобы понять, что концепция «державы-необходимости» отражает ситуацию, в которой сейчас находится Российская Федерация, достаточно: а) экстраполировать на нашу страну приведенные выше признаки «державы-необходимости» и б) для пущей наглядности представить себе, как выглядел бы мир без России. Последнее позволяет также прийти к выводу о том, кому в первую очередь необходима стабильная Россия как заметный геополитический фактор. Это Запад, которому при ее, России, гипотетическом отсутствии, распаде или резком ослаблении пришлось бы непосредственно иметь дело с неоднородным сообществом нестабильных государств от Грузии и Ирана до Пакистана и Афганистана, а также с дальневосточным колоссом – Китаем.

Кроме того, после американской трагедии 11 сентября 2001 года Россия становится важнейшим партнером США, НАТО и Европейского союза в деле борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Неясно пока лишь, в каком качестве готовы рассматривать нашу страну западные державы: полноправного союзника или же буферного государства, способного смягчить возможный массированный удар исламистов. Впрочем, огненный вихрь над Нью-Йорком и Вашингтоном показал, что в XXI в. географическое положение и расстояние между конфликтующими сторонами уже не имеют никакого значения при ведении боевых действий, сам характер которых становится качественно иным: от глобальных войн за передел мира и локальных конфликтов 1990-х годов человечество перешло к так называемым «серым» войнам с невидимым, ускользающим противником – террористами.

До недавних пор на Западе недооценивали значение России как фактора стабильности и равновесия сил в Евразии. Однако сегодня ситуация меняется. В условиях, когда с трагической очевидностью проявились как слабость и уязвимость западного мира, так и масштаб новых глобальных угроз, происходит переоценка ценностей, прежние политические разногласия и опасения отодвигаются на второй план. Очевидно, что в отношениях России и Запада наступает эпоха политического прагматизма. Источник такого прагматизма – понимание того, что политика – сфера деятельности, основанная на столкновении интересов и достижении компромиссов.

«Держава-необходимость» и есть продукт прагматизма на геополитическом уровне. Роль «всемирной необходимости» была отчасти признана Западом за Россией в 1996 г., когда РФ стала постоянным участником совещаний «большой семерки», а сама «семерка» преобразована в «восьмерку». Стабилизация политической и экономической ситуации в России в 2000–2001 гг., с одной стороны, и начало нового глобального противостояния цивилизованно-

inslav

го мира и международных экстремистско-террористических сил – с другой, способствуют углублению начавшегося процесса. Но вопрос о месте России в новом мировом порядке пока остается открытым. Поэтому нельзя забывать о том, что одной из важнейших задач «державы-необходимости» является убедительная демонстрация своей необходимости.

Непревзойденным мастером в этой области был когда-то «канцлер правящего дома, двора и государства», многолетний руководитель внешней политики Австрийской империи, один из создателей и вдохновителей «Священного союза» европейских держав князь Меттерних. При нем многонациональная центральноевропейская монархия, собранная по кусочкам династией Габсбургов, стала «европейской необходимостью» – и продолжала играть эту роль вплоть до погубившей ее первой мировой войны. Разговор о государстве Габсбургов (в 1804–1867 гг. – Австрийской империи, с 1867 г. – Австро-Венгрии) не случаен: анализ внешней политики дунайской монархии позволяет лучше понять суть феномена «державы-необходимости». Кроме того, перед современной Россией стоит и множество тех же внутриполитических проблем, с которыми в свое время столкнулась империя Габсбургов, чьей истории в нашей стране до сих пор уделяется незаслуженно мало внимания.

3

После победы над Наполеоном Австрия вместе с Россией и Пруссией стояла у истоков «Священного союза» – альянса европейских держав, направленного, с одной стороны, на сохранение мира и равновесия сил в Европе, а с другой – на подавление совместными усилиями революционных выступлений в разных странах. «Священный союз» был одновременно и реалистической дипломатической конструкцией, и идеалистическим консервативным проектом. Первое поддерживало его существование на протяжении 30 с лишним лет, второе в конце концов погубило его.

Австрия в рамках «Священного союза» играла очень важную роль. В Германии, в то время раздробленной на несколько десятков государств, она служила «руководящей и направляющей силой» и уравновешивала Пруссию, чье стремление стать великой державой становилось все более очевидным. Господство Габсбургов в северной части Италии позволяло им противостоять Сардинии (Пьемонту), претендовавшей на роль потенциального объединителя итальянских государств, и Франции, которая стояла за спиной Пьемонта. Наконец, на Балканах Австрийская империя служила естественным противовесом как резко усилившейся России, так и слабой, но все еще влиятельной Турции. В качестве антагонистов России как Австрия, так и Турция пользова-

inslav

лись негласной поддержкой западных держав, опасавшихся дальнейшей русской экспансии на Балканах и в Средиземноморье.

Таким образом, Меттерних выжал максимум из положения «державы-необходимости» – особенно если учесть, что геополитическая мощь Австрии в первой половине XIX в. не соответствовала ее внутренним ресурсам. Империя почти постоянно находилась в состоянии финансового кризиса, армия и государственный аппарат поглощали львиную долю расходов казны, но средств все равно не хватало. В 1834 г. лучший австрийский полководец того времени, фельдмаршал Радецкий, направил правительству меморандум под характерным названием: «Как с небольшими расходами содержать хорошую сильную армию». Тем не менее серьезной войны Австрия не выдержала бы, что и подтвердилось во время революции 1848–1849 гг., когда для подавления национально-освободительного движения в Венгрии император Франц Иосиф I (1848–1916) был вынужден обратиться за помощью к России.

К тому времени «Священный союз» трещал по швам. Либеральные Англия и Франция, недовольные консервативным духом альянса, фактически вышли из него. Пруссия вступила в дипломатический конфликт с Австрией по поводу государственно-политического и экономического устройства Германского союза. Последний удар системе Меттерниха, которая, при всех ее недостатках, дала Европе несколько десятилетий мира, нанесла сама Австрия своей антирусской политикой в период Крымской войны (1853–1856 гг.).

«Наше будущее на востоке, – писал Франц Иосиф матери, – и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая, но верно мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на востоке – Россия» [1]. Австрия пригрозила Николаю I войной, и царь, уже воевавший к тому времени с Англией, Францией, Турцией и Сардинией, вынужден был отвести войска с Балкан. Но вместо усиления своих позиций Вена оказалась в международной изоляции: «Крымская война оставила Австрию без друзей. Россия приписывала свое поражение австрийской угрозе выступить на стороне [западных] союзников; союзники же полагали, что Россия не стала бы воевать, присоединись к ним Австрия с самого начала» [2]. Так венские политики нарушили *главное правило поведения «державы-необходимости»: не делать резких шагов, а в споре между более сильными державами никогда не становиться окончательно и бесповоротно на сторону одного из противников.*

В последующие годы эта ошибка была повторена императором и его советниками еще несколько раз. В 1859 г. Австрия вступила в войну с Пьемонтом, не будучи уверенной в том, что Франция останется в стороне от кон-

inslav

фликта. В результате Францу Иосифу пришлось воевать и с пьемонтцами, и с французами, потерпеть поражение в битве у Сольферино и распрощаться с владениями в Италии. Семь лет спустя австрийская монархия, по-прежнему не имевшая надежных союзников, получила новый удар, на сей раз от Пруссии, которая на поле сражения при Садовой окончательно разрешила исторический спор о том, кому из двух держав суждено доминировать в Германии.

«Семинедельная война» 1866 г. имела для Австрии еще один, может быть, главный результат. Бисмарк, определявший внешнюю политику Берлина, не хотел чрезмерного ослабления южного соседа. «Железный канцлер» решил превратить империю Габсбургов в союзника и младшего партнера объединяющейся Германии. Австрия оказалась накрепко привязанной к единственному постоянному партнеру – Германии. Когда в начале XX в. Берлин стал претендовать на роль европейского гегемона, монархия Габсбургов как союзник Германии автоматически утратила статус «державы-необходимости» в глазах западных партнеров – Франции и Англии. Разрыв с Россией произошел еще раньше, в 1908 г., когда Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, чем был нарушен баланс сил на Балканах.

То, что именно Австро-Венгерская монархия в 1914 г. развязала войну с Сербией, переросшую в первую мировую, выглядит как зловещая ирония судьбы и даже больше – как смертный приговор, вынесенный историей «державе-необходимости», забывшей о том, что прочный мир и геополитическое равновесие являются главным залогом ее благополучного существования. Сбылось пророчество эрцгерцога Франца Фердинанда, убитого в Сараево 28 июня 1914 г: «Война между Австрией и Россией закончится падением либо Габсбургов, либо Романовых, а может быть, и тех и других» [3].

4

Положение постсоветской России не столь драматично. Тем не менее параллели очевидны. После «холодной войны» Российская Федерация осталась без союзников (если, конечно, не считать Белоруссию, Армению и Таджикистан). Запад, приветствовавший крушение коммунизма и распад СССР, был не слишком заинтересован в том, чтобы принять новую Россию в число равноправных партнеров по геополитической игре. Но не потому, что, как утверждает один известный российский публицист-проектировщик, «место в мировом капиталистическом проекте (он же западный проект) для нашей страны отсутствует» [4], а потому, что необходимость наличия России среди ведущих мировых держав в тот момент не была очевидной. В конце концов, древнее правило «Горе побежденным» никто не отменял.

inslav

При этом отказ России от сколько-нибудь значительной геополитической роли совершенно необоснованно рассматривался некоторыми западными политиками как одно из условий демократизации и модернизации: «Идеи о якобы присущей России евразийской миссии... только еще больше изолировали Россию от Европы и в целом от Запада ...задержав необходимую модернизацию и вестернизацию российского общества по тому принципу, как это сделал Кемаль Ататюрк в Турции после распада Оттоманской империи... Акцент на "ближнее зарубежье" стал для России не геополитическим решением, а геополитическим заблуждением» [5].

Между тем российская внешняя политика в начале 1990-х годов демонстрировала готовность скорее воспользоваться предложенными рецептами «оздоровления», чем отстаивать национальные интересы. Пришедшие к власти в Москве «демократы первой волны» находились в плену выдвинутого ими прозападного политического проекта, который представлял собой такую же утопию, как выдвинутый коммунистами и националистами реваншистский имперский проект. Поэтому во внешнеполитическом смысле 1991 год стал для России тем же, чем был для Австрии 1866 г. – за серьезным геополитическим поражением последовало сближение с недавним противником, но не на принципах равноправия, а в качестве «бедного родственника». Однако, в отличие от Австро-Венгрии, Российская Федерация довольно быстро вышла из этой неприятной ситуации.

Уже в середине 1990-х положение стало иным. Запад переоценил, с одной стороны, собственные силы и влияние на постсоветском пространстве, а с другой – способность новых независимых государств к эффективной модернизации и сближению с самой мощной геополитической группировкой современного мира. Кроме того, даже ослабленная Россия просто в силу своих размеров и военного потенциала никак не могла быстро и без особых потрясений превратиться из великой державы в геополитический ноль. Поэтому примерно с 1995 г. Запад явно начал выделять Россию из числа остальных «стран с переходными режимами» и вести себя с ней как с «неправильным», слабо предсказуемым, но все же крупным и влиятельным государством. В российско-американских и российско-западноевропейских отношениях появились первые штрихи концепции «державы-необходимости», хотя ни тогда, ни сейчас по отношению к РФ подобные выражения не употребляются.

Между тем в самой России по внутриполитическим причинам верх начали брать сторонники «жесткого курса», носители советского стиля мышления и антизападных идей. От «своего 1866г.» Российская Федерация на всех порах помчалась к ситуации 1914-го, возникшей после начала натовских бомбардировок Югославии. В Москве на смену ультралиберальному западническому проекту пришел неоимперский проект. Его сутью была попытка в крат-

inslav

кие сроки восстановить геополитическое влияние России на Кавказе, в Центральной Азии и на Балканах, невзирая ни на недостаточность экономического и военно-политического потенциала РФ, ослабленной непродуманными разрушительными «реформами» 1990-х годов, ни на конфронтацию с Западом, масштабы которой в 1999 г. приняли почти угрожающий характер. Не учитывалась при этом и колоссальная экономическая зависимость России от Запада, ставшая результатом ошибок и злоупотреблений режима президента Б. Ельцина.

Очень скоро неоимперский проект, подобно его предшественнику, доказал свою никчемность. Поэтому нынешняя российская внешняя политика представляет собой нечто вроде практического гегельянства: если оба антагонистических проекта, западнический и имперский, – это тезис и антитезис, то действия России на мировой арене в последние два года – своеобразный синтез. При этом Москва не мудрствует лукаво, а просто исходит из здравого смысла, который подсказывает, что истина в непростых ситуациях лежит где-то посередине. В данном случае – в сложном, но не безнадежном положении «державы-необходимости».

Что это означает? Маневрирование между США и Европой, Китаем и Японией. Сохранение нормальных отношений с режимами вроде иранского или северокорейского – чтобы потом использовать эти контакты в качестве дополнительного аргумента на переговорах с державами-тяжеловесами. Трезвую оценку собственных сил и возможностей – в частности, признание того факта, что к сфере действительно жизненных интересов России принадлежат постсоветское пространство и Дальний Восток, но эти интересы вряд ли распространяются на более отдаленные регионы. Словом, быть «державой-необходимостью» – значит взять на вооружение принцип, сформулированный когда-то Бисмарком: «Необходимо создать такую ситуацию, когда мы были бы нужны всем державам... споры между которыми не позволили бы им создать коалицию против нас» [6]. Тем более, что для России как «державы-необходимости» внешняя политика, осторожная, взвешенная и продуманная, может стать одним из важных средств решения внутренних проблем.

5

Некоторые из этих проблем снова заставляют обратиться к опыту Австро-Венгрии. Дунайская монархия, как и царская Россия, и ее преемник-антагонист СССР, была «континентальной полиэтничной империей классического типа», которую «отличали две основные особенности: геополитическое единство и компактность и слитность территории; отсутствие колониальных владений в классическом смысле, что было характерно для западноевропей-

inslav

ских империй» [7]. Однако у империи Габсбургов не было и метрополии, т. е. национального и государственно-политического ядра, занимающего центральное и господствующее положение по отношению к окраинам государства и остальным его народам. Таким ядром служила династия Габсбургов – *наднациональная*, поскольку большинство ее представителей, говоря по-немецки и принадлежа к германской культуре, дистанцировалось от какого-либо национализма, в том числе немецкого.

Габсбурги справедливо полагали, что национальные страсти губительны для империи, в основе которой лежал династический принцип. Точнее – габсбургский миф, т. е. комбинация сложившихся в средние века представлений об австрийском доме как первой династии западного мира, оплоте истинной (католической) веры и спасителе христианства от мусульманского нашествия с юга. Грани этого мифа были отшлифованы в XV–XVII вв., когда за династией закрепился титул императоров «Священной Римской империи германской нации» (формально высший среди европейских государей), а сами Габсбурги сыграли решающую роль в защите Центральной Европы от турецкой агрессии.

Однако в XIX столетии ситуация изменилась. В глазах многих ее подданных империя Габсбургов утратила священный ореол, превратившись всего лишь в феодальное образование огромных размеров, волею судьбы пережившее свою эпоху. Поэтому главной проблемой дунайской монархии стало приспособление ее феодально-династических основ к требованиям Нового времени, к пробуждающемуся национальному самосознанию двух десятков народов, живших под властью древней династии. Такая задача не могла быть решена в рамках традиционной имперской схемы. Национальный вопрос стал для монархии вопросом жизни и смерти.

В 1867 г. Франц Иосиф I преобразовал Австрийскую империю в Австро-Венгрию, фактически – союз двух государств, самостоятельных в вопросах внутренней политики. В ведении центральной власти, прежде всего императора, остались внешняя политика, вопросы обороны и частично бюджет. Формально все народы нового государства были объявлены равноправными, фактически же в западной части власть оказалась в руках австрийских немцев, в восточной правили венгры. При этом те и другие располагали соответственно в Австрии (или Цислейтании) и Венгрии (Транслейтании) относительным, а не абсолютным большинством. Славяне и румыны, наоборот, попали в положение «непривилегированных» народов. Возникшая дуалистическая система заложила под здание монархии мощнейшую мину, которая взорвалась в 1918 г.

Превращение Австрийской империи в Австро-Венгрию подвело черту под историей монархии Габсбургов как *имперского* государства. Дуалистиче-

inslav

ская монархия унаследовала от своей предшественницы очень многое, но не главное – имперскую идею. Габсбурги превратились из основы своего государства и смысла его существования во всего лишь составную часть системы сдержек и противовесов, удерживавшей центральноевропейские народы вместе. Точно так же Российская Федерация наследовала у СССР и даже Российской империи многие особенности политической культуры и государственных институтов, но не позаимствовала у них никаких идей (может быть, к счастью для себя). Трудно представить себе большую нелепость, чем утверждения о том, что «теперь на земном шаре осталась всего одна империя, и мы в ней живем»[8]. Во-первых, империй сейчас как минимум две – США и Китай. Во-вторых, нынешняя Россия, подобно Австро-Венгрии – не империя, а государство, перед которым стоит простой, но отчаянный выбор: или умереть окончательно, или, пройдя через естественную постимперскую «ломку», качественно обновиться.

6

Обострение межэтнических противоречий – один из главных симптомов постимперского периода. Империя именно благодаря *универсалистской* идее способна сплотить многочисленные народы и подчинить их общим интересам. У постимперского государства на это уже нет сил. Граф Э. Тааффе, занимавший пост премьер-министра Цислейтании в 1879–1894 гг., понимал это, когда говорил, что для стабильности монархии нужно удерживать все ее народы в состоянии «постоянного легкого недовольства» – но не более того. В то же время в начале XX в. в некоторых австрийских провинциях возникли перспективные модели национально-государственного устройства. Позволявшие надеяться на успешное разрешение межэтнических противоречий в масштабах всего государства.

Так, в Моравии местные немцы и чехи смогли договориться о равноправном использовании двух языков в административных органах, коммерции и повседневной жизни. Еще более впечатляющим был пример Буковины, где бок о бок жили украинцы, поляки, немцы, румыны, словаки и евреи. В 1910 г. первые четыре народа получили право избирать депутатов местных органов власти и австрийского рейхсрата в отдельных национальных куриях. Это «буковинское согласие» не только позволило избежать столкновений на национальной почве, но и способствовало «формированию чувства принадлежности к общности, которое проявлялось в региональной гордости и местном патриотизме... Буковинцам было присуще некое особое межнациональное духовное единство»[9]. К сожалению, Буковина была в этом смысле исключением, а не правилом. Напряженность между народами дунайской мо-

inslav

нархии сохранялась и нарастала вплоть до 1918 г., когда колоссальное внешнеполитическое потрясение, каким стала мировая война, привело к резкому обострению межнациональных противоречий и «разводу» народов Австро-Венгрии – не без содействия победивших западных держав.

Государство Габсбургов утратило смысл своего существования, и произошло это именно из-за внешнеполитических ошибок. Ведь raison d'etre дунайской монархии заключался, во-первых, в сохранении единства и мира в Центральной Европе, а во-вторых, в защите ее народов от возможной экспансии могущественных соседей – Германии (чего так боялись австро-венгерские славяне) и России (чего, в свою очередь, опасались венгры и австрийские немцы). Первая мировая война привела к конфронтации с Россией и фактическому военному и экономическому порабощению Австро-Венгрии союзной Германией. Габсбургам было больше нечего предложить своим народам, кроме гибели на четырех фронтах за обветшавшие монархические идеалы. Австро-Венгрия потерпела крах, поскольку перестала быть *необходимостью* – и для остальных держав, и для собственных подданных.

Российская Федерация, как и дунайская монархия, – постимперское государство, сохранившее многие внешние черты и формы общественной и государственной жизни, присущие империи. В отличие от Австро-Венгрии, РФ до сих пор остается в значительной степени мононациональной (более 80% ее населения составляют русские), что создает ей определенный запас прочности. Впрочем, демографические тенденции последних лет ведут к сокращению доли русского населения и росту численности национальных меньшинств (народы Кавказа, Поволжья), отличающихся более высоким уровнем рождаемости. К этому нужно добавить постоянно растущий поток иммигрантов. В отличие от начала 1990-х годов, теперь в Россию едут не только и даже не столько из стран СНГ, сколько из «третьего мира» (Китая, Вьетнама, Афганистана, африканских стран и т. д.).

При всем относительном неблагополучии нынешней Российской Федерации в мире есть много мест, где живется еще менее уютно, и это отражает статистика: только по официальным данным, за последние 10 лет в страну перебралось на 4,5 млн. человек больше, чем выехало из нее [10]. В районах России, прилегающих к границам с Казахстаном и КНР, количество соответственно казахов и китайцев уже сопоставимо с численностью коренных жителей. Совершенно очевидно, что в ближайшие годы национальный вопрос станет для России столь же актуальной проблемой, какой он был когда-то для Австро-Венгрии. А может быть, и еще более серьезной, поскольку народы дунайской монархии, при всех их различиях, принадлежали к родственным культурам, в то время как в РФ селится все больше людей, отличающихся от русского и других славянских народов не только по этническому, но и по ра-

inslav

совому, культурному, религиозному признакам, что создает почву для будущих конфликтов. Нынешняя ситуация в мире, всеобщие опасения по поводу угрозы терроризма и особенности массового сознания, которое связывает террористическую деятельность с принадлежностью к определенным этносам (арабы, чеченцы) и религиозным общинам (мусульмане, особенно ваххабиты), делают вероятность таких конфликтов особенно высокой.

Иммиграция – не только проблема, но и благо. Экономисты утверждают, что без нее трудовые ресурсы вымирающей России уже через 15–20 лет будут практически исчерпаны. Однако готовиться к неизбежному изменению этнического баланса в РФ нужно заранее. Ни русский народ как «титульная» нация России, ни национальные меньшинства, ни тем более российские власти не имеют исторического опыта равноправного сосуществования с иными народами – советский псевдоинтернационализм не в счет – в рамках демократического государства, где главным является не религия, язык, цвет кожи или форма носа, а принадлежность человека к *нации* (в данном случае – российской) в более широком, политическом смысле. По мере неизбежного роста доли нерусских граждан в населении России любой намек на разделение народов страны на «привилегированные» и «непривилегированные» приведет к обострению внутриполитической ситуации, грозящей распадом страны. А учитывая характерную для России этническую чересполосицу, относительно мирно разделиться на национальные государства, подобно Австро-Венгрии, Российская Федерация не сможет. Альтернатива – пресловутый «югославский вариант».

Разумная внешняя политика может стать стабилизирующим фактором, который позволит спокойно и постепенно разрешать возникающие внутренние противоречия. До тех пор, пока многонациональное государство остается геополитически цельным, а в его существовании и укреплении заинтересованы крупнейшие державы мира, сохраняется шанс успешно справиться и с внутриполитическими неурядицами. Концепция «державы-необходимости» предоставляет России такой шанс.

В 1906 г. в Вене вышла книга «Соединенные Штаты Великой Австрии», в которой излагалась многообещающая, но так и не реализованная концепция федерализации габсбургского государства. Ее автором был близкий к наследнику престола политик, румын по национальности Аурел Поповичи. Он писал: «Времени осталось немного. Все народы монархии... ожидают спасительных шагов императора. Это решающий исторический момент: сохранится или погибнет империя Габсбургов? Пока все еще можно исправить и все сохранить» [11]. Последняя фраза звучит очень современно.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / Под ред. А. Шиндлинга и В. Циглера. Ростов-на-Дону, 1997. С. 433.
[2] *Taylor A.J.P.* The Habsburg Monarchy 1809–1918. London, 1990. P. 100.
[3] *Herre F.* Cisar Frantisek Josef I. Jeho zivot – jeho doba. Praha, 1998. S. 362.
[4] *Кургинян С.* Черная дыра российской политики // Россия. XXI–1999. № 2. С. 14.
[5] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 139.
[6] *Hlavacka M., Pecenka M.* Trojspolek. Nemecka, rakouskouherska a italska zahranicni politika pred prvni svetovou valkou. Praha, 1999. S. 28.
[7] *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11.
[8] *Десницкий А.* Империя XXI века // Вести.ru, 13.06.2001, www.vesti.ru/2001/06/13/992442368.html.
[9] *Добржанский А.* «Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 81–82.
[10] Итоги. 2001. № 21. 4 июня.
[11] *Herre F.* Op. cit. S. 360.

inslav

Ю.П. Гусев

Фольклоризм в современной венгерской поэзии

«Со времен Гердера и Гегеля всем известно, что подлинное величие поэта определяется его неразрывной связью с национальной жизнью» [1], – пишет известный венгерский философ и эстетик Дьердь Лукач в одной из своих статей 1939 г. Если литературу времен Гердера и Гегеля принять за некую отправную точку в развитии художественной мысли Нового времени, то – опираясь на тезис Лукача – развитие поэзии (неважно, в широком или узком смысле этого слова) можно представить как идущую с переменным успехом борьбу за слияние с национальной жизнью. Борьба эта – в сущности борьба за «величие» – чрезвычайно осложнялась тем, что само содержание, самопонимание национальной жизни с течением времени быстро, порой стремительно менялось: если в прежние эпохи она, т. е. национальная жизнь, отождествлялась с жизнью верхних слоев и сословий, то уже в начале XX в. определяющее место в ней занял народ, трудовые низы. В разных странах этот процесс шел поразному. В России, например, литература «поспевала» за историей довольно успешно. Надо думать, одна из причин расцвета русской литературы XIX и первых десятилетий XX в. как раз и кроется в ее постоянной слитности с жизнью народа и нации. (Так же как серьезная опасность утраты былого величия – в период победного шествия догматической доктрины социалистического реализма – встала перед русской литературой советского периода тогда, когда она, эта литература, начала изменять реальной национальной, народной жизни ради украшательства и бесконфликтности.)

Развитие венгерской литературы было – с этой точки зрения – неровным. Эпоха реформ (30-е – начало 40-х годов XIX в.), активизировав общественное бытие, стала почвой для бурного подъема литературы, вершиной которого явилось творчество Шандора Петефи, и по форме, и по идейно-эстетическим признакам близкое народу, выражающее его насущные нужды, его жажду свободы, национальной и социальной независимости. Петефи стал самым радикальным деятелем революции и национально-освободительной войны 1848–1949 гг., «неразрывная связь с национальной жизнью» в лице Петефи получила максимально полное воплощение, став основой его величия и залогом расцвета венгерской литературы. Однако трагическое поражение венгерской революции, затем соглашение 1867 г., закрепившее статус Венгрии как зависимой части империи Габсбургов, надолго остановили этот про-

inslav

цесс, заставили литературу сосредоточиться на задаче сохранения национального самосознания, сознания национального тождества венгров.

Чрезмерная забота о нации, о ее единстве, цельности на деле вела к отрыву литературы от национальной жизни – факт, парадоксальный только на поверхностный взгляд (примерно так же водившая пером многих писателей, которые искренне старались воплотить в своем творчестве принципы социалистического реализма, чрезмерная забота о социализме на деле привела к дискредитации его идеалов в умах широких читательских масс).

Требования, которые предъявляла к венгерской литературе двойственная, противоречивая, во многом противоестественная («как бы» самостоятельность при отсутствии таковой, «как бы» расцвет при сохранении загнанных внутрь, спрятанных феодальных пережитков и т. п.) историческая ситуация, сложились в систему, получившую странное, вымученное название «народно-национальной школы».

Система эта, хотя и не могла исключить появление как в ее русле, так и за его пределами действительно больших произведений искусства, со временем все более превращалась в закостенелый академизм.

Поэтому с конца XIX в. в венгерской литературе начинается интенсивная борьба против «народно-национальной» эстетики, за подлинную, а не иллюзорную народность. Борьба эта велась и из «недр» «народно-национальной» школы, путем усиления социально-аналитического, критического элемента (К. Миксат), и, особенно яростно, «извне», из лагеря западников (группа журнала «Нюгат»). Ведущей фигурой этого движения стал Эндре Ади, который, как и Петефи, не просто обновил венгерский стих, привел его в соответствие с эстетическими потребностями и вкусами XX в., но, главное, выразил в своем творчестве потребность народных низов в коренном обновлении общественной жизни.

Таким образом, в процессе осовременивания венгерской литературы, принявшего бурные формы в первые два десятилетия XX в., не последнюю роль играло и сознание необходимости более тесной связи с насущными нуждами народа. Однако поражение социалистической революции 1919 г. внесло в этот процесс свои коррективы, объективно усугубившие тот перекос в эстетическом и социальном понимании народности, который был порожден в общественном и художественном сознании полувековым господством «народно-национальных» канонов. В результате начавшийся в 1920–1930-х годах поворот к народу (в процессе его возникло целое движение – движение «исследователей деревни» и, в литературе, движение «народных писателей», а также специфический, имеющий лишь приблизительные аналоги в других литературах жанр, жанр «социографии») носил, независимо от своих мотивов и целей, не только социальный, но и, так сказать, «этнографический» харак-

inslav

тер. Иными словами, черты, особенности народной, прежде всего крестьянской, жизни воспринимались и отражались как явления не столько классовые, сколько национальные.

Отмеченные особенности развития венгерской литературы, свойственные ей на протяжении почти ста лет, позволяют яснее увидеть, почему современные венгерские поэты так активно обращаются к «этнографической» стороне народного бытия и народного мышления, используют в своем творчестве национальный фольклор. Вероятно, тут играет роль и сознание долга перед трудовыми низами, сознание оторванности от народной основы. Накапливаясь в венгерской литературе в течение долгого времени, оно проявилось в 1930-е годы мощным всплеском и стало для последующих поколений писателей одной из определяющих традиций. Во всяком случае, фольклоризм как особенность современной поэзии и по сей день воспринимается в венгерской литературе как одно из важных условий того «подлинного величия поэта», о котором, ссылаясь на Гердера и Гегеля, говорит Лукач. Конечно, фольклоризм в этом случае попадает в унисон с такой примечательной особенностью современного мирового литературного процесса, как мифологизм, обращение к магическим, иррациональным элементам общественного сознания; однако, хотя все эти тенденции часто действуют совокупно, они выполняют во многом разные функции и ведут к разным эстетическим результатам. Под фольклоризмом того или иного художника понимается «использование как в отдельном его произведении, так и в творчестве в целом структурно-художественных элементов, восходящих или к сюжетам фольклора, или к его образной системе, или к его поэтике, или к лексике и поэтической фразеологии (...) При таком подходе понятие фольклоризма охватывает как наличие в творчестве поэта элементов фольклора (образов, поэтики, поэтической фразеологии и т. д.), так и специфику связей этих элементов с идейно-образным содержанием отдельного литературного произведения или всего творчества в целом» [2]. Хотя в этом определении есть момент тавтологии (скажем, если в произведение включены элементы фольклора, то они не могут не находиться в какой-либо связи с «идейно-образным содержанием» этого произведения), оно дает хорошую опору в изучении фольклоризма, позволяя рассматривать его как определенный круг «структурно-художественных элементов», или, попросту говоря, художественных приемов, вводимых в поэтический текст примерно на тех же правах и примерно с теми же задачами, что и, например, архаизмы, варваризмы, прозаизмы и т. п. Вместе с тем – уже не столько на основе приведенного определения, сколько продолжая его – можно утверждать: фольклорные элементы в поэтическом произведении представляют собой иной, более высокий, чем, например, архаизм, уровень поэтической семантики, несут более высокую образную, эстетическую нагрузку; с этим

inslav

связано, в частности, то обстоятельство, что мы говорим не о «фольклоризмах» (по аналогии с архаизмами и др.), а о фольклоризме как явлении.

Видимо, максимальную степень вторжения фольклорной стихии в поэзии представляет собой стилизация, стремление – в более или менее прозрачной форме – представить созданное конкретным автором произведение как произведение устного народного творчества. Какой-то своей гранью примыкая к литературной мистификации, этот вид фольклоризма, однако, имеет в литературе другой смысл: более или менее достоверно имитируя фольклорную образную систему, фольклорную логику, фольклорное мышление, поэт тем не менее вносит в произведение нечто свое, индивидуальное.

Возникающее вследствие этого противоречие создает особый, часто другими способами не достижимый, художественный эффект, содержащий драматизм или иронию. Л.Я. Гинзбург приводит стилизованное под народную песню стихотворение А. Ахматовой:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.
Вырываю и бросаю –
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.
Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды…

Безыскусный – до изысканности – образ молодой женщины, ползающей на коленях в огороде и поющей про любовь, а чуть дальше изысканное – до безыскусности, – почти декадентское, но органично вытекающее из предыдущего, из картины согреваемого летним солнцем огорода образное сочетание «теплый запах мертвой лебеды», где так резко противостоят друг другу эпитеты «теплый» и «мертвый», – создает вместе пронзительное ощущение душевной боли, ужаса перед одиночеством. Недаром О. Мандельштам говорил об Ахматовой, что ее стихи являются «всегда, неизменно причитаниями» и «делают ее особенно интересной, позволяя в литературной русской даме двадцатого века угадывать бабу и крестьянку» [3].

Пример фольклорной стилизации, не похожий на ахматовский, находим у современного венгерского поэта Шандора Вёреша. Приведем для начала, в

inslav

своем переводе, народную песню, которая послужила ему образцом (размер и ритмику мы несколько изменили, чтобы для русского уха это звучало более «по-фольклорному»):

Что-то неохота в поле мне пахать,
Мне у столяра бы подмастерьем стать,
Мне бы ладить мягкие кровати,
Чтобы красным девкам сладко было спать.

Что-то неохота в поле мне пахать,
Мне бы у сапожника подмастерьем стать,
Шить бы мне узорчаты туфли-черевички,
Чтобы красным девкам вольно в них гулять.

Что-то неохота в поле мне пахать,
Мне у гончара бы подмастерьем стать,
Мне лепить бы звонки кружечки-стаканы,
Чтобы красным девкам кофе попивать.

Как у маленькой у кружки ушко велико,
Потому носить в кармане кружку нелегко,
Ох, придется поломать глиняную кружку,
Ох, придется мне покинуть дорогу подружку.

«Стилизация» Ш. Вёреша заключается лишь в том, что он несколько переиначивает и укорачивает песню.

Неохота мне пахать
мне стекольщиком бы стать
делать зеркальца ручные
красным девкам продавать.

Неохота мне пахать
гончаром хочу я стать
делать глиняных детишек
красным девкам раздавать.

Неохота мне пахать
столяром хочу я стать
чтоб для каждой для подружки
сделать мягкую кровать [4].

inslav

Авторское присутствие, как видим, в этом варианте едва намечено и практически не разрушает структуру народной песни: поэт лишь выводит на первый план один мотив, отодвигая остальные, и в этом, лукаво, даже игриво интерпретированном мотиве обнаруживает себя, как бы подмигивая читателю из-под вполне достоверного фольклорного наряда.

Едва ли не все сто четырнадцать стихотворений цикла «Венгерские этюды» Вёреша представляют собой подобные же – с той или иной степенью поэтической «вольности» (как ни странно употреблять подобное выражение по отношению к поэту, едва ли не более всех своих соотечественников пренебрегающему всякого рода поэтическими канонами) – вариации на фольклорные темы:

Я про то спою запевки,
как растут на ветках девки.
Натрясу трех-четырех –
и обратно за порог.

За рекой горит пространство,
девки в том огне родятся.
Я возьму себе двух-трех –
и обратно за порог.

Я пойду по белу свету,
девки там летят по ветру.
Я одну себе поймаю,
а другой не пожелаю.

(*Перевод Ю. Кузнецова*)

Если бы не манерная строка «За рекой горит пространство» (строка эта – на совести переводчика: в оригинале все три строфы начинаются одинаково «Я пойду по белу свету…»), приведенное стихотворение Вёреша – на сей раз мы не можем привести его фольклорный «прототип» – вполне могло бы украсить любой сборник народных песен.

Правда, удивительная способность Шандора Вёреша писать стихи, которые отличаются от фольклорных произведений разве что большей скомпонованностью, четкостью, отшлифованностью представляет собой лишь одну из граней его «протеического» (как любят говорить венгерские критики) таланта. Вёреш с одинаковой виртуозностью вживается и в поэтические формы древнеиндийского эпоса, и в классический строгий сонет, и в наивную непосредственность еще отыскивающей свой стиль и язык венгерской поэзии начала XIX в., и в современный верлибр – всегда ухитряясь при этом оставаться

inslav

самим собой, находить возможность вкладывать в стихи содержание, обращенное к современному человеку. То есть венгерский фольклор для Вёреша, по всей видимости, лишь один из маскарадных нарядов (пусть один из любимых нарядов, пусть даже самый любимый, но висит он в его поэтической костюмерной на одной перекладине с прочими).

Отсюда можно сделать такой предварительный вывод: если бы мы ставили вопрос о народности творчества Ш. Вёреша (здесь мы этот вопрос не ставим), то – могли бы мы при этом использовать, как аргумент «за» или «против», его фольклоризм? Скорее всего, нет; или, во всяком случае, далеко не в первую очередь.

В венгерской поэзии XX в., в том числе и в новейшей, есть поэты, для которых фольклорный «костюм» – не один из многих, а единственный, т. е. уже и не костюм, а как бы собственная кожа. Видимо, творчество этих поэтов в типологическом плане напоминает такое своеобразное явление в русской литературе XIX в., как поэзия А. Кольцова. Во всяком случае, предпосылки и обстоятельства возникновения подобного феномена во всех случаях весьма схожи: во-первых, это насыщенная живыми фольклорными традициями и в то же время достаточно замкнутая, обособленная от книжной, городской культуры среда, где созревает талант, и, во-вторых, определенный тип творческой индивидуальности.

Однако далее, за пределами «генетической» близости, сходство в основном и кончается. «Фольклорные» (это не термин, потому мы и употребляем кавычки) поэты нашего времени весьма отличаются от самородков типа Кольцова. Дело, видимо, в том, что подлинной фольклорной «девственности» в наше время, в теперешних условиях – в условиях, созданных европейской цивилизацией, – нет и быть не может. Любой человек, еще только обучаясь писать и читать, впитывает азы национальной и общеевропейской культуры, тем самым получая готовые «матрацы» для художественного самовыражения своего мироощущения. Поэтому фольклорный багаж, который накоплен в нем и представляется ему, может быть, единственным способом утверждения собственной самобытности, неминуемо вступает в какие-либо (пусть даже негативные) взаимоотношения с теми нормами, которые в общественном сознании и представляют собой нормы, стереотипы (в положительном смысле этого слова) художественности. Притом современная литературная художественность является духовной материей живой и активной, в то время как художественность фольклорная, даже при самом большом к ней уважении, для нас, жителей Европы, чаще всего есть некий музейный материал, остающийся таковым и в случае, когда мы им любуемся, видим в нем выдающуюся эстетическую ценность. Как ни красива, скажем, какая-нибудь старинная епанча, выставленная в музейной витрине, человек, решивший надеть ее и выйти на

inslav

улицу, неизбежно будет выглядеть ряженым. Точно так же поэт, всерьез (т. е. не в виде откровенной стилизации) употребляющий в своем творчестве фольклорные формы, должен считаться с тем, что формы эти обязательно вступают в некоторый конфликт с современным содержанием произведений. Если этим противоречием пренебречь, оно может вызвать комический эффект, подорвать доверие к поэтическому произведению. Однако конфликтность эту можно использовать, и весьма эффективно, сознательно сделав ее носителем художественности: ведь основа любого литературного образа изначально противоречива. Примером использования такого противоречия в целях создания комического, сатирического эффекта может служить, например, поэма актера и поэта Леонида Филатова «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца», где даже Баба Яга, отлынивая от работы, изъясняется таким образом: «Я вобче на билютне». Венгерским поэтам наших дней легкое, юмористическое отношение к фольклору (мы не имеем в виду жанры кабаре, эстрады) почти не свойственно, и способы оживления нежизненных в наше время форм устного народного творчества они ищут в другом. В частности – в создании представления о поэте как хранителе некоей тайны, древней стихии, не потерявшей своего значения и для современного человека, но поддающейся адекватному выражению лишь в не менее древних, архаичных формах. Так возникает потребность в специфической маске, поэтической позе – позе носителя некоего надреального знания как силы, способной воздействовать на окружающих особыми, тайными средствами. Надо ли специально объяснять, что для венгров, финно-угорского народа, эта поза отождествляется с фигурой шамана.

Фольклорный язык, язык в широком смысле этого слова – образы, поэтика, жанровая система – становится здесь естественной формой литературной реализации такого своеобразного мироощущения.

Самым, пожалуй, типичным примером подобного рода в современной венгерской поэзии является творчество поэтессы Анны Кишш (р. в 1939 г.). Условия, в которых она сформировалась как человек и художник, вполне предрасполагали к такому пути; здесь и инстинктивная тяга к гармонизирующему осмыслению мира, и замкнутый в себе, живущий даже среди бурь войны и послевоенных событий по собственным, из глубины веков пришедшим законам мир деревни. «Среди стариков, причастная к их заботам, связанным с прививкой, посадкой деревьев, я и сама научилась чтить жизнь. Близость земли, справедливость, которой проникнуты были народные сказки, давали веру и чувство надежности, и эта вера, это чувство сохранялись далеко за пределами конфликтов деревни, семьи», – вспоминает сама Анна Кишш. Но подобное, столь естественное в детстве ощущение надежности не могло, очевидно, не подвергнуться разрушительному воздействию позже, в столкновениях с отнюдь не идиллическим ходом послевоенной истории. «Расширяющийся

inslav

мир разрушил во мне эту примитивную гармонию, оказалось, что истин – много и разных, что не для каждого служба – три дня испытаний. Были терзания, поиски своего пути...»[5]. Для поэта (как впрочем, для любого человека) поиски своего пути – это, по всей очевидности, поиски такого способа взаимоотношений с миром, который чреват минимумом страданий. Анна Кишш нашла его в возвращении к той «примитивной гармонии», которую подарило ей деревенское, близкое к земле детство.

Два сонника моей матери
Куст шелестящий: к болезни
Жаба на сердце: к порче
Дракона увидеть: безмолвию

Птица свинцовая: горе
Блюдо в осколках: слава
Плотно закрытая дверь: любовь

Дверь: от любви избавляться
Жаба: спастись от порчи
Куст: посмеяться над страхом
Птица: развеяться горю
Дракон: тот, чью кровь ты примешь
Разбитое блюдо: на самой высокой ветке
Имя твое на яблоке позлащенном

Почти бредовые, откуда-то из тьмы прошлого дошедшие до нас, наивные словесные формулы под пером поэтессы превращаются в некое универсальное утешение, в своеобразное заклинание, оберегающее и от дурного глаза (порчи), и от несчастной любви.

Сама древность этих формул служит как бы гарантией тривиальной, но необходимой для человека истины, что боль – преходяща, горе – не беда и т. д. Пусть эта формула из крестьянского сонника, строго говоря, еще не фольклор или не совсем фольклор: они уходят корнями в те слои нашего сознания, где древнюю мудрость не отличить от древнего устного искусства.

Но у Анны Кишш немало стихотворений, написанных с точным соблюдением канонов народной песни, хотя и имитирующих фольклорную лексику и лишь отчасти воспроизводящих фольклорную образность (например, постоянные эпитеты, неизменные сочетания определяющего и определяемого). Фольклорные каноны, которые мы имеем в виду, это прежде всего стремление к выражению неких типичных эмоциональных состояний, «штампов», которые, однако, не сводятся к банальности, всегда остаются свежими, чему

inslav

причиной, видимо, какой-то таинственный механизм взаимодействия фольклорного текста и личности исполнителя, образной основы и средств «аранжировки», самих образов и т. д. К этим канонам следует отнести и такой распространенный прием, как образный параллелизм, а также ту особую разновидность связи между образами и элементами образов, которая заставила современных поэтов обратить пристальное внимание на фольклорную поэзию, – так называемый «фольклорный сюрреализм», который проявляется в сведéнии, соединении явлений и признаков, в обычном логическом мышлении никак между собой не связанных. Фольклорная стихия такого рода видится нам, например, в стихотворении «Не спрашивай».

Вот пришла и пришла,
За спиной туман и мгла,
Не спрашивай меня!

Я любила, как могла,
Ветку золотом ожгла,
Не зови меня!

Коли тут я, значит, тут,
Звезды нас постерегут,
Не обижай меня!

Вот пришла и пришла,
За спиной туман и мгла,
Не спрашивай меня!

Нечто близкое звучит в другом стихотворении Анны Кишш, написанном примерно в то же время («фольклорно-сюрреалистический» элемент находит здесь еще более четкое выражение).

Ночь, синеперая пава,
В горницу к нам прилетела,
Слива на ветку взлетела,
С ветки на ветку порхала,
После в лукошко упала.
Как только ночь, словно пава,
Перьями небо застлала,
Милого я поджидала,
Павой навстречу взлетала.
И т. д.

(«Ночь, синеперая...»)

inslav

Однако от стихотворения к стихотворению фольклорная прозрачность, которую неожиданные, алогичные ассоциативные связи между образами лишь подчеркивают, оттеняют, сообщая неповторимый оттенок логике авторских эмоций, – все ощутимее вытесняется мрачным, порой исступленным, не поддающимся пониманию буйством видений, вскриков, заклинаний. Здесь-то поэзия Анны Кишш и заставляет говорить о стихии шаманства; произведения ее становятся как бы каналом, по которому из сферы подсознания – не субъективного, а, так сказать, коллективного, народного, крестьянского – прорываются на поверхность древние, языческие, какие-то лесные, пещерные образы и представления: так бормотание впавшего в экстаз шамана выводит из небытия, может быть, еще неандертальские, доязыческие поверья.

Слушайте слушайте
Глядите посреди снежного поля
встает в платке деревянный идол
идет стучит костылями ногами
машет безрукими рукавами
что не умеют ни прясть ни ткать
только дитятко обнимать
не ткут они не прядут
да и дитятко не обоймут
идет идол по белу свету
выстукивает себе деревню
столько хат с печами и трубами
столько ярем и борон с плугами
тракторов ветряков комбайнов
лавок трактиров улиц главных
сколько следует…

(«Медвежья песня»)

Вникая в это «бормотанье», читатель, конечно, не может до конца верить в его спонтанность: ведь даже самый неподдельный шаман, совершая вокруг костра свою самозабвенную пляску, действует, надо думать, в той или иной мере целенаправленно, стремясь сохранить контроль над собой и над слушателями. А уж что говорить, если речь идет о молодой женщине, имеющей университетское (пусть и не законченное) образование, живущей в одной из европейских столиц!.. Тем более что европейская цивилизация как жизненная среда довольно успешно прорывается – хотя бы упоминанием тракторов и комбайнов – в ее стихи. Так что читательское отношение к этим и подобным

inslav

стихам формируется, очевидно, по законам восприятия сделанной, а не стихийно возникшей вещи.

И сама непосредственность, сама шаманская отрешенность для читателя – не более чем художественный прием, маска, причем не маска подлинного шамана, колдуна, означающая едва ли не полное отождествление носителя маски с тем животным или духом, которого она изображает, а маска весьма условная «сценическая», маскарадная, лишь отчасти скрывающая нашего современника, похожего на нас и внешне, и внутренне.

Вместе с тем поэтическая маска, как и любой художественный прием, не нейтральна по отношению к содержанию произведения в целом. Сочетание архаической маски с легко угадываемым под нею человеком XX столетия становится источником лирической конфликтности, которая и порождает более или менее бесспорную – тут все зависит от художественного чутья, такта, точности автора – художественность. В процитированном стихотворении «Медвежья песня» поэтичность усиливается резким столкновением деревянного идола (точнее, «идолицы», поскольку речь о бабе в платке), бредущего на деревянных ногах-костылях по заснеженным полям, с возникающей по ее следам современной деревней с тракторами и комбайнами. Конечно, непросто более или менее лаконично сформулировать ту художественную идею, которая заложена в этом стихотворении (довольно длинном: мы процитировали лишь небольшую часть его). В первом приближении образ идола в платке, вероятно, следует связать с представлением о финно-угорской праматери. Вышедшей из заснеженных степей и создавшей все. Что видят вокруг себя современные венгры. Правда, прочитав стихотворение целиком, понимаешь: идол этот – не только позитивное, творческое начало: от него исходит и зло, причем не только древнее, иррациональное, но и вполне современное, реально наблюдаемое. Стихотворение кончается следующими строчками:

Добрый вечер хозяюшка идолица
добрый вечер ножечки деревянные
добрый вечер пустые рукавчики
прясть да ткать они не умеют
а деревню разбить умеют
трактор кладбище сколько следует
трактир кладбище все что следует
двор с петухом да с курами
башню с совами все как следует

inslav

Видимо, недаром здесь появляется, дважды повторяясь, кладбище, а затем башня (или колокольня) со зловещими совами, олицетворяющими запустение, гибель.

Наверное, нет нужды специально выделять в приведенных стихах элементы фольклорной поэтики и образности: весь строй стиха, вся логика (или алогичность) связи между художественными блоками самым непосредственным образом отражают, выражают народную поэтическую стихию.

При этом источник, из которого черпает Анна Кишш, относится к самым давним, почти уже позабытым – в отличие от таких видов фольклора, как сказки, песни, не говоря уж о пословицах и т. п. В русской поэзии, кажется, совсем нет аналогии такому явлению, если не считать некоторых, чисто маскарадных попыток обращаться к славянской языческой мифологии. Да и в венгерской поэзии подобных примеров не так уж много. Подобная уникальность, очевидно, не может не ложиться на поэта тяжелым грузом: шаман в XX в. – фигура в высшей степени экзотическая, но долго ли проходишь в шаманском наряде, с шаманским бубном у супермодерных витрин Будапешта? Анне Кишш удалось сохранять найденный ею стиль относительно долго, десять с лишним лет, издав четыре книжки стихов. Одно из самых прекрасных, самых загадочных стихотворений, написанных в конце этого периода, называется «Возвращение».

Черные эти воды
деревья во сне беспокойном
воздушно-синие птицы
цветы уносимые ветром
свинцовые старые блюда
из сплющенных временем кубков
пью я речную пену
там оглохшие горы
тут деревья и птицы…

В стихотворении этом, претворяющем фольклорную образность, которая даже в призрачности своей является конкретной, материальной, в некий легкий, едва уловимый узор, просвечивающий где-то под поверхностью образного рисунка, для нас особенно интересна концовка, которую, видимо, можно понимать как некий итог пути, подводимый самой поэтессой.

письмо допишу до конца
ключ заброшу в колодец
встану под ветки деревьев

inslav

глаза мои нежного шелка
в коконы округлятся
будут смотреть сквозь затылок
я попрощаюсь со сказкой
тридцать три года мой возраст
можно ступать на воду

Здесь большое значение имеет и возникающая аллюзия Христа, который уже сам по себе, всем грузом связанных с ним ассоциаций, всем опирающимся на него мировоззрением перечеркивает, «отменяет» шаманство. Но Анна Кишш и «прямым текстом» прощается со сказкой. А готовность «ступать на воду» может означать не только настроенность на подвижничество, но и просто примирение с жизненным будничным уделом. Во всяком случае, в последние годы стихи Анны Кишш появляются очень редко.

Нельзя сказать, что в венгерской поэзии последних десятилетий совсем нет явлений, в той или иной мере приближающихся к фольклоризму Анны Кишш. Рядом с нею упоминают имя Кароя Бари, цыгана по происхождению, который (может быть, не столько благодаря своему – бесспорному – таланту, сколько вследствие высокой общественной конъюнктуры на природные дарования) приобрел известность уже в семнадцатилетнем возрасте и, еще не имея возможности органично освоить традиции венгерской литературы, должен был черпать из экзотической сокровищницы цыганского фольклора. К материалу народных поверий, примет, к заговорам, заклинаниям, магическим обрядам обращается в своем творчестве и поэт Золтан Полнер, который и специально собирает эти, стремительно умирающие жанры фольклора:

Барабанная дробь
Кожу зеленой жабы на руку натяну.
Против холода слов твоих
перчатку искряще-зеленую
Жест твой
остался непогребенным.

Рассматривая этот вид поэтического фольклоризма, мы, очевидно, и тут можем без специальных усилий, довольно быстро удостовериться, что и он не является сам по себе предпосылкой, основой народности. Более того, обращение к образам и приемам древнего, часто языческого художественного мышления, которое, как правило, уже утратило связь с повседневным сознанием современного человека и стало сферой, понятной лишь немногим знатокам, словно бы способствует тенденциям усложненности, герметизма, столь ощутимым в поэзии нашего времени. Или, во всяком случае, усугубляет запутан-

inslav

ную, подлежащую разгадыванию метафоричность этой поэзии, добавляет звеньев в цепи ассоциаций, которыми отягощено слово в современном стихе.

И вместе с тем в венгерской поэзии нашего времени есть примеры – причем примеры отнюдь не периферийные, не случайные, – которые свидетельствуют о том, что функция фольклоризма совсем не сводится к роли технического приема, или повода для стилизации, или поэтической маски, своего рода разновидности экзотизма. Ведь во всех этих проявлениях фольклоризм – лишь свойство формы, которое, даже при всей своей значимости, содержательности, далеко не исчерпывает эстетического содержания того или иного поэтического явления (хотя и служит одной из «ступенек», порой весьма важных, ведущих к постижению этого содержания). Для того, чтобы фольклоризм проникал в самую «сердцевину» произведения, определяя звучание главных «струн», он, видимо, должен восприниматься художником с сущностной, т. е. мировоззренческой, нравственной стороны. Но парадокс в том, что фольклоризм, воспринятый с его сущностной стороны, это уже не фольклоризм (во всяком случае, с точки зрения приведенного выше, пусть не вполне безупречного, определения). Сущностная сторона фольклоризма – это, по всей очевидности, и есть народность, т. е. эстетически значимая, играющая в литературном произведении центральную роль «мера глубины и адекватности отражения в художественном произведении облика и миросозерцания народа»[6] (в этом определении, правда, смущает упоминание на первом месте «облика» народа: справедливое, может быть, для поэзии А. Кольцова, оно вовсе не обязательно, когда речь идет о народности других, куда более крупных писателей прошлых эпох и современности).

Качественное различие между фольклоризмом и народностью в литературе включает в себя и различие между подходом к жизни народа с этнографической и с социальной (но не исключающей внимания к этнографическим особенностям) стороны.

Путь от фольклоризма к народности в какой-то мере и означает, что литература проникается сущностными интересами того национального сообщения, духовностью которого она питается и которому служит.

Этот путь мы постараемся проиллюстрировать на примере творчества Ласло Надя (1925–1978), преждевременно умершего поэта, чье имя – особенно, может быть, в десятилетие, минувшее после его смерти – стало как бы символом современной венгерской поэзии, средоточием всего лучшего, что есть в ней.

Обращение к творчеству Ласло Надя уместно еще и по той причине, что мало кто из известных нам поэтов был столь прочно связан с устной народной поэзией, как он. Крестьянское происхождение и деревенское детство явились для него такой исходной точкой, которая определила его эстетические поня-

inslav

тия и вкусы, а освобождение страны и утверждение – пусть во многом лишь в лозунгах – приоритета интересов народа укрепили главенствующую роль этих вкусов в его мироощущении. Первые два стихотворных сборника Ласло Надя, вышедшие в 1949 и 1951 гг., обозначили появление поэта ярко выраженного «кольцовского» склада.

Над речкою
Я над речкою маячу
Словно маятник ходячий.
Листья – звонкие червонцы –
дразнят парня, застят солнце.

Искушенья не боюсь я,
в сердце нет ни капли грусти.
Ладно скроен, крепко сшит я,
доброта моя защита.

Молоко надежды вкусно –
подою цветущий куст я.
Пощиплю я винограда,
а еще звезду мне надо…

(Перевод Н. Горской)

В этих и других стихах, написанных в духе народной песни, плача, фольклорно интерпретированной молитвы, выдающих мощный природный дар автора, есть и природный юмор, и крестьянская способность не унывать в любых обстоятельствах, и искренняя нежность к животным, к природе, умение отождествляться с нею, и стихийный, почти бездумный, от молодости и здоровья идущий оптимизм; в них однако почти не отразились суровые, сопряженные с трагизмом и отчаянием противоречия, которые назревали в те годы в общественной жизни Венгрии, – но ведь для литературы (во всяком случае, публикуемой) противоречий этих тогда как бы не существовало.

В 1949 г. Ласло Надь был послан на учебу в Болгарию, где познакомился с болгарским фольклором и настолько увлекся им, что в течение долгих лет – практически всю жизнь – занимался его переводом, издав четыре сборника южнославянской народной поэзии. Способность до конца растворяться в образной стихии славянского фольклора и виртуозно находить для нее адекватное выражение в венгерском образном строе дали почти уникальный результат: эти сборники стали, что называется, событием в культурной жизни Венгрии. Заняли место рядом с лучшими книгами оригинальных произведений Ласло Надя и других современных поэтов.

inslav

Такая «пропитанность» творческой индивидуальности фольклором, выразившаяся, в частности, в умении создавать переводные эквиваленты произведений, едва ли не превосходящие по своему художественному совершенству оригиналы, не могла, естественно, вылиться в простое усиление фольклоризма: куда уж больше! Количество должно было перейти в качество.

Разумеется, наивно думать, будто именно перенасыщенность фольклоризмом изменила характер поэзии Ласло Надя. Главной причиной был, конечно, кризис, через который венгерское общество прошло в середине XX в. и который осенью 1956 г. разразился взрывом. Разрушив – не у одного только Ласло Надя, но практически у всего народа Венгрии – простодушную веру в быстрое достижение всеобщего благоденствия, эти события открыли потрясенному поэту глаза на огромную, «костоломную» (по выражению одного из программных стихотворений, написанных Л. Надем в тот период), тяжесть пути, на который добровольно ступает человек во имя прекрасных, но несбыточных идеалов.

Осознание этой трагической противоречивости не оставило камня на камне от ощущения гармоничности мира.

Тщетно. Трепещет сердце
на железных крючьях вопросов.
Мечемся с жизнью вместе
по приснившимся росам покосов.
В мураве, от кузнечиков звонкой,
бьемся в святой лихорадке,
в юбочных бурях блуждаем,
топим горе в дурмане сладком.

(«Любовь моя, жизнь костоломная»)

Даже одна строфа, взятая из большого стихотворения, достаточно наглядно показывает, как рассыпается – безжалостно сминая и патриархально-буколические, фольклорно-идиллические элементы мироощущения – безоглядная вера в разумное, доброе начало, господствующее в мире.

Едва ли не все пишущие о Ласло Наде, характеризуя образный строй, поэтику его произведений, находят и у него «фольклорный сюрреализм», считая венгерского поэта в этом плане последователем Ф. Гарсиа Лорки. Не касаясь вопроса о правомочности этого понятия как термина применительно к литературной поэзии и употребляя его условно, отметим, что Ласло Надю, его творчеству периода второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов элементы сюрреализма действительно свойственны: очевидно, они отразили смятение, разорванность его мироощущения, как и мироощущения многих

inslav

других венгерских художников в то время. Душевную дисгармонию передают уже названия циклов стихотворений, созданных в этот период: «Роза в руке твоей обезглавлена», «Кровохаркающая фея» и др.

Из трупного смрада я вышел на свет,
мой путь на земле, а в земле его нет,
хотя в моем теле такое зиянье,
что ласточка может стрелой пролететь!
Пусть звезды меня не увидят забытым
на мертвом дворе, оглашаемом криком.
О молния, гневный палач высоты,
не бей в мою руку с поющим цветком –
все сущее в нем!

(«Завыванья». Перевод Ю. Кузнецова)

Нельзя не отметить, что такой сюрреализм – чистый подарок для переводчиков: он создает иллюзию, будто для достижения адекватности достаточно ставить рядом друг с другом любые приходящие на ум слова, кое-как зарифмовывая их. Однако небрежность (которой не лишен даже такой талантливый переводчик, как Ю. Кузнецов) вовсе не равнозначны поэтическому алогизму, который где-то в глубине, пусть с трудом поддающийся непосредственной расшифровке, и на уровне поэтической ритмики и фонетики не только не лишен логики, но, напротив, довольно жестко ей подчинен. Так и в приведенном отрывке: трупный смрад, а точнее, смрад, издаваемый падалью (оттенок существенный: речь ведь идет, очевидно, не о человеческих трупах, а о мертвечине, о смраде ямы, куда сбрасывают падаль, т. е. можно считать, о грязных задворках человеческого жилья, или даже, если понимать более широко, о задворках Европы), выполняет свою функцию лишь рядом с противопоставленным ему образом радуги (который полностью проигнорирован Ю. Кузнецовым). «Из смрадной тьмы придя, под радугой стою», – примерно так, видимо, следовало бы перевести первую строчку приведенного фрагмента. И отсюда закономерно вытекает жизнеутверждающая вторая строка: «Не под землей, а на земле я мыслю жизнь свою».

При все том даже этот, неточно переданный по-русски, кусочек стихотворения позволяет видеть, как яростно, одержимо стремится поэт выйти из состояния разлада с миром и с самим собой. Искренний, не скрывающий боли, растерянности, но в то же время стоически-мужественный тон его стихов-исповедей уже тогда заставлял верить, что «святое» отчаяние поэта не перейдет в бесплодный скепсис, в декадентское упоение собственными страданиями, беспомощностью. Одним из способов преодоления душевного разлада

inslav

было обращение к великим представителям национального духа, культуры, к художникам, которые в давнем или недавнем прошлом, в те или иные кризисные времена, которыми богата венгерская история, находили в себе способность подниматься над слабостью, над обстоятельствами и из обломков национального универсума творили новый синтез, обеспечивая тем самым преемственность бытия народа и его духа. Объектами внимания Ласло Надя чаще всего становились художники трагической, неустроенной судьбы, не понятые современниками. Не знавшие, что такое признание, обеспеченность: поэт и воин Балинт Балашши (XVI в.), бездомный бродяга, вечный студент Михай Чоконаи-Витез (конец XVIII – начало XIX в.), анахорет Даниель Бержени (первая половина XIX в.), наконец, в XX столетии поэты Эндре Ади, Аттила Йожеф, композитор Бела Барток, живописцы Бени Ференци, Йожеф Эгри, Бела Кондор. А из поэтов за пределами Венгрии – Гельдерлин и, конечно, Ф. Гарсиа Лорка.

Как источать могло такие горячие весны
сердце твое, низринутое в холодную пропасть?
Как, полыхая
и задыхаясь,
строил ты в непрерывном страданье
песен многоэтажное зданье? –

(«Аттила Йожеф». Перевод В. Корчагина)

обращается поэт, например, к Аттиле Йожефу, выделяя в его творчестве, в его жизненной позиции то, что для самого Л. Надя было в это время самым важным: мужественную способность в бесчеловечном мире утверждать возможность добра и гармонии.

А вторым, основным и, пожалуй, для Ласло Надя наиболее естественным способом преодоления мировоззренческого и творческого кризиса было обращение к исконной, и хотя для многих как бы и не существующей, духовной, нравственной красоте простых тружеников, крестьян, родителей и родичей поэта, тех людей, среди которых прошло его детство и чьи невысказанные заветы живут овеществленными в неменяющихся формулах народных песен, обрядов, в героях легенд, преданий и сказок. Так возникает, например, в его творчестве фигура матери, становясь воплощением добра, тепла, покоя и в то же время всеведущей заботы, почти сверхчеловеческой силы (стихотворение «Когда земля дрожит»):

Почуяв, как дрожит земля,
я чувствовал: она грядет,
грядет, чтобы меня поднять,

inslav

холщовые открыть врата
и в запах меда, молока
меня с улыбкой окунуть,
и дать припасть мне к роднику,
и в Мирозданье усыпить.

Я рос и видел, как она
легко несет мешок с зерном,
бедром отодвигает прочь
чугунную ночную тьму,
алмазно-сахарный стожок

трет мне из свеклы на обед,
спокойно ходит под дождем,
раскатов грома не страшась.

Мать в воображении поэта отождествляется со сказочно-мифологическим образом Белой Лошади, восходящим к языческим, тотемным преданиям, пришедшим из незапамятных, кочевых времен и чудом сохранившимся в фольклоре (невольно напрашивается – к сожалению, не выходя за пределы догадки, – сравнение с айтматовской белой Матерью Оленихой).

Как Лошадь Белая из сказки,
является на первый зов,
в зубах жемчужных мне приносит
и хлеб, и книгу, и закон,
и, усадив меня на спину,
несет с собою в небеса
так бережно, чтоб звезд колючки
лишь чуб причесывали мне.

Вообще в поэзии Ласло Надя лошадь занимает особое, почетное место – и как вневременной символ бытия венгров, еще хранящих в исторической памяти кочевое, сросшееся с седлом прошлое, и как реальная принадлежность крестьянской жизни, вырастающая в ее олицетворение, а тем самым в образ трудолюбия, слитности с природой. Уже в раннем творчестве этот символ появляется в таких произведениях, как «Плач по жеребеночку», «Строевые лошади»; зрелый же период Л. Надя отмечен поэмой «Прощание лошадки» (1963), где лирическое повествование ведется от лица некоего существа, разумного коня со сказочно-фантастическими свойствами, подобного, может

inslav

быть, нашему Коньку-Горбунку, но не такого веселого и мудрого, а скорее трагического, выплескивающего свою боль в предчувствии близкой гибели.

Сказочная, былинная стихия присутствует и в другой поэме Л. Надя, «Зеленый ангел»; правда, она переплетается там с библейской символикой – но ведь и сама библейская образность, за многие столетия войдя в сознание народа, неотделимо вошла в фольклор, часто теряя религиозную окраску. Зеленый Ангел, отмечающий своим появлением дом, где родился поэт, и предопределяющий его путь на земле, – это не столько ангел господний, сколько слитый с природой демон развития, движения, демон справедливый, но беспощадный, который с хохотом рушит старое крестьянское бытие, грозя заменить его упорядоченность зеленым хаосом джунглей. Поэма содержит в себе горькое, но мужественное сознание того, что прежний уклад жизни навсегда потерял свою жизнеспособность, а вместе с ним в руины превращаются прежние художественные – в том числе и фольклорные – формы и мерки, которые казались таким надежным фундаментом поэтической системы в раннем творчестве Ласло Надя.

Путник, если случится тебе бродить в лопухах, больших,
как слоновьи уши,
в облаке белены, в глубине ревущего океана запущенных
крон,
под траченной молью завесою солнца, если ты не боишься,
если воображенье твое не скудно,
погляди на гниющие сказки, на мифы, на дивные образы
моей юности, валяющиеся ничком, лицом в прошлогодних
листьях,
с разбросанными руками и крыльями, погляди на золотые
туфли, носами
воткнутые в землю, на завороженные руки, на ушедшие
в прошлое времена,
их уж не разбудишь ни нежной свирелью, ни барабанной
дробью,
я не хочу их будить, и не буду грустить по ним никогда!

Однако, с деланным безразличием прощаясь с обломками идиллического фольклорного – теплого, домашнего, ласкового – мира, поэт как бы примеряет на себя другой, фольклорно-мифологический облик – облик былинного богатыря, титана, которому предстоит сражаться не с простоватой бабой-ягой или наивным чудаком-лешим, а с всесильным вселенским злом.

inslav

...время слез миновало, конец лирическому сибаритству,
требует крови мечта, оказалось: не на волшебной подушке,
а на черной колоде лежит голова, и в красном стоит
уже рядом судьба.

Но и теперь, пока поэт жив, пусть ему, может быть, остаются мгновения, он готов идти, Лететь, биться – «даже за Невозможное, дальше и дальше»,

чтобы шлейф пота за мной Млечному был подобен Пути,
чтобы, вслед за последним ударом, Ангел Зеленый дал
отпущение мне,
чтобы в высях горело сердце – неотрываемый света листок!

Значение подобных фольклорно-мифологических деталей не сводится к роли чисто структурных единиц, необходимых для поддержания художественной системы в равновесии. Фольклорные элементы являются в произведении как бы частичками, «представителями» того огромного духовного, нравственного, эстетического фонда, который накоплен народом и запечатлен в фольклорных формулах. Конечно, не у всякого поэта фонд этот оказывается задействованным, в той или иной мере раскрытым; что же касается Ласло Надя, его выдающееся мастерство во многом в том и заключается, что, используя тот или иной фольклорный образ, мотив, прием, поэт вводит вместе с ним – как подтекст, как «гроздь» ассоциаций – большой, часто неосознаваемо большой груз нравственных законов, философских положений и истин, выверенного веками представления о жизни. Это-то представление и становится в творчестве Ласло Надя основой для создания новой, более сложной, чем прежде, цельности, того «единства дисгармонирующих мыслей и чувств», которое, как считает, например, Б. Помогач, явилось «главным вкладом Ласло Надя в поэзию его времени» [7].

В венгерской эстетике, литературоведении, искусствознании часто употребляется выражение «модель Бартока». Под этим подразумевается та особенность творчества венгерского композитора, суть которой – в умении создавать «синтез народного и современного», в способности находить новые выразительные возможности, вводя в музыку «элементы архаического песенного фольклора как противопоставление позднему романтизму» [8]. Благодаря всемирному признанию гения Бартока и «модель» его пользуется широчайшим авторитетом. Суть этой модели можно понять, обратившись к словам самого Бартока: «Неправ тот, кто довольствуется спорадическим использованием народных песен или подражанием старым мелодиям. Плохо также, когда, реализуя такой материал тематически, его насильственно вводят в произведения с чужой или с иррациональной направленностью. Вместо этого нуж-

inslav

но стремиться скорее к тому, чтобы полностью освоить таящиеся в народной музыке выразительные средства, точно так же как и тончайшие оттенки языка»[9]. Можно сказать, таким образом, что «модель Бартока» – это наиболее высокая, наиболее развитая и наиболее сложная форма фольклоризма.

Выражением «модель Бартока» нередко пользуются, говоря о поэзии Ласло Надя. Уже на основе того, что было сказано выше, можно сделать вывод, что подобное утверждение не вполне правомерно. Близость поэта к фольклору, пропитанность его художественного мышления духом фольклора помогли ему полнее усвоить духовные ценности, воплощенные в народном творчестве. В синтезе, который достигнут, главную роль играют не столько выразительные средства, сколько нравственные ценности, жизненная философия, тот здоровый, выстраданный, стоический оптимизм, который свойствен трудящимся низам.

Видимо, именно этот нравственно-философский стержень лежит в основе творческой позиции Л. Надя, служит оправданием для творческой деятельности, на каком-то новом, более высоком витке спирали выходя к убеждению об исключительной роли поэта в духовной жизни человечества. Этому посвящен его непривычно маленький, в четырнадцать строк шедевр – «Кто, как не я?»

Если я кану на дно, если вовсе угасну,
Кто же поймет, как кузнечика скрипка прекрасна?
Кто горячо на замерзшую ветку дохнет?
Кто же на радуге сам свое тело распнет?
Кто, обнимая скалу, обратит, как не я, .
бедра ее – в заливные луга и поля?
Кто же погладит по тонкой стене, как не я,
трещинки, жилки – все эти приметы жилья?
Кто, как не я, из проклятий построит собор
для пошатнувшейся веры, в которой – разор?
Если я кану на дно, если вовсе угасну,
кто будет грифа отпугивать прочь ежечасно?
Кто же, любовь поднимая в зубах над волной,
перенесет на тот берег, на берег иной?

(Перевод О. Николаевой)

Чтобы понять, что именно брал Ласло Надь из фольклора, лучше всего обратиться к его собственным словам. «Если народная поэзия – это история эмоциональной жизни народа, история его поверий, обычаев, страхов, пристрастий, страданий и надежд, то совокупность народных поэзий – самый че-

inslav

ловеческий из всех имеющихся учебников истории» [10]. Улавливать, отражать эту «самую человеческую» сущность реального бытия и учился поэт у фольклора. Ясно, что при таком условии совсем не главную роль играют чисто выразительные приемы, поэтика фольклора, так что понятие «модель Бартока» здесь представляется не вполне применимым.

Правда, с другой стороны, система выразительных средств в музыке не тождественна (хотя и близка) такой системе в поэзии. Содержание музыки гораздо более «формально», более связано с формой, чем содержание поэзии, и, возможно, для Бартока и не могло существовать иного способа передачи народного мироощущения, кроме как вводить в свои произведения выразительные средства народной музыки.

И тем не менее видеть в творчестве Ласло Надя литературный, поэтический вариант «модели Бартока» представляется натяжкой. Хотя бы потому, что в этом случае пришлось бы сделать вывод: высшая степень фольклоризма выражается – в отказе от фольклоризма.

Видимо, не следует искать каких-то общих схем и понятий, объединяющих собой такие разные виды современной художественной культуры, как поэзия и музыка. «Модель Бартока» имеет право на жизнь в музыке (хотя и там ситуация вовсе не односложна, как показывает хотя бы статья Матяша Домокоша, из которой мы брали малоизвестное у нас высказывание Бартока и еще совсем не опубликованное, существующее в рукописи высказывание Л. Надя). Что же касается поэзии и, в частности творчества Л. Надя, то дело здесь выглядит, очевидно, так: фольклоризм и народность – это категории, относящиеся к разным, хоть и взаимосвязанным, сторонам художественного творчества. Фольклоризм касается прежде всего формальной, выразительной стороны, хотя не может не сказываться и в содержании; народность же – идейно-эстетическая категория, которая, естественно, так или иначе отражается и в системе средств выражения. Творчество Ласло Надя до определенного момента характеризовалось высокой степенью фольклоризма – однако именно народности в нем тогда было немного. На протяжении второй половины 1950 – первой половины 1960-х годов поэзия его, пройдя сложные, кризисные этапы, приходит к зрелой народности, однако фольклор здесь отходит на второй, неглавный план, играет подчиненную роль.

Вершиной творческой эволюции Ласло Надя считается поэма «Свадьба» (1964). В основу ее положен эпизод, который венгерский поэт наблюдал в Болгарии. В соответствии с местным обычаем только что обвенчанные молодожены были поставлены на берегу, лицом к морю, а за спиной у них бушевал свадебный пир. Поэт долго стоял там, ожидая, когда же кончится это странное отлучение молодой пары от всеобщего веселья, но, так и не дождавшись, ушел. А через несколько лет эпизод этот вылился в поэму, где народный об-

inslav

ряд трансформируется в символическую картину. С одной стороны – отрешенная от мирской суеты, обращенная лицом к чистоте неба и моря, как бы вышедшая на свидание с будущим, с вечностью молодая пара:

к морю лицом, мы стоим на веселом пиру,
окаменели от слова на голом ветру,
.....
день перед нами, за нашими спинами ночь,
тьма глубока, но хотят эту ночь превозмочь
яблони в белом цвету и пожары тюльпанов,
прорва весенних огней, искрометных фонтанов,
радуга крови, огонь молодого ума,
ультравселенная мозга...

(Перевод Ю. Кузнецова)

Двум юным людям, открытым навстречу жизни, резко и непримиримо противопоставлена обжирающаяся и опивающаяся, хохочущая, выкрикивающая сальности толпа:

рты пересохли, но грозди вино им дают,
агнцы родятся, и нож обливается кровью,
топится кухня, потеют кастрюли, жуют
челюсти мясо, и в море смываются кости
.....
свадьба пьет наше вино и ломает наш хлеб,
лезет на брачное ложе, сплетаясь телами,
бьется, пружинится, стонет, сметая локтями
пышные свечи, огня своего щелочами
землю сквернит: перестала считаться с корнями,
тень алчет тени, фигура фигуру когтит,
случка и гон, на машину машина летит,
марки всех наций сцепляются, будто жуки,
брачная ночь, о великая порча, о свадьба –
черная месса...

(Перевод Ю. Кузнецова)

Очевидно, момент фольклоризма здесь следует видеть уже в том, что в основу лирического конфликта положен народный обряд. Но это обстоятельство побуждает автора ввести в поэму и другие фольклорные элементы, которые привязали бы символически осмысленное зрелище к почве, к реальным противоречиям, существующим в современном народном сознании. Для этой

inslav

цели он берет старинную – венгерскую – танцевальную песню и, вставляя в текст, перемежает словами и строчками, которые придают ей оттенок уличной, разухабистой припевки. Тем самым эта фольклорная вставка как бы подчеркивает мотив противоречивости, увиденный Ласло Надем в народном мироощущении.

воет оркестр, и рычит, и кричит, и валяет:
ТЫ – КОБЫЛА, СУПЕРДЕВКА, СВОЕ СЕМЯ РАСТОПЧИ!
ТЫ – ТАНЦОВЩИЦА, СТАРУХА, ПРО МОРЩИНЫ РАССКАЖИ!
ЕСЛИ ПОЧКИ И ОТСОХЛИ, ВЫШЛА ЗАМУЖ, ТАК ГУЛЯЙ!
ХОРОХОРИТСЯ ПОДАГРА, ЧТО ПРОМОКЛА, КАК ПЕТУХ!
ПЕЙ, ГУЛЯЙ! ПО ТУБЕРОЗЕ ТЛЯ ПОЛЗЕТ, СТАЛЬНОЙ ТРЕУХ!

После этой вставки, напечатанной прописными буквами, после апофеоза разгула и распутства следует краткий, в две строки, финал поэмы – как последнее слово, которое все-таки остается не за упившейся толпой, а за молодыми, отринутыми, высмеиваемыми ею, не представляющими то лучшее, перспективное, что есть в этой толпе, что есть в народе.

в лентах и нимбах, секущие время, как дым,
к морю лицом мы стоим изваяньем одним!

«Лицом к морю» – такое название Ласло Надь дал сборнику своих произведений, изданных в 1972 г. Название это не повторяет, как принято, заголовка какого-нибудь стихотворения или цикла; так что оно – явная ссылка на завершающую строку «Свадьбы», а тем самым манифест, обозначение той сути народности, которой поэт сознательно следует в своем творчестве.

В позднем творчестве Ласло Надя (особенно в цикле «Подарок», 1973 г.) есть и более явные образцы фольклоризма, когда поэт создает как бы самостоятельные фольклорные произведения, главным образом в жанрах народной песни, заговора, молитвы и т. п. Вот один пример:

Хор
О, слети ко мне, сокол,
о, слети ко мне, сокол,
ты слети, слети, слети, коль прошу я,
ты слети, слети, слети, коль прошу я!

О, златоклювый сокол,
о, златоклювый сокол,
с желтыми, желтыми, золотыми когтями,

inslav

с желтыми, желтыми, золотыми когтями!

Разорви на мне шелкову рубаху,
разорви на мне шелкову рубаху,
ты открой, открой, открой мое сердце,
ты открой, открой, открой мое сердце!

Коль жить я буду, только с тобою,
коль жить я буду, только с тобою,
коль сгорю, коль сгорю, то сгорю за тебя,
коль сгорю, коль сгорю, то сгорю за тебя!

Стихотворение «Матерый» написано с использованием ритмики и строфики народной песни, с характерным для этого фольклорного жанра повторением формул и целых строчек.

Снегом я до луны взметнусь
лавиною на пути прокручусь

нитью луча коготь мой ловок
землю с небом сошью без слова

могу голодать и всласть пировать
зимою под звездами спать

зимою под звездами спать
сиротам встретиться не давать

снегом я до луны взметнусь
лавиною на пути прокачусь

перед вами взорвется она звездой
за спиной у вас подниму я вой.

Можно было бы привести много подобных примеров; но дело, видимо, не в них. Дело в том, что фольклоризм, даже несмотря на эти примеры, не является определяющим признаком зрелой поэзии Ласло Надя. Секрет его широкого признания, его значения в современной венгерской литературе едва ли можно искать и в том, что творчеству его в значительной степени свойственны «сюрреалистическая» усложненность и алогичность, «иррациональное отражение явлений и взаимосвязей действительности»[11], которые можно наблюдать в различных жанрах фольклора, особенно архаических. Мы считаем,

inslav

причина его величия – в той «неразрывной связи с национальной жизнью», современной формой которой и является народность.

Тот вид народности, который мы наблюдаем в поэзии Ласло Надя, т. е. народность, «генетически» связанная с фольклоризмом, – довольно типична для венгерской поэзии последних десятилетий. Мы находим ее у Иштвана Кормоша, Маргит Сечи, Имре Чанади, Шандора Чори, Андраша Фодора; о такого рода народности можно говорить, по-видимому, и по отношению к творчеству Ференца Юхаса – хотя фольклоризм у него заменен скорее мифологизмом, все более переходящим с течением времени в очень субъективное, подчас действительно «сюрреалистическое» мифотворчество. Перечисленные имена – весьма авторитетные в венгерской поэзии, за ними следуют, у них учатся многие молодые, только вступающие в литературу поэты. Поэтому, видимо, мы вправе сказать, что путь, избранный в поэзии Ласло Надем, путь вполне плодотворный для того, чтобы преодолеть уклон к этнографизму и достичь в искусстве гармонического сочетания национального и народного начал, – является эффективным, живым руслом, одним из главных направлений развития современной венгерской поэзии и венгерской литературы в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Lukács Gy.* Magyar irodalom. Magyar kultúra. Bp., 1970. 158. o.

[2] *Оссовецкий И.А.* Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977. С. 129.

[3] *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 210–211. Это место статьи Мандельштама цитирует и Л.Я. Гинзбург в своей книге «О лирике» (Л., 1974. С. 347).

[4] Пример взят из книги: *Török G.* Pecsétek feltörée. Bp., 1983. 398–399. o.

[5] Költők egymás között. Bp., 1969. 173. o.

[6] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 235.

Мы берем лишь одно из трех приводимых там значений понятия «народность»: в остальных двух оно равнозначно соответственно фольклоризму и общепонятности.

[7] *Помогач Б.* Народные традиции и поэтическое новаторство в новой венгерской поэзии // Пути художественного прогресса. Литературно-художественная критика в ВНР. М., 1978. С. 378.

[8] Там же. С. 376.

[9] Цит. по: *Domokos M.* Atkelés, áttünés. Bp., 1987. 203. o.

[10] Ibid. 209. o.

[11] *Помогач Б.* Указ. соч. С. 376–377.

inslav

Рецензии

inslav

Т.М. Исламов

История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия.

Размышления о проблемах истории Средней и Юго-Восточной Европы *

В трудах выдающегося нашего унгариста В.П. Шушарина большое внимание уделялось истории многовековых взаимоотношений народов Дунайского бассейна, или, как он любил выражаться, «Среднего Подунавья». Этот сюжет, проходивший красной нитью через все его сочинения, был, пожалуй, центральным, поскольку историк считал методологически ошибочным исследование любого народа-этноса изолированно, в отрыве от истории окружающих его других этносов, как и от общих тенденций развития того полиэтничного государственного образования, где находился изучаемый народ. В соответствии с этим методологическим постулатом он часто обращался к проблемам, связанным с историей хорватов, сербов, отчасти словенцев, которой посвящен новейший труд наших коллег. Несомненно он бы порадовался успеху ученых-славистов нашего института вместе с нами. Также несомненно, что В.П. Шушарин не преминул бы высказать свои критические замечания, как это он делал всю свою жизнь, и нередко нелицеприятная критика приносила ему не только творческое удовлетворение. Как всякий нормальный ученый, он исходил из убеждения, что критический анализ исторического труда и есть высшее признание его научной значимости. И с радостью принимал справедливую и объективную критику собственных работ, если, конечно, сам признавал корректность критики. В контексте этих предварительных замечаний и следует, как я надеюсь, отнестись к нижеследующим соображениям, вызванным при чтении названной монографии.

Семь известных в кругах специалистов авторов – И.В. Чуркина, И.С. Достян, В.И. Фрейдзон, А.В. Карасев, А.Л. Шемякин, Е.К. Вяземская, В.И. Косик – написали сравнительно небольшую по объему книгу по истории

---

* В связи с выходом в свет коллективной монографии «На путях к Югославии: за и против. Очерки национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв.». Отв. редактор И.В. Чуркина. 1997. 395 с.

inslav

национальных идеологий югославянских народов конца XVIII – начала XX в., выпущенную в свет издательством «Индрик» в конце 1997 г.

На основе трудов отечественных и югославских историков, широкого привлечения новых архивных материалов авторский коллектив предпринял попытку проследить историю возникновения Югославии от зарождения первых идей югославизма до создания в 1918 г. в результате одного из крупнейших катаклизмов в истории человечества – первой мировой войны – нового государственного образования – поначалу Королевства сербов, хорватов и словенцев, позже преобразованного в Югославию. В монографии анализируется отношение югославянских народов к проблеме югославизма на различных этапах их исторического развития. В центре внимания авторов находится проблема борьбы двух тенденций в национально-освободительном движении этих народов – объединительной (югославистской) и противоположной ей тенденции, направленной на создание национальных, независимых государств югославянских народов. Рассматриваются также внутренние и внешние факторы (прежде всего роль великих держав), оказывавшие влияние на процессы формирования национальных государств на Балканах. Книга предназначается для широких кругов российских читателей: журналистов, историков, учителей, студентов, всех тех, кто интересуется историей югославянских народов, проблемой югославизма и – в более широком смысле – проблемой исторических корней современного югославского кризиса с целью всестороннего изучения причин этого кризиса и возможных перспектив дальнейшего развития событий.

Общее название очерков – «На путях к Югославии: за и против» – вполне оправдано как их содержанием, так и самим описываемым процессом. На протяжении всей недолгой истории Югославии (и как убедительно показано в книге, еще и до образования общего государства) существовали силы и объективные факторы, – причем в каждой из ее составных частей, которые «работали» на объединение. Но, с другой стороны, среди югославян Австро-Венгрии было и немало влиятельных противников такого объединения, особенно его сербского варианта, направленного на установление в будущем государстве сербской гегемонии. Иными словами, нынешний сербско-хорватский и сербско-словенский антагонизм вполне прослеживается в эпоху формирования наций и национальной идеологии названных трех народов.

Цикл национально-объединительного процесса «на путях к Югославии» завершился в 1918–1919 гг. появлением на карте Европы общего государства югославянских народов. К этому шли югославянские народы со времени формирования их национальных идеологий осознанно или по большей части неосознанно, а в 1908–1918–1919 гг. вполне осознанно, когда идея объединения перешла из сферы идеологии в плоскость конкретной политической

inslav

практики. В начале последнего десятилетия XX в. произошел крутой поворот в исторических судьбах объединившихся вокруг королевства Сербии народов: движение, начавшееся условно в конце XVIII в., пошло вспять. «Ушли» из Югославии в порядке очередности Словения, Хорватия, Македония и Босния–Герцеговина. Осталась одна Сербия с небольшой Черногорией, нынешняя ситуация в которой не устраняет сомнений в жизнеспособности Федерации и сохранении сербско-черногорского союза вообще. В результате сербско-албанского вооруженного конфликта в сербской провинции Косово–Метохия под угрозой оказалась территориальная целостность самой Республики Сербия. Неспокойно и в другой полиэтничной провинции республики – Воеводине. С таким печальным итогом входит в XXI в. возникшая на заре века XX Югославия.

Последний отрезок пути многонациональной Югославии от образования Королевства сербов, хорватов, словенцев до нынешней усеченной Югославии не является предметом исследования рассматриваемой книги, но именно объективное изучение предшествующего периода и дает ключ к пониманию исторической подоплеки происходящих ныне там событий. Вернее должен дать, если быть более точным, ответ на вопрос, почему «это» произошло спустя семь с лишним десятилетий после рождения единого государства югославянских народов почему иссяк тот энтузиазм, который вдохновил их на объединение тогда и ярко проявился позже в самый тяжелый период их истории – во время второй мировой войны, в 1941–1945 гг., и вдруг неожиданно испарился в году 1990-м?

Не все можно в этой трагической развязке объяснить уходом из жизни и с политической сцены легендарного партизанского вождя маршала Тито, сумевшего на десятилетия сплотить союз народов Югославии, сделавшего ее одним из самых уважаемых в мире государств с процветающей, по масштабам реального социализма, экономикой и взаимной национальной терпимостью. Сегодня многие задаются вопросом: чем или кем был вызван внезапный и стремительный развал федерации, кто повинен в разыгравшейся на глазах у всего мира трагедии. Только ли «злая воля» западных «империалистов», целенаправленная политика Германии (поспешившей первой из великих держав признать суверенитет Хорватии и Словении), США и других стран Запада, ориентированная будто бы на развал федерации, или интернационалистическая идеология социалистической Югославии, как полагают иные из националистов, последователей курса президента Милошевича повинны в роковом исходе? Кстати, сегодня и на Западе высказываются мнения о «поспешности» признания этих новых государств в качестве одного из факторов распада Югославии. Но могло ли дипломатическое непризнание загнать словенцев, хорватов и т. д. обратно в лоно «милошевской» федерации?

inslav

Действительная актуальность и своевременность книги в том и состоит, что она дает знания и сведения о предпосылках сопутствовавших и способствовавших движению словенцев, хорватов и сербов к созданию общего государства. Но внимательный читатель может составить себе некоторое представление также и о существовавших между ними еще до объединения противоречиях. Хотя эта сторона дела в книге специально и не рассматривается, и авторский коллектив не задавался целью раскрыть истоки, обстоятельства и предпосылки возникновения национализма югославянских народов, острием своим направленного не вовне, против «господствующих наций», против соседей, а «во внутрь», т. е. появления враждебности одних членов югославянской семьи наций по отношению к другим. Тем не менее, многое авторам удалось прояснить. Это касается, прежде всего, основополагающих факторов длительного воздействия, которые и привели к формированию и успешному распространению на рубеже XIX–XX вв. идеологии югославизма – симбиоза определенной разновидности панславизма и австрославизма одновременно. Наряду с объединительной, интеграционной тенденцией исторического развития югославянских народов, выраженной в различных вариантах югославизма, шел интенсивный процесс складывания обособленного национального самосознания каждого из югославянских народов – сербов, хорватов, босняков, т. е. боснийских мусульман – в отдельности. В течение всего XIX в. и в первые два десятилетия XX в. обе тенденции, интеграционная югославистская и национально-дифференцирующая, шли параллельно и понарастающей, пока не слились воедино на конечной, заключительной фазе первой мировой войны, что и позволило подчинить хорватский и словенский национализмы общему идеалу югославизма, принеся национальные цели отдельных народов в жертву общему многонациональному государству. Однако национального равноправия в первом югославском государстве не получилось. В 1920–1930-х годах верх взял шовинизм господствующей сербской нации, что и стало одной из причин бесславного развала монархической Югославии под ударами внешних сил – германо-итальянских армий, поддержанных войсками Венгрии и Болгарии. Ситуация повторилась спустя полвека. С той лишь существенной разницей, что в 1990-м в отличие от 1941 г. никакого вторжения в Югославию враждебных армий не было. Очевидно, что решающую роль сыграло действие внутренних факторов, внутренняя слабость и структурная непрочность многонационального государства.

Итак, мир стал свидетелем труднообъяснимого феномена вторичного развала на составные части полиэтничного государственного образования, на определенном этапе своей истории доказавшего силу и жизнеспособность. В какой мере случаен либо закономерен этот печальный финал? Говорит ли исторический опыт народов Югославии, также подтверждаемый разъединением

inslav

чехов и словаков и ликвидацией – федеративной лишь на бумаге – Чехословацкой республики, в пользу жизненности идеологии национализма и сепаратизма, в пользу моноэтничных государств? Способен ли интернационализм возродиться на подлинной, а не на формально-декларативной основе и дать жизнь интеграционным процессам, или народы ареала обречены идти своим «особым» путем, ведущим в никуда? По всей видимости, русская историческая наука не вправе уклоняться от выявления своей позиции по всем этим вопросам, имеющим принципиальное значение для всего огромного восточноевропейского ареала в целом, включая и Россию, которая на пороге нового столетия сталкивается с проблемами национального сепаратизма и регионального партикуляризма.

И еще один вопрос, который обходится современной политикой и политологией: возможны ли региональные интеграционные процессы (в рамках бывшей Югославии, бывшего СССР, Балкан или Средней Европы) при одновременном обособлении от остальной, быстро прогрессирующей (объединяющейся) Европы, или того хуже, противопоставлении ей национальной исключительности с примесью идей славянско-православной солидарности?

Авторы сумели уловить ту существенную особенность исторического развития и типологического облика Югославии как государственного образования смешанного типа, которая объясняет, хотя и не целиком, трудности, с которыми она столкнулась с первых же шагов своего существования и которые так и не удалось одолеть ее народам общими усилиями. Речь идет об историческом опыте соединения в одном государстве двух цивилизационных начал – балканско-православного (с сильным элементом османского государственного устройства и политической культуры), с одной стороны, и латинско-среднеевропейского, с другой. Причем последнее не было однородно, наряду с чертами среднеевропейской субкультуры в случае хорватов, сербов и словенцев Австрии и Венгрии, включая в себя средиземноморскую субкультуру далматинцев, отчасти словенцев и черногорцев приадриатической контактной зоны, испытывавшей длительное воздействие культуры Рима и Венецианской республики.

В состав нового государства в 1918 г. вошли народы с совершенно различными историко-культурными традициями. Верно отмечены в предисловии, написанном Искрой Чуркиной, неоднотипность социально-экономического и культурного развития югославянских народов, факт исторического отставания «турецких славян» (лучше бы, наверное, сказать балканских) от «австрийских» (точнее будет сказать, австрийских и венгерских, ибо условия существования национальностей не были одинаковыми в Венгрии и Австрии). Югославяне Монархии, указывает Чуркина, развивались «под сильным и определяющим европейским влиянием». В результате в конце XX в. современ-

inslav

ная Словения мало походит на Старую Сербию, имея больше сходства в культуре, быту, менталитете, да и в политической культуре, с соседней Австрией, чем с Санджаком или Македонией. Последствия искусственного симбиоза двух цивилизационных моделей – балканской и европейской, двух путей развития не были устранены ни монархическим режимом межвоенной Югославии, ни коммунистическим режимом послевоенной, что и стало одной из причин конечного краха многонационального государства. Данный аспект лишь обозначен в книге, но не разработан, к сожалению. Допускаю, что это задача другого труда, но не продуктивно не делать тех выводов, которые подтверждаются конечным результатом исследования, а также самой логикой исторического процесса.

Вернемся, однако, к творческим достижениям ученых-югославистов и достоинствам их труда. В 15 главах монографии объемом в 26 печатных листов, благодаря усилиям ответственного редактора Искры Чуркиной, уместилась почти вся история балканских, австрийских и венгерских югославян за отрезок времени, предшествовавший их объединению в единое государство. Это первое достоинство рецензируемой книги. Можно позавидовать умению ответственного редактора, сумевшего «втиснуть», уложить в прокрустово ложе жалких двадцати шести листов результаты многолетней исследовательской работы семи разных по почерку и индивидуальности авторов. Это не только «техническая сторона» дела.

Еще более важное достоинство книги состоит в том, что все 15 разделов находятся на уровне современной науки, хотя может быть не все учтено достаточно полно из достойных внимания зарубежных трудов. Имею в виду не югославских авторов, с работами которых я недостаточно знаком, чтобы позволить себе высказать определенные на этот счет суждения. Но есть десятки книг, сотни статей, вышедших в Канаде и США, Германии, Англии и Франции, а также Венгрии, Италии, Румынии и Греции, для которых югославская история тесно связана с историей национальной. Не о полноценной историографической оценке новейшей литературы идет речь, что еще долго останется труднореализуемой задачей и для большого коллектива славистов, а о неких минимальных историографических пометах, хотя бы в подстрочных примечаниях. Это важно потому, что у каждого автора наверняка есть предшественник, вызывающий у него активную реакцию, неважно согласия или раздражения, порицания или одобрения *.

---

* Другое дело, что явное снижение внимания к историографии стало в последние 30–40 лет общей болезнью исторической науки в нашей стране. Историография превратилась во все более узкую сферу интересов немногочисленных ученых (вроде В. А. Дунаевского, «последнего из могикан» в бук-

inslav

В рецензируемой монографии (С. 15) приведены очень яркие высказывания двух корифеев славянской мысли – Янковича и Д. Обрадовича. Первый, отражая прогрессивный процесс нациообразования среди славян через дифференциацию, и желая выделить сербскую нацию из общеславянской массы, подчеркивал, что «он не славянин, а серб». Второй, Досифей Обрадович, наоборот, упор делал на общности славян, называя сербов «славяносербской нацией». Несмотря на очевидное различие во взглядах обоих просветителей, автор утверждает, что Обрадович «горячо поддерживал точку зрения Янковича». Далее говорится об убежденности Обрадовича в том, что «все люди, говорящие на одном языке, составляют один народ». Автор не только солидаризируется с указанным тезисом, но даже приписывает его «передовой европейской интеллигенции», хотя европейскому интеллигенту вряд ли пришла бы в голову мысль причислять швейцарцев, говорящих на немецком, французском, итальянском языках, к соседним народам. Несмотря на вполне очевидную этнодифференцирующую роль религиозного фактора как раз в процессе формирования югославянских наций – сербской, хорватской и боснийско-мусульманской – автор преспокойно излагает диаметрально противоположную точку зрения того же Обрадовича, прекрасно зная о том, что никакой наукой она не подтверждается.

Представляется уместным в труде, написанном в конце XX в. и задуманном как «Очерки» истории национальных идеологий, дать более полноценный ответ на вопрос о национализме – хорватском и, прежде всего, сербском, который принес столько бедствий обоим народам, и не только им одним. О той националистической идеологии, которая формировалась уже в эпоху так называемого национального возрождения – центральном объекте исследования всего могучего авторского коллектива. (Одно, едва ли не единственное, как мне кажется, упоминание слова «националистическое» можно обнаружить, если не ошибаюсь, только в тексте В. Фрейдзона.) Если сегодня наша наука способна спокойно и критически рассматривать национальную идеологию многих других народов, анализировать истоки национализма, скажем, немецкого или венгерского (и т. д.), почему не делать этого в данном случае, когда речь заходит о сербах или хорватах? В книге есть увлекательный рассказ о героической эпохе Первого сербского восстания, о планах, воз-

---

вальном смысле). Со страниц специальных и даже очень солидных монографий исчезли более или менее полноценные историографические обзоры, когда-то являвшиеся их украшением. И авторы нынешних докторских диссертаций, как правило, не дают себе труда дать содержательный анализ состояния историографии проблемы, которой они занимаются, сведя свою задачу к формальному перечислению относящихся к теме работ со скупыми комментариями.

inslav

никших в ходе национальной революции сербов, как писал покойный Виктор Георгиевич Карасев. Говорится, например, о планах ряда ведущих церковных деятелей венгерских сербов, в частности Й. Йовановича (то ли епископа, то ли архиепископа – не ясно) создать «Славено-сербское царство», границы которого простирались бы от Адриатического моря до Черного (без единого комментария!). Это и есть восстановление исторической справедливости, праведное стремление к торжеству прогрессивной национальной идеи? Есть в книге «национализм Л. Кошута и его сторонников» (С. 20), но нет национализма ни одного сербского деятеля! Разве национализм был «привилегией» только Кошута и прочих зловредных мадьяр, повинных в том, что много веков тому назад пришли в Подунавье и создали государство, подчинив себе местное славянское население? Существуют исключительно только «сербские патриоты», ни один из которых не уличен в национализме и даже не подозревается в причастности к нему.

К тому же упомянутый план предусматривал создание обширного государственного образования под эгидой России и с одним из Романовых во главе путем отторжения от Австрийской империи части ее владений. Стоит ли после всего этого сокрушаться по поводу коварства «неблагодарной Австрии», антисербской и антирусской ориентированности ее внешней политики? К счастью, тогда Россию не удалось вовлечь в эту авантюру, грозившую ей крупными неприятностями в Европе. В том ли состоял национальный интерес России, чтобы дать себя вовлечь в явно невыгодные ей, явно авантюрные предприятия и во имя какой бы то ни было солидарности – пролетарской, общеславянской и даже сербско-православной – жертвовать собственной безопасностью, как это было позднее, в начале первой мировой войны, да и в нынешней ситуации? Вопрос в последние двести лет стоит так: до какого предела должна простираться поддержка Россией сербских амбиций?

Хотелось бы видеть в книге более полное и всестороннее освещение истоков хорватско-венгерского конфликта. В данном конфликте первоначально вопрос не стоял о «попытке со стороны венгров лишить Хорватию и Славонию» автономных прав. Если быть более точным, то надо сказать, что оппозиционное габсбургскому абсолютизму венгерское дворянство, вернее Государственное собрание королевства, составной частью которого была Хорватия–Славония, в 1790 г. развернуло «наступление», как говорится в книге, не на Хорватию и ее права, а против объективно германизаторской политики Иосифа II. Объективно потому, что император вовсе не стремился онемечить своих венгерских подданных, в том числе и славян, он ставил целью централизовать управление обширной территорией посредством введения по всей империи в качестве официального языка немецкого вместо латыни. Дворянство королевства, включая и хорватское, также сознавало необходимость отказа

inslav

от архаичной латыни, на которой велась официальная переписка с имперскими учреждениями. Однако венгерское дворянство не согласилось заменить латынь немецким, а попыталось утвердить за венгерским статус государственного языка по всему королевству, чем и нарушило общепризнанные (как династией, так и Государственным собранием Венгрии) законные права хорватских сословий (по непонятной причине в книге они квалифицируются как «муниципиальные»?! на с. 23–25). Типологически национальное движение обоих народов развивалось по одному и тому же сценарию – стремление к утверждению прав родного языка с опорой на историческое право. И ведущей силой того и другого движения было дворянство. Логично, что борясь против мадьярской гегемонии в Венгрии, хорватское движение усвоило венгерскую модель, что принципиально отличало его от недворянского в своей основе национального движения как сербов Венгрии, так и словенцев Австрии.

Уточнению подлежит и данная в книге трактовка политических аспектов хорватского национального движения середины XIX в. Развиваясь в русле австрославизма, уже накануне революции 1848 г. оно приняло отчетливо выраженный конфронтационный антивенгерский характер, все более входя в орбиту влияния габсбургского абсолютизма. Хорватский публицист, идеолог иллиризма Людевит Гай начинал свою иллирийскую пропаганду с личного благословения австрийского канцлера князя Меттерниха, который, желая подорвать оппозицию венгерского дворянства, оплачивал издание газеты Гая. Кончилось все это кровавой трагедией 1848–1849 гг. Национальное движение хорватов, возглавляемое преданным династии генералом Елачичем, сыграло едва ли не решающую роль в подавлении не только венгерской революции, но и австрийской. В октябре 1848 г. армия Елачича штурмовала революционную Вену в союзе с палачом Праги фельдмаршалом Виндишгрецом. Потому нельзя не недоумевать, читая следующее заключение автора: «Некоторые полагали более выгодным для хорватов вывести Триединое королевство из состава земель венгерской короны и подчинить его непосредственно Вене» (С. 28). На самом деле курс на союз с династией против венгерской и австрийской революции, блистательно проведенный Елачичем, был не желанием «некоторых», а выражением генеральной линии развития хорватского движения в тот период. Так эти самые «некоторые» деятели «подчинили непосредственно» Хорватию злейшим врагам свободы – венской камарилье.

Очень хорошо, что в книге есть элементы сравнительно-исторического анализа моделей национального самосознания сербов и хорватов. Однако не представляется достаточно бесспорным принижение уровня самосознания хорватов, когда утверждается, что «вслед за сербами по уровню политического самосознания шли хорваты» (С. 35). Классификация надумана и не совсем корректна. В действительности все было наоборот. Против авторского тезиса

inslav

говорит хотя бы тот факт, что у хорватов в отличие от сербов никогда не прерывалась преемственность государственности. И после вхождения на договорной основе в состав земель короны Св. Иштвана в начале XII в., Хорватия продолжала сохранять статус королевства, который не оспаривался Габсбургами позднее, когда им досталась венгерская корона. Более того, Хорватия была в числе тех владений династии, которые наряду с европейскими дворами в 1712 г. официальным государственным актом признали важнейший международно-правовой документ, закрепивший единство и неделимость империи, надолго обеспечивший ее легитимность. Я говорю о так называемой Прагматической санкции, которая была отменена лишь после распада монархии в 1918 г. Не был упразднен и Сабор, высшее законодательное учреждение Триединого королевства, который созывался рескриптом короля одновременно с Государственным собранием Венгрии. Сербская же государственность, прерванная в 1389 г., была возобновлена лишь в 1813 г., когда возникло княжество Сербия, вассальное владение империи османов.

В главе I «Национальное возрождение югославянских народов» (И. Чуркина) основное внимание уделено созданию литературных языков сербов, хорватов и словенцев, а также иллиризму. Высокий уровень развития последнего был обусловлен, по мнению автора, слиянием двух течений национального движения хорватов – дворянского и просветительского.

Глава II о революции 1848–1849 гг. (того же автора), откровенно полемичная, выделяется острым неприятием венгерской революции. Можно поразному относиться к революции как категории (явлению истории), можно ее любить, превозносить, возвести на пьедестал, или низвергнуть с него; не обязательно делать из нее «локомотив истории», единственный двигатель социального прогресса рода человеческого. Что, в общем-то, в порядке вещей и не возбраняется при соблюдении необходимых правил диспута и научной объективности. Отдавая дань этой самой объективности, автор все же констатирует прогрессивность борьбы венгерских революционеров за экономические и политические преобразования. В дальнейшем, однако, данный тезис не находит, к сожалению, в текстах И. Чуркиной ни подтверждения, ни развития. Оставаясь формально-декларативным, он, по существу, опровергается и приводимым фактическим материалом, и эмоциональным пафосом авторского стиля изложения. Вместе с тем подчеркивается «*реакционность*» политики революционной Венгрии в национальном вопросе, что и «*привело*», по мнению автора главы, к союзу хорватских и сербских патриотов с династией Габсбургов.

Схема предельно проста, как в свое время у Маркса–Энгельса – по одну сторону баррикады были «революционные» народы (немцы, венгры, итальянцы, поляки), по другую – «реакционные» славянские народы. У Чуркиной то же, только наоборот: были «реакционные» в национальном вопросе венгры на

inslav

одной стороне, а на другой – прогрессивные сербы и хорваты, которые вели справедливую во всех отношениях борьбу против мадьярской тирании. При этом первые являлись националистами, а последние «патриотами». Насчет того, что именно «реакционная», как считает автор, национальная политика Венгрии «*привела*» сербов и хорватов в лагерь абсолютистской контрреволюции, то надо считать, что этот явный «перебор» есть продукт полемической увлеченности автора близким ее сердцу сюжетом. Искра Чуркина клеймит «венгров» страстно, убежденно и последовательно, а главное искренно, от всей души: «Именно они разрушили *единый фронт народов* (поляков с русинами-украинцами? Или чехов с немцами, сербов Баната с еще более угнетенными румынами?) Австрийской империи против Габсбургов (его еще надо обнаружить хотя бы в одной революции, известной истории!) и дали возможность последним укрепить свое положение. *Именно национализм прежде всего венгерских* (а также и немецких) революционеров *привел*» к тому, что не был решен национальный вопрос (С. 46). Комментарии, как говорится, «неизлишни», но жанр и размер рецензии побуждают воздержаться от них. Отмечу только, что мне неизвестен ни один серьезный исследователь, неважно венгр или не венгр, который бы не оценивал *критически венгерский (мадьярский) национализм*, и в частности, позицию Венгерской революции в национальном вопросе, но никому из них не дано было додуматься до такого принципиального вывода: «*венгры выступали как контрреволюционная сила*» (курсив мой. – *Т. И.*) в этой самой революции которая все еще называется – по недоразумению, видимо, «венгерской» (Там же). Представленная в книге новая трактовка венгерской революции не совсем гармонирует не только с моими собственными представлениями об этой революции, а также представлениями наших коллег в Венгрии и Австрии, Польше, Италии и т. д., но даже в Югославии, правда в последнем случае, наверняка немногих (хотел бы помянуть «добрым словом» рецензентов рукописи этой книги за солидарность с автором оригинальной трактовки революции, да не обнаружил их имен, видимо по причине их скромности…).

Для ясности и иллюстрации сошлюсь на сербского историка, поскольку все другие, тем паче венгерские, нам не указ. Сербское движение 1848–1849 гг., констатирует известный сербский историк А. Раденич в статье «Фундаментальные проблемы сербского движения в Подунавье в 1848–1849 гг.», «в противоположность венгерскому революционному движению, известно в первую очередь своим узко-национальным характером. И это скорее негативная, чем позитивная черта, учитывая, что преимущественно оно боролось на стороне Австрии против революционной Венгрии» [1].

Национальных лидеров типа хорватского бана Елачича ни понукать, ни подстрекать не требовалось. Стать орудием реставрации они были готовы

inslav

сами по себе, и когда пришло время, они делали это самоотверженно и самозабвенно, ни чужой, ни своей крови не жалея. Хорватский вождь был контрреволюционером идейным, убежденным и принципиальным, готовым ради идеи действовать даже наперекор воле императора. Елачич доказал это блистательно. Ведь сказал же он своим офицерам публично: «Со времени моего назначения я получил от Его Величества императора 21 рескрипт ... Но если бы Его императорское Величество прислал еще 21 рескрипт, которые бы меня отвлекали от моей цели, я бы не повиновался. Я должен действовать ради Его Величества, а если необходимо, против Его Высочайшей Воли» [2].

В сентябре 1848 г. с вторжением хорватского войска на территорию собственно Венгрии буржуазно-демократическая революция переросла в освободительную войну венгерского народа против контрреволюционного абсолютизма. Участие хорватов и сербов в этой не спровоцированной агрессии, разумеется, не имело ничего общего с подлинно национальными интересами названных народов. На протяжении всей революции и войны 1848–1849 гг. венгерские войска ни разу не вторгались на хорватскую территорию и не вели там никаких военных действий. Армия Елачича выполняла в Венгрии чисто карательные задачи, имея своей целью подавление революции и реставрацию феодально-абсолютистских порядков. Примечательно, что разбитые мадьярами в конце сентября 1848 г. полки хорватского бана спасались бегством не в родной Хорватии, а под крылом имперского орла в Австрии.

Абсолютистская реакция и ее союзники сумели использовать разрушительную энергию национализма в целях реставрации. Прав был Карл Маркс, первый основоположник, когда писал: «Австрийское правительство злоупотребляло принципом национальностей в 48–49 гг., чтобы с помощью сербов, словенцев, влахов и т. д. задушить мадьяр и немецкую революцию» [3]. Впрочем, насчет словенцев классик ошибался. Словенцы не проявляли той активности и инициативы в контрреволюционных акциях, что характерно было для движений сербов, хорватов и влахов. А что касается не упомянутых в цитате хорватов, то они сами во главе со своим вождем Елачичем добровольно, без всякого понукания со стороны императорских генералов, без всякого подстрекательства и злонамеренных козней придворных политиков пошли на подавление обеих революций – венгерской и венской. Сознательно и добровольно. Проявляя при этом больше заинтересованности и рвения, чем сами австрийские немцы, национальные устремления которых в революции вели скорее к разрушению многонациональной империи, чем к ее сохранению. Проживавший в Вене известный немецкий публицист в апреле 1848 г. остроумно заметил в своем дневнике: «Милые австрийцы! Они сейчас размышляют над тем, как им объединиться с Германией таким образом, чтобы не объединиться при этом». Таким образом, раздвоенные в чувствах и в своих привя-

inslav

занностях австрийские немцы не очень горели желанием сохранить империю. Совсем другие заботы одолевали их, а именно: быть в Германии, но так, чтобы Австрия в ней не растворилась. В этой ситуации лишь австрийские славяне были по-настоящему заинтересованы в спасении империи. Оно и понятно: им больше некуда было податься [4].

Сербы Военной Границы, как и жившие в комитатах южной Венгрии, имели особые причины ревностно служить династии, трону имперской австрийской власти – не только в благодарность за старые благодеяния Габсбургов, давших им приют в Венгрии. Венцом национальных сербских аспираций в революцию 48 г. было, как известно, образование автономной административной единицы на юге Венгрии – воеводства. Понять их, оставаясь в рамках обычного права и простой человеческой справедливости можно было бы, если бы при этом речь шла только о территории компактного расселения сербского этноса. Но, увы…

Границы провозглашенной на конгрессе в Карловице (комитат Срем) в мае 1848 г. автономной сербской провинции, названной «Воеводиной» (отсюда и немецкое название Wojwodschaft, т. е. «Воеводство»!), простирались далеко за пределы этнической территории сербов, охватывая всю южную Венгрию с многочисленным румынским, немецким (швабским), венгерским, хорватским, словацким и русинским населением, а также частично и земли Хорватии–Славонии. Против этих «*агрессивных, завоевательного характера*», по выражению сербского историка, «*устремлений*» протестовали не только мадьяры, но также швабы, «и в первую очередь румыны» [5].

Сербское меньшинство в воеводстве было значительным. Конгресс счел нужным выразить безусловную верность сербской нации Его королевско-императорскому Величеству, но не правительству Венгрии, которое, как и любое другое, не могло не считать этот акт открытым мятежом. Видеть в двустороннем межнациональном конфликте только одну сторону, осуждать одного участника конфликта, с тем, чтобы обелить другого – не самый лучший способ изучения конфликтных ситуаций. Как в настоящем, так и в прошлом.

К сожалению и в рассматриваемой книге, во многом свободной от прежних односторонне славистических пристрастий, естественных, в какой-то мере, в царские и сталинские времена, имеет место пренебрежение международно признанными правилами историзма. Это касается, в частности, исторической топонимики. Чаще всего речь идет о традиционных для советского славяноведения 50–70 гг. неточностях. К ним относится некорректное, навязчивое многократное повторение названия «Воеводина», которого до 1848 г. не было ни в историческом, ни в административно-политическом смысле, как не было никакого «*воеводинского*» митрополита (С. 13). Не знала территории под таким названием не только история, но и география. Бежавшие от осман-

inslav

ского нашествия балканские сербы обрели убежище на территории комитатов южной Венгрии, а не Австрии, как говорится в Предисловии. Это обстоятельство надо иметь в виду, ибо Австрия имела своих сербов, правда не в таком количестве, и не так компактно расселенных, как сербы Венгрии. Венский двор селил их на венгерских землях, в чем были заинтересованы как венгерские феодалы, нуждавшиеся в рабочей силе, так и Габсбурги, использовавшие сербов для обороны границ своих владений. Самое крупное и организованное переселение имело место в 1690 г. под руководством православного патриарха Арсения при императоре Леопольде I, одарившем сербов не только материальными и церковными привилегиями, но также административными и политическими. Таким образом и возникло на территории Венгрии ядро сербских поселений, получившее позднее название «Воеводина» («Вайдашаг», по-венгерски, а по-русски точнее было бы назвать «Воеводством»), ставшее частью более обширной полиэтничной исторической области – «Темешского Баната» с центром в Темешваре (Тимишоара, ныне в Румынии). Именно ввиду отсутствия в историческом сознании самого понятия «Воеводина» организаторы сербского конгресса в Карловаце (Карлоца, Сремски Карловцы) 13 мая 1848 г. сочли необходимым специально разъяснить, что́ они подразумевают под словом «Воеводина», перечислив в резолюции конгресса земли, на которые они претендовали, а именно: Баранья, Бачка, темешский Банат с округом Кикинда, Срем.

Полюбившееся авторам обозначение «Воеводина» иногда заменяется столь же некорректным и неисторическим термином «*Провинциал*», чистейшей воды сербизмом, неуместным в русскоязычном тексте, хотя авторам хорошо известно, что венгерские сербы жили в комитатах или на территории Военной Границы. Постоянное употребление термина «*Воеводина*» применительно ко временам, когда провинции с подобным названием не существовало, вводит в заблуждение и в том смысле, что в будущую югославскую провинцию включают города Баната (в современной Румынии) и Славонии (в современной Хорватии), которые к ней не относились никогда и сегодня не относятся: Арад, Вуковар (С. 14), как и «Сремские Карловцы», т. е. Карловац (Карлоца), квалифицируемый автором как воеводинский город (С. 19). Правда, отдавая в виде исключения дань принципу историзма, И. Чуркина называет сербского митрополита, естественно, не сремско-карловицким, а «карловацким». Корректнее было бы также при первом упоминании названий городов Нови-Сад и других хотя бы в скобках приводить исторические наименования (Уйвидек, Нойзац), дабы не путать читателя, привыкшего иметь дело с источниками XIX в. Кстати, выходившая в 1840-х годах в этом городе сербская газета называлась «Бачка вила», а не «Воеводина вила» (более точное

inslav

описание возникновения сербских анклавов на землях королевства Венгрия дано в конце 2-го абзаца с. 11).

По существу же конкретного случая обратимся к мнению нейтрального автора. Вот, что пишет по этому поводу видный современный историк, отнюдь не поклонник «венгерского национализма»: территориальные притязания сербов в 1848 г. «в историко-политическом и в государственно-правовом смысле не подтверждаются ничем. И не доказуемы. Область, которую они требовали в Сирмии (Срем. – *Т. И.*), а также комитаты Баранья, Бачка, Банат, Кикинда были венгерской государственной территорией, где сербы пользовались церковно-культурными свободами, но политической автономией не обладали *никогда*. С другой стороны, революционный режим в Пеште энергично поставил под сомнение культурную автономию» (сербское требование) [6].

Сербские притязания не были чисто национальными и по той причине, что образование независимой от Венгрии административной единицы под названием «Сербская Воеводина и Темешский Банат» по настоянию А. Баха, министра внутренних дел Австрии, в декабре 1848 г. было включено в текст императорского манифеста. Эта область южной Венгрии, как и Трансильвания, была отторгнута от Венгрии с единственной целью наказать венгерскую нацию за революцию, ослабить Венгрию как потенциальный очаг нового антигабсбургского восстания. Династия и австрийская военщина меньше всего были озабочены национальными аспирациями сербов и других югославян.

Сербские отряды императорской армии шли в атаку под командованием императорских офицеров и под императорскими штандартами. Правда, рядом с ними развевались и национальные флаги. Главни Одбор в прокламации к «Сербской нации» 24 мая призвал сербов к оружию во имя «защиты трона императора и короля Фердинанда, а также сербской национальности». Правительство самопровозглашенной, пользуясь модным нынче термином, автономии во главе с лейтенантом императорской кавалерии Дж. Стратимировичем устраивало регулярные набеги на деревни и села несербского населения Баната – мадьяр, швабов, румын и др.

Что же касается барона Елачича, прославляемого как борец за национальное дело, то в ином свете выглядит этот герой нашей книги, если обратиться к мнению той части современной историографии, которая решительно дистанцируется от национализма: «Назначение Елачича баном определенно было шахматным ходом против революционной Венгрии. Елачич был представителем хорватского движения за независимость. Но он был абсолютно предан императору (kaisertreu), был самым надежным гарантом против всякой конспирации иллиров с инспирированным из княжества (т. е. из Сербии. – *Т. И.*) великосербским движением» [7].

inslav

Иными словами, Елачич служил орудием борьбы в руках венской камарильи не только против Венгерской революции, но и против идеи «Великой Сербии». Таким образом, отношения между движениями двух славянских народов не были столь идиллическими, как это изображается в книге. Елачич стал любимцем австрийской реакции и почетным гражданином Вены не за свой хорватский национализм, а за безусловную преданность трону и династии, что и руководило им во всех его действиях. Именно поэтому генерала поддерживали не только хорваты барон Кульмер и Л. Гай, но и чех граф Коловрат, и даже мадьяр барон Йошика, глава Трансильванской канцелярии. Не только поддерживали, но и настойчиво толкали его к вооруженному выступлению против Венгерской революции. В свете сказанного совсем не бесспорным представляется тезис о национальном противостоянии в революции 1848 г. славян и мадьяр.

В революции 1848–1849 гг. несмотря на невиданный до того времени взрыв национальных страстей линия водораздела пролегла не между народами и нациями, а между свободой и несвободой, между феодально-абсолютистским режимом и новым обществом, на знамени которого красовались всем понятные слова: «свобода, равенство, братство». Выступление хорватов, сербов, чехов на стороне венского двора, совместное подавление войсками хорватов и сербов вместе с императорской армией венгерской свободы и венской революции, дало повод и основание рассматривать борьбу, развернувшуюся на просторах империи Габсбургов как противостояние между нациями, между славянами, с одной стороны, и немцами, мадьярами – с другой. При этом не принималось в расчет то, что отнюдь не все славяне дружно встали под черно-желтые штандарты императорских армий. Не принимали участия в вооруженной борьбе против венгерской и австрийской революций славяне – словенцы, словаки, русины, поляки, более того, в рядах революционной армии Венгрии сражались поляки, словаки, русины, и даже хорваты и сербы; чешские демократы – сторонники Фрича весной 1849 г. прославляли Кошута и проклинали Елачича. Как антиславянски, так и прославянски настроенные наблюдатели и историки как-то забывают о том, что поляки, как ни странно, тоже славяне, а не одни только сербы или словаки, к примеру. Не избежали подобного заблуждения, к сожалению, и К. Маркс с Ф. Энгельсом, бывшие наши классики, быстро и основательно вдруг нами позабытые.

К досадной неточности или недоразумению хотелось бы отнести некоторые утверждения, содержащиеся в тексте, если бы не ясно прослеживаемая конфронтационная тенденция представить антиабсолютистскую демократическую революцию 1848–1849 гг. как столкновение на национальной почве хороших славян в лице сербов и хорватов с нехорошими мадьярами, которые к тому же, оказывается, собирались вступить в какой-то мифический союз с

inslav

венским двором. К осени 1848 г. (читаем на с. 43): «австрийское правительство склонялось к союзу с венграми...». О подобном противоестественном союзе полярно противоположных сил, разумеется, не могло быть и речи.

Логично, что контрреволюционное правительство Австрии склонялось не к «союзу», а стремилось всеми силами уничтожить революционную Венгрию, естественную союзницу австрийской революции. На первом этапе, до осени 1848 г., двор вынужден был маневрировать и идти на уступки Венгерской революции и признать правительство Венгрии и законодательные акты ее Государственного собрания. У императора не было достаточно войск (единственная боеспособная армия Радецкого сражалась в Италии), чтобы начать военные действия против Венгрии. Возможность открытого выступления двора против революции представилась осенью 1848 г., и не в последнюю очередь благодаря тому, что елачичи-раячичи помогли династии обрести необходимую для войны в Венгрии вооруженную силу и сами, не дожидаясь приказа из Вены, взяли на себя инициативу. Далее на той же странице автор пишет, что только в конце сентября «стал складываться союз монархии и югославянских национальных движений.... Многие сербские и хорватские национальные деятели были легитимистами, и поддержка Габсбургов вполне соответствовала их настроениям». Абсолютно верно последнее утверждение. Тем не менее несколько ниже Чуркина уже говорит о «вынужденном союзе с Габсбургами»?! Так что же: вынужденный союз или легитимизм югославянской элиты и общность ее интересов – ее и династии?

Дальше – больше. С видимым удовольствием повествует Искра Васильевна Чуркина о том, что «в битве при Вилагоше венгры были разбиты наголову». Венгры не были разбиты наголову, как пишет Чуркина, по той простой причине, что никакой битвы при Вилагоше никогда не было, а была тихая и торжественная церемония капитуляции венгерской армии во главе с генералом А. Гёргеем, главнокомандующим, сценарий которой был заранее согласован с фельдмаршалом Иваном Паскевичем, русским главнокомандующим. В главах И. Чуркиной с большой силой выразительности превосходно расписаны все негативы Венгерской революции, но вот в чем позитив этой революции, был ли вообще таковой в природе, то этого читателю полного неожиданных открытий увлекательного опуса знать не дано.

В общем-то неудивительно, если обобщение и анализ крупных явлений общественного развития методологически происходят под углом зрения лишь одного из его аспектов, хотя несомненно и очень важного – национального. Пристрастность в таком случае неизбежна. Именно по этой причине опытному исследователю приходится пользоваться одной только черной краской, когда в тексте упоминаются венгры и немцы. («*Немцы* в Чехии, – читаем на с. 49, – восприняли поражение повстанцев (пражских в июне 1848 г. – *Т. И.*)

inslav

как *немецкую национальную победу* (курсив мой. – *Т. И.*) над "панславистами"».) Как будто не было среди немцев и венгров ни либералов, ни демократов, а были одни «пангерманисты», о панславистах, естественно, речи быть не могло. Естественно спросить: кто же делал австрийскую революцию, которая совершалась во имя фундаментальных интересов всего «третьего сословия», всего населения, в том числе и славянского?

Видимо по той же причине миролюбивую Искру Чуркину не смущает глорификация войны как средство воспитания масс в патриотическом духе: «Война с венграми стала для них ("для широких масс крестьян и горожан") школой воспитания в национальном духе» (С. 53).

Автор вне всяких сомнений имеет основание для того, чтобы сокрушаться по поводу черной «неблагодарности» Габсбургов, которые «не оправдали возлагавшихся на них югославянскими национальными деятелями» надежд (С. 53). Было бы вполне уместно здесь указать, что еще в июне 1848 г. на конгрессе в Праге славянские лидеры получили на этот счет недвусмысленные предупреждения со стороны славянских же деятелей – русского Бакунина и поляка К. Либельта об иллюзорности надежд на поддержку династией освободительных движений славян.

Но в любом случае историку не бесполезно вспомнить об известном тацитовском изречении «sine ira et studio» и излагать свое повествование «без гнева и пристрастия», постараться сдерживать бьющие через край эмоции.

Национальные движения славян и румын, развернувшиеся по всей империи Габсбургов, весной 1848 г. развивались в русле общедемократической антифеодальной и антиабсолютистской революции, центрами которой стали Вена и Пешт, Краков и Львов. Однако к началу лета эти движения в основном утратили черты, присущие движениям за осуществление буржуазно-капиталистических преобразований, за радикальную модернизацию социальных структур и политического строя общества. На первый план вышли чисто национальные, мнимые, либо ложно понятые «национальные интересы». Верх одержал национализм, не считающийся с интересами других народов и не способный дать адекватный ответ на вызовы времени в интересах собственного народа.

В течение очень короткого промежутка времени произошли быстрая и резкая эволюция этих движений по всему спектру либерально-демократических ценностей и сдвиг вправо политически активных элементов, не имевших, за немногими исключениями, сколько-нибудь серьезной массовой базы из-за отсталости экономики и почти полного отсутствия современной буржуазии, способной эффективно представлять интересы общества в целом.

На то были причины как объективного, так и субъективного свойства. Основные социальные и экономические преобразования и общедемократиче-

inslav

ские реформы (упразднение цензуры, гражданское равенство и др.), осуществленные под давлением масс в Австрии и революционной властью в Венгрии, выбили почву из-под ног национальных движений. Остались одни только национальные мифы и идеалы, которые позволяли манипулировать массами. Субъективно же ни австро-немецкая буржуазия, ни венгерский господствующий класс, не были готовы пойти достаточно далеко навстречу специфическим, и справедливым, нисколько не подвергавшим угрозе их гегемонию или целостность государства требованиям национальностей. Точно так же последние, отвернувшись от обеих революций, и вручив свои судьбы лояльным трону и габсбургской династии национальным вождям, в большинстве своем стали орудием подавления революции в Венгрии и Австрии.

Сдвиг вправо, который явственно наметился к осени 1848 г., был характерной и общей тенденцией всех национальных движений в империи. Повсюду их возглавили клерикально-консервативные элементы (типа православного патриарха Раячича, императорского полковника Елачича, влашского митрополита Андрея Шагуны, великовозрастного ученика духовной православной семинарии Симиона Барнуциу и им подобных). Естественно, что эти люди, прямо или косвенно связанные с венским двором, и не помышляли никогда восстать против абсолютистских порядков. Частично они были вынуждены принять некоторые выдвинутые революцией социальные и политические лозунги – отмена крепостничества и буржуазные свободы слова, печати и т. п., чтобы контролировать массы и управлять ими.

Несколько слов о других разделах монографии.

В главе IX (Становление национальных программ словенцев – И.В. Чуркина) показано формирование консервативного и либерального крыльев национального движения, подчеркнуто отсутствие в нем радикально-националистических течений, в противоположность сербскому и хорватскому. Эта же проблема рассмотрена тем же автором в главе XI. Особый интерес в ней вызывает эволюция католической народной партии от австрославизма к югославизму.

Следует отметить, что словенские разделы чуркинского текста заметно отличаются от предыдущих почти полным отсутствием эйфории по поводу национальной идеи. Такой подход диктуется, видимо, самим предметом исследования, умеренностью и прагматизмом национального движения словенцев, особенностью политической культуры этого народа. И не в последнюю очередь превосходным знанием как фактического материала, так и словенской исторической литературы.

Те же достоинства – сбалансированность изложения, взвешенность оценок, отличное знание предмета исследования – присущи главе III (Сербы и черногорцы в борьбе за национальное освобождение и главе IV (Укрепление

inslav

государственности Сербии и Черногории – автор их И.С. Достян), а также главам V (Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856–1878 гг. – А. В. Карасев) и VI (Национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления).

Сказанное особенно относится к разделам, принадлежащим перу неувядаемого В. И. Фрейдзона, который в двух главах – VIII (Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в.) и X (Проблемы югославизма у хорватов в начале XX в.) – в очередной раз во всем блеске проявил высочайший свой профессионализм.

Но и в этих главах, насыщенных богатым фактическим материалом, не все из важных для понимания идеологии и политики югославянских государственных образований сюжетов разработаны с одинаковой полнотой. Меня лично не удовлетворяет освещение весьма сложных, но не всегда враждебных взаимоотношений и связей Черногории и Сербии с соседней империей Габсбургов в течение всего XIX в. Не только в области политики и экономики, но и в сфере идеологии и культуры. Это тем более огорчительно, что Вена, Пешт и другие города империи всегда были центрами притяжения для поколений югославянских идеологов и политиков, просветителей; нередко средоточием общественной деятельности и творчества последних во славу своих наций (начиная с Миклошича, Караджича, Е. Копитара и многих других). В истории Сербии есть периоды, когда белградские правители были марионетками венских вельмож. Даже в последние десятилетия позапрошлого века королевство находилось в большей зависимости, политической и экономической от Монархии Габсбургов, чем от общепризнанной покровительницы балканских православных славян – России. Все это прекрасно известно авторам. Тем не менее на страницах гораздо больше внимания уделяется Чарторыскому, чем Меттерниху, Андраши и Б. Каллаи вместе взятым, которые играли гораздо большую роль в делах и судьбах югославян и Сербии, чем знаменитый польский аристократ. Много и интересно говорится о связях И. Гарашанина с Отелем Ламбер, парижской резиденцией польской эмиграции. Но нашлось место и заслуживающему внимания современного русского читателя заявлению того же сербского министра о характере сербско-русского «исторического союза»: «Сербия ни с кем так легко не могла бы добиться своей цели, как при содействии России. Но это возможно только тогда, когда она совершенно и полностью приняла бы условия Сербии». Поистине вещие слова[8]! И это не случайно оброненная фраза, а глубоко продуманная и завещанная потомкам концепция, зафиксированная в программном документе национального движения сербов, в знаменитых «Начертаниях» И. Гарашанина.

В V главе, написанной А. Карасевым, содержатся очень важные констатации, позволяющие установить некие константы сербской политики, обу-

inslav

словленные как этнополитической ситуацией на Западе полуострова в XIX–XX вв., так и вытекающими из этой ситуации геополитическими интересами. Действие указанных долговременных факторов, по всей вероятности, не ограничится двумя последними веками второго тысячелетия. Карасев утверждает, и совершенно справедливо, во-первых, что Босния и Герцеговина занимала центральное место во внешнеполитических планах Сербии (С. 130). Во-вторых, что после оккупации этих османских провинций Австро-Венгрией. Белград был вынужден воздержаться от реализации этих планов; и третьих, что весьма примечательно, из-за этого произошел перенос, как пишет А. В. Карасев, «*внешнеполитической активности сербского княжества на юг, где вокруг Македонии... возник новый очаг напряженности*». Отвлечемся от того, что в любом другом случае, если бы речь шла не о Сербии, а может быть и не о России, подобное действие можно было бы квалифицировать более определенным термином *экспансия, экспансионизм.* Выбирать выражения – суверенное дело пишущего. Существенно раскрытие автором причинно-следственной связи между возникновением международной напряженности и определенной политикой определенного государства. Необходимо все же заметить, что Босния не перестала быть предметом сербских вожделений и вначале XX в., о чем свидетельствует необычайная активность в этой австро-венгерской провинции организаций типа «Омладины» и «Черной руки».

В связи с планами Гарашанина и Штроссмайера говорится об «*усилении зависимости Хорватии от Вены и Будапешта*», как будто речь идет о каком-нибудь суверенном государстве, а не о стране, входившей с 1102 г. в состав королевства Венгрии, части Австро-Венгерской монархии (С. 122). Подобная оговорка способна лишь ввести несведущего читателя в заблуждение относительно официального статуса и фактического положения Хорватии-Славонии в составе земель короны Св. Иштвана. Совершенно очевидно, что категория «зависимость» в данном случае неприменима. И все оттого, что внимание авторов сосредоточено исключительно на славяно-славянских отношениях безотносительно реальных связей славянских земель и югославянских этносов внутри существовавших государственных образований, а также с ближайшим и наиболее влиятельным в их делах соседом – Австро-Венгрией.

Из всех авторов один лишь А. Шемякин взял на себя смелость сказать внятно: Россия, была, мол, не права, когда в Адрианополе и Сан-Стефано отстаивала болгарские интересы. Хвала ему за мужественный поступок и смелость. Но насколько обоснованна эта конкретная оценка конкретной акции русской дипломатии? Если автор оценивает сербскую политику исходя из сербских интересов, почему же и нам не поступить так же и не подойти к пониманию русской позиции исходя из русских национальных, а не сербских (или болгарских) национальных интересов, а уж потом включать в анализ

inslav

факторы второго порядка и принять во внимание всю совокупность противоречащих друг другу интересов России и ее союзников, настоящих и потенциальных. Сербия, утверждает автор, «толкалась российской дипломатией к Австро-Венгрии» (С. 134) тем, что в Сан-Стефано последняя поддерживала великоболгарские притязания на османские территории. Как же должен был поступить русский царь – отдать Македонию, в равной мере «исконную» и для болгар и для сербов, последним? Тогда бы мог последовать упрек в тот же адрес со стороны русско-славянского историка, сделавшего делом своей жизни изучение болгарской истории. Мне кажется, что при анализе очень деликатных и сложных славяно-славянских конфликтных ситуаций, от русского исследователя, по своему положению обязанного быть своего рода арбитром, требуется особенная тщательность в выборе аргументации.

Но есть и другая сторона в вопросе взаимоотношений Сербии с соседней великой державой, имевших длительную историю, и не всегда отмеченных печатью враждебности. Почему не допустить, что Белград имел другие, не менее весомые основания «толкаться» к Габсбургам, чем только «обида» на неблагородство русских? Почему, спрашивается, не допустить, что от дружбы с Монархией, естественным и емким рынком сербской аграрной продукции, Сербия экономически выигрывала неизмеримо больше, чем с Россией? Короче, шпынять Россию из-за поддержки Болгарии смотря через «сербские очки» не дело русского историка (За державу обидно!). При том, что Андрей Шемякин написал содержательную, заслуживающую внимания, одобрения и поддержки работу со своим свежим и нестандартным взглядом на традиционные сюжеты отечественной славистики.

В связи с планами создания большого и сильного государства югославян В. Фрейдзоном поставлен очень важный и вместе с тем сложнейший, по сей день не решенный болезненный вопрос о взаимоотношениях России с Ватиканом и католицизмом в целом. Епископ Штроссмайер, выдающийся деятель хорватской истории, пишет Фрейдзон, «мечтал о примирении России и Св. Престола, о совместной деятельности России и Ватикана для пользы южных славян» (С. 216). Католический священнослужитель и югославский патриот не только мечтал, но и действовал. В 1876 г., как пишет автор, он обратился с секретным посланием к русскому правительству, в котором выдвинул идею заключения специальной конвенции между Россией и Ватиканом, которая должна была открыть новую эру в европейской истории. По мнению прелата, конвенция положила бы конец антироссийской и антиправославной пропаганде католиков и «смягчила бы даже ненависть поляков к России», способствовала бы сближению с венграми, настроенных против «всех славян, особенно русских», помогла бы России решить, наконец, Восточный вопрос (С. 216–217).

inslav

Думается, в связи со всем тем, что сказано в монографии по русским сюжетам, не мешало бы иметь в этой книге хотя бы одну, если не две главы о Балканской политике России, в XIX и XX вв.

В VI главе имеются некоторые неточности. Так на с. 136–137 утверждается, что «*вытесненная* в предыдущие десятилетия из Центральной Европы Дунайская монархия *осваивала* в 70-е гг. балканское направление своей внешней экспансии». Красиво звучит, но не точно и географически и исторически. Из Центральной Европы она просто не могла быть «вытеснена» по той причине, что сама составляла большую часть региона. «Осваивали» же Венгрия и Австрия Балканы задолго до 1870-х годов, Венгрия в далекие XIV–XV вв., когда ее войска доходили до Варны и Ниша, а Австрия в конце XVII – начале XVIII в., когда ценой огромных потерь ей удалось остановить османское продвижение в глубь континента. Не мешало бы вспомнить, что Монархия стала балканской, отчасти, державой уже в конце XVIII в., после присоединения Далмации к австрийским владениям.

С. 139. Не понятно, что скрывается за фразой об «отказе» Сербии от «де-факто уже потерянной Боснии и Герцеговины»; и как можно потерять то, чего не имеешь? «Потеряла» же эти провинции не Сербия или Черногория, а Османская империя, владевшая ими около 500 лет.

В целом же глава дает достаточно точное представление об основных тенденциях развития национальной политики Белграда в 1878–1903 гг., в частности о сдвиге в сербской политике, который произошел в результате ликвидации османского владычества в Боснии и Герцеговине и оккупации провинций Монархией. Автор не без основания полагает, что 1878 г. завершается «эпоха национального романтизма» в сербской истории. На смену ей приходит осознание необходимости поэтапного решения исторической задачи по объединению всех сербов. Касаясь внутренних проблем национального движения, А. Шемякин подробно останавливается на причинах глубокого раскола, характеризующего сербское общество на рубеже двух веков в период правления династии Обреновичей.

Большой интерес для читателя представит глава В.И. Косика о Македонии, древнейшей стране и самом молодом государстве, наряду с Боснией, на Балканах. На протяжении всего XX в. эта страна и ее народ являлись скорее объектом истории, чем ее субъектом. Из-под многовекового османского ярма она освободилась позже всех на Балканах, позже всех вступила на путь самостоятельного национального развития, и позже других родственных народов македонцы обрели собственное национальное сознание. Отчасти указанными фактами македонской истории, вероятно, можно объяснить то обстоятельство, что Македония в прошлом всегда была объектом вожделений соседних независимых государств – Греции, Сербии, Болгарии. Острое соперничество на-

inslav

званных стран, представляющее ядро исследования Косика, надо считать, по-видимому, и главным тормозящим фактором процессов нациообразования в Македонии. Этот вывод подсказывается интересным фактическим материалом, сжато и четко изложенным автором. Обращает на себя внимание продуманность авторской концепции и сдержанная манера изложения. Последняя, в частности, проявляется, при упоминании первой славяно-балканской войны 1885 г. Трактовка присоединения к Болгарскому княжеству Восточной Румелии заметно отличается от той, что дана в упомянутой выше главе А. Шемякина. Нет в ней взрыва негодования по поводу нарушения Софией Берлинской конвенции. Не мечет он гром и молнии на повинные головы русских дипломатов по поводу русской позиции в болгарском вопросе в связи с событиями 1878 г. Вместе с тем автор весьма критичен в отношении общих устремлений македонской и балканской в целом политики России, ее стратегических целей и мотивов. В связи с этим в главе значительное место занимает проблема Дарданелл накануне и во время первой мировой войны (С. 337–338).

Еще один прискорбный вывод вытекает из материала Косика, а именно тот, что основная борьба за обладание Македонией шла между двумя славянскими государствами, и отнюдь не против Греции.

Одной из важных проблем, рассматриваемых в данном труде, стала проблема образования двух центров государственности у сербов – княжества Сербия и княжества Черногория. Авторами исследуются особенности складывания национальной государственности у сербов (и черногорцев), прослеживается соперничество двух этих центров государственности за право сыграть роль сербского Пьемонта и стать основой объединения всего сербского народа и создания единого государства. Важно отметить, что в XIX в. имело место достаточно жесткое династическое соперничество сербских и черногорской династий, стремившихся возглавить процесс освобождения и объединения сербского народа, черногорские лидеры при этом не считали черногорцев отдельной нацией, князь Николай Петрович сам был не прочь занять престол объединенной Сербии и Черногории. Однако объективно Черногория по своим экономическим и геополитическим особенностям не могла стать такой основой для объединения всего сербского народа. Таким объектом стало Сербское княжество, позже королевство. Однако историческая судьба распорядилась по-иному. Такое объединение сербов в одном государстве под эгидой сербской династии Карагеоргиевичей действительно произошло, но это было не мононациональное сербское государство, а Югославия, куда в результате политического компромисса разных действующих сторон вошел целый ряд территорий со славянским (не сербским) и неславянским населением.

Некоторые из поднятых в монографии вопросов непосредственно перекликаются с актуальными вопросами сегодняшней России. К таковым можно

inslav

отнести проблему соотношения и взаимосвязи между двумя категориями: национальная идея и национализм. Они связаны органически, генетически. Нет национализма без национальной идеи и наоборот. Смешно и грустно наблюдать за потугами авторов литературных упражнений, пустившихся во все тяжкие в поиски не то русской, не то российской национальной идеи в исполнение «указа» высшего должностного лица государства в конце XX в. Упрямо пренебрегаемый политикой и далеко неадекватно оцениваемый наукой (философией, социальной психологией, политологией, этнологией, социологией и даже исторической наукой) исторический опыт XIX, и в особенности ушедшего XX в., дающий богатейший материал именно по части национализма, подсказывает элементарно простую мысль – сколь не проста и далеко не безобидна эта самая *национальная идея*. Начиная с Великой Французской революции человечество знает, на какие свершения способен народ ею окрыленный, какие чудеса способен он совершить во имя величия – нередко иллюзорного и мнимого величия – нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Radenić A.* Az 1848–1849-es szerb mozgalom alapkérdései // Szerbek és magyarok a Duna mentén 1848–1849-ben / Szerk. Bona G. Bp., 1983. 114. old.

[2] *Hauptmann F.* Jelacic s Kriegszug nach Ungarn 1848. Graz, 1975. Bd. II. S. 18–19.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 55.

[4] Цит. по: *Häusler W.* Kaiserstaat oder Völkerverein? Zum österreichischen Staats- und Reichsproblem zwischen 1804 und 1848/49 // Was heißt ÖSTERREICH? Inhalt und Umfang des Österreichbegriffs vom 10. Jahrhundert bis Heute / Hrs. R.G. Plaschka, G. Stourzh, J.P. Niederkorn. Wien, 1995. S. 234. (См. запись от 18 апреля 1848 г. в Дневнике Ф. Хеббеля).

[5] *Radenić A.* Op. cit.

[6] Ibidem.

[7] *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleurop? // Bürgerliche Emancipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 301; *Pederin I.* Graf Jellačić und der kroatische Nationalismus // Österreich in Geschichte und Literatur. 1963. № 7. S. 175–186; *Roksandić D.* 1848 – Rebellion oder Revolution in Ungarn // 1789–1889 Revolutionen in Ostmitteleuropa. Schwerpunkt Ungarn. Hrsg. Karlheinz M. Wien, 1995. S. 70–82. См. также известную работу маститого югославского историка (*Bogdanov V.* Ustanak Srba u Vojvodini i Madjarska Revolucija, 1848–49. Subotica, 1929), в которой дана совершенно иная, чем в рецензируемой работе, картина югославянского единства в революции.

[8] *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. М., 1992. С. 49.

inslav

А.С. Стыкалин

Прокурорская дипломатия в действии. Вышинский в Румынии. 1944–1946
(Размышления над книгой)

Раскрытие еще недавно засекреченных документов из российских архивов позволяет заметно продвинуться в изучении роли советского фактора в Центральной и Юго-Восточной Европе в первые послевоенные годы, а также механизмов осуществления внешней политики СССР в регионах, оказавшихся в советской сфере влияния. В числе документальных публикаций последнего десятилетия важное место занимает сборник материалов о предпринятых в 1944–1946 гг. тогдашним первым заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским трех миссиях в Румынию, каждая из которых способствовала укреплению советского влияния и позиций прокоммунистических сил в ее властных структурах и тем самым имела «принципиальное значение для определения судьбы этой страны после второй мировой войны, направления ее общественной трансформации и внешнеполитической ориентации» (С. 14. Здесь и далее в скобках указана страница рецензируемой книги) [1]. Наряду с документами Архива внешней политики Министерства иностранных дел РФ (АВП РФ) в сборник вошли материалы из формировавшихся в НКВД «особых папок» И.В. Сталина и В.М. Молотова, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. В числе публикуемых документов – записи бесед представителей советской части Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Румынии с политическими деятелями этой страны, справки СКК и посольства о положении в Румынии, телефонограммы А.Я. Вышинского В.М. Молотову из Бухареста, в полной мере раскрывающие его дипломатические и иные усилия, материалы о ходе работы комиссии по «румынскому вопросу», образованной по решению московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г.

Поездки одного из руководителей советского внешнеполитического ведомства в Румынию в моменты обострений внутриполитической ситуации в этой стране, его действия в пользу левых сил не раз привлекали внимание как румынских, так и западных историков. Из одной работы в другую кочевала, например, легенда (впрочем вполне правдоподобная) о том, как в кабинете короля Михая Гогенцоллерна посыпалась штукатурка с потолка, когда разъяренный неуступчивостью своего августейшего собеседника советский эмиссар, предъявив в феврале 1945 г. очередной ультиматум, в сердцах хлопнул

inslav

дверью королевской приемной. Привлечение новых архивных документов позволяет не только перепроверить уже известные факты, но и составить более полное представление о закулисной стороне деятельности советской дипломатии в Румынии, продемонстрировав весь набор политических и силовых средств, использовавшихся ею в целях укрепления позиций СССР.

Первое правительство, сформированное после падения в августе 1944 г. режима Антонеску, не вполне соответствовало стратегическим задачам руководства СССР, рассматривавшего Румынию в качестве важного проводника своего влияния на Балканах: силы просоветской ориентации были в нем представлены слабо. Имелись трудности даже с выполнением Соглашения о перемирии от 12 сентября. Так, в конце сентября румынское армейское командование явно вопреки этому Соглашению издало приказ о вооруженном сопротивлении в случае, если советские солдаты попытаются силой завладеть государственным имуществом. Но Соглашение о перемирии держав антигитлеровской коалиции с Румынией закрепляло за СССР не только право на военное присутствие в этой стране и по окончании боевых действий, но и фактическое руководство СКК, что в перспективе давало важные рычаги воздействия на правительства.

Советские представители в СКК в беседах с румынскими деятелями категорически отвергали любые предположения о том, что отдельные партии пользуются их особым покровительством. Так, разъясняя в феврале 1945 г. министру иностранных дел прерогативы СКК, политический советник А.Павлов заверял его: «... Мы в Румынии имеем дело не с политическими партиями или какой-либо из них, а с правительством, народом и королем. Что же касается представительства интересов советского государства, то оно осуществляется политическим советником при СКК, а не румынскими политическими партиями» (С. 75). Вопреки этой и другим подобным декларациям органы СКК, руководимые советскими эмиссарами, то и дело вмешивались во внутриполитическую борьбу – на стороне коммунистов и их союзников, каждый раз избирая для этого способ, соответствующий конкретной ситуации. Так, когда в конце 1944 г. премьер-министром стал неприемлемый для СССР генерал Н. Радеску, организации РКП с ведома и тайного согласия контролирующих инстанций саботировали мероприятия правительства, создавали двоевластие на местах. Особенно открытым вмешательство стало во время февральского кризиса 1945 г., успешно использованного для реорганизации правительства в пользу левых партий. Установив контроль над прессой и введя предварительную цензуру, СКК смогла воспрепятствовать публикации заявления премьер-министра с осуждением левых сил, попытавшихся осуществить переворот. В ультимативной форме от Радеску потребовали прекратить применение оружия. А. Вышинский, посетивший в те дни Бухарест, на-

inslav

стоял на том, чтобы Михай отправил в отставку Радеску и поручил сформировать новое правительство лидеру Фронта земледельцев П. Грозе. Докладывая в Москву о результатах проведенной работы, он писал, что им было решительно заявлено королю «о необходимости немедленно отправить в отставку правительство Радеску как неспособное обеспечить порядок в стране, являющейся тылом Красной Армии, и поощряющее преступную деятельность железногвардейцев и других агентов Германии» (С. 99). На случай неподчинения монарха диктату, несколько выходящему за рамки полномочий СКК, был разработан и другой сценарий смены правительства: через воззвание к народу, активизацию давления снизу. Однако необходимость в нем быстро отпала.

Давлению со стороны СКК король подвергался и позже, летом 1945 г., когда возник политический кризис, связанный с нежеланием США и Великобритании признать правительство П. Грозы из-за его непредставительного характера. «Королю предложено не вручать письма́ американцам и англичанам, а если оно вручено, то отозвать его. Что же касается правительства Грозы, то королю следовало бы сделать заявление о необходимости, чтобы правительство Грозы выполняло свою функцию» (С. 156). Директивный тон этих строк из донесения эмиссаров СКК в Москву наглядно показывает реальный характер их отношений с королевским двором. Связанный путами по рукам и ногам молодой монарх, впрочем, иногда позволял себе отпустить шутку в адрес тех, кто реально управлял страной. Так, в ходе одной из бесед с европейски известным еще с 1930-х годов сталинским прокурором этот enfante terrible со всей невозмутимостью заметил, что среди решений встречи представителей трех держав по Румынии он считает наиважнейшим то, где речь идет о свободных выборах в стране, а далее с серьезным видом попросил совета: не является ли, по мнению г-на Вышинского, лучшей гарантией проведения таких выборов нейтрализация некоторых министерств, в частности МВД (С. 190). К этому времени (начало 1946 г.) силовые структуры Румынии, включая МВД, полностью контролировались коммунистами, и король не мог об этом не знать. Ощущая весь трагикомизм своего положения монарха в стране, где все более доминировала компартия, и едва ли питая большие иллюзии относительно собственного будущего, отпрыск Гогенцоллернов, который не мог не повиноваться воле Москвы, как видим, не отказывал себе иной раз в удовольствии потешиться над всесильным эмиссаром.

В феврале 1945 г. руководство СКК на словах выражало готовность поддерживать любое правительство, которое будет энергично выполнять условия перемирия, проводить политику добрососедства с СССР, продолжать до победного конца войну с Германией, осуществлять дефашизацию (С. 85). Выбор в пользу П. Грозы показывал, однако, что ведущая роль коммунистов и их ближайших союзников в правительстве была важнейшим условием его

inslav

поддержки со стороны СКК. Следует вместе с тем заметить, что вопрос о прямой советизации Румынии далеко не сразу был поставлен в повестку дня. Более того, когда к власти пришло «надежное» правительство Грозы, Москве уже приходилось не поощрять двоевластие, а, напротив, иной раз одергивать чересчур рьяных секретарей провинциальных организаций РКП, пытавшихся противопоставлять себя государственным органам, диктовать условия префектам, формировать свою полицию, третировать союзников по левому блоку, настаивать на широкой национализации. Понимая, что при существующем соотношении сил излишняя торопливость способна привести лишь к дискредитации коммунистов и ослаблению их позиций во внутриполитической борьбе, Вышинский указывал румынским товарищам на опасность «потери чувства реальности» и «троцкистского перепрыгивания через этапы» (С. 220–221). В беседе с лидером РКП Г. Георгиу-Дежем в феврале 1946 г. он говорил, что тактика компартии «должна быть направлена на обеспечение максимального единства в правительстве» (С. 218). Одновременно он указал на преждевременность национализации банков, ибо «Румыния в настоящее время к этому не подготовлена».

Хотя документы, опубликованные в книге, относятся к периоду, когда в Румынии еще сохранялась монархия и пока не сложились необходимые предпосылки коммунистической диктатуры, донесения Вышинского и СКК дают богатую пищу для размышлений об истоках той специфической румынской модели социализма, которая начала складываться еще в 1950-е годы, при Г. Георгиу-Деже, и пышным цветом расцвела в «золотую эпоху» Чаушеску. Едва ли в какой другой восточноевропейской стране (включая Польшу и даже Венгрию) позиции коммунистов до 1945 г. были столь же слабы, а марксизм занимал столь же маргинальное положение в общественном сознании. При выходе из подполья компартия Румынии насчитывала около тысячи человек[2]. Причем если в соседней Венгрии, где коммунистов было не намного больше, за их плечами все же имелись опыт пребывания у власти в 1919 г. (не только однозначно негативный в плане социального экспериментаторства), довольно длительная и богатая политическая традиция, определенный пласт в национальной культуре XX в., то в Румынии марксистская идея воспринималась настолько инородным телом, что для более успешной трансплантации на национальную почву ее то и дело приходилось обручать с более привычным для общественного сознания великороманским национализмом. В отличие от большинства стран, где у руля более или менее прочно утвердились коммунисты, получившие воспитание в советской эмиграции, в Румынии коминтерновцы А. Паукер и В. Лука, совершенно не имевшие дома корней, быстро уступили во внутрипартийной борьбе доморощенному крылу РКП, которое лучше умело играть на национальных струнах, эксплуатируя, в частности в

inslav

своих интересах общую для всех румын, независимо от их воззрений, убежденность в исторической справедливости единения Трансильвании с Валахией и Молдовой. Документы прекрасно показывают, какую роль играл трансильванский вопрос во внутриполитической жизни Румынии и как сказался способ его решения на укреплении позиций левых сил.

По мере овладения Красной Армией Северной Трансильванией, в 1940 г. решением второго «венского арбитража» перешедшей под юрисдикцию Венгрии, власть на местах передавалась румынской администрации, которая нередко закрывала глаза на насильственные акции против этнических венгров. Эти действия, явившиеся реакцией на притеснения хортистскими властями румын в предшествующие годы, вынудили советское военное командование взять управление в свои руки. В дальнейшем румынская сторона настаивала на восстановлении своего правления, ссылаясь на то, что еще в Соглашение о перемирии было включено положение о передаче всей или большей части Трансильвании Румынии.

Вопрос о послевоенной судьбе Трансильвании уже летом 1944 г. находился в центре внимания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, функционировавшей в рамках Наркоминдела СССР. При этом предлагались различные варианты решения проблемы. Так, Е.В. Тарле в записке, адресованной НКИДу, высказал предположение, что поскольку Трансильвания «в руках Венгрии или Румынии не может быть не чем иным, как... вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье и вечным поводом к разжиганию новых войн», то наиболее желательно создание здесь «самостоятельного государства под формальной гарантией будущей (проектируемой) организации держав с целью охраны от агрессий» [3]. Идея самостоятельной Трансильвании, однако, не была реализована, и не исключено, что здесь сыграло свою роль мнение курировавшего в Наркоминделе румынское направление Вышинского, с самого начала признавшего за Румынией безусловное право на обладание Трансильванией. Конечно, в его позиции проявился политический расчет. В Наркоминделе понимали, что «вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен явиться важнейшим рычагом воздействия на Румынское правительство не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в области проведения им внутренней и внешней политики» (С. 65). Причем в отличие от представителей Генштаба Красной Армии, считавших стратегически неправильным закрепление за Румынией Трансильвании до окончательного выведения Венгрии из войны, Вышинский, взвесив pro et contra, уже в 1944 г. предлагал Сталину сделать ставку на Румынию. В принципе вопрос был предрешен уже тогда. В дальнейшем Вышинский умело разыгрывал эту карту в целях давления на Румынские правительства. А с марта 1945 г. оправ-

inslav

данность этой тактики с точки зрения интересов сталинского режима стала особенно очевидной: если в Румынии к этому времени уже удалось привести к власти промосковское правительство П. Грозы, то в Венгрии ситуация с гораздо большим трудом поддавалась прогнозу и контролю со стороны Кремля. Твердость и последовательность Вышинского в трансильванском вопросе выгодно контрастировала с позицией западных дипломатов, склонных к некоторым уступкам в пользу Венгрии (особенно после успеха партии мелких хозяев на выборах в ноябре 1945 г.), допускавших за нею право на определенную ревизию довоенных, «трианонских» границ. Тем самым она приносила Советскому Союзу большие политические дивиденды в Румынии, вызывая известную признательность даже в стане непримиримых антикоммунистов. Когда находившийся в Бухаресте Вышинский в отличие от некоторых западных коллег не побрезговал почтить собственным присутствием богослужение по случаю годовщины присоединения Трансильвании, газета оппозиционной национал-царанистской партии не могла не воздать ему должное, справедливо заметив, что жест, совершенный первым заместителем министра иностранных дел СССР, «со всей красноречивостью обращается непосредственно ко всем румынским сердцам», очень чувствительным к судьбе Трансильвании (С. 60). Таким образом, «прокурорская» дипломатия Вышинского отнюдь не исключала дозированного проявления публичных жестов, способных польстить национальному самолюбию румын, и это помогало ей достигать поставленных целей, в конкретном трансильванском вопросе совпавших с государственными интересами Румынии.

Заметим, что позиция западных держав в этом вопросе ставила в нелегкое положение политиков прозападной ориентации. Когда лидер национал-царанистов Ю. Маниу стал претендовать на вхождение в правительство, Гроза (кстати, выпускник Будапештского университета и человек, всегда чуждый крайностям национализма, еще в 1945 г. выступивший с идеей румыно-венгерского таможенного союза) предложил ему для начала добиться от своих англо-американских покровителей безоговорочно признать право Румынии на Трансильванию. Выходец из Трансильвании, Маниу воспринял это предложение очень серьезно. Его представитель тут же обратился к западным эмиссарам с просьбой прояснить свои позиции по вопросу об этом крае (С. 178).

Хотя советский фактор в Румынии со времени прихода Красной Армии играл решающую роль, согласно ялтинским договоренностям, у западных держав сохранялись некоторые каналы воздействия на положение дел в этой стране. Они использовались для противодействия укреплению советского влияния, закреплению за собой определенных позиций в Румынии. Так, нежелание союзников признать правительство П. Грозы заставило СССР пойти на компромисс – дать согласие на включение в правительство представителей

inslav

«исторических» партий – национал-царанистской и национал-либеральной. А.Я. Вышинскому, однако, во время последней своей миссии в Бухарест, в январе 1946 г., пришлось позаботиться о том, чтобы в правительство вошли такие деятели этих партий, чье присутствие там не изменило бы общей линии, вполне устраивавшей СССР. Их участие в правительстве было чисто номинальным. Один из новых министров вскоре признал, что является в кабинете Грозы не более, чем наблюдателем, и не может нести ответственность за принимаемые решения (С. 222).

Признание Западом правительства П.Грозы в немалой мере предопределило дальнейшую эволюцию Румынии. Если сохранявшаяся неурегулированность вопроса о международном признании ее правительства оставляла прозападным силам определенный шанс на контрнаступление, то с решением этой проблемы шансов уже оставалось. Кстати, Запад «сдал» Румынию почти без боя. После того как в январе 1946 г. Вышинский вторично заявил о неприемлемости кандидатур И. Михалаке и Б. Братиану для вхождения в правительство, его американский и британский партнеры по комиссии А. Гарриман и А. Керр согласились еще раз встретиться с лидерами «исторических» партий с тем, чтобы переговорить с ними о выдвижении других кандидатов. Покидая участников встречи, Гарриман заявил: «Мы с Керром идем работать как ваши эмиссары. Надеемся к вечеру принести какие-либо результаты» (С. 206). Остается открытым вопрос: в какой мере такая уступчивость была следствием предварительной «джентльменской» договоренности между главами трех великих держав о том, что СССР столь же легко откажется от каких-либо притязаний на Грецию?

Документы дают представление о внешнеполитической программе оппонентов РКП из «исторических» партий. Большинство румынских политиков, противостоявших коммунистической альтернативе, достаточно трезво оценивали геополитическое положение страны и не преувеличивали возможностей самостоятельного маневра при существующем соотношении сил на Балканах. Ю. Маниу едва ли был неискренен, когда в ноябре 1944 г. писал Вышинскому о том, что для его страны антисоветская политика равносильна самоубийству. И не меняет в данном случае сути сделанное румынским деятелем принципиально важное для понимания его позиции дополнение: «... Политика, навязанная необходимостью, никогда не может дать Советскому Союзу такие плоды, какие может дать политика, исходящая из действительно глубокой и искренне возникшей дружбы между обоими народами» (С. 56). Причем если Маниу, действуя в узких рамках возможного, пытался отстоять в Румынии элементы плюрализма и готов был пойти на компромиссы лишь до известных пределов, то некоторые другие деятели «исторических» партий, дабы сохранить себе «место под солнцем», проявляли склонность к гораздо

inslav

большей уступчивости. Угодливость некоторых из них производит весьма отталкивающее впечатление. Так, Г. Татареску, пытаясь набить себе цену в глазах СКК, в феврале 1945 г. уверял советского представителя в том, что вопрос о чистке госаппарата от крайне правых элементов он мог бы (не в пример некоторым «мягкотелым» политикам) решить в течение двух часов: «Часть из них мы посадим в тюрьму, кое-кого ликвидируем, кое-кого вышлем» (С. 85). Заполучив (естественно, с согласия СКК) пост министра иностранных дел, он не упускал случая заверить Москву, что отдает себя на службу СССР «полностью и безоговорочно» и ждет постоянных указаний относительно того, какой позиции придерживаться в том или ином международном вопросе (С. 131). Если в феврале 1945 г. Татареску в беседе с советником СКК брал на себя «скромное» обязательство разоблачить Маниу как «врага Советского Союза» и тем самым окончательно подорвать его влияние (С. 84), то в сентябре того года, воодушевившись доверием московских эмиссаров, он уже не стеснялся шантажировать самого короля. Так, перед поездкой в СССР «он просил одного «общего знакомого» передать королю, что последний играет своей короной, так как его, Г. Татареску, партия, хотя и является монархической, все же не сможет поддержать короля, если он пойдет и дальше по пути, на который он сейчас вступил» (С. 166), т. е. не откажется принимать во внимание позицию представителей США и Великобритании в СКК. Политик, циничный до мозга костей, сам в свое время с удивительной легкостью трансформировавшийся из правого меньшевика в идеолога сталинских показательных процессов, Вышинский лучше любого мог оценить, сколь незаменимыми в деле советизации Румынии были бы «монархисты» и «либералы» такого рода. Во время одной из встреч с Георгиу-Дежем он советовал лидеру компартии больше заботиться об усилении раскольнических тенденций внутри «исторических» партий, всячески помогая деятелям типа Татареску.

Несколько иным предстает образ П. Грозы. Возглавив в марте 1945 г. левое правительство, лидер Фронта земледельцев сделал ставку на тесное сотрудничество с коммунистами и СКК. Документы дают некоторое представление о механизме согласования правительственных документов Союзной Контрольной Комиссией. По собственной инициативе Грозы переводчик постоянно присутствовал в его резиденции, сопровождал его в поездках по стране. Проект любого правительственного указа незамедлительно переводился на русский язык для ознакомления с ним руководителей СКК и даже представителей местных советских военных органов.

С другой стороны, в 1945 г. тот же Гроза не раз пытался отстаивать в нелегких условиях национальные интересы Румынии. Из документов узнаем, как он заступался за арестованных советскими властями генералов, не причастных к преступлениям режима Антонеску в оккупированной Южной Украи-

inslav

не, жаловался на хулиганское поведение советских военнослужащих, терроризировавших жителей города Яссы, болезненно реагировал на незаконный вывоз из Румынии материальных ценностей, усматривая в этом одну из причин отсутствия экономического роста. Средства, выделяемые по требованию СКК на содержание советских войск, глава румынского правительства считал непомерными, требовал их сокращения. Встречаясь с советскими представителями, он постоянно указывал на трудности, «которые могли бы быть устранены при добром желании со стороны наших друзей». И почти каждый раз шел на уступку.

Особенно раздражала Грозу и вызывала с его стороны решительный протест линия компартии, направленная на то, чтобы растворить Фронт земледельцев в своих организациях. Посетив один из уездов, премьер-министр угрожал револьвером местному коммунистическому лидеру, самовольно ликвидировавшему организацию Фронта земледельцев. Но прошло несколько лет и эта левая крестьянская партия, основанная Грозой еще в 1933 г., в изменившейся политической ситуации была ликвидирована без особых усилий, а ее лидер превратился в декоративную политическую фигуру. Постоянные компромиссы привели к единственно возможному результату.

Документы свидетельствуют о разногласиях среди коммунистов, о том, что видный деятель компартии Л. Патрашкану, арестованный в 1948 г. и впоследствии казненный, уже осенью 1944 г. имел особую позицию по целому ряду вопросов, например, выступал против разоружения румынской армии, за более активное ее участие в войне с Германией. Такая установка вступала, однако, в противоречие с мнением Москвы.

Раскрывая механизм работы СКК, документы показывают ограниченность функций этой институции, не бравшей на себя хотя бы самую минимальную ответственность за экономическое состояние Румынии. Председатель СКК И. Сусайков в одной из докладных в Москву отмечал, что возглавляемая им комиссия «в своем распоряжении не имеет тех специалистов, которые могли бы не только посоветовать, но и практически помочь правительству в разрешении ряда экономических и финансовых проблем, которые способствовали укреплению экономики страны, в связи с чем мы не в состоянии конкретно помочь правительству в этом» (С. 182).

Комментарии, сопровождающие документы сборника, касаются широкого круга проблем, затронутых составителями. Однако ряд вопросов остается без ответа. Назовем некоторые из них. Правда ли, что правительство Н. Радеску поощряло деятельность крайне правых организаций? Каково было отношение Запада к этому правительству? Действительно ли представитель СКК во время февральского кризиса 1945 г. сказал королю, что в случае нападения на румынских солдат со стороны Национал-демократического фронта

inslav

солдаты могут стрелять (С. 95)? Много ли было в компартии бывших легионеров (С. 109)? Какова дальнейшая судьба Радеску, о котором сказано, что он будет переброшен в Лондон (С. 116)? Можно ли считать достоверным утверждение донесения НКВД о том, что немцы и в марте 1945 г. продолжали направлять деятельность крайне правых в Румынии (С. 121)? На стр. 126 упоминается об остатках бессарабской проблемы, якобы уже решенной давно и окончательно. Хотелось бы получить краткое разъяснение сути проблемы. Когда говорится о событиях 1940 г. (С. 128), читателю приходится догадываться, что речь идет о захвате власти Антонеску. Коротко сказать об этом – дело комментаторов. Были ли выделены красноармейские офицеры для политической работы при королевском дворе, как это первоначально планировалось (С. 146)? Известно ли исследователям упомянутое на стр. 151 письмо Сталина к Грозе в связи с установлением румынской администрации в Северной Трансильвании? На стр. 153 говорится о принятых мерах по предотвращению демонстрации оппозиционных сил, назначенной на 16 августа 1945 г. Предполагалось, в частности, арестовать организаторов демонстрации. Были ли они арестованы, и как прошла демонстрация? На стр. 177 сказано, что американцы и англичане пришли в восторг, узнав о результатах выборов в Венгрии. Комментаторы говорят, что имеются в виду выборы в Госсобрание, состоявшиеся в ноябре 1945 г. Но понять причины восторга можно только в том случае, если знаешь, что на этих выборах одержала блистательную победу дистанцировавшаяся от коммунистов партия мелких хозяев, набравшая 57%.

Была ли послана в Румынию в распоряжение СКК группа высококвалифицированных финансистов и политиков, как предполагалось (С. 183)?

По мнению А. Гарримана (С. 205), демонстрация 8 ноября 1945 г. носила мирный характер, и только действия румынского правительства якобы спровоцировали столкновения, повлекшие за собой жертвы. А как было на самом деле?

Кто такой упомянутый в тексте Поль Бонкур, чей племянник, по мнению Вышинского, «развязный и нахальный тип, притом, весьма, по-видимому, недалекий» (С. 214), служил французским послом в Румынии? Не будучи голлистом, этот человек ждал скорого отзыва на родину. Почему? Ведь Ш. де Голль как раз в те самые дни, когда происходила беседа (в январе 1946 г.), перестал возглавлять французское правительство? Если уж в документе упоминается юбилейная сессия АН СССР (С. 222), надо бы сказать, что она состоялась летом 1945 г.

Наличие непрокомментированных мест в документах все-таки в целом не портит впечатления от весьма интересного и ценного по составу сборника.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Три визита А.Я.Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Редакционная коллегия: Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова (ответственный редактор). М., 1998. 248 с.

[2] Изначальную слабость приходилось компенсировать советским военным присутствием, прямой поддержкой СКК, что также не способствовало росту популярности коммунистов. В октябре 1944 г. проходили демонстрации под лозунгом: «Мы только что избавились от одной тирании, не хотим попасть под другую».

[3] АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. Д. 205. Л. 1а.

inslav

А.С. Стыкалин

Новый источник по истории внешней и внутренней политики СССР в 1950-е годы. К выходу в свет мемуаров Д.Т. Шепилова

Введение в научный оборот огромного массива новых источников (архивных документов, мемуарных свидетельств) позволяет заполнить многие лакуны в истории хрущевской «оттепели». Вместе с тем далеко не каждая отдельно взятая публикация приближает нас к исторической правде, старые мифы нередко подменяются новыми, столь же далеко уводящими от создания объективной картины одного из наиболее противоречивых периодов отечественной истории XX в. Достаточно сослаться на некоторые публикации, приуроченные к 100-летнему юбилею Л.П. Берии.

Так, в статье Т. Безиргани «Лаврентий Берия: сто лет и сто дней» [1] перед нами предстает не сталинский палач, а выдающийся реформатор, на тридцать с лишним лет опередивший свое время. Не стоит искать в этом опусе попыток взвешенно оценить реформаторский потенциал той экономической, внешнеполитической и, главное, внутриполитической программы, которая вырисовывалась в действиях Берии весной – в начале лета 1953 г. (проблема эта еще ждет своего непредвзятого исследователя). Автор с полной безапелляционностью конструирует угодную ему схему, отметая походя те факты, которые явно не вписываются в его концепцию. Взять, к примеру, вопрос о единой Германии, остававшийся открытым вплоть до принципиального решения о вступлении ФРГ в НАТО, принятого осенью 1954 г. Позиция Берии лишь в некоторых нюансах отличалась от мнения других советских лидеров, весной 1953 г. еще не исключавших возможности создания единой нейтральной Германии с сильной политической левой как отвечающий интересам СССР способ решения германского вопроса. События 16–17 июня 1953 г. в ГДР, когда недовольство рабочих социальной политикой коммунистических властей приняло острые формы протеста и при разгоне многотысячных демонстраций были использованы советские войска, способствовали разочарованию «коллективного руководства» СССР в идее единой Германии. Хотя берлинская стена была возведена только в 1961 г., уже с лета 1953 г. по настоянию СССР правительством ГДР принимаются дополнительные меры по усилению изоляции Восточной Германии от западного влияния. Тем не менее в пропагандистской риторике Москвы тезис о единой Германии еще продолжал какое-то время фигурировать.

inslav

Что же касается позиции Берии во время берлинских июньских событий, то В.М. Молотов в беседах 1970–1980-х годов с публицистом Ф. Чуевым, называя Берию правоуклонистом, вместе с тем отмечал предельную жесткость его линии в том конкретном вопросе. Когда в Восточном Берлине и целом ряде других городов ГДР начались волнения, вспоминает Молотов, Берия был в числе первых, кто сказал: Обязательно! Беспощадно! Безотлагательно! [2] Как это согласуется с тезисом Безиргани о том, что не будь устранения Берии, уже тогда, летом 1953, могли свершиться «бархатные» восточноевропейские революции?

Среди ставших общедоступными источников, содержащих ценные свидетельства очевидца не только событий «холодного лета» 1953го, но и всего того, что происходило в Кремле с конца 1940-х по 1957 г., – долгожданные мемуары Д.Т. Шепилова (1905–1995), видного функционера КПСС, влиятельного идеолога, в середине 1950-х годов, вплоть до рокового для его карьеры июньского пленума 1957 г. обладавшего прочной репутацией «главного интеллектуала» партии [3]. Благодаря известному постановлению об «антипартийной группе» Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова и «примкнувшего к ним» Д.Т. Шепилова последний с легкой руки Н.С. Хрущева и М.А. Суслова вошел в отечественную историю новейшего времени с этой неотъемлемой приставкой. Ярлык настолько прочно приклеился к нему, что стал в свое время предметом анекдотов о человеке с самой длинной в русском языке фамилией. Один из них вполне правдоподобен. Когда в середине 1970-х годов убеленный сединами, чиновник Госкомархива Д.Т. Шепилов появлялся в скромной столовой в архивном городке на Большой Пироговской улице в Москве и ставил закуску на поднос, молодые коллеги, уже сидевшие за столиком, дружелюбно приглашали его: «Дмитрий Трофимович, примыкайте к нам».

Шутки шутками, но незадачливая судьба одного из наиболее ярких представителей кремлевской партноменклатуры 1940–1950-х годов дает богатую пищу для размышлений об аппаратных механизмах, которые определяли закономерности карьерных взлетов и падений в советском государстве. Предваряя первую публикацию источника, главный редактор журнала «Вопросы истории» член-корреспондент РАН А.А. Искендеров попытался найти свое объяснение мотивов, заставивших водить пером опального Шепилова сначала в суматошные годы позднего хрущевского правления, а потом и в долгую эпоху брежневского застоя (Л.И. Брежнев, чуть не поломавший свою карьеру в июне 1957 г., никогда не простил Маленкову и его соратникам пережитых волнений; решение об «антипартийной группе» оставалось в силе вплоть до 1984 г. – при том, что восстановлен в партии Д. Шепилов был еще в январе 1963 г., немногим более, чем через год после своего исключения из КПСС по итогам антисталинских постановлений XXII съезда в 1961 г.). Мемуаристу, изнутри познавшему тот мир, где процветала беспринципность, плелись интриги, практиковались доносительство и предательство, не давал покоя во-

inslav

прос: как могли оказаться на Олимпе советской власти столь малообразованные и не блиставшие высокими моральными качествами люди? Попытка Шепилова вскрыть такие отвратительные явления, по мнению публикатора, говорит о его «интеллигентности и высокой нравственности, избытка которых, судя по всему, никогда не ощущалось в высших эшелонах партийной и государственной власти» [4]. Под этими словами, вероятно, могли бы подписаться и большинство из тех хорошо знавших Шепилова людей, чьи воспоминания о нем вошли в сборник с само собой напрашивающимся названием «И примкнувший к ним Шепилов» (М., 1999).

Автору настоящих строк, работавшему с материалами фондов агитпропа ЦК ВКП(б), охватывающих конец 1940-х годов, самому приходилось видеть документы, свидетельствующие о том, как Шепилов, еще при Сталине бывший высокопоставленным агитпроповским аппаратчиком, иной раз заступался за литераторов, подвергавшихся несправедливым нападкам в прессе [5]. На создание образа высоконравственного человека, отторгнутого глубоко чуждой ему средой, может работать и многословная запись стенографического отчета июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС, публиковавшаяся в журнале «Исторический архив» (1993–1994), а затем и отдельным изданием в серии документальных публикаций фонда «Демократия». В самом деле, Д.Т. Шепилову, «вина» которого по сути дела сводилась к резкому выступлению на Президиуме ЦК с критикой стиля работы Хрущева, досталось на этом пленуме едва ли не больше, чем другим. В уничижительных репликах о «горе-профессорах» вроде Шепилова особенно явно прорывался наружу махровый антиинтеллигентский настрой многих ораторов-партократов.

Не берясь опровергать тех, кто именно в нравственных качествах Шепилова ищет истоки его несовместимости с системой, заметим лишь, что образ этого неординарного человека, неоднозначный и противоречивый, неплохо прорисовывается со страниц его мемуаров.

Внук крестьянина и сын рабочего, Дмитрий Шепилов был едва ли не типичным представителем своего поколения рабоче-крестьянских выдвиженцев, наспех получивших образование в системе партийной учебы, с тем, чтобы в конце 1930-х годов заменить собой на ответственных партийно-государственных должностях «поколение расстрелянных». Образ собственного поколения то и дело предстает со страниц его воспоминаний, при этом автор пытается выходить на обобщения, выискивать социальные корни устойчивости советской власти на протяжении десятилетий: «... Мы не носили модной одежды и даже галстуков, считая это признаком презренной буржуазности» [6]; «Мы росли коммунистами-фанатиками. Мы были нетерпимы в отношении всяких проявлений критицизма и скепсиса. И – наша абсолютная ортодоксальность цементировала нацию в течение десятилетий. Морально-политическое единство народа оказалось той крепостью, о которую разбились мутные волны внутренней контрреволюции и империалистических интервенций» [7].

inslav

Человек, несомненно, способный, Шепилов сделал не только партийную, но и научную карьеру. Он писал статьи и учебники по политэкономии, был избран как экономист членом-корреспондентом АН СССР, откуда впоследствии выведен и восстановлен лишь в 1980-е годы. Однако уровень его экономических штудий представляется сегодня более, чем проблематичным. Не только потому, что по собственному признанию мемуариста, в его трудах теоретическим положениям Сталина «всегда уделялось важное место и о его работах всегда говорилось весомо и сильно» [8], и не потому, что ни одна из статей Шепилова не выдержала проверки временем. Похвальное своей откровенностью признание в том, что общение со Сталиным на политэкономические темы «оставляло ощущение, что имеешь дело с человеком, который владеет вопросом лучше тебя»[9], ставит многое на свои места. И в сталинскую эпоху в СССР работали выдающиеся экономисты В.С. Немчинов, В.В. Новожилов и др., не говоря уже о будущем нобелевском лауреате Л.В. Канторовиче. Эти люди вряд ли, беседуя с «отцом народов» на профессионально близкие себе темы, могли бы разделять чувства, Шепилова. Когда мемуарист с изрядной дозой желчи говорит об «академике» Л. Ильичеве, за всю свою жизнь самостоятельно не написавшем ни одной статьи, о П. Федосееве, П. Поспелове, Г. Александрове и других номенклатурных обществоведах послевоенных десятилетий, в его строках невольно прочитывается зависть к более удачливым конкурентам. Было ли принципиальное различие между Шепиловым и ними (о моральных качествах здесь речи нет)? Кстати, сталинский режим хорошо знал цену своим придворным борзописцам. В конце 1940-х годов при подготовке Большой Советской Энциклопедии первоначально было решено поместить в ней краткие биографические справки о всех современных советских философах, членах Академии наук. Как явствует из документов отдела науки ЦК, хранящихся в РГАСПИ, эта идея была очень быстро отвергнута: на Старой площади решили, что слишком много чести.

А.А. Жданов для Шепилова – разносторонне образованный марксист, принадлежавший к «замечательному поколению русской революционной интеллигенции», отдавшей все пламя души своей великому делу развития социализма. Его «блестящие выступления» и связанные с ними партийные постановления, по мнению мемуариста, сыграли большую положительную роль в «идейном вооружении нашей интеллигенции, в духовном сплочении советского народа на решение больших задач коммунистического строительства», «несомненно, предохранили многих наших композиторов от заражения бациллами модернистской патологии» и т. д. и т. п. [10] Д.Т. Шепилов берется утверждать, что резкая критика Д.Д. Шостаковича как «формалиста» в конце 1940-х годов оказала положительное влияние на всю его последующую творческую деятельность. Правда, он не может не признать, что в те годы не обошлось без «крайностей», «облыжной хулы» в адрес выдающихся деятелей культуры, попыток унифицировать процессы художественного творчества,

inslav

которые в принципе не поддаются унификации. И все-таки позитив, как считает Шепилов, преобладал. Каким бы диким анахронизмом ни казались сегодня попытки обелить «ждановские» постановления в области литературы и искусства, справедливости ради все же надо заметить, что мемуары Шепилова в основном писались еще в те годы, когда большинство из этих постановлений никто не отменял.

Стремление отделить «чистых» от «нечистых» в советском партийном руководстве вообще проходит лейтмотивом через весь текст мемуаров. А. Жданова, В. Молотова, Н. Вознесенского он выдвигает в качестве положительного примера: «Это были люди долга, одержимые в труде, лишенные любых элементов групповщины, фракционности, интриганства» [11]. Этим трем противопоставляются Н. Хрущев, Л. Берия и, что интересно, Г. Маленков, хотя мемуарист и признает, что последний был лишен диктаторских черт, не властолюбив. Антипатия к соратнику по «антипартийной группе» объясняется сугубо личными причинами: козни Маленкова и Берии против ждановских выдвиженцев после смерти их патрона в 1948 г. привели к тому, что на рубеже 1940–1950-х годов Шепилов лишился должности и более полугода провел в ожидании ареста. Впрочем, нелюбовь к Маленкову не идет ни в какое сравнение с его отношением к Хрущеву. Новая система единовластия, хрущевщина, «оказалась неизмеримо более худшей и отталкивающей, чем это было при Сталине» [12], ибо «на историческую авансцену, расталкивая всех локтями и ногами, пробивался невежда, который за многие предшествующие годы руководящей работы в совершенстве овладел наукой интриганства».

Отношение Шепилова к Сталину неоднозначно. По убеждению мемуариста, Сталин не только обладал выдающимися данными вождя, но и был верен народу, предан идее коммунизма, отрешен от меркантильных интересов. Правда, желая подвергнуть критике какое-либо явление, Сталин наносил удар со всей беспощадностью, доводил характеристику до предельного преувеличения. И все-таки злодеяния Сталина (истребление кадров и т. д.) якобы «коснулись главным образом или почти исключительно верхушки» [13]. Обида на Хрущева, двигая пером опального Шепилова, была настолько сильна, что просто исключала для него возможность сколько-нибудь трезвого сопоставления масштабов злодеяний до и после 1953 г. Здравый смысл, если и пробивался, то чаще всего вопреки воле автора. Показательно как бы случайно оброненное признание в том, что в 1957 г., сколь ни сильна была травля, Шепилов не опасался за свою жизнь, будучи уверенным, что неограниченным правам КГБ навсегда положен конец [14]. Увидеть в этом хотя бы отчасти заслугу Хрущева автор упорно отказывался.

Думается, что воспоминания интересны не обобщениями и априорными суждениями о современниках, зачастую крайне субъективными, а конкретными свидетельствами, которые не только дополняют отдельными штрихами и деталями известную нам по другим источникам историческую картину

inslav

тех лет, но и иной раз корректируют предвзятые оценки самого мемуариста. Вот что пишет автор о событиях второй половины 1953 г.: это был еще «медовый месяц в руководстве после смерти Сталина. Все старались сохранять полное единство в руководящем ядре во что бы то ни стало, не перечить без крайней необходимости, уступать друг другу, где и в чем это возможно. Единственным, кто делал критические замечания по хрущевским проектам подъема целины, был Молотов. Он не отрицал возможности введения в оборот части целинных земель, но не в таких масштабах и не с такой безрассудностью» [15]. В сентябре 1953 г. Хрущев был избран первым секретарем ЦК КПСС. «С этого времени началось ускоренное и все большее обособление первого секретаря среди других членов Президиума ЦК, все большее усиление его роли и значения. Этому способствовали сложившиеся за последние десятилетия традиции» [16]. При всей своей нелюбви к Хрущеву Шепилов все же не мог не признать, что «в начальный период своего пребывания на посту первого секретаря Хрущев старался быть покладистым, не перечить другим членам президиума, соблюдать товарищеский тон и внешний декорум коллективизма. Но постепенно он осмотрелся и решил, что ломать тридцатилетние традиции стиля руководства генерального секретаря не в его пользу» [17].

Особенно пагубно стиль работы Хрущева сказывался на его отношениях с лидерами братских партий. «В общении с деятелями социалистических стран в речах и беседах Хрущева с течением времени все заметнее становился поучительный, менторский, приказной тон, а порой допускались явные грубости и оскорбления. И это явилось одним из серьезнейших факторов расшатывания фундамента социалистического содружества» [18]. На деле, вероятно, не все было столь однозначно. Историки знают, что посол СССР в Польше Г.М. Попов (впрочем, бывший первый секретарь Московского горкома партии и председатель Моссовета, имевший с Хрущевым давние счеты) был отозван из Варшавы и подвергся резкой критике первого секретаря ЦК КПСС на июльском пленуме ЦК 1955 г. именно за нетактичное вмешательство в дела ПОРП. «Учитывая «уроки» деятельности Попова, мы дали твердые указания всем послам в народно-демократических странах не превышать полномочия, не вмешиваться во внутренние дела» – говорил тогда Хрущев [19]. Горький опыт Попова в полной мере учитывал Ю.В. Андропов, работавший в те годы послом в Венгрии. Жестко отстаивая интересы Москвы, как они виделись из Кремля, и в значительной степени формируя образ венгерских событий в сознании советских руководителей, он поддерживал совсем иной стиль в отношениях с партийно-государственными лидерами Венгрии, соблюдая все правила дипломатического этикета, облекая свои рекомендации в форму «советов» и там, где можно, действуя чужими руками – через доверенных, абсолютно преданных кремлевскому руководству представителей венгерской партноменклатуры.

inslav

Перипетии внутриполитической борьбы в 1953–1955 гг., визит Хрущева в Китай осенью 1954 г.(тема, кстати, малоотраженная в других источниках, но у Шепилова представленная весьма подробно), нормализация советско-югославских отношений в 1955 г., обстоятельства подготовки XX съезда КПСС – обо всем этом заинтересованный читатель может получить из мемуаров немало новых сведений. Хотелось бы внести ряд уточнений. Решающее участие Шепилова в подготовке внешнеполитического раздела отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду вызывает некоторые сомнения. Достаточно сопоставить этот раздел с довольно бессодержательной, если не сказать пустозвонной речью Шепилова на съезде, так тут же бросятся в глаза различия. В выступлении почти не нашли отражения ключевые моменты доклада Шепилова – о мирном сосуществовании, о возможностях предотвращения войн в современную эпоху, о многообразии путей к социализму. Далее. Шепилов пишет о том, что Хрущев вопреки мнению «консерваторов» из Президиума ЦК попросил его уже в дни съезда помочь ему в подготовке своего секретного доклада. На самом же деле еще накануне открытия съезда, 13 февраля, на пленуме ЦК было решено, что первый секретарь представит съезду доклад о культе личности на закрытом заседании [20]. Соавтором знаменитого секретного доклада Шепилов все же может по праву считаться – при том, что часть подготовленного им текста была изъята (в частности, касавшаяся международных аспектов «культа личности»), другое претерпело изменения в опубликованной версии доклада.

Выступал ли в действительности Шепилов против решений XX съезда, в чем его обвиняли на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г.? Всецело подчиняясь партийной дисциплине до той поры, в июне на Президиуме ЦК КПСС он, как известно, дистанцировался от линии на «разоблачительство». Свою позицию он изложил довольно сумбурно на самом пленуме: «Я вместе с тем считаю при всей тяжести злодеяний, которые совершил Сталин в определенный период его жизни и которые история ему не простит, Сталин внес огромный вклад в дело социализма. Я по этому поводу стою на такой точке зрения. Я глубочайшим образом убежден, что сейчас, в нынешней обстановке, ворошить эти прежние дела и говорить о привлечении к ответственности – это принесет вред партии. Вы предлагаете, чтобы мы сейчас перед коммунистическими партиями, перед нашим народом сказали: во главе нашей партии столько-то лет стояли и руководили люди, которые являются убийцами, которых нужно посадить на скамью подсудимых. Скажут: какая же вы марксистская партия? Я считаю, что история не простит никому допущенных нарушений законности, но не в интересах нашей партии, мирового коммунистического движения ворошить теперь эти дела. Самое важное, что партия практически уже устранила беззакония, исправила допущенные нарушения. Сейчас историю надо не писать, а делать. Сейчас вновь постановка вопроса о прошлом может моральный ущерб нам нанести»[21]. Собственно говоря, пределы в

inslav

разоблачении сталинщины, до которых готов был дойти Шепилов, в основном совпадали с теми пределами, которые ставил себе Хрущев, там, где нужно, всегда указывавший на заслуги Сталина. Однако для Хрущева тема причастности к репрессиям была важным козырем в борьбе со своими конкурентами Маленковым, Кагановичем и Молотовым. Прежде всего поэтому он то и дело был склонен вытаскивать ее на свет и сознательно муссировать. Шепилов, не сумевший понять подлинных мотивов действий своего шефа, поплатился за непонятливость собственной карьерой.

Вопреки тому, что пишет Шепилов, ближайший сподвижник руководителя СКЮ И. Броз Тито Э. Кардель не мог быть идеологом еврокоммунизма, тем более в 1955 г. Сам этот западноевропейский феномен получил такое наименование в 1976 г., а уже в следующем, 1977 г. Кардель в своей книге «Направления развития политической системы социалистического самоуправления» подверг его критике, посвятив ему целый раздел «Еврокоммунизм и югославская самоуправленческая демократия». В нем он, в частности, утверждал, что было бы иллюзией считать вершиной социалистической мысли (особенно в сравнении с Югославией, якобы далеко ушедшей вперед по пути реэтатизации экономики) тезис о возможности совмещения многопартийной системы с государственной собственностью. У Шепилова также нет оснований утверждать, что Белградскую декларацию 1955 г. по итогам встречи лидеров СССР и Югославии написали они с Карделем, так как у обеих делегаций были свои проекты итогового документа и в основу был положен не советский, а югославский проект. Поправки в него вносила редакционная комиссия в составе Э. Карделя и госсекретаря Югославии по иностранным делам К. Поповича с югославской стороны, Д. Шепилова и А. Громыко – с советской (спасибо коллеге, югослависту М.Ю. Чуканову за все эти наблюдения). Встреча лидеров двух стран в начале лета 1955 г., в которой активно участвовал и Шепилов, явилась важной вехой в процессе сближения советского лагеря со страной, после 1948 г. с «легкой» руки Сталина оказавшейся в положении отщепенца. Вместе с тем Хрущеву пришлось в Белграде отказаться от своей программы-максимум. Иллюзии, что Югославия вновь подставит шею под кремлевский поводок, вступит в СЭВ и Организацию Варшавского договора, если у кого-то и были, то развеялись в ходе самых первых встреч. В то же время в Москве и дальше продолжали прилагать усилия по вовлечению Югославии в орбиту своего экономического и политического влияния.

Ровно через год после первой встречи состоялись новые переговоры на высшем уровне – теперь уже в Москве. Визит маршала Тито в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был обставлен весьма помпезно. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. Интересно заметить, что в угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в

inslav

день приезда югославского лидера происходит смена караула на Смоленской площади: на смену стопроцентному ортодоксу и консерватору В.М. Молотову, последовательно сохранявшему особую позицию в югославском вопросе, приходит более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам), мобильный и интеллектуальный Д.Т. Шепилов. Деятельность во главе МИДа не нашла, к сожалению, в мемуарах должного отражения. Хотелось бы только заметить, что с первых недель своего пребывания во главе советского внешнеполитического ведомства Шепилов развил активную деятельность, постоянные поездки нового министра за рубеж и его встречи с иностранными лидерами настолько резко контрастировали с дипломатическим стилем предшественника, что заставили политических наблюдателей во всем мире проводить аналогии с челночной дипломатией Дж.Ф. Даллеса. Несколько большая открытость внешней политики СССР способствовала укреплению советского влияния, в частности, в странах «третьего мира» – Москва в это время попыталась, и не безуспешно, разыграть восточную карту, сделать своим союзником активизировавшиеся после второй мировой войны антиколониальные движения в странах Азии и Африки. Путь в «третий мир» также мог лежать через сближение с Югославией, ставшей одним из инициаторов движения неприсоединения еще за несколько лет до его формального провозглашения в 1961 г.

Насыщенные событиями большого международного значения лето–осень 1956 г. вообще почти выпадают из незавершенных мемуаров Шепилова. Отчасти этот пробел могут восполнить его интервью Ф. Чуеву, частично опубликованные в массовой периодике. Одно из них [22] посвящено роли СССР в урегулировании суэцкого кризиса (как известно, в октябре 1956 г. Великобритания, Франция и Израиль напали на Египет, перед тем национализировавший Суэцкий канал). Примечательно контрастирующее с основной тональностью мемуаров свидетельство Шепилова о том, что Хрущев ему как министру иностранных дел «полную инициативу давал. Возможно для того, чтобы оттенить правление Сталина, у которого на все нужно было получить согласие». И это было отнюдь не в «медовые месяцы» 1953 г., когда еще сохранялось коллективное руководство, а тремя годами позже, осенью 1956 г.

Достаточно активную роль играл Шепилов и в подавлении венгерской революции 1956 г. Причем, как явствует из документов, он неизменно выдерживал более жесткую линию, чем, скажем, находившийся в конце октября в Будапеште А. Микоян, последовательно выступавший против применения военной силы. 5 ноября, на следующий день после того, как И.Надь с группой соратников получил убежище в посольстве Югославии, советские танки открыли стрельбу по зданию посольства, убив югославского дипломата. Принимая 7 ноября посла Югославии в СССР В. Мичуновича, пришедшего выразить официальное возмущение произошедшим инцидентом, министр иностранных дел дал отпор, заявив, что советская общественность еще более возмущена «тем фактом, что обанкротившиеся перерожденцы и пособники

inslav

контрреволюции типа Надя и компании, с ведома которых на улицах Будапешта вешали рабочих-революционеров и коммунистов, укрылись после своего поражения в югославском посольстве» [23]. В результате венгерских событий произошло новое охлаждение в советско-югославских отношениях, но расчищать в конце 1950-х годов образовавшиеся завалы пришлось уже не Шепилову.

При всей своей тенденциозности, многочисленных противоречиях и явных передержках мемуары Д.Т. Шепилова займут свое место среди свидетельств о поздней сталинской и хрущевской эпохах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Независимая газета. 1999. 3 апр.
[2] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 345–346.
[3] *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3–12; книжное издание: *Шепилов Д.Т.* Непримкнувший. М., 2001.
[4] Вопросы истории. 1998. № 3. С. 4.
[5] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 75. Л. 71.
[6] Вопросы истории. 1998. № 5. С. 5.
[7] Там же. № 6. С. 23.
[8] Там же. С. 24.
[9] Там же. № 7. С. 5.
[10] Там же. № 5. С. 20.
[11] Там же. № 6. С. 4.
[12] Там же. № 3. С. 33.
[13] Там же. С. 8.
[14] Там же. № 4. С. 15.
[15] Там же. № 9. С. 7.
[16] Там же. С. 8.
[17] Там же. С. 9.
[18] Там же. С. 28.
[19] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 88. Л. 189.
[20] *Аксютин Ю.В.* Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2. С. 108–123.
[21] Исторический архив. 1993. № 4. С. 16–17.
[22] Правда-5. 1996. 10 авг.
[23] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 619.

inslav

Антал Йожа

Из воспоминаний о В.П. Шушарине

Владимир Павлович был упрямым человеком. Несколько десятков лет тому назад я был свидетелем одной острой сцены у него в Институте в Москве. Каждый из участников спора готов был до конца отстаивать свое мнение и апеллировал при этом ко мне как своему возможному союзнику. Я уже хотел прочитать им стихотворение Яноша Араня о соловье, но опоздал. Ю.А. Писарев, руководитель группы, подобно венгерскому классику, несколькими ироничными замечаниями исправил положение. Я стал невольным свидетелем семейной драмы сектора. Все-таки рабочий коллектив был семьей, со своими внутренними проблемами.

Человек невысокого роста, в очках, Владимир Павлович всегда ходил с большим портфелем, в котором помимо заботливо приготовленной коробки с завтраком лежали книги. Однажды, во время поездки в Венгрию, он приобрел несколько небольших столиков, а перевезти их поездом в Москву было нелегко. Мы не могли понять, зачем ему так много мебели. А когда в следующем году побывали в его по-новому обставленной квартире, то увидели, что каждый из этих столиков имел свое назначение. Владимир Павлович все делал методично и с логической рациональностью. По нему было заметно, что во время второй мировой войны он служил на фронте также и в сфере снабжения, где рациональность означала жизнь. Не случайно коллеги называли его *Сержантом,* в положительном смысле этого слова. Даже когда после долгих мучений он защитил докторскую диссертацию, для близкого круга он по-прежнему оставался сержантом, хотя в науке ему по праву уже полагалось бы генеральское звание.

Под оболочкой по-военному сурового человека скрывалась весьма просвещенная и чуткая душа. Если сказать точнее, то он был человеком духа, осознающим свое призвание.

Я понял это, когда получил приглашение на интимный семейный праздник по случаю дня рождения его матери. Я не мог предположить, что эта хрупкая старушка некогда участницей движения народовольцев, которые еще в царское время были готовы пожертвовать собой, чтобы освободить народ российской глубинки. Она принадлежала не к фанатикам, выбравшим путь индивидуального террора, а к тем, кто в народных и воскресных школах Сибири пытался поднять низвергнутые и беззащитные слои населения из неве-

inslav

жества. Для выполнения этой задачи были необходимы смирение, чувство долга по отношению к простому народу, учительское призвание. При взгляде на своих детей и внуков она буквально сияла от счастья.

По случаю праздника я упомянул о том, насколько мы уважаем и любим ее сына, что он приступил к решению одной из сложнейших научных задач – изучению ранней истории государствообразующего венгерского этноса – с применением строго научных методов.

Мило, по-учительски улыбаясь, она лишь ответила: «Я этого от него ожидала». В глазах ее отражались радость и удовлетворение. Это была моя предпоследняя встреча с мамой Владимира Павловича, воспитавшей в сыне чувство верности призванию, в том числе и собственным примером.

В личности Владимира Павловича отражались испытывающая человека суровость сибирских условий и своеобразно проявлявшиеся любовь и забота по отношению к друзьям. Эти свои чувства он старался скрывать. Особенно в тех случаях, когда исполнял какие-нибудь обязанности, когда вынужден был давать строгие указания. За приказами «сержанта» скрывалась, однако, безграничная доброжелательность.

После первой и второй мировых войн венгры по сравнению с соседними народами оказались в значительно менее благоприятном положении. Его сибирская душа чутко улавливала это, и он очень решительно отвергал всякие недомолвки и пропуски в тексте, которые расценивал как наносящие вред не только венграм, но прежде всего истине. Он никогда не уклонялся от острых споров там, где речь шла об истории бассейна Карпат. Его позиция, однако, решительно отличалась от узколобости венгерского националистического понимания истории. Это был научно обоснованный взгляд.

Мать Владимира Павловича я вновь увидел только на похоронах, провожая в последний путь ту сибирскую учительницу, которая дала ему жизнь, воспитала своего сына в духе последовательности и преданности своему призванию. Будучи русским по происхождению, он стал страстным исследователем венгерской истории.

inslav

Список основных работ В.П. Шушарина

I. Монографии

1. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437–1438). М., 1963 (12,6 п.л.)

Рецензии:
– *Рознер И.Г.* Ценное исследование по истории Трансильвании // Средние века. М., 1966. Т. 25. С. 306–310.
– *Demény L.* – Studii. Revista de istorie. Bucuresti, 1964. № 3. P. 639–645.
– *Demény L.* – Revue Roumaine d'histoire. Bucuresti, 1964. № 2. P. 294–303.
– *Niederhauser E.* – Agrártörténeti Szemle. Bp., 1964. № 3–4. 576–577.l.
– *Bacskai V.* – Szazadok. Bp., 1964. № 5–6. 1279–1281.l.

2. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964 (18 п. л.)

Рецензии:
– *Хорошкевич А.Л.* – История СССР. 1965. № 3. С. 174.
– *Созин И.В.* – История СССР. 1966. № 4. С. 212–213.
– *Вилинбахов В.Б.* – Советская археология. 1967. С. 309–313.
– *Niederhauser E.* – Világtörténet. 1965. № 5–6. С. 124–126.l.
– *Clarkson J.K.* – The American Historical Review. 1965. Apr. V. 70. № 3. Richmond (Virginia). P. 842–843.
– *Hellman N.* – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1966. S. 1.

3. История Венгрии. Т. I. Авторский текст В.П. Шушарина: С. 87–426, 503–618 (В соавт. с Ю.К. Колосовской, Ю.В. Бромлеем, Я.И. Штернбергом /Отв. Редактор В.П. Шушарин. М., 1971. (32 п.л.).

Рецензии:
– *Окладников А.П., Самсонов А.М.* История венгерского народа в изложении советских ученых // Вопросы истории. 1975. № 1. С. 134–145.
– *Зрезарцева Л.Я., Рознер І.Г.* Украінский історичний журнал. 1975. № 1. С. 148–150.
– *Bartha A.* –Népszabadság, 1972. 14. XII. 8. l.

inslav

– *Niederhauser E.* – Magyar Nemzet. 1972. 9. XII
– *Bartha A.* – Századok. 1972. № 4–5. 1118–1122.l.
– *Bartha A.* – Válóság. 1973. № 4. 95–98. l.
– *Szabo B.* – Társadalmi Szemle. 1973. № 6. 102.l.
– *Lalik T.* – Przegląd Historyczny. 1973. № 2. S .421–422.
– *T. Vo.* – Československy Časopis Historicky. 1973. № 6. S. 931.
– *Bartha A.* – Acta Historica Ac. Sc. Hung. Bp., 1973. T. 19. P. 409–414.

4. Венгерский народ в XV–XVI вв. Т. 1–3. М., ИНИОН РАН, 1990 (депонент № 42057, 8.06. 1990). 1454 с.

5. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней (В соавт. с Т.М. Исламовым и А.И. Пушкашем; авторский текст В.П. Шушарина: С. 9–133). М., 1991.

6. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994. 253 с.

Рецензии:
– *Шевеленко А.Я.* Вопросы истории. 1996. № 3. С. 174–175.
– *Font M.* – Századok. 1995. № 1. 229–239.l.

7. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. 512 с.

Рецензии:
– *Шевеленко А.Я.* – Вопросы истории. 1999. № 3. С. 172–173.
– *Niederhauser E.* – Századok. 1999. № 3. 631–633.l.
– *Font M.* – Századok. 2001. № 1. 506–508.l.

8. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках (В соавт. с М.П. Мургулия). М., 1998. 336 с.

Рецензии:
– *Васильев М.А.* – Отечественная история. 1999. № 3. С. 192–194.
– *Он же.* – Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 287–291.

inslav

II. Статьи, главы, разделы в коллективных трудах

1. Крестьянские восстания в Венгрии XV – начала XVI в. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. М., 1956 г.
2. Вступительная статья // *Ачади И.* История венгерского крепостного крестьянства / Пер. с венг. В.П. Шушарина. М., 1956. С. 5–22.
3. Венгрия и Трансильвания в XVI – первой половине XVII в. // Всемирная история. М., 1958. Т. 4. 0,7 п. л.
4. К вопросу о крестьянском переходе в позднесредневековой Хорватии // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1958. Т. 29. С. 24–35 (В соавт. с Ю.В. Бромлеем).
5. О сущности и формах современного норманизма // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 65–93.
6. Против фальсификации истории Киевской Руси // Там же. 1961. № 12. С. 182–183.
7. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 131–179.
8. Идеология крестьянской войны 1514 г. в Венгрии (заметка) // Вопросы истории. 1962. № 7.
9. Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 135–161.
10. Историография русского феодализма. Великобритания // Изучение истории феодальной России в капиталистических странах в послевоенный период. М., 1962. С. 82–100.
11. Историография русского феодализма. ФРГ // Там же. С. 31–81.
12. Западногерманская историография русского феодализма // Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 293–369.
13. Памятники по истории Венгрии и Трансильвании в XI–XV вв. (составление, перевод источников, комментарии) // Хрестоматия по истории средних веков. Т. 2 (X–XV в.). М., 1963.
14. Статьи по истории Венгрии (свыше 40) для изданий: Малая Советская Энциклопедия, 3-е изд.; Советская Историческая Энциклопедия. Т. 1–7. М., 1961–1965.

15–16. Венгрия в XI–XV вв. // 1) История средних веков. Т. 1. Учебник для университетов. М., 1965 (2-е, перераб. Изд.: М., 1977. С. 345–351); 2) История средних веков. Л., 1990. Т. 1. С. 362–368.

17. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских памятниках (3 п.л.) // *Новосельцев А.П.*, *Пашуто В.Т.*, *Черепнин Л.В.*, *Шушарин В.П.*,

inslav

Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Рецензия: История СССР. 1967. № 2.

18. Новые тенденции в развитии современной буржуазной историографии по древнерусской истории (о влиянии советской науки за рубежом) // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 71–84.
19. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 168–179.
20. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. // История СССР. 1978. № 2. С. 38–53.
21. Особенности международной обстановки на Балканах во второй половине XIV – первой половине XV вв. (Ч. 1 гл. 3) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. (Главные тенденции политических взаимоотношений). М., 1984. С. 42–48 (В соавт. с Г.Г. Литавриным и Е.П. Наумовым).
22. Королевство Венгрия и Османская империя (XV – первая четверть XVI вв.) (Глава 6) // Там же. С. 103–117.
23. Габсбурги, Венгрия, Трансильванское княжество и Османская империя в XVI в. (Глава 11) // Там же. С. 201–217.
24. Области Среднего Подунавья в составе Османской империи (Ч. 2 гл. 12) // Там же. С. 228–236.
25. Венгерское крестьянство XI – первой половины XIII в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 373–386.
26. Венгерское крестьянство в середине XIII – 30-х годах XV в. // Там же. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986. С. 201–209.
27. Венгерское крестьянство в 40-е годы XV – первой половине XVI в. // Там же. С. 399–406.
28. Ugorokról írnak az adólisták. Szovjet történész Julianus útjáról Magyar Nemzet. 1986. № 307.
29. Az erdélyi fejedelemség és Oroszország kapcsolatai // História. Bp., 1987. № 1.
30. Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 159–186.
31. Домен королей Венгрии на территории Восточного Прикарпатья в XIV веке // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М., 1988. Вып. II. С. 251–256.
32. К проблеме становления этнического самосознания словаков // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма.

inslav

М., 1989 (В соавто. с А.И. Виноградовой и Г.П. Мельниковым; авторский текст В.П. Шушарина: С. 233–244).
33. Комментарии к ряду глав в книге: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989 (2-е, исправл. изд. М., 1991) (Частично в соавторстве с М.В. Бибиковым).
34. «Венгерские» известия Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в древности и средневековье (до конца XIII в.). Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 143–146.
35. Русское государство и Трансильванское княжество в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 43–67.
36. Социальные и этнические стереотипы Венгерского Анонима // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века. М., 1990. С. 28–33.
37. Egy szovjet tortenesz gondolatai // Magyar tudomany. 1991. № 12. S. 1492–1498.
38. Milyen autonomia kellene? Karpatalja // Magyar Nemzet. 1992. № 233.
39. Мадьяры и славянские народы королевства Венгрии XI в. (Источниковедческие и историографические заметки) // Акта Хунгарика. Ужгород, 1992. Вып. 2. С. 145–157.
40. Национально-территориальная или национально-общинная автономия // Россия и современный мир. 1993. № 2. С. 89–94.
41. Условия развития этнического самосознания словаков в XV веке: этническая ситуация // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 113–122.
42. Пятнадцатилетняя война // Акта Хунгарика. Ужгород, 1995. Вып. 3. 3 п. л.
43. Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1. С. 29–49.
44. Трансильвания в войне против империи Габсбургов // Там же. С. 88–96.
45. Трансильвания в завершающий период Тридцатилетней войны // Там же. С. 175–179.
46. Трансильвания в соперничестве Османской империи и Габсбургов (1648–50-е годы) // Там же. С. 225–233.
47. Христианские конфессии Трансильванского княжества XVI века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. М., 1999. С. 82–120.

inslav

Сведения об авторах

Айрапетов Арутюн Гургенович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Тамбовского государственного университета

Гусарова Татьяна Павловна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета

Гусев Юрий Павлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Дмитриев Александр Николаевич – кандидат исторических и кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН

Желицки Бела Йожефович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Желицки Чилла Беловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Иллеш Ласло – доктор, профессор (Институт литературоведения Венгерской академии наук (ВАН) и университет г. Мишкольц)

Исламов Тофик Муслим оглы – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Йожа Антал – доктор исторических наук (СССР), профессор

Кришто Дюла – академик ВАН, зав. кафедрой университета г. Сегед

Медведева Каталин Татьяна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Пах Жигмонд Пал – академик ВАН (Институт истории ВАН)

Ратобыльская Анна Всеволодовна – кандидат исторических наук

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Флоря Борис Николаевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Фоит Марта – доктор, профессор, декан исторического факультета университета г. Печ

Хаванова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Чуканов Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук

Шимов Ярослав Владимирович – кандидат исторических наук, сотрудник Радио «Свободная Европа»

Юрасов Михаил Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

inslav

inslav

Научное издание

Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время.
(Памяти В.П. Шушарина)

Сборник статей
Москва, 2004. 342 с.

Сборник подготовлен к изданию
в Отделе подготовки рукописей к печати
Института славяноведения РАН

Оригинал-макет, обложка –
Леньшина М.И.

Подписано в печать 01.06.2004 г. Объем 21,5 печ.л.
Тираж 300 зкз. Заказ № 100 Цена договорная

ООО « Конти» г. Москва.

inslav

inslav

Венгры и их соседи по Центральной Европе

в Средние века и Новое время

Центральноевропейские исследования
Выпуск 2